

Г.М. Андреева

Психология социального познания. Учебное пособие. Гриф Минобр.

288 стр., 2004 г.

Издательство: Аспект-пресс [купить книгу](#)

ISBN 5-7567-0248-2

Учебное пособие представляет собой изложение одной из важнейших составных частей социальной психологии - психологии социального познания, в которой осуществляется анализ того, как человек воспринимает окружающий социальный мир, как в его сознании строится образ этого мира. В пособии, подготовленном на факультете психологии МГУ для одноименного спецкурса, подробно описывается процесс `когнитивной работы` человека с социальной информацией, его `эмоциональное сопровождение`, детерминирующие его социальные факторы, а также формирование представлений об отдельных элементах социального мира. Для студентов, аспирантов, преподавателей психологических и педагогических специальностей вузов.

Г.М.АНДРЕЕВА

**ПСИХОЛОГИЯ
СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ**

*Рекомендовано Министерством общего и профессионального
образования РФ в качестве учебного пособия для студентов
психологических и педагогических специальностей высших
учебных заведений*

**АСПЕКТ-ПРЕСС
МОСКВА
2000**

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Первое издание настоящей работы вышло в 1997 г. и явилось своеобразным результатом спецкурса с тем же названием, прочитанного студентам, специализирующимся по социальной психологии, на факультете психологии МГУ. В то время это было, пожалуй, первое, более или менее систематическое изложение проблем психологии социального познания в нашей стране, которое представляло собой достаточно лаконичное учебное пособие. Его цель состояла в том, чтобы очертить предмет, обозначить проблематику относительно новой области социальной психологии, которая, впрочем, уже получила достаточно развитие во многих странах. Отсюда некоторые особенности изложения материала в первом издании: его зачастую обзорный характер, ограниченный набор имен исследователей, работающих в данном направлении, сведенные до минимума ссылки на конкретные эксперименты и т.д. Кроме того, были лишь обозначены возможные линии разработки проблематики — уже существующие и будущие — в отечественной социальной психологии.

За время, прошедшее с тех пор, многое изменилось. Психология социального познания по-прежнему продолжает активно развиваться в мировой социальной психологии; вместе с обогащением ее проблематики умножается и количество критических замечаний в ее адрес, зачастую связанных с общими, «глобальными» поисками всей системы социально-психологического знания в конце XX столетия и на рубеже тысячелетия. С другой стороны, психология социального познания наращивает свой потенциал и в отечественной науке: появилось довольно много оригинальных экспериментальных и эмпирических исследований, осуществляемых в том числе и молодыми учеными, в свое время прослушавшими этот курс; сделаны интересные попытки практического приложения идей, разработанных в теоретических подходах. Кроме того, в последние годы были опубликованы переводы нескольких фундаментальных зарубежных работ, содержащих большой объем информации по обсуждаемым проблемам. Многочисленные встречи автора с зарубежными коллегами, в ходе которых обсуждались проблемы социального познания, также способствовали обозначению новых направлений в исследованиях.

Все это заставило существенно переработать и дополнить опубликованную ранее книгу. Участь автора, который «пожизненно»

является университетским профессором, такова, что любое его произведение почти неизбежно несет на себе печать *учебного* издания. Поэтому подобный стиль сохранен и в предлагаемой работе. Однако ряд изменений в тексте направлен на то, чтобы представить область психологии социального познания в ее более современном виде как с точки зрения ее большей включенности в общий контекст — социальный и интеллектуальный, так и с точки зрения просто большей подробности преподнесения материала, придания ему более традиционной «академической» формы.

Не могу отказать себе в удовольствии выразить самую сердечную благодарность моим студентам и коллегам по кафедре социальной психологии МГУ, от которых я многократно получала «обратную связь» по поводу первого издания книги, что существенно помогло мне при ее доработке. Я благодарна также моим аспирантам, многие из которых рискнули связать свою научную судьбу с исследованиями в области, ранее не пользующейся особым вниманием в отечественной научной литературе; в самое последнее время, в частности, в парадигме психологии социального познания защищены диссертации Ю. А. Калашниковой — об имплицитных теориях личности, И. Б. Бовиной — о факторах ошибочных групповых решений, Н. Ю. Белоусовой - об особенностях переговоров между представителями различных организационных культур, С. А. Липатовым - о способах социально-психологической диагностики организационной культуры; подготавливаются работы о роли ценностей в социальном познании, о формировании социальной идентичности и др. Многие идеи психологии социального познания нашли свое отражение в докторских диссертациях в прошлом моих аспирантов и соискателей (Т. Г. Стефаненко, Т. Ю. Базарова). За авторами этих работ следуют представители и более молодых поколений, которым хочется передать эстафету.

Все это в значительной степени способствовало подготовке второго — дополненного — издания данной книги.

Г. Андреева

ВВЕДЕНИЕ

Психология социального познания относительно недавно заявила о себе как о самостоятельной области психологической науки, хотя познание человеком окружающего мира — одна из сквозных проблем культуры. В ней легко просматриваются самые различные аспекты, которые соотнесены с двумя важнейшими сферами существования человека: со сферой *осознания* им той реальности, частью которой он является, осмысления связей как внешнего мира, так и своих связей с этим миром и, конечно, со сферой его *деятельности* в мире, невысказанной без такого осознания. Такой глобальный характер проблемы заставляет рассматривать ее в самых различных измерениях — в философии, искусстве, науке и в определенных областях практики. Естественно, что в каждом из этих измерений проблема обретает свой особый вид, диктует способы подхода к ней. Так складывается своя традиция анализа в каждой из перечисленных сфер. Специфическое решение предложено в психологии.

Само содержание термина «социальное познание» претерпевает здесь существенное изменение. В большинстве философских и социологических подходов речь идет о тех способах, методах, руководствуясь которыми можно изучить (познать) социальную реальность. Социальное познание в такой трактовке — это *научное* познание всей совокупности социальных явлений, отношений, фактов; задача и способы ее решения *исследователями*. Второй акцент, который в принципе также отмечался, — это познание социального мира *обыденным* человеком, непрофессионалом, познание *им* повседневной реальности своей собственной жизни. «Социальное познание» в данном случае — не научное знание, а то «знание», которое складывается в непосредственном жизненном опыте каждого человека. Последний выступает как «наивный психолог» или, в крайнем случае, как «наивный ученый» [130, p. 122].

Социальная психология категорически заявила о том, что ее интерес к социальному познанию связан с этим вторым возможным акцентом. Можно привести много причин того, что такой подход стал

особенно актуален во второй половине столетия. Усложнение общественной жизни, проявляющееся и в убыстрении социальных процессов, и в возникновении новых форм и «сечений» общественных институтов, и во все умножающихся бурных социальных изменениях, а порою катаклизмах, требует от обыденного человека, рядового члена общества достаточной степени понимания того, что же происходит вокруг.

Ориентация в окружающем мире, естественно, всегда была потребностью человека, но она резко возрастает в новой ситуации: ориентироваться в новом, сложном мире можно только умея более или менее адекватно интерпретировать наблюдаемые факты; без такой интерпретации легко утратить смысл как происходящего, так и своего собственного места в нем. Бурный темп социальных изменений, развитие средств массовой информации требуют от человека не только большей адаптации к социуму, но и умения «совладать» с новой ситуацией, т.е. оптимизировать деятельность в ней, следовательно, лучше понять, как соотносятся наши знания о мире с изменениями в нем. Таким образом, познание социального мира обыденным человеком становится специальным предметом исследования.

Самыми ближайшими «предшественниками» собственно психологии социального познания являются разделы общей психологии, посвященные исследованию познавательных процессов, в частности особая ветвь ее, заявившая о себе в последнее время, — когнитивная психология и социальная психология в той ее части, где изучаются проблемы социальной перцепции (межличностного и межгруппового восприятия), теорий когнитивного соответствия и атрибутивных процессов. Центральная идея, которая положена в основу исследований психологии социального познания, заключается в следующем: хотя познание человеком окружающего мира, потребность в этом познании так же стары, как и само существование человека, специфика познания окружающего *социального* мира не всегда достаточно четко обозначалась. Психология социального познания призвана восполнить этот пробел: она ставит своей задачей раскрыть механизмы, посредством которых человек осознает себя частью той социальной реальности, в которой он живет и действует, а также всю совокупность социальных факторов, которые обуславливают эти процессы. Иными словами, это вопрос о том, как человек строит образ социального мира или «конструирует» социальный мир. Под «конструированием» понимается приведение в систему информации о мире, организация этой информации в связные структуры с целью постижения ее смысла. Ее результатом является построение *образа* социального мира, который предстает перед

человеком как определенная социальная реальность. По выражению *У. Томаса*, «если люди воспринимают некоторую ситуацию в качестве реальной, то она будет реальной и по своим последствиям» [см. 47, с. 66]. Следовательно очень важно проанализировать процесс, в ходе которого такая реальность «конструируется».

Одно из первых определений психологии социального познания делало акцент на исследование того, каким образом люди осмысливают свое положение в реальном мире и свои отношения с другими людьми. Иными словами, с самого начала существования этой области знаний подчеркивалась такая важнейшая черта социально-познавательного процесса, как получение *знания о* мире и *осмысление* его. Но как раскрыть смысл окружающего социального мира? Ответ на этот вопрос психология искала на протяжении всей своей истории. Два обстоятельства были раскрыты на этом пути.

Во-первых, было установлено, что психология — не зеркало, а потому познание не есть простое пассивное приспособление человека к внешнему миру. Более того: человек познает мир в зависимости от того, как он действует в нем, и вместе с тем действует в нем в зависимости от того, как он познает его. Значит, и в случае **социального** познания прежде всего необходимо вскрыть именно связь между познанием и действием человека. Во-вторых, сам процесс познания уже давно был истолкован тоже не как простое фиксирование внешних связей и отношений, но как своеобразная *реконструкция* их, а следовательно, как создание определенной внутренней картины мира, при построении которой роль того, кто ее строит, особенно велика. Об этом хорошо сказано у *Е. Мелибруда*: «Восприятие и понимание людей скорее напоминает процесс создания картины художником или фильма режиссером, чем записывание на магнитофон или процесс фотографирования» [71, с. 173].

Хотя все это может быть отнесено ко всякому познанию вообще, и в том числе к познанию физического мира, в отношении к познанию социального мира возникает целый ряд дополнительных условий и обстоятельств. Социальное познание есть всегда двусторонний процесс: воспринимаемый человек в тот же самый момент воспринимает и «воспринимающего», что исключено при восприятии, например, стола или какого-нибудь другого предмета. Воспринимаемый человек или какое-либо социальное действие изменчиво, что также отличает объект восприятия от физического объекта. Стол, который может фигурировать в качестве объекта восприятия в физическом мире, и через год будет тем же столом

(его старение не в счет), а вот человек через год может оказаться совсем другим. Поменять свой облик может и воспринятый некоторое время тому назад характер отношений между людьми, какой-либо

социальный институт, политическая партия, массовое движение. Процесс социального познания поэтому намного сложнее, и возможности действительного осмысления социального мира в большей степени связаны с активным действием субъекта познания. Поиск смысла окружающего социального мира может быть осуществлен человеком только в процессе деятельного освоения им этого мира и при условии «умения» рисовать картину этого мира, что трудно, сопряжено со многими ошибками, но, как справедливо замечает *Д. Майерс*, «изысканный анализ несовершенства нашего мышления уже сам по себе является данью человеческой мудрости» [69, с. 149].

Вряд ли нужно говорить об огромном практическом значении такого рода исследований, особенно в современном сложном мире. Психология, если она хочет действительно помочь человеку ориентироваться в системе социальных связей, противоречий, должна описать и объяснить те особенности, которые свойственны человеку в постижении многообразия его отношений с другими людьми, социальными институтами, сложной мозаикой социальных явлений. Выявить, каковы психологические и социальные факторы, делающие адаптацию человека в современном мире успешной или, напротив, неуспешной, помочь ему «совладать» с обстоятельствами — значит оказать ему существенную практическую помощь для ориентации в нестабильном мире, в условиях радикальных социальных преобразований.

Изучение этих двух факторов и составляет фокус интереса психологии социального познания. А если учесть, что процесс «овладения» человеком социальной реальностью осуществляются на всем протяжении его жизни, то можно добавить и третий узел интереса — конструирование социального мира на разных этапах социализации. Психология социального познания примыкает в данном вопросе к психологии развития.

Что касается самого термина «психология социального познания» (в англоязычной литературе «социальное познание»), то он получил распространение с начала 70-х гг. В настоящее время имеется довольно обширная литература по проблемам этой области знания. В качестве специального раздела она включена во все учебники и руководства по социальной психологии, начиная с 80-х гг. Наиболее фундаментальный труд — «Социальное познание» *С. Фиске* и *Ш. Тэйлор*, вышедший в 1984 и 1991 гг. [124]. Как указывают сами авторы, книга явилась ответом на те затруднения («кризис»), которые обнаружились в социальной психологии в начале 80-х гг., и попыткой обрисовать некоторые новые подходы. Кроме этой работы, можно упомянуть книгу *Ф. Серафика* «Развитие социального познания в

контексте» [148], работу *В. Деннона* «Социальное познание: новые направления в исследовании развития ребенка» [121]. По мере развития проблематики в ней, как, впрочем, и вообще в социальной психологии второй половины XX в., обозначилось некоторое противостояние американской и европейской традиций [117; 122].

В европейской социальной психологии развитие данной проблемной области связано прежде всего с именами *А. Тэшфела* и *С. Московиси*. Уже в работе *А. Тэшфела* и *К. Фрейзера* «Введение в социальную психологию», изданной в 1978 г. [154], основная проблематика психологии социального познания была обозначена в специфическом ключе. Предвосхищая более позднюю критику «американского» подхода, делающего акцент на изучение *индивидуальных* механизмов социального познания, в работе Тэшфела и Фрейзера были особо исследованы *социальные* детерминанты этого процесса. Развитие предложенных здесь идей содержится в фундаментальной работе под редакцией *М. Хьюстона, В. Штребе, Дж. Стефенсона* «Введение в социальную психологию» [130], являющейся сегодня основным европейским учебником по социальной психологии. Значительное внимание уделено проблемам психологии социального познания в социологической работе *77. Бергера* и *Т. Лукмана* «Социальное конструирование реальности» [18]. Эта проблематика занимает прочное место на всех последних международных и европейских конгрессах по психологии и социальной психологии. Особое внимание ей уделяется в исследованиях членов Европейской Ассоциации Экспериментальной Социальной Психологии (ЕАЭСП).

Вместе с этим в традициях отечественной общей психологии давно не только представлены фундаментальные подходы к проблемам социального познания, но и проведены многочисленные экспериментальные исследования. К сожалению, они до сих пор не сведены воедино и часто просто «не прописаны» в терминах, принятых ныне в изучаемой области, хотя по глубине анализа не только не уступают современным исследованиям, но порою превосходят их. Настало время «организационного оформления» этой отрасли психологии и в нашей стране, что особенно актуально в период радикальных социальных преобразований.

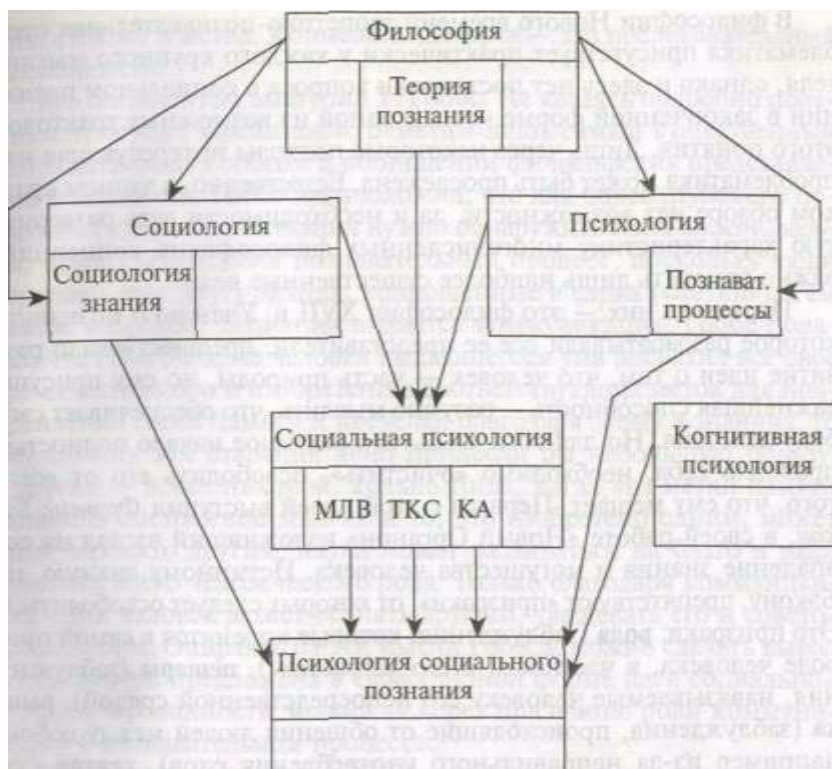
Глава I ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Психология социального познания как отдельная

самостоятельная область исследования возникла из двух источников: *непсихологических* (философия, социология познания) и *психологических* (определенные разделы общей психологии, психосемантика, когнитивная психология, социальная психология). Поэтому необходимо кратко охарактеризовать каждый из этих источников (рис. 1).

1. ФИЛОСОФИЯ

Сама проблема человеческого знания является старейшей проблемой философии, она обсуждалась в разных аспектах в рамках специальной области — теории познания. Однако как в истории философской мысли древности, так и в более поздних концепциях XVII—XIX вв. проблема социального познания как таковая не ставилась. Утверждая это, следует сразу же пояснить, что именно понимается под «социальным познанием». Как уже отмечалось, более позднее употребление данного термина предполагает исследование того, *как человек познает социальный мир* (что именно познаем — это второй вопрос). Однако наряду с этим существует и другая трактовка термина, когда под «социальным познанием» понимается социальная обусловленность познавательного процесса. В этом втором понимании проблема насчитывает значительно более длинную историю. И философская традиция если и имела дело с названной проблемой, то рассматривала ее как идею *связи по-, знания человека с реальными условиями его существования в социальном мире*. Лишь значительно позже, в философии начала XX в., была предложена постановка вопроса, имеющая отношение к первому значению термина, и то в специфической форме, а именно как проблема единства (или различия) двух форм познания: физического и социального (духовного) мира. На ранних же этапах развития философского знания можно усмотреть лишь отдельные

Обозначения: МЛВ — межличностное восприятие; ТКС — теории когнитивного соответствия; КА — каузальная атрибуция.

Рис. 1. Теоретические источники психологии социального познания фрагменты проблемы, которые, как правило, входили составной частью в теорию познания, разрабатываемую тем или иным философом.

С первым таким фрагментом мы сталкиваемся уже в античной философии, например в концепции *Платона*. В его терминологии различие проводится между «истинным знанием» и «мнением». Если первое относится только к миру духовных сущностей — идей, то второе годно для познания чувственных вещей, которые изменчивы и непостоянны, и потому относительно них невозможно истинное знание. Относится ли социальный мир — человеческие отношения — к «духовным сущностям» или к «вещам», из предложенного деления не ясно. Ясно, однако, что в принципе возможны два различных вида знания, которые не равноценны друг другу.

В философии Нового времени теоретико-познавательная проблематика присутствует практически у каждого крупного мыслителя, однако и здесь нет постановки вопроса о социальном познании в законченной форме — ни в одной из возможных трактовок этого понятия. Лишь через некоторые подходы интересующая нас проблематика может быть прослежена. Естественно, в данном

кратком обзоре нет возможности, да и необходимости дать развернутую характеристику многочисленных философских концепций, важно отметить лишь наиболее существенные вехи.

Первая из них — это философия XVII в. Учению о познании, которое разрабатывали все ее представители, предшествовало развитие идеи о том, что человек — часть природы, но ему присуща важнейшая способность — разумно мыслить, что обеспечивает свободу действия. Но для того чтобы это разумное начало полностью проявило себя, необходимо «очистить», освободить его от всего того, что ему мешает. Первым с этой идеей выступил *Фрэнсис Бэкон*, в своей работе «Новый Органон» изложивший взгляд на совпадение знания и могущества человека. Истинному знанию, по Бэкону, препятствуют «призраки», от которых следует освободиться. Это призраки: **рода** (заблуждения, которые коренятся в самой природе человека, в частности в его «страстях»), **пещеры** (заблуждения, навязываемые человеку его непосредственной средой), **рынка** (заблуждения, происходящие от общения людей между собой, например из-за неправильного употребления слов), **театра** (заблуждения на основе усвоения прежних неверных идей, например, идущих от ложных философских концепций). «Очищение» разума предполагает обучение тому, как избегать влияния призраков. Как справедливо отмечает *Н. В. Мотрошилова*, «общий смысл учения о призраках определяется этой его социально-воспитательной функцией» [72, с. 81].

Следующие ключевые фигуры, с именами которых связаны две различные тенденции в дальнейшем развитии учения о знании, — это *Рене Декарт* и *Томас Гоббс*. Декарт является автором знаменитого утверждения *cogito ergo sum* («мыслю, следовательно существую»), смысл которого в утверждении силы разума; задача его — господство над силами природы. Но апелляция к разуму не исключает другого важнейшего принципа — принципа сомнения. Оно возникает потому, что на разум влияют «иллюзии и чувства», человеческие страсти. Лишь освобождение от них будет означать, что разум очистился, и человек начнет в полном смысле слова «думать». Декарт раскрывает и смысл познавательного акта: человек должен научиться «расчленять» вещи для их познания. Важными элементами познавательного процесса являются сам познающий субъект и метод. Концепция Декарта — это последовательный рационализм.

Его оппонентом выступил *Т. Гоббс*. Не касаясь подробно полемики этих двух мыслителей, отметим лишь самый существенный шаг, сделанный Гоббсом в обогащении философских представлений о познании. Гоббс предположил, что для более глубокого понимания сущности познания нужно обнаружить *связи между людьми*,

осуществляющими познавательный процесс, поскольку люди передают друг другу знания, воплощенные в слова («метки»). Тем самым в процесс познания вводится коммуникация. Гоббс полагал, что если бы даже человек выдающегося ума посвятил все свое время мышлению и изобретению соответствующих меток для подкрепления своей памяти и преуспел благодаря этому в знаниях, то ему самому эти старания явно принесли бы небольшую пользу, а другим — вовсе никакой. Только тогда, когда эти метки памяти являются достоянием многих и то, что изобретено одним, может быть перенято другим, наука может развиваться на благо и ради спасения всего человеческого рода. Только благодаря коммуникации один человек может обучать другого, увещевать его и советоваться с ним. Опираясь на эти мысли Гоббса, можно сделать вывод о том, что им предложена в своеобразной форме идея социальной детерминированности знания — через признание роли коммуникации в познавательном процессе.

Впоследствии, в конце XVIII в., две линии, намеченные Декартом и Гоббсом, будут продолжены другими мыслителями: линия рационализма Декарта — Г. Лейбницем и линия социальной обусловленности познания — Д. Локком. В интересующем нас контексте важно рассмотреть последний подход.

Джон Локк в духе общих тенденций развития философии этого периода концентрирует свое внимание на проблеме научного исследования *человека* в противовес бесплодной схоластике. Этот новый подход предполагает привлечение целого комплекса различных научных дисциплин, что позволяет исследовать социальные связи и отношения людей. Отсюда интерес к проблемам государства, собственности, свободы. Все это имеет непосредственное отношение к проблемам познания. Подобно ключевой идее философов XVII столетия, разум и теперь провозглашается главной способностью человека. Но теперь его возможности раскрываются с точки зрения регуляции практического поведения человека с целью продолжения общественной жизни и «нахождения в ней удовольствия». Иными словами, разум рассматривается в связи с практическим поведением человека как «практический разум», что не может не означать изменения представления о субъекте познания: теперь это не абстрактный индивид, а человек, который должен в процессе познания ориентироваться не только на свои собственные устремления, но и на требования общества. С этим тезисом связаны и разнообразные подходы к анализу проблем свободы и морали, которые в разных формах решали другие мыслители этого периода (например, **Д. Юм**, который прямо говорит о «социальности», когда рассуждает о проблемах таких ценностей, как «добро» и «зло»).

Мы не останавливаемся подробно на всех пунктах теории

познания Локка, в частности на его учении о происхождении идей, о первых началах человеческого знания, поскольку эти проблемы обычно достаточно подробно исследованы в истории психологии. Здесь важно вычлениить те аспекты его концепции, которые непосредственно относятся к проблемам социального познания. В этом смысле огромный интерес представляет предложенная Локком социальная типология людей в отношении к применяемым ими способам познания. Вот два выделенных им типа. Иные люди редко рассуждают; они поступают и думают так, как им указывает пример других: родителей, соседей, служителей церкви и т.д. Другой тип — люди, искренне следующие разуму, но всегда скованные узкой точкой зрения, самомнением, отгороженностью от позиций других. Избавление от этих недостатков возможно лишь при внимательном отношении к тому, как ребенок начинает познавать с самых первых его опытов, выражаясь современным языком, с первых этапов социализации. В дальнейшем мы увидим, как эта идея реализована в современных концепциях психологии социального познания.

Предложенный беглый экскурс помогает понять, что в философии XVII-XVIII вв. идея связи познания и социальной жизни находила свое разнообразное признание. В обрисованной традиции эта идея принимала постулат о том, что индивидуальное познание всегда означает сплетение собственных желаний, устремлений и норм с требованиями общества. Но субъект познания — всегда , индивид, общество же — либо нейтральная среда, либо помеха его познанию, тем не менее оно определенным образом с познанием связано. Несмотря на целый ряд блестящих идей относительно процессов познания, мыслители XVII — первой половины XVIII в. оказались в довольно противоречивом положении. С одной стороны, они понимали и констатировали, что процесс познания реально осуществляется индивидами, с другой — сталкивались с тем обстоятельством, что смысл и содержание понятий, в особенности научных, выводит за пределы актуального человеческого существа, заставляет предположить существование надиндивидуального разума. Попытка решения этого противоречия была предложена уже в более поздней философии, в частности в рамках традиции, представленной И. Кантом.

Иммануил Кант провозглашает сознание родовым, общечеловеческим образованием, социальным по своей природе. При этом индивидуальное знание рассматривается как приобщение к всемирно-историческому потоку знания через систему категорий и понятий, выработанных последним. Это означало принципиально новый взгляд как на природу знания, так и на содержание познавательного процесса. Вместе с тем многие исходные посылки

теории познания Канта (его агностицизм, признание непознаваемой «вещи в себе») делают концепцию познания крайне противоречивой и требующей специального и скрупулезного исследования. Важно, однако, отметить, что в рамках идеалистической традиции XIX в. (в философии Канта и особенно в философии *Гегеля*) был поставлен четкий акцент на *активную* природу познания. Познающий субъект, как бы ни трактовалась сама природа познания, выступает в этой традиции как активное начало. Что же касается апелляций к более конкретным социальным факторам, детерминирующим процесс познания, то они в рамках этой традиции **не** обсуждались.

Новый виток идей, непосредственно связанных с социальным познанием, дает философия начала XX в. Здесь обозначается тот аспект, который был упомянут в начале обзора, а именно вопрос о *специфике* социального познания, его отличиях от познания физических объектов. Две противоположные точки зрения на этот предмет представлены двумя крупнейшими философскими школами.

Первая из них — это школа **неокантианства**, в частности та ее ветвь, которая получила название Фрейбургской (Баденской). Ее важнейшие представители — *Вильгельм Виндельбанд* и *Генрих Риккерт*. Основная идея Баденской школы заключалась в том, чтобы доказать принципиальное различие двух типов наук — «наук о природе» и «наук о культуре». Хотя Виндельбанд ставил вопрос не о различии *объектов* естественных и общественных наук, а лишь о различии *способов* познания в тех и других, по существу проблема вставала как различие двух классов объектов. Одни науки — естественные — отыскивают законы, другие — науки о культуре (прежде всего история) — описывают отдельные факты. Первый тип мышления Виндельбанд называет «номотетическим», т.е. постигающим законы, второй — «идиографическим», т.е. описывающим особенное, единичное. Хотя оба метода обладают равной ценностью, но второй — «идиографический» — долгое время оставался на заднем плане, в то время как его также необходимо активизировать, поскольку все, **что** имеет отношение к человеческому интересу и оцениванию, всегда «единично и однократно». В рассуждениях Виндельбанда отсутствуют ссылки на социальную реальность: речь почти все время идет об *историческом* знании, но тем не менее можно предположить, что социальная жизнь укладывается в русло этой же схемы, поскольку неоднократны апелляции к историческому процессу в целом¹.

---

¹ Об этом полезно будет вспомнить при анализе современных идей относительно возможности интерпретации психологии как исторической науки (см., например, [33]).

Еще более подробно эти же идеи развиты в концепции Риккерта. Он различает те же два метода в познании разных сфер — природы и культуры, но именует их по-иному. Поскольку естественно-научное познание направлено на общее, его метод получил название «генерализирующий», в то время как историческое познание, имеющее дело с индивидуальными событиями, которые нельзя подвести под закон, использует метод «индивидуализирующий». Поэтому естествознание и историческая наука всегда должны находиться в принципиальной логической противоположности между собой. С этой точки зрения задача наук об обществе — не открытие естественных неизменных законов, но тщательное описание единичных фактов.

Однако фиксация всех вообще возможных фактов человеческого существования невозможна, необходимо иметь критерий для их отбора и оценивания. Именно в этом пункте работа исследователя-гуманитария отличается от работы естествоиспытателя: каждый факт не просто описывается, но происходит его «отнесение к ценности». Категория ценности, как и вся постановка проблемы ценностей в познании, — краеугольный пункт концепции Риккерта. Только понятие ценности дает, с его точки зрения, возможность выделить в историческом процессе существенное. Благодаря отнесению единичных исторических фактов к ценности, мы можем сконцентрировать свое внимание на той стороне исторического процесса, которая называется *культурой*². В конечном счете «отнесение к ценности» есть метод не только исторического, но и всякого теоретического познания, поскольку в каждом таком случае мы не просто получаем некоторое представление, но обсуждаем познаваемое, выносим о нем суждение.

Неокантианская традиция получила большое распространение в философии XX в. и прочно вошла в ее арсенал как идея разделения двух видов знания, как обоснование специфики познания мира культуры, а следовательно, и различных проявлений социальной жизни.

В противоположность этой традиции другая школа философии этого периода — *позитивизм* — выступила с принципиально иной трактовкой процесса познания. Родоначальником позитивизма был *Огюст Конт*, вместе с тем явившийся и создателем особой науки — социологии, которой он дал «имя и программу». Обоснование статуса этой новой научной дисциплины с позиций **позитивистской философии** — главная проблема работ Конта. В соответствии с

---

² Как увидим впоследствии, и эта идея найдет свое воплощение в современной психологии социального познания.

общими исходными посылками философии позитивизма, требующей отказа от бесплодной «метафизики» и построения системы «позитивного» (т.е. «положительного») знания, Конт провозгласил важнейшей задачей социологии вырваться из плена метафизических спекуляций и утвердить себя на прочном фундаменте строго аналитического знания. Если социология хочет быть действительно наукой, она должна отбросить прежнюю философию и превратиться именно в «позитивное» знание.

Реальным средством для построения такой именно системы социологии является усвоение ею методов естественных наук, прежде всего физики. Только при условии развития социологии в качестве «социальной физики» возможен ее прогресс. Эта установка отразилась в терминологии Конта: в социологии выделены две части — социальная статика и социальная динамика. Все же общество рассмотрено как сложная система взаимодействия многих различных факторов, составляющих некоторое целое. Чтобы познать это целое, построить подлинно научное знание об обществе, опирающееся на факты, нужно уметь раскрыть «естественные законы», по которым общество функционирует: проанализировать условия, в которых происходят события, и связать их друг с другом естественными отношениями последовательности и подобия.

Хотя здесь и возникает ряд вопросов, например, о том, что означают «отношения последовательности и подобия», как они связаны с отношениями причинности, но несомненно, что общий замысел построения науки об обществе по моделям точных наук прописан достаточно четко. Принцип, которым руководствуется Конт при изложении способа познания социальной действительности, позже будет назван принципом «физикализма». Очевидно, что предложенная программа полностью расходилась с идеями неокантианской школы. Полемика между двумя различными ориентациями (позже они будут названы **сциентистской и гуманистической**) по проблемам познания социальных явлений продолжается практически до настоящего времени.

Вопрос о социальной обусловленности познания занял одно из центральных мест в философской концепции *марксизма*. Не случайно во многих современных руководствах по психологии социального познания имя Маркса упоминается среди авторов, внесших большой вклад в последующую разработку проблемы. Ключевая идея здесь заключается в том, что при анализе познавательной деятельности человека нельзя исходить из сознания как такового. Само сознание формируется в результате практической деятельности и воплощает в себе общественно-исторический опыт человечества. Да и сама познавательная деятельность носит социально обусловленный

характер, включая в себя процесс коммуникации между людьми.

В концепции Маркса предложен целый набор проблем: и социальная детерминированность самого субъекта познания, и включение в процесс познания коммуникации, и общественная заданность языка исследователя. Как справедливо отмечает *В. А. Лекторский*, с точки зрения такого подхода сам индивидуальный субъект познания возникает лишь постольку, поскольку он включается в определенную объективную систему отношений к другим субъектам и «овладевает социальными способами деятельности. Иными словами, процесс познания возможен только при том условии, когда в нем используются эталоны, которые имеют социально-культурный характер...» [59, с. 181]. Многие из идей Маркса по поводу социальной обусловленности познания послужили основой для разработки психологической теории деятельности в отечественной психологии и трактовки на ее основе существа познавательных процессов.

2. СОЦИОЛОГИЯ

В целом для социологической традиции характерен высокий интерес к проблемам социального познания и знания. Здесь предпринято исследование социального познания как социального явления, где выделены следующие области: социальная детерминация форм знания, условий его хранения и использования в обществе различными социальными группами, социальная обусловленность типов знания в определенные эпохи, наконец, социальные институты и социальная структура производства знаний. Такое изменение фокуса исследований было обусловлено все большим отделением социологии от философии и превращением ее в самостоятельную науку. Провозглашенный Контом позитивистский подход к исследованию социальных явлений был первым протестом против «философских спекуляций» в познании социальной жизни. Поэтому в процессе конституирования социологии проблематика познания все более и более трансформировалась, делая акцент не на философские принципы социального познания, а на анализ конкретных социальных условий его развития.

Некоторые новые подходы были заложены в трудах таких классиков социологии, как П. Сорокин, М. Вебер, Э. Дюркгейм. Так, в работе *П. А. Сорокина* «Социальная и культурная динамика» была высказана мысль о том, **что** именно доминирующая культура обуславливает, **что** считать истинным и **что** — ложным при познании социальных явлений. Сама социальная жизнь, по Сорокину, есть система разнообразных «социальных взаимодействий», объединенных

в различные системы. Все эти системы интегрированы определенными ценностями, значениями. Люди и группы в своем поведении реализуют эти значения, или культурные ценности. Вся динамика общественной жизни детерминирована динамикой культуры, т.е. совокупностью тех изменений, которые происходят в системе «истин», «значений», «ценностей». Естественно, что процесс социального познания и должен быть ориентирован на познание последних. Таким образом, здесь, несмотря на спорность идеи детерминации развития общества *только* изменениями в культуре, поставлена вновь проблема роли ценностей в социальном познании, т.е. по существу высказан протест против физикалистского тезиса позитивизма о развитии общества по законам естественных наук.

Своеобразное решение вопроса о специфике познания социальных явлений предложено в работах *Макса Вебера*. По его мнению, для изучения социальной действительности социолог создает особые понятия, абстракции — «идеальные типы», при помощи которых он строит типологии различных общественных систем. Они есть именно конструкции исследователя, которые нужны для систематизации многочисленных и разрозненных фактов. Наличием таких «идеальных типов» метод Вебера как бы развивает дальше «идиографический метод» неокантианцев, ибо многообразие единичных и неповторимых фактов социальной жизни теперь может быть сведено к некоторым категориям. При этом, полагает Вебер, социолог руководствуется при создании «идеальных типов» определенными ценностями своего времени. Вебер, как и Сорокин, продолжал в социологии ту линию, которая была задана неокантианской традицией, выступившей против позитивизма с его отрицанием специфики познания социальных явлений.

Напротив, позитивистская традиция была продолжена в социологии *Эмилем Дюркгеймом*. Один из самых влиятельных социологов конца XIX — начала XX в., Дюркгейм в равной степени популярен и среди психологов. Что же касается социальной психологии, то она зачастую вообще оспаривает принадлежность Дюркгейма к социологии и склонна рассматривать его идеи как начальный этап формирования социально-психологического знания. В каком-то смысле это справедливо, особенно если обратиться к методу социального познания, который разрабатывал Дюркгейм. По его мнению, сущность общества составляет система «коллективных представлений», которые вырабатываются в обществе и не могут быть сведены к индивидуальным представлениям отдельных людей о каких-то общественных явлениях. Коллективное сознание не есть сумма индивидуальных сознаний, и для понимания существа общественной жизни недостаточно исследовать лишь формы

индивидуального познания. По мнению Дюркгейма, группа, образуемая из ассоциированных индивидов, есть реальность совсем другого рода, чем каждый, индивид, взятый отдельно, и коллективные состояния существуют в группе раньше, чем коснутся индивида и сложатся в нем в форму чисто внутреннего психического состояния. Коллективное сознание как совокупность «коллективных представлений» существует объективно, его субстратом является общество. Поэтому «коллективные представления» можно рассматривать как разновидность «социальных фактов». Поскольку задача любой науки — познание фактов, необходимо разработать метод, который позволял бы исследовать факты особого рода — «социальные факты» (подробно см. [40]).

Дюркгейм разработал «Правила социологического метода», которые явились философски-методологическим введением к его творчеству. В «Правилах» — смесь определенных позитивистских тезисов (поскольку факты — вещь объективная, нужна натуралистическая установка для их изучения) и вместе с тем признания специфики социальной реальности (а значит, необходимости особого метода). Специфика социологического метода в том и состоит, чтобы разработать свои собственные приемы исследования. Так, при познании социальных фактов необходимо особое «социологическое» объяснение, которое нужно искать в природе самого общества: определяющая причина каждого социального факта должна быть отыскана среди предшествующих социальных фактов, а не в состояниях индивидуального сознания. Примерами такого рода социальных фактов, какими являются «коллективные представления», Дюркгейм считал правовую систему общества, этические нормы и ценности, религиозные верования, политические документы, произведения искусства, обычаи. Все эти явления существуют объективно, и вместе с тем они специфичны. Следовательно, и познание их должно быть осуществлено особым способом. Эта специфичность познания не должна препятствовать объективности при получении эмпирических фактов, для чего нужно исключать «колебания ума ученого» и добиваться строгих дефиниций и определения используемых понятий. Кроме того, при познании социальных фактов необходимо получение их достаточного количества. Отсюда у Дюркгейма высокая оценка статистики и требование ее широкого применения в социологическом методе.

Все богатство методологических соображений Дюркгейма (как и ряд их ограничений) неоднократно воспроизводится в последующих концепциях социального познания. Его идеи справедливо рассматривать как один из непосредственных источников формирования психологии социального познания.

Из приведенных примеров видно, что уже в классических социологических работах спектр проблем социального познания был значительно расширен по сравнению с теми, что решались в философии. Расширение это касалось прежде всего более четкого обозначения принципа детерминации социального познания социальными факторами, а значит, и понимания его природы. Особенно четко эти мысли прозвучали в рамках выделившейся самостоятельной области социологии — **социологии знания** (или **социологии познания**), предмет которой — исследование знания как социального явления. Родоначальниками ее были М. Шелер и К. Маннгейм.

Макс Шелер явился автором термина «социология знания» (его книга так и называется: «Формы знания и общество. Проблемы социологии знания», 1926). С его точки зрения, необходимо признание «фундаментального факта социальной природы всякого знания», что означает отвержение позиций ряда философов о каких-либо врожденных идеях. Задача социологии познания — обосновать **специфику** социального познания, а для этого прежде всего нужно обратиться к «социологии культуры», ибо именно в этой области фиксируются специфические явления человеческого общества: искусство, язык, письменность, нравы. Все это — также реальность общества, и социология познания должна соотнести область идеального и его значение для индивида. Общество, по мысли Шелера, не вмещивается во взаимодействие индивида с познанием какого-либо общественного явления, но лишь определяет выбор объектов познания. Иными словами, общество не столько определяет познание, сколько делает его возможным. Человеку свойственны некоторые идеальные ценности, константы, заданные определенной культурой, и человек должен реализовывать их в процессе познания. Социальные же условия играют роль «шлюзов», которые обеспечивают соотнесение этих констант с реальной действительностью. (По Шелеру, такое обеспечение достигается при помощи особого «закона преемственности».) Суть довольно сложных рассуждений Шелера заключается в утверждении необходимости корреляции единичных идей отдельного человека и стиля мышления эпохи, ее «этоса» (совокупности ценностей культуры).

Поэтому идея социальной детерминации познания, хотя она очень четко и определенно заявлена Шелером, находит в дальнейших его рассуждениях весьма специфическую разработку. Возможно, это связано с тем, что Шелер сознательно ставил перед собой цель преодолеть в своей социологии познания и марксизм (с его жесткой социальной детерминацией процесса познания), и позитивизм (с его отрицанием роли ценностей в социальном познании).

Непоследовательность Шелера проявилась в том, что он не распространяет тезис о социальной природе на область так называемого «истинного знания», в котором человеческий дух может преодолеть воздействие социальных интересов.

Другим видным представителем социологии познания является *Карл Маннгейм*, который впервые ввел в обиход науки термин «социальное познание»; этим термином обозначалась социальная обусловленность всякого познания, хотя позже и здесь были введены ограничения. Строго социально обусловленным является лишь «историческое познание», а «познание природы» в определенной степени отделено от воздействия общества. Правда, и в первом случае можно обнаружить сферы, «свободные» от общества, которые только и есть истинное знание. Зависимость же знания от общества есть всегда искажение его, поскольку оборачивается зависимостью от определенной идеологии.

«Механизм» этого искажения раскрывается следующим образом. При анализе любых продуктов духовной деятельности (а «историческое познание» имеет дело именно с ними) обязательно надо учитывать *намерение* субъекта деятельности. Через это намерение человек вписывается в систему социальной реальности, на нем основывается его «идеология» (термин, который Маннгейм ввел позже). В конечном счете эта идеология отражает точку зрения познающего и действующего субъекта, продиктованную его социальным, и прежде всего классовым, положением в обществе. В этом пункте Маннгейм соглашается с Марксом. Он даже полагает, что фундаментальным принципом социологии познания является признание не просто социальной, но именно *классовой* обусловленности познания. Но эта классовая позиция всегда ограничена: *никакой* класс не может претендовать на полное познание исторических (и социальных) фактов и явлений.

Поэтому в действительности такая идеологическая зависимость исторического познания отличает его от познания «истинного». Полная и подлинная истина может быть найдена только «независимыми интеллигентами», которые не привязаны ни к какой идеологической позиции и которые обладают возможностью принять любую позицию. В этой части рассуждений Маннгейм расходится с Марксом. В целом же провозглашенная идея социальной обусловленности всякого познания оказывается в значительной степени «урезанной»,

Несмотря на многочисленные ограничения и оговорки, концепции Шелера и Маннгейма единодушно признаются фундаментом особой области социологии, а именно социологии знания (или познания). Дальнейшее развитие исследований в этой

области так или иначе связано с идеями этих авторов, а иногда непосредственно опирается на них.

Специфичной является позиция *Роберта Мертона*, одного из выдающихся исследователей в области социологии познания в более поздний период. Для него знание — это «психическая продукция», которая имеет две базы: социальную (принадлежность к классу, поколению, профессии) и культурную (ценности, этос, народный дух). Изучать следует различные виды этой психической продукции: как знания используются определенной социальной системой, социальными группами, социальными институтами.

Мертоном был предложен термин «самодостаточность пророчества», которым он обозначал степень вклада, вносимого людьми в создание таких жизненных обстоятельств, которые подтверждают их ранее существовавшие гипотезы об окружающем мире. Здесь в своеобразной форме выражена идея, которая так или иначе проявляла себя почти во всех построениях социального познания: люди создают («творят») мир, в котором они живут в большей степени, чем они живут в реальном мире. «Картинка» каждой социальной ситуации, созданной человеком, определяет образ его поведения в этой ситуации, а это, в свою очередь, влияет на поведение других, и далее — целая сеть следствий. Главный вопрос для каждого, по мнению Мертона, понять, с какой степенью объективности мы участвуем в этом «творчестве мира». В итоге Мертон приходит к мысли о необходимости формирования такой области социологии, как социология науки: именно она и должна изучать социальное познание [141].

На этом последнем примере очень хорошо видны характерные для социологии принципы подхода к изучению социального познания. В большей степени — это не анализ самого *процесса* формирования такого знания (хотя отдельные положения касаются и этого вопроса), но именно анализ связи «знание—общество». В этом смысле социологическая традиция, как и по многим другим проблемам, отличается от социально-психологической: в ней не уделяется места описанию процессов социального познания отдельного, притом «обыденного», человека. В соответствии с особенностями предмета социологии такой крен вполне объясним.

Несмотря на отпочкование социологии познания от других ветвей социологической науки и на общий отход всех социологических построений в XX столетии от проблем философии, наличие связи между проблемами социального познания и общими гносеологическими принципами сохраняется. Даже сам термин «эпистемология», применяемый в философии для обозначения той части теории познания, которая анализирует взаимоотношения

субъекта и объекта познания, широко применяется в социологических работах (как, впрочем, что мы увидим далее, и в социально-психологических). Тесная связь между разработкой проблем социального познания в философии и социологии обнаруживает себя в относительно недавних поисках одной из заметных философских школ.

В 60-е гг. XX в. новый виток идей относительно социального познания был предложен **Франкфуртской философской и социологической школой**, которая заявила о себе как о «критической теории», подвергшей критике как современный капитализм, так и основные положения марксизма (школа именовала себя «западноевропейским марксизмом»). Наряду с определенной социально-политической доктриной Франкфуртская школа разработала особую концепцию социального познания. Так, основное понятие, введенное *Гербертом Маркузе*, это понятие «одномерного человека», т.е. человека, смотрящего на мир через призму «одномерного сознания», навязанного ему средствами массовой информации и подчиненного нормам существующего общества [МО]. «Одномерное сознание» — результат господства над человеком чуждых ему сил, и его полная социальная детерминированность исключает какую-либо подлинную свободу в познании социального мира. Эти идеи близки отдельным положениям социологии познания К. Маннгейма, хотя формально они и подвергаются критике. Абсолютная социальная заданность «одномерного сознания» — не что иное, как подчинение его идеологии, что, по Маннгейму, приводит к извращенному сознанию. Таким образом, социальная детерминированность познания оборачивается его извращенностью.

Особый интерес для судеб социального познания имеет работа М. Хоркхаймера и Т. Адорно «Диалектика просвещения», где развивается идея М. Вебера о разрушении разума властью. Продолжая эту мысль, *Юрген Хабермас* рассматривает эту связь более подробно: он считает, что современный мир с его высокими технологическими знаниями приводит к отделению парадигмы «система» от парадигмы «жизненный мир». «Жизненный мир» — это реальный мир обыденных людей, в котором формируется некоторое знание о социальной действительности, строится консенсус из выработанных категорий, а «система» (в ней представлена «власть») атакует это знание. Поэтому нужна особая «коммуникативная компетентность» — своеобразный диалог при познании социальных объектов, который могут осуществить так называемые «каменщики рационализации» [127].

Все дело в том, что в современном обществе «идеологией» является не просто классовая позиция, а вообще заданность человека

всей системой культуры, просвещения, средствами массовой информации, которые манипулируют человеческим сознанием. Кроме того, на человека воздействует развитие техники и науки, что порождает «технократическое сознание». Все это также сказывается на способах познания человеком социального мира. Вот почему, по Хабермасу, необходима «эмансипация человеческого рода» [127, S. 91], которая возможна лишь при условии не только «реформирования» сознания, но и сочетания его с реальной социальной критикой. Поэтому философская доктрина Франкфуртской школы тесно связана с социальным движением так называемых «новых левых», развернувшимся в 60-е гг. Что же касается собственно проблем социального познания, то, как можно было убедиться, они решаются теоретиками этого направления вновь в контексте критики позитивистских традиций в понимании явлений общественной жизни.

Краткий экскурс в различные социологические подходы к проблемам социального познания показывает, что в отличие от чисто философской постановки проблемы здесь обозначены многие новые вопросы, связанные со спецификой самого предмета социологии. С одной стороны, дается более конкретная разработка проблемы, умножается количество обсуждаемых вопросов, непосредственно связанных с различными аспектами взаимоотношения знания и общества; с другой стороны, часть проблем — в гораздо большей степени, чем это делалось в философии, — рассматривается в плане связи познания и действия. В силу специфики социологического подхода действие здесь не трактуется как действие отдельного человека, но как более глобальная *социальная практика*. Ни в философской, ни в социологической традиции социальное познание не рассматривает в качестве своего субъекта конкретного единичного человека. В этом коренном пункте — отличие «внепсихологических» источников психологии социального познания от «психологических» источников.

3. ОБЩЕПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Естественно, что самым непосредственным образом психология социального познания выросла из недр психологической науки. Весь раздел общей психологии, посвященный анализу познавательных процессов, является предпосылкой для формирования самого предмета и всей проблематики психологии социального познания.

Одним из первых, высказавших идею связи познания и общества, был *Уильям Джемс*. С его точки зрения, человеческая мысль «познает», так как она имеет дело с объектами, независимыми

от нее. Причем познание не есть пассивное приспособление к внешнему миру: «психика — не зеркало, хотя бы и кривое», познание предполагает интерес. С точки зрения Джемса, «правильное или разумное мыслительное действие состоит в том, чтобы согласно внешним отношениям установить такие внутренние отношения, которые благоприятствовали бы выживанию мыслящего или, по крайней мере, его физическому благосостоянию» [37a]. Нетрудно заметить, что акцент на функциях познания подводит вплотную к выводу о его роли для существования человека и в социальном мире.

Особенное значение в этом отношении имеет традиция *гештальтпсихологии*. Сложившаяся в начале XX в. эта концепция выступила против господствовавшего тогда бихевиоризма с его «атомистическим» подходом к психологии. Как отмечает *М. Г. Ярошевский*, «свое имя эта школа получила от немецкого слова «гештальт», что означает «форма», «структура», целостная «конфигурация»... Гештальт означает организованное целое, свойства которого не могут быть получены из свойств его частей» [110, с. 208]. Такое понимание образа восприятия противопоставлялось трактовке его как мозаики ощущений. Рассмотрение восприятия как целостного образа предмета, выявление динамики этого образа — возможности центрации поочередно на фигуре и на фоне, а также идея «хороших» фигур в восприятии, — все это предполагало наличие достаточно сложной когнитивной структуры индивида и его активности в познавательном процессе. Хотя все это соотнесено с любым восприятием, но сама идея связи субъекта и объекта восприятия оказалась весьма продуктивной для понимания особенностей социального восприятия.

Говоря об общепсихологических теориях, подготовивших почву для исследований социального познания, нельзя не упомянуть имя *Жана Пиаже*. Концепция Пиаже часто называется «генетической эпистемологией», созданной в противовес «обычной», т.е. традиционной эпистемологии (учению о взаимодействии субъекта и объекта познания). Суть новой идеи, предложенной Пиаже, заключается в том, что развитие интеллекта или формирование логического мышления рассматривается в зависимости от нарастающей активности субъекта во взаимоотношениях с внешним миром. Пиаже определяет интеллект в контексте поведения, т.е. особого обмена между внешним миром и субъектом, причем интеллект обладает адаптивной природой. Поэтому познание не есть статическая копия реальности; суть интеллекта в деятельной природе, его задача — структурирование отношений между средой и организмом. Уже восприятие предполагает *понимание, осмысление, истолкование* воспринятого, оно покоится на принятии решения и

всегда предполагает выбор, в ходе которого человек сопоставляет полученную информацию с некоторыми эталонами, записанными в памяти.

Но если это так, то необходимо отступить от индивидуального субъекта познания: «рамка смысловых связей» складывается только при общении индивида с другими. Коммуникация и познание даны в единстве, ибо нормы и эталоны познания формируются в совместной деятельности.

Пиаже выделил четыре основные стадии развития логического мышления, каждая из которых соответствует определенному возрасту: сенсомоторную, когда ребенок осуществляет координацию движений и восприятий без каких-либо представлений (до двух лет); дооперационального интеллекта, характеризуемую сформированной речью, наличием представлений, замещением действия знаком, т.е. словом, образом, символом (от двух до семи лет); конкретных операций, когда приобретенные типы мыслительной деятельности достигают «подвижного равновесия», приобретают характер обратимости (от восьми до одиннадцати лет); формальных операций, когда завершается генезис интеллекта, появляется способность мыслить теоретически, т.е. оперировать как с предметами, так и с высказываниями [85, с. 580-591].

Важно отметить, что особенно в последний период изложения своей концепции Пиаже подчеркивает связь стадий развития интеллекта со стадиями процесса социализации, отмечая, что «человеческий интеллект испытывает воздействие общества на всех уровнях развития» [85, с. 210], хотя на разных стадиях развития влияние общества осуществляется по-разному. Общая линия нарастания этого влияния проявляется в том, что по мере развития интеллекта осуществляется процесс «децентрации», т.е. развивается способность индивида к учету многообразных сторон действительности, овладения ею, в том числе в процессе взаимодействия с другими людьми. Как мы увидим ниже, это послужит важной предпосылкой позднейшего анализа социального познания.

Из многочисленных исследований в области психологии восприятия в качестве тех, которые позднее будут использованы в психологии социального познания, надо назвать и работы *Х. Виткина* о когнитивном и перцептивном стилях. Под когнитивным стилем понимается способ протекания перцептивной и интеллектуальной деятельности индивида. Предполагается, что каждому человеку свойственны более или менее устойчивый способ применения познавательных навыков, а также достаточно постоянная система вовлекаемых в процесс восприятия эмоций и установок. Эти стили у

различных людей различны, но Виткин предложил характеризовать их по двум, как правило, присутствующим у всех характеристикам, отражающим степень дробности восприятия окружающего мира, — «глобальности» и «артикулированное™». Глобальность — это склонность воспринимать окружение в «целом», артикулированность означает, что человек склонен в большей степени отличать «Я» от среды, а в самой среде видеть дифференцирующие признаки. Применительно к восприятию чаще говорится не о когнитивном, а о перцептивном стиле. В этом случае выделены такие два типа личности: «полезависимые» (зависимые от поля) и «полунезависимые» (независимые от поля). Смысл этих терминов заключается в том, что одни люди в большей степени воспринимают вещи и предметы как таковые, другие имеют тенденцию «привязывать» их к полю. «Полезависимые» более неопределенны в оценках различных событий и обстоятельств. Эти оценки зависят у них в большей степени от окружения и окружающих. «Полунезависимые» демонстрируют большую степень самостоятельности в суждениях, часто игнорируют мнения других. Виткином были разработаны специальные тесты на выявление у человека качеств «полезависимости» («полунезависимости»). Наиболее широко известен тест «Рамка—стержень», когда испытуемый в темной комнате стремится придать вертикальное положение светящемуся стержню относительно светящейся же рамки, положение которой произвольно изменяется экспериментатором. «Полезависимые» принимают за вертикальное положение стержня положение его относительно рамки, а «полунезависимые» устанавливают стержень, ориентируясь на положение своего тела, и потому достигают большей точности [см. подробно 105]. Легко можно допустить, что перенос данных этой экспериментальной ситуации на процесс социального познания повлечет новые продуктивные поиски.

В интересующем нас плане важно подчеркнуть еще одну идею Виткина. Он полагает, что существует «нормальный» путь овладения названными стилями, когда в ходе когнитивного развития ребенок переходит от глобальности к артикулированности. Но скорость и глубина этого перехода, свойственного каждому ребенку, по мнению Виткина, обусловлены влиянием социокультурных факторов, в частности тем, предоставлена ли ребенку в ходе его социализации возможность быть самостоятельным, независимым (от матери), и тем, как вообще оцениваются взрослыми импульсивные действия ребенка. В том случае, когда система воспитания предоставляет ребенку возможность самостоятельно вырабатывать нормы поведения, справляться с собственными проблемами, это способствует более

быстрому и глубокому переходу от глобальности к артикулированности, т.е. к более дифференцированному восприятию окружающей среды. Не касаясь сейчас дальнейших рассуждений Виткина о том, что и сама «среда» тоже оказывает определенное влияние, можно сказать, что развитие индивидуальных стилей познания действительности здесь рассмотрено в некотором социокультурном контексте. Естественно, это приобретает особое значение в том случае, когда предметом познания становятся объекты и явления социального мира.

Другой вариант идеи когнитивного стиля предложен Дж. Келли, автором теории «личностных конструктов» [136]. Ее анализ — дело специального исследования, однако некоторые фундаментальные идеи Келли целиком вписываются в традицию изучения социального познания. По мысли Келли, человек, действуя в мире, является по существу пленником своих интерпретаций этого мира: человеку часто важен не столько сам объективный факт, сколько значение, ему придаваемое. Именно в этом смысле можно говорить о том, что человек конструирует, творит мир. В процессе своей жизни индивид вырабатывает для себя целую систему «конструктов». «Конструкт — это то, чем два или несколько объектов сходны между собой и, следовательно, отличны от третьего объекта или нескольких других объектов» [цит. по: 105, с. 35]. При помощи конструктов человек сравнивает между собой явления и процессы объективного мира. Поскольку у каждого человека своя собственная система конструктов, это сравнение осуществляется по разным основаниям. Так же как культурой предписана разная значимость тех или иных объектов, так и для отдельного человека существует своя иерархия значимых признаков: для одних важнее сравнивать людей по признаку «умный—глупый», для других — по признаку «жадный—добрый». Конструкт, таким образом, *направляет* анализ воспринимаемого.

Другая идея Дж. Келли также имеет отношение к социальному познанию, а именно его утверждение о том, что люди различаются между собой по количеству конструктов, которые они выработали. Люди, обладающие большим количеством конструктов, — «когнитивно сложные». Они видят мир многомерно, во всех его противоречиях и оттенках. Люди, обладающие небольшим количеством конструктов, — «когнитивно простые». Они воспринимают мир в делении на «черное—белое» и не умеют адаптироваться к реальным противоречиям и «неувязкам». Как видно, здесь также предложена некая «рамка» видения мира, определяющая стиль познания [см. 78]. Так же как и у Виткина, в данном случае сделан акцент на индивидуальные особенности социального познания.

Специфической формой обсуждения проблем социального

познания является достаточно широко представленная в общепсихологической проблематике идея связи познавательных процессов и культуры. Впервые этот подход был предложен *Люсьеном Леви-Брюлем* в его монографии о первобытном мышлении [58]. Основной тезис заключался в том, что при исследовании мышления индивида необходимо анализировать культуру, к которой этот индивид принадлежит. Сама же культура характеризуется совокупностью существующих в ней общих взглядов, или «коллективных представлений». Последние и обуславливают мышление принадлежащих к данной культуре индивидов. На этом основании Леви-Брюль усматривал принципиальные различия в первобытном мышлении и мышлении современного человека [58, с. 29], что породило в истории социологии и психологии много возражений его концепции. В ходе этой критики во многом выкристаллизовались проблемы дальнейшего развития идеи соотношения культуры и мышления.

Одна из таких проблем: влияет ли культура только на содержание мышления или межкультурные различия сказываются также и на процессах мышления? Важный вклад в разработку этой проблемы был внесен работами *Л. С. Выготского*. Предложенная Выготским программа исследования высших психических функций была разработана на базе основной идеи, утверждающей общественно-исторический характер высших психических функций. В русле этой идеи сложилось представление о том, что культурно обусловлены не только изменения в содержании мышления, но и в самих процессах. Это объясняется специфическим механизмом возникновения высших психических функций: «...всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцене дважды, в двух планах, сперва — социальном, потом — психологическом, сперва между людьми, как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка, как категория интрапсихическая... За всеми высшими функциями, их отношениями генетически стоят социальные отношения, реальные отношения между людьми» [31, с. 145].

Принцип культурно-исторической детерминации психических процессов предполагал реализацию идеи о социальных детерминантах процесса восприятия, т.е. как минимум обеспечивал первую часть программы анализа социального познания. Его же идеи относительно роли культурной среды служили этому же подходу. Нельзя забывать, что суждения Выготского о «двойном» существовании психических функций вводили в проблематику социального познания феномен общения, что позже получило более детальную разработку. Основная идея концепции Выготского о культурно-исторической детерминации психики при ее последовательном развитии подводит к выводу о

вплетенности процесса познания в коммуникативный процесс, а тем самым — в ткань общественных связей и отношений.

Еще более определенно эта мысль проводится в рамках *психологической теории деятельности*. При исследовании познавательных процессов (в частности мышления) в общей психологии в последнее время упоминается и о такой сфере познания, как «познание человеком человека». *О. К. Тихомиров* считает, что для правильного соотнесения традиционной психологии мышления и социального познания (отражения «мира предметов» по сравнению с отражением «мира людей») необходимо иметь в виду следующее. Выражение «познание людьми друг друга» по существу условно:

«Речь идет обычно не о любом познании, а лишь об эмпирическом познании, не основывающемся на использовании научных понятий и методов» [92, с. 146]. Это замечание абсолютно верно и убедительно вскрывает различие общей и социальной психологии в подходе к предмету исследования. В общей психологии не делается акцента на том, как «познает» *обыденный* человек (ср. у Тихомирова: «эмпирическое познание»), для нее «познание другого человека» — это «любое экспериментальное психологическое исследование (например, измерение порогов ощущений)» [там же]. Поэтому исследование познавательных процессов, как они представлены в общей психологии, можно и нужно, конечно, использовать при анализе социального познания, но также необходимо и оговорить специфику социально-психологического подхода.

В психосемантике, разрабатываемой на основе принципа деятельности, проблемы психологии социального познания раскрываются в контексте соотношения значения и смысла, рассмотренного в работах *А. Н. Леонтьева*, *А. Р. Лурия* и их последователей. Выявленная Леонтьевым уже у животных роль потребностей в восприятии мира получает свое развитие у человека: чтобы «эмансипировать» объект, надо его «выразить» каким-то способом, и этот способ — знак, словесное значение. Лурия говорил поэтому о «двойном мире» человека за счет владения словом: с одной стороны, это непосредственный предметный мир, а с другой — мир, обозначаемый словами. Слово же обладает фиксированным содержанием за счет *социальной конвенции* — согласия относительно его значения. Поэтому представление о мире всегда дано в рамках некоторой культурно-исторической системы значений — определенной социальной среды, общности, культуры. Психосемантика и имеет своим предметом, по мнению *А. Г. Шмелева*, «избирательное усвоение и трансформации значения в индивидуальном сознании в процессе индивидуальной деятельности»

[106, с. 6—7]. Этим она отличается от лингвистической и логической семантики, которые также исследуют значения, но в ином ключе. При психологическом анализе значения важно учитывать всю совокупность реакций индивида на какой-либо значащий стимул, т.е. включая и эмоционально-оценочную реакцию. Позже мы увидим, как эта специфическая трактовка значения использована в некоторых социально-психологических теориях когнитивистской ориентации.

В рамках теории деятельности психосемантика акцентирует внимание не только на том, как осуществляется непосредственная «работа» со значением каждым конкретным индивидом, но и на генетическом аспекте значения, т.е. на том, как за языковыми значениями «скрываются общественно выработанные способы (операции) действия, в процессе которых люди и познают объективную действительность» [84, с.144].

Огромный выигрыш человека, обладающего развитым языком, заключается в том, что мир удваивается. С помощью языка, который обозначает предметы, он может иметь дело с предметами, которые непосредственно не воспринимаются и которые не входят в состав его собственного опыта. «Человек имеет двойной мир, в который входит, и мир непосредственно отражаемых предметов, и мир образов, объектов, отношений и качеств, которые обозначаются словами» [68, с. 37]. Как справедливо замечает В. Ф. Петренко, значение, выраженное словом, обогащает его «совокупным социальным опытом» [84, с. 10]. Таким образом, развитая в рамках теории деятельности психосемантика закрепляет идею социальной детерминации процесса познания.

Особое место среди отечественных психологических исследований, которые можно рассмотреть как предтечу психологии социального познания, занимает исследование А. Р. Лурии, проведенное в 30-е гг. в Узбекистане и имеющее целью выявить различия в познавательных процессах у групп людей, находящихся на разных этапах освоения нового типа отношений [67]. Узбекистан 30-х гг. был своеобразной лабораторией для такого исследования: в нем чрезвычайно бурными темпами осуществлялись радикальные социальные и экономические преобразования, соседствовали образцы по существу совершенно различных культур. В исследовании были выделены: группа неграмотных крестьян, практически еще не вступивших на путь освоения новых образцов жизни и культуры; группа людей, имеющих самое первичное образование (2-3 класса начальной школы); группа людей, закончивших 7 классов; и, наконец, группа, обучающаяся в техникуме. Изучались различия в ощущении, восприятии, мышлении, самосознании членов этих групп.

Так, наиболее показательными представляются выявленные

специфические особенности в решении вербально-логических задач. Испытуемым предлагались силлогизмы типа: «На севере, где много снега, все медведи белые; Новая Земля — на севере. Какие там медведи?» В большинстве случаев ответ был: «Не знаю, я там не был». Экспериментатор объяснял: «Неважно, что ты там не был. Я говорю: на севере, где много снега, все медведи белые; Новая Земля — на севере. Значит, какие же там медведи?» — «По твоим словам, выходит, что белые. Но сам я этого не знаю». Гораздо легче давались выводы по законам силлогизма в том случае, когда его содержание имело непосредственное отношение к близкой практической деятельности («Там, где тепло и влажно, растет хлопок. В этом кишлаке тепло и влажно. Растет здесь хлопок?»). В этом случае ответ был верным.

На основании многочисленных данных Лурия сделал имеющий принципиальное значение вывод о том, что тип культуры, уровень ее освоения оказывают огромное влияние не только на содержание представлений о внешнем мире, но и на сам характер познавательных процессов. «Перед психологами, участвовавшими в исследовании, стоял вопрос: исчерпываются ли возникшие сдвиги в сознательной жизни декхан лишь ее содержанием или же они изменяют и ее формы, перестраивают структуру психических процессов, создают новые виды функционирования сознания?» [68, с. 49-50]. Ответ на этот вопрос найден в исследовании, где было показано, что между группами испытуемых существуют глубокие различия в самих способах формирования, например, понятий и в решении вербальных силлогизмов: «Описанные особенности способа мышления не имеют ничего общего с биологической спецификой изучавшихся нами людей. Они целиком являются общественно-исторической характеристикой психической деятельности. Стоит общественно-историческим условиям измениться, чтобы изменились и особенности познавательных процессов» [там же, с. 53].

Таким образом, изучение восприятия в **рамках** теории деятельности, как мы видели, во многом подготовило новую его трактовку, способствовало включению его в общий контекст познавательных процессов. Важной вехой на этом пути явились и современные исследования мышления, его «сближение» с восприятием, а также попытка рассмотрения этого процесса в соединении с эмоциями.

Другое дело, что у каждого индивида при построении образа мира, отдельных его явлений складывается своя категориальная схема (система понятий, в которых этот мир описывается). Как она соотносится с тем, что «выработано» обществом, группой, — требует в каждом случае особого изучения. Психосемантика, в частности,

занимается как раз вопросом и о том, как строится «ментальное пространство» индивида, как в нем осуществляется противоречивый процесс генезиса и функционирования системы значений, закрепленных в словах [84, с. 21—22].

Важно, что идеи теории деятельности пронизывают все построения, касающиеся процесса познания, таким образом, что специфика социального познания по существу становится очевидной. Это отчетливо видно на рассуждениях А. Н. Леонтьева об образе мира. «Психология образа (восприятия) есть конкретно-научное знание о том, как в процессе своей деятельности индивиды строят образ мира, мира, в котором они живут, действуют, который они сами переделывают и частично создают, это знание также и о том, как функционирует образ мира, опосредуя их деятельность в объективно реальном мире» [62]. Понятно, что если люди строят образ мира, в котором они живут и действуют, то это образ и социального мира. В последние годы в общепсихологической теории неслучайно делается акцент на разработку понятия «образ мира». Так, С. Д. Смирнов отмечает: «Если под образом мира понимать некоторую совокупность или упорядоченную систему знаний человека о мире, о себе, о других людях и т.д., которая опосредует, преломляет через себя любое внешнее воздействие, то такое представление вполне впишется в традиционную схему анализа познавательных процессов» [87, с. 142]. При этом образ мира выступает одновременно и как исходный пункт познавательного процесса, поскольку он направляет нашу познавательную активность (от него что-то должно идти вовне, указывать, что «взять» и что «отбросить»), и как результат этого процесса. Хотя проблемы построения образа социального мира при этом специально и не обсуждаются, тем не менее сама постановка проблемы «образа мира» имеет ключевое значение для психологии социального познания.

Обратить внимание на разработку указанных идей в отечественной психологии, возможно, особенно необходимо сегодня, когда в мировой социальной психологии предлагаются альтернативные подходы к решению традиционных проблем. Зачастую эти новые поиски полностью игнорируют идеи, разработанные в рамках отечественной традиции. Ниже мы специально остановимся на этом вопросе.

4. КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

С подходом, разработанным в рамках теории деятельности, интересно сопоставить постановку проблем, предлагаемых современной *когнитивной психологией* [30].

Возникшая в середине XX в. когнитивная психология заявила своим предметом изучение познавательных процессов прежде всего с точки зрения интерпретации поведения, детерминированного знанием. Как отмечают многие ее последователи, когнитивная психология восполнила тот пробел, который существовал в бихевиористской традиции в отношении познавательных процессов. В начале XX в. немногие психологи интересовались тем, как приобретается знание, если не считать определенное внимание, которое уделялось этому вопросу в гештальтпсихологии. Однако позже ситуация коренным образом изменилась. В значительной мере это было обусловлено появлением электронно-вычислительных машин, в связи с чем выяснилось, что операции, ими выполняемые, весьма сходны с когнитивными процессами человека (получение информации, сохранение ее в памяти, классификация и т.п.).

«Когнитивная психология, — по утверждению одного из ее главных представителей, — изучает восприятие, память, внимание, распознавание конфигураций, решение задач, психологические аспекты речи, когнитивное развитие и множество других проблем, в течение полувека ожидавших своей очереди» [74, с. 27].

Первоначальная ориентация на опыт работы ЭВМ грозила когнитивной психологии вновь оторваться от характеристики процесса познания, как он происходит в реальном мире, остаться лишь в рамках компьютерной модели. Поэтому в исследованиях когнитивной психологии довольно быстро обозначились новые подходы. Они были прежде всего ориентированы на когнитивную активность индивида, на ее анализ в условиях естественной целенаправленной деятельности. По мнению Найссера, «когнитивная активность — это активность, связанная с приобретением, организацией и использованием знания» [75, с. 237]. Такой постановкой вопроса когнитивизм выступил против бихевиористской традиции в психологии, базирующейся на принципах позитивистской философии. Это противостояние когнитивизма и бихевиоризма (позитивизма) хорошо выражено в следующих лаконичных определениях каждого из принципов. Позитивизм, в определении Дж. Тьюки, означает: «Лучше совершенно точно ошибаться, чем приблизительно верно утверждать правильные вещи». Когнитивизм, по определению Г. Мюнстерберга, означает: «Лучше получить приблизительно точный предварительный ответ на правильно поставленный вопрос, чем отвечать на ложно поставленный вопрос с точностью до десятичного знака». Иными словами, когнитивная психология восстанавливает в правах анализ внутренних психических процессов, делая акцент именно на познавательных процессах. Отсюда, как мы увидим далее, и особенный интерес не только к

анализу всякого знания, но, в частности, и *социального* знания.

Особое место в становлении когнитивной психологии занимают идеи *Джерома Брунера*. Предприняв в 40-е гг. серию исследований в области восприятия, Брунер сформулировал так называемый «Новый взгляд» (New Look), в рамках которого были предложены некоторые принципиальные дополнения к той традиции, которая существовала до этого. Исходное суждение Брунера заключается в том, что всякое восприятие предполагает акт **категоризации** [26]: все, что воспринимается, приобретает значение оттого, с каким классом перцептов группируется, т.е. к какой категории относится. Категории, по Брунеру, это правила, по которым мы относим предмет к определенному классу.

Кроме этого, в восприятии дана, репрезентирована реальность, т.е. оно в большей или меньшей степени соответствует действительности, что сформулировано в известном философском тезисе: «То, что мы видим, должно оказаться тем же самым и при ближайшем рассмотрении». Поэтому категоризация должна служить основой действий. Соответствие реальности опирается на некоторое гипотетическое основание: восприятие — не просто репрезентация, но построение «модели мира». Отсюда центральное понятие в концепции Брунера — **гипотеза**. Индивид подходит к ситуации восприятия не с пустыми руками, но с определенными *ожиданиями*, предположениями относительно того, как взаимодействовать с воспринимаемым объектом, поэтому гипотеза выступает как регулятор перцептивной деятельности. Именно она «подсказывает», каким образом нужно осуществить категоризацию — к какому классу отнести объект. Всякий акт восприятия включает проверку гипотезы: в ходе восприятия мы принимаем решение так или иначе категоризировать объект. Исход решения будет обозначать, хороша или плоха была гипотеза.

Брунер разработал целую систему обстоятельств, от которых зависит исход проверки. Таких важнейших обстоятельств два: «сила гипотезы» и «сила доказательства». «Сила гипотезы» зависит от частоты ее прежних подтверждений, от социальных и эмоциональных последствий прежних предположений, от согласия с гипотезами других, от ее монопольности (когда других гипотез нет), наконец, от включенности гипотезы в систему [26, с. 88]. Существует целая серия экспериментов, в которых проверялась истинность высказанных постулатов. Так, например, Брунер и Постмен проверяли идею о том, что сила гипотезы зависит от частоты аналогичных предположений, сделанных в прошлом: дети в эксперименте чаще называли бессмысленные, но привычные слоги, чем непривычные. В другом известном эксперименте проверялось предположение о том, что чем

выше ценность объекта, тем он будет больше перцептивно «выделяться». В двух сериях эксперимента дети вначале по памяти оценивали размеры монет различного достоинства, сравнивая их с круглым просветом, а затем оценивали реально предъявленные монеты, причем в контрольной группе оценивали не монеты, а соответствующие кружочки. В результате выше оценивалась величина монет, чем кружочков, причем при увеличении достоинства монеты величина переоценки была значительно выше. Интересно, что при модификации эксперимента — при создании двух групп детей, из которых в одной были «бедные», а в другой — «богатые», «бедная» группа переоценивала монеты в большей степени. Это позволило авторам заключить, что чем сильнее потребность индивида в чем-либо, тем значительнее поведенческие детерминанты восприятия.

Суждения Брунера и результаты экспериментов позволили сделать вывод о том, что при принятии перцептивного решения резко повышается вклад **субъекта** восприятия: он постоянно дает оценку воспринимаемому, а это уже всегда связано с различными социальными факторами, с конкретными жизненными обстоятельствами. Сам Брунер предложил краткое резюме положений «Нового взгляда» на восприятие: восприятие есть всегда процесс принятия решения, который основан на использовании отличительных признаков. В свою очередь, использование отличительных признаков позволяет совершить переход к выбору категории, которая может быть определена как набор правил, по которым воспринимаемые явления можно объединить в один класс, комбинировать и т.д. Категории различаются по их *готовности*, т.е. по легкости, с которой объект можно к ней отнести. Эта готовность зависит от ожидаемой вероятности явления и от активности воспринимающего субъекта. Эта «перцептивная готовность» имеет две функции: минимизирует неожиданности внешней среды и максимизирует успех восприятия [27, с. 141]. Естественно, на пути умозаключений индивид может совершать ряд ошибок: восприятие будет «истинным» лишь в том случае, когда воспринятый стимул отнесен к соответствующей категории, а это, в свою очередь, зависит от того, насколько «готовность» категорий отражает вероятность событий.

Самое существенное в этой концепции заключается в том, что, по мысли Брунера, можно осуществлять «обучение» категориям, их системным свойствам, их связям с другими категориями. Можно даже обеспечить процесс «переучивания», чтобы минимизировать ошибки (отбрасывать неподтверждающиеся ожидания), хотя сделать это чрезвычайно трудно. Более надежен и доступен другой способ преодоления ошибок восприятия — осуществлять «постоянно

внимательный взгляд». Легко увидеть, что предложенная программа оптимизации восприятия прямо предполагает значительно большую роль в нем процессов мышления. Таким образом, сама идея познавательной активности субъекта в процессе восприятия приближает к идее включенности восприятия в познание. С. Д. Смирнов, анализирующий концепцию Брунера, делает вывод, что в ней отчетлив «рационалистический крен» [87, с. 96-1 Об].

Еще более развитую концепцию перехода от изучения восприятия к анализу социального познания находим в работах, У. Найссера [74; 75]. Именно ему, как уже отмечалось, принадлежит идея такого реформирования когнитивной психологии, которая поможет отойти от простого тиражирования идей, связанных с использованием ЭВМ. Найссер настаивает на том, что при изучении процессов познания необходимо больше внимания уделять деталям того реального мира, в котором обитают воспринимающие и мыслящие индивиды, а также структуре информации, предоставляемой миром. Другая задача когнитивной психологии — учитывать навыки человека и возможности их изменения, вообще связывать находки когнитивной психологии с более фундаментальными проблемами общей психологии, в частности с природой человека.

Тот факт, что на полноту восприятия человека оказывают влияние его опыт, навыки и знания, означает предвосхищение информации в каждом познавательном акте. Такое предвосхищение осуществляется при помощи *схемы*, которая есть посредник между прошлым опытом и восприятием. Основная функция схемы — как раз предвосхищение событий или изменений во внешнем мире, она направляет когнитивную активность субъекта. Сама же когнитивная активность определяется как «активность, связанная с приобретением, организацией и использованием знаний». «Схема» в концепции Найссера — синоним «когнитивной карты», сущность которой можно пояснить на таком примере. Если мы видим в какой-то комнате лампу, то мы воспринимаем ее не просто как «лампу» («вообще», «всякую»), а именно как лампу в данной комнате, т е как часть информации о комнате, например о кабинете, если это настольная лампа. Термин «карта», конечно, употреблен здесь условно по некоторой аналогии с географической картой, на которой найдена определенная точка.

Используемый Найссером термин «схема» не является абсолютно новым в истории науки. Уже в философии можно найти аналоги: так, например, в философии Гуссерля употреблялся термин «картина мира», а в семиотике «модель мира». Как мы видели, у Брунера предположение получило название «гипотезы». Наконец, в работах А. Н. Леонтьева употреблено наиболее обобщающее понятие

«образ мира». Важно, что в каждом случае говорится о том, что у воспринимающего субъекта не просто возникает картинка в голове, но он обладает определенным *планом* сбора информации. Этот план не означает, что в его прокрустово ложе информация «втискивается». Найссер остроумно замечает, что «мы не фильтруем и не отбрасываем нерелевантные стимулы, а просто ничего с ними не делаем». Схемы или их аналоги лишь направляют познавательную активность субъекта: помогают определить, «куда смотреть» и «что слушать».

Вводя понятие «схема», Найссер включает в процесс восприятия не только активность субъекта, но и целый ряд внешних социальных обстоятельств: схема во многом устанавливается не просто личным прошлым опытом индивида, но всей системой культуры. По мнению Найссера, социальная среда представляет собой разработку возможностей, предоставляемых физическим миром и созданных на протяжении культурной истории. Эти возможности человек постигает на опыте его собственной семьи и социальной группы, к которой он принадлежит. Много об этом можно узнать, оставаясь относительно пассивным наблюдателем, однако гораздо больше можно открыть благодаря действию: оно информирует нас как о нас самих, так и о том мире, применительно к которому это действие и осуществляется.

Приобретенное таким образом знание, полученная истина делают человека более свободным, менее подверженным контролю: «Образованными людьми, несомненно, труднее манипулировать, чем теми, кто лишен знаний, по тем же самым причинам, по которым хорошего игрока в шахматы труднее победить, чем обычного зеваку... И не потому, что образование делает человека более воинственным, а потому, что оно позволяет ему увидеть больше альтернативных возможностей действия» [74, с. 195].

Делая такой вывод, Найссер не имеет в виду чисто оперативные действия. Речь все время идет о действиях в социальном мире. Он прямо отмечает, что общий для всех нас опыт относится не только к физической среде; «поскольку мы живем в рамках организованной культуры, нам приходится иметь дело с более или менее стандартизированным **социальным** (выделено мной. — Г. А.) опытом» [там же, с. 198]. А это уже прямой переход в область социальной психологии. Когнитивная психология всей постановкой проблем восприятия и познания во многом сформулировала саму идею специфики социального познания.

Таким образом, рассмотрение психологических предпосылок возникновения новой области науки показывает, что и здесь все необходимые условия были созданы. Естественно, что более всего процесс возникновения психологии социального познания связан с

социальной психологией, которая оказалась к нему наиболее «подготовленной».

Глава II

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД: СОЦИАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПОЗНАНИЕ

Социально-психологический «разрез» проблемы социального познания означает как минимум два фокуса в ее исследовании. Во-первых, равномерное внимание как анализу *социальной обусловленности* процесса познания (что, как мы видели, было характерно для многих предшествующих теорий и концепций), так и анализу самого *процесса познания* социальных объектов (т.е. тому, как человек «работает» с социальной информацией).

Во-вторых, и это другая сторона социально-психологического подхода, — внимание тому, как познает социальный мир обыденный человек. Для последнего особенно актуальным становится, по мысли *П. Бергера* и *Т. Лукмана*, познание им повседневной жизни. Термин, употребляемый этими социологами, означает, что обыденное знание есть знание особого рода: авторы называют его *дотеоретическим знанием*. Оно включает в себя «совокупность правил поведения, моральных принципов и предписаний, пословицы и поговорки, ценности и верования и тому подобное, для теоретической интеграции которых нужны значительные интеллектуальные усилия...» [18, с. 109]. Иными словами, это сумма того, «что каждый знает о социальном мире», причем «рецепты» поведения, основанного на таком знании, передаются из поколения в поколение. Знания о повседневной жизни обладают двумя важными особенностями.

Во-первых, человек неизбежно оказывается как бы перед двумя реальностями: «Рядовые члены общества в их субъективном осмыслении поведения не только считают мир повседневной жизни само собой разумеющейся реальностью. Это мир, создающийся в их мыслях и действиях, который переживается ими в **качестве Реального** [там же, с. 38] (выделено мной. — *Г. А.*). Специфика познания обыденным человеком этого реального мира и должна быть исследована особо.

Во-вторых, если речь идет о том, что и так «все знают», очевидно, что такое знание должно быть обязательно *разделенным*: не только каждый субъект обладает им, но и другие способны принять некоторый общий строй размышлений, представлений, соображений о предметах и процессах реальности повседневной жизни. Люди живут

в общем мире, и поэтому реальность повседневной жизни неизбежно носит *интерсубъективный* характер. Отсюда вывод об огромной роли языка в познании повседневной реальности: ее элементы должны быть *обозначены*, притом так, чтобы, несмотря на субъективное происхождение знаков, значения их были бы доступны пониманию и других участников реальной жизни. Процесс, который может обеспечить такую ситуацию, это процесс *коммуникации*, изучение которого и выступает одной из важнейших задач социальной психологии.

Таким образом, в отличие от анализа научного познания социального мира, что есть задача практически всех наук об обществе, здесь вопрос стоит не о том, *как надо* познавать окружающий человека социальный мир, а о том, как обыденный человек *практически* это делает в повседневной жизни. Конечно, важным при этом является и сопоставление научного и обыденного познания: такое сопоставление может быть полезно и тому и другому.

Если верно утверждение когнитивной психологии о том, что новое знание о мире делает человека менее подверженным манипуляциям и контролю, позволяет увидеть больше альтернативных возможностей действия, то очевидна еще большая полезность таких знаний о мире социальном. Понятно, почему, несмотря на «древность» проблемы, XX в. дал всплеск интереса к ней. Развитие массовых движений, бурный темп социальных изменений, развитие средств массовой информации требуют от человека не только лучшей адаптации к социуму, оптимизации деятельности в нем, но и лучшего понимания того, как соотносятся наши знания о мире с изменениями в нем.

Своеобразной «подготовкой» к такого рода анализу явилась разработка целого ряда проблем в социальной психологии. Можно выделить три предметные области социальной психологии, которые непосредственно предшествуют созданию особого предмета «психологии социального познания»: социальная перцепция (в частности, межличностное восприятие), теории когнитивного соответствия и исследования атрибутивных процессов. Рассмотрим каждую из этих областей подробно.

1. СОЦИАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ - ИСХОДНЫЙ ПУНКТ

Традиция исследования социального восприятия, или социальной перцепции, — одна из наиболее устойчивых традиций в социальной психологии. В ее рамках практически задан весь спектр проблем которые позже начали разрабатываться в новой области психологии. Особенно активно проблемы социальной перцепции

дорабатываются в 70-е гг., хотя проблематика существовала почти с самых первых лет выделения социальной психологии в самостоятельную область знания, но не обязательно под этим именем.

Термин «социальная перцепция» («социальное восприятие») был предложен *Дж. Брунером* в рамках разработанного им «Нового взгляда» (New Look), и в этом случае так обозначалась социальная детерминация перцептивного процесса [см. 11, с. 117]. В скором времени в социальной психологии этот термин получил другое значение: им стали обозначать восприятие социальных объектов, причем круг их был строго ограничен. Социальными объектами были названы: другой человек, социальная группа, более широкая социальная общность. Почти с самого начала исследований социальной перцепции в этом значении было установлено, что термин не в состоянии обозначить весь круг возникающих проблем, например при восприятии одним человеком другого. Коль скоро мы «читаем» другого человека, расшифровываем значение его внешних данных, в определенном смысле угадываем черты его личности, то мы тем самым выходим за пределы строго перцептивного процесса, как минимум включаем в него и процессы мышления. Поэтому достаточно давно именно в области изучения социального восприятия был предложен термин «социальное познание». Один из исследователей этого процесса *Р. Тажиури* отмечал, что, к сожалению, в английском языке нет достаточно адекватного термина в отличие, например, от французского, где выражение «*connaissance d'autrui*» как раз фиксирует не только *результат* процесса («знание другого»), но и *процесс* «познавания» другого человека. За этим «познаванием» (в русском языке получил распространение термин «познание») [см. 24] кроется очень многое: не только размышление по поводу визуально воспринятого, не только оценивание его (что включает и эмоции), но и мотивация необходимости дальнейшего взаимодействия с воспринимаемым человеком или отказ от такого взаимодействия. Как увидим в дальнейшем, к этому добавилась и потребность понять причины поведения воспринимаемого.

Таким образом, в русле исследований социального восприятия была поставлена проблема *понимания* социальных объектов. Это

Рис. 2. Схема социально-перцептивных процессов

важно подчеркнуть, потому что, несмотря на наибольшую разработанность межличностного восприятия, социально-перцептивные исследования предполагали широкий класс социальных объектов. Мы неоднократно предлагали полную схему исследований социальной перцепции [см. 9; 11]. Позволим себе воспроизвести ее еще раз (рис. 2).

Как видно, схема включает в себя различные варианты не только объекта, но и субъекта восприятия. Когда субъектом восприятия выступает индивид, то он может воспринимать другого индивида, принадлежащего к своей группе (1); другого индивида, принадлежащего к «чужой» группе (2); свою собственную группу (3); «чужую» группу (4). Если даже не включать в перечень большие социальные общности, которые также могут в принципе восприниматься, то и в этом случае получаются четыре различных процесса, каждый из которых обладает своими специфическими особенностями.

Еще сложнее обстоит дело в том случае, когда в качестве субъекта восприятия интерпретируется не только отдельный индивид, но и группа. Тогда к составленному перечню процессов социальной перцепции следует добавить: восприятие группой своего собственного члена (5); восприятие группой представителя другой группы (6); восприятие группой самой себя (7); наконец, восприятие

группой в целом другой группы (8). Хотя этот второй ряд не является традиционным в исследованиях, назвать его принципиально важно, особенно в перспективе будущего анализа процессов социального познания: во всех восьми обозначенных позициях речь идет не столько о простом *восприятии*, сколько о **познании** объекта.

Но даже и в наиболее разработанной области социальной перцепции — исследованиях межличностного восприятия — обозначен целый ряд таких феноменов и механизмов, которые указывают на то, что проблематика явно не укладывается в традиционные рамки изучения перцептивных процессов. Для доказательства этого тезиса необходимо, во-первых, провести сравнение того, как используется термин «восприятие» в общей и в социальной психологии, во-вторых, хотя бы кратко обрисовать весь набор конкретных задач, которые решает социальная психология, изучая межличностное восприятие.

Различия в употреблении самого термина «перцепция» в общей и социальной психологии можно проследить по трем направлениям (6).

1. На уровне описания **предмета** исследования. В общей психологии предметная область исследования восприятия значительно более определена, она имеет достаточно четкие границы (несмотря на поиски последних лет, где эти границы расширяются и в восприятие включаются внимание, оперативная память, элементы мышления, о чем уже говорилось в связи с характеристикой когнитивной психологии и отечественного подхода в рамках теории деятельности). Сама история исследований восприятия в общей психологии начиналась с «разведения» различных познавательных процессов, с вычленения восприятия, как одного из них, и лишь впоследствии была осознана их глубокая связь между собой.

В социальной психологии изучение социального восприятия во многом начиналось в рамках когнитивной традиции, поэтому с самого начала акцент в большей степени делался на когнитивные процессы в совокупности: они рассматривались как единое, недифференцированное целое, социальная перцепция среди них не была ясно вычленена, сам термин зачастую употреблялся для обозначения всей сферы когнитивных процессов. Кроме этого (возможно, поэтому) область социальной перцепции включала в себя не только все когнитивные процессы, но и сферы, имеющие в системе общепсихологического знания свой особый статус: мотивацию, эмоции, личность. В общей психологии, даже при условии признания взаимообусловленности всех этих сфер, их качественная специфика достаточно очевидна. В процессах же социальной перцепции когнитивные, мотивационные и эмоциональные аспекты гораздо

менее обособлены: они выступают как неотъемлемая содержательная характеристика любого социально-перцептивного процесса. Понятие «пристрастности» сенсорного образа, имеющее в общей психологии более или менее метафорический оттенок, в социальной психологии приобретает прямое и обыденное значение. Хотя в ряде работ по социальной перцепции есть тенденция ограничить проблематику и свести ее только к формированию первого впечатления, в целом предметная область остается достаточно широкой, без обозначения ее четких границ.

2. Второе отличие обнаруживает себя при характеристике **структуры** перцептивного процесса. В ней можно выделить четыре составляющих: субъект восприятия, объект восприятия, собственно процесс восприятия и результат этого процесса — образ. В общей психологии превалирует изучение собственно процессуальных характеристик, а анализ субъекта и объекта восприятия представлен лишь в той мере, в какой это необходимо для изучения процесса. Субъект и даже объект здесь достаточно «безличны» к смысловой стороне образа. Процесс изучения восприятия заканчивается анализом построения образа, его дальнейшая «судьба» — не предмет исследования.

В социальной психологии, напротив, ранее всего интерес был сосредоточен на выявлении характеристик субъекта и объекта восприятия. Сам же процесс длительное время вообще оставался мало исследованным и оказывался во внимании лишь как условие порождения образа. Наоборот, в постоянном фокусе исследователей социальной перцепции — сам образ как элемент структуры перцептивного процесса. Одна из последних идей А. Н. Леонтьева о рассмотрении образа восприятия как «ориентировочной основы поведения» принципиально важна для социальной психологии. Образ как «результат» социально-перцептивного процесса функционирует далее во всей системе взаимоотношения людей. Более того, иногда «образы» другого человека, группы, какого-либо социального явления более значимы в этих отношениях, чем сами, объекты. При восприятии сложных социальных объектов перцептивная задача поэтому особенно сложна: она состоит в том, чтобы дать одновременную оценку и объективно, и субъективно значимых характеристик этих объектов.

Характеристики же самого процесса социальной перцепции до недавнего времени оставались достаточно скудными, и своеобразный «бум» начался лишь со времени открытия явления каузальной атрибуции, что будет специально рассмотрено ниже.

Но даже учитывая и эту поправку, многие характеристики собственно социально-перцептивного процесса остаются

недостаточно изученными. Это касается прежде всего таких качественных характеристик перцептивного процесса, которые в общей психологии описываются при помощи понятий «константность», «целостность», «предметность» и др. Речь не идет о полной кальке с этих понятий и переносе их в социальную психологию, но хотя бы о поиске некоторых аналогов с поправками на специфику самого процесса.

3. Третье различие подходов общей и социальной психологии к проблемам восприятия касается **детерминант** перцептивного процесса. В общей психологии, по крайней мере в рамках отечественной традиции, культурно-историческая (а следовательно, и социальная) обусловленность перцептивных и других психологических процессов выступает как методологический принцип. При этом конкретная социальная обусловленность восприятия (например, группой, к которой принадлежит субъект или объект) не анализируется. В социальной психологии процесс детерминации описан более подробно: сама деятельность как важнейший детерминант перцептивного процесса определена в ее конкретной форме — «совместная, групповая деятельность». Выявлены также те параметры деятельности, которые детерминируют процесс восприятия (например, уровень ее развития, иначе: теснота кооперативных связей; ее успешность или неуспешность и пр.). Также более подробно выявлены и конкретные параметры восприятия, на которые оказывает влияние совместная деятельность, т.е. их детерминирует. Это и точность восприятия, и его полнота, и его динамика по мере развития совместной деятельности, и, наконец, содержательные характеристики («набор» тех качеств другого человека, которые воспринимаются субъектом восприятия).

Не случайно поэтому, что для социально-психологического исследования перцептивных процессов гораздо более значимо, чем в общей психологии, их изучение в *условиях реальной социальной группы* [см. 70]. Конкретный анализ социальных детерминант перцептивного процесса — магистральное направление этого блока работ в социальной психологии.

Названные здесь различия в понимании восприятия в общей и социальной психологии свидетельствуют, что в последней восприятие в большей мере включено в спектр других познавательных процессов, а также более непосредственно связано с широким кругом «чисто» социальных проблем. Нельзя при этом сбрасывать со счетов и способность человека как существа, наделенного сознанием, хотеть одного, осознавать другое, говорить третье, а поступать как-то иначе, что было остроумно названо для социальной психологии «проблемой номер один» [см. 103].

Доказательством того, что исследования социальной перцепции вплотную приближаются к исследованиям социального познания, является огромный массив экспериментальных и эмпирических работ, посвященных отдельным сторонам этого феномена. Сюда прежде всего следует отнести многочисленные исследования таких механизмов межличностного восприятия, как роль социальных установок при формировании первого впечатления [24], роль стереотипов в перцептивном процессе [88], в том числе при межгрупповом восприятии [4], а также тех условий, при которых достигается понимание человека человеком. Из последних особое значение имеют механизмы *идентификации* и *рефлексии*.

Идентификация буквально означает отождествление себя с другим, уподобление ему; иногда ее определяют как умение «встать на точку зрения» другого человека. Однако в действительности механизм не так прост. Полезно различить два значения термина «понимание». В отдельных случаях понять другого человека — действительно означает сочувственно отнестись к нему (что обозначается термином «эмпатия») и принять его полностью таким, каков он есть. В данном случае уместно говорить об идентификации: ситуация другого человека при этом не столько «продумывается», сколько «прочувствуется». И хотя такой способ восприятия другого человека существует, вряд ли его можно считать универсальным. В ряде реальных жизненных ситуаций «понять человека» не означает обязательно полностью принять его позицию и даже перейти на нее. Вряд ли это возможно в ситуации следователя, допрашивающего преступника, или педагога, выслушивающего объяснения ученика по поводу его прогула. «Понять» в данном случае — всего лишь принять в расчет объяснения, учесть их, но вовсе не согласиться безоговорочно с ними. «Понимание» в данном случае — гораздо более «когнитивный» процесс, чем сочувственная идентификация: в него в большей степени включены соображения, доводы, поиски аргументов и т.п.

Еще более очевидно близость процесса социального восприятия к социальному познанию проявляется при анализе **рефлексии** — осознания индивидом того, как он воспринимается партнером по общению. Это уже не просто знание или понимание другого, но знание того, как другой понимает меня, своеобразный удвоенный процесс зеркальных отражений друг друга, воспроизведение внутреннего мира другого человека, в котором присутствует образ» партнера. В литературе неоднократно приводится изящный пример Дж. Холмса, поясняющий механизм рефлексии (рис. 3). При общении неких Джона и Генри фактически присутствует шесть позиций: Джон, каким его сотворил Господь Бог; Джон, каким он видит себя сам;

Джон, каким его видит Генри. Соответственно, три такие же позиции для Генри. Понятно, что рефлексивные отношения можно было бы проследить и далее: Джон, каким ему представляется его образ в сознании Генри, и Генри, каким ему представляется его образ в сознании Джона [см. 11, с. 122-123].

Понятно, что рассогласование всех этих построенных и отраженных «образов» имеет огромное значение для взаимопонимания участников общения. Но продумывание всей этой довольно сложной цепочки есть дополнительная работа к простому построению образа: процесс социального восприятия требует здесь включения целого ряда операций, свойственных мышлению, и таким образом «обрастает» дополнительными сложностями и тем самым обогащает себя.

Аналогичные рассуждения можно провести относительно так называемых *эффектов межличностного восприятия*. «Гало-эффект», или «эффект ореола», означает, что при восприятии незнакомого человека образ строится не на основе непосредственно воспринятого, а встраивается в некоторую предшествующую информацию о человеке, окружающую его определенным ореолом (положительным, как правило, но, возможно, и отрицательным). Это уже очень близко к тому, что, как мы видели, в когнитивной психологии именовалось «схемой».

Эффект ореола проявляется при формировании первого впечатления в том случае, когда имеется минимальная предварительная информация о воспринимаемом человеке: лишь некоторый набор либо позитивных, либо негативных качеств, якобы ему присущих, как правило, касающихся моральных свойств личности. Ореол выступает фильтром, через который пропускается лишь ограниченное число качеств, либо положительных, либо отрицательных, и это тоже — определенная когнитивная «работа».

С этим эффектом связаны два других — «первичности» и «новизны», обуславливающие построение образа воспринимаемого человека в зависимости от порядка предъявления информации о нем (какие качества называются вначале и какие — впоследствии). Возникновение этих эффектов в полной мере анализируется уже непосредственно в психологии социального познания, поскольку ни связаны со сложной системой организации информации.

механизма может произойти сдвиг в сторону какой-либо оценки воспринимаемого человека и тогда это порождает предубеждение или, напротив, переоценку реальных свойств объекта восприятия. Особое значение стереотипы имеют в области межэтнических отношений [см. 88; 90]. Хотя феномен описан в многочисленных исследованиях по социальному восприятию, его изучение занимает большое место и в работах по социальному познанию, где вся проблематика, связанная с процессом стереотипизации, значительно обогащается.

2. ОТ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ К СОЦИАЛЬНОМУ ПОЗНАНИЮ

Обзор проблем, возникающих в исследованиях социальной перцепции, показывает, что в них заложен фундамент более широкого подхода к изучению этого явления. Но для того чтобы понять претензии психологии социального познания на самостоятельный статус, нужно как минимум проанализировать более скрупулезно те «добавки» или принципиальные дополнения, которые предлагаются к уже существующей традиции.

В литературе обсуждается вопрос о том, что собственно имеют в виду, когда говорят о **социальном** познании. Во-первых, признается факт социального **происхождения** этого познания: оно возникает и поддерживается социальным взаимодействием, решающую роль в нем играет коммуникация. Во-вторых, познание является социальным, поскольку оно имеет дело с социальными **объектами** (круг их весьма обширен и требует дополнительного обсуждения). В-третьих, социальное познание **социально разделено**, т.е. его результаты являются общими для членов определенного общества или группы, «разделяются» ими, ибо в противном случае никакие взаимодействия были бы невозможны [124]. Рассмотрим каждую из этих «добавок» подробнее, тем более **что в литературе** неоднократно ставится вопрос о том, какое значение имеет каждая **из** них для выявления «социальности» познания.

Итак, познание социально по своему *происхождению*. Знания о социальном мире возникают лишь при условии взаимодействия людей, их общения между собой: даже простейшая форма социального знания — построение образа другого человека уже возможна лишь при элементарном взаимодействии. Более сложные формы социального познания — других групп, общества в целом возникают лишь при условии, что человек действует в разнообразных социальных ситуациях. Здесь вновь уместно вспомнить истину, что человек действует в мире в соответствии с тем, как он познает его, но познает мир в соответствии с тем, как действует в нем. Значит, при

познании явлений социального мира всегда дан социальный контекст — реальная социальная ситуация, в которой живет и действует человек. Важнейшее условие адекватного знания в данном случае — соотношение между содержанием знания, изменениями в нем и изменениями в мире. Акцент на эту сторону вопроса был сделан именно в социальной психологии. Доказательством этого являются исследования процесса социализации: знания о социальном мире закладываются с детства и развиваются по мере приобретения ребенком социального опыта, т.е. действия его все в новых и новых социальных ситуациях.

Большое значение при происхождении социального познания имеет конкретная культурная среда, которая воспринимается ребенком в процессе социализации через овладение языком. Язык, как инструмент освоения социального мира, выступает также в качестве одного из доказательств социального происхождения социального познания. Следовательно, само взаимодействие осуществляется в контексте общества и потому не непосредственно обуславливает процесс социального познания. *А. Тэйфел* замечает по этому поводу: важно понять, «как различные социальные системы влияют на индивидуальный способ видения мира, в котором индивид живет и действует» [цит. по: 93]. Социальное происхождение социального познания заставляет расширить круг вопросов, на которые должен быть найден ответ: задача заключается в том, чтобы не только понять человека, понять его взаимодействия с другими людьми, но и понять **мир**, в котором эти взаимодействия осуществляются.

Вторая «добавка» касается *круга* тех социальных явлений, которые выступают объектами социального познания. Как мы помним, в исследованиях социального восприятия круг этих объектов был достаточно ограничен: другой человек, группа, более широкая общность. Лишь на первых порах своего существования психология социального познания принимала такую постановку проблемы. При дальнейшем развитии исследований была установлена необходимость обратиться к более широкому кругу объектов. Коль скоро социальное познание зарождается во взаимодействии, я последнее всегда дано в более широком социальном контексте, возникла необходимость анализа этих взаимодействий в различных конкретных социальных «средах». Под «средой» здесь можно понимать самые разные фрагменты действительности. Во-первых, многочисленные конкретные социальные группы: в современных обществах это, например, организации, различные социальные институты (что в традиционных исследованиях социального восприятия специально не оговаривалось). Во-вторых, «среда» интерпретируется и в ее экологическом смысле: как естественная и

искусственная среда обитания (тем более что в современной психологии все более определенно заявляет о себе относительно новая ветвь — «экологическая психология», или «психология среды»). Как мы увидим далее, познание «среды» — важный фактор ориентации человека в социальном мире. В-третьих, «среда» может быть понята и как языковая среда, представляющая собой символическую репрезентацию окружающего мира. В-четвертых, под «средой» можно понимать и всю область межгрупповых отношений — их различные «срезы», их тип.

Такое расширение сфер социального познания подводит вплотную к выводу о необходимости исследовать процесс познания социального мира в целом, проанализировать условия и способы построения его образа. Отсюда в психологии социального познания фиксируют три ряда «ожиданий», которые включаются в процесс познания социального мира каждым конкретным субъектом: общий ряд ожиданий, которые порождены данной культурой, данным типом общества; ожидания, возникающие на основе предшествующего знания о какой-либо конкретной группе (нации, профессии, социальном классе); ожидания о поведении конкретной личности, которая выступает объектом познания. Это также задает психологии социального познания определенную структуру и внутреннюю логику предмета.

Третий признак большей «социальности» социального познания по сравнению с социальным восприятием — его *разделенность* с Другими людьми. Эта идея «разделяемости» социального познания базируется на двух постулатах: а) в поведении всех людей существует предсказуемый ряд сходств, основанных на представлениях об общей человеческой природе, приобретенных нами в опыте; б) существует также ряд несомненных различий в поведении людей (как у отдельных индивидов, так и у некоторых типов). Из этого следует, что никогда нельзя иметь два одинаковых мнения даже об отдельном человеке, не говоря уже о каких-то более сложных явлениях. Это — цена «объективности» познания. Именно поэтому всякое познание и есть ментальная *реконструкция* того, что существует *на самом деле*.

Эта реконструкция осуществляется субъектом на основе его опыта, потребностей, намерений. Поэтому нет на Земле двух индивидов, чьи результаты познания были бы идентичными. Естественно, особенно важно это для характеристики социального познания, поскольку кроме индивидуального опыта индивида здесь включается еще и опыт группы, к которой он принадлежит, и весь «опыт» культуры. Тем не менее люди должны определенным образом понимать друг друга или хотя бы понимать, о чем идет речь. «Разделяемость» результатов познания и означает, что, несмотря на

индивидуальные или групповые представления о различных социальных явлениях, люди существуют в некотором общем познавательном пространстве, они более или менее разделяют — возможно, в определенных пределах — значение тех или иных познаваемых ими объектов.

Средством выработки таких разделяемых представлений, значений является коммуникация. Только при включении ее в познавательный процесс можно ответить на сакраментальный вопрос: как люди могут познать одну и ту же вещь, если каждый конструирует ее образ индивидуально, если вообще знание каждого о мире есть процесс абсолютно независимый? Социальное познание, возникая в ходе взаимодействия, предполагает обязательный коммуникативный процесс, т.е. процесс постоянного обмена информацией. Не случайно в теории «социальных представлений» С. Московиси, важнейшей концепции психологии социального познания, эта проблема обсуждается во всей ее полноте [143].

Самый главный вывод, который следует из характеристики этого третьего признака «социальности» социального познания, состоит в том, что условием его возможности является включенный в него процесс постоянной коммуникации между людьми: образ социального мира вырабатывается сообща.

Но вместе с тем люди различны, и поэтому каждый демонстрирует свой индивидуальный стиль социального познания. На основе обобщения опыта многочисленных исследований [130, р. 122-128] выявлены пять основных типов субъектов социального познания (в английской терминологии — «познавателей»).

а. Рациональный человек. Как мы увидим, именно такой тип обрисован в теориях когнитивного соответствия. Для него основание познания — поиск соответствия, упорядоченности в его когнитивных структурах, он рационален, так как глубоко убежден, что в познании нужно руководствоваться доводами, а не эмоциями.

б «Наивный психолог» — это обыденный человек, описанный Ф. Хайдером и С. Ашем, который полагается на сложившиеся у него представления о некотором сцеплении черт в человеке («все серьезные люди упрямы», «все веселые — легкомысленны», «все упрямыцы — педанты» и пр.). Такой человек постоянно «достраивает» образ воспринимаемого, руководствуясь тем, что впоследствии было названо «имплицитными теориями личности».

в. «Производитель данных» — человек, который оценивает другого человека не в связи с существующими у субъекта имплицитными теориями личности, а исключительно на основании порядка предъявления информации о воспринимаемом. Считается, что к концу списка фиксируемых черт внимание ослабевает и

окончательная оценка воспринимаемого представляет собой «алгебраическую линейную интеграцию взвешенных оценок рейтинга». Но сам рейтинг качеств человека устанавливается культурой (например, в разных культурах будет различным рейтинг таких качеств, как «неопрятный» или «агрессивный», «открытый» или «деловой» и т.п.).

г. «Когнитивный скупец (скряга)» — человек, допускающий много ошибок в оценивании другого человека из-за излишней «экономности» своих суждений. Это может выражаться, например, в том, что в памяти удерживается лишь более доступное, именно оно и приплюсовывается к образу воспринимаемого. Или, подобно «наивному психологу», такой скупец опирается на наиболее привычные сочетания, сцепления признаков (например, «преступления» и «иммигранты» и пр.). Иногда такой «скупец» опирается в своих суждениях на кажущуюся близость тех или иных объектов. (Нисбет и Росс предложили студентам такой сюжет: «У нас есть друг — профессор. Он любит писать стихи, довольно застенчив и мал ростом. Кто он — психолог или китаевед?» Большинство ответило: «Психолог». Спрашивается, на каком основании? Да на том, что у двух психологов Друг скорее тоже будет психологом, а не китаеведом.) «Когнитивный скупец» склонен видеть лишь вершину айсберга.

д. Когнитивно-аффективный тип, в отличие от «рационального», в гораздо большей степени опирается в своих оценках на эмоции: никогда не действует «по логике», но всегда — по «психологике». По словам Р. Зайонца, для такого человека, безусловно, приемлемо высказывание: «Предпочтения не нуждаются в выводе». (Это совпадает с известной мыслью Паскаля: «Сердце имеет свой резон, что не знает никаких резонансов».)

Естественно, эта типология, как и всякая типология, достаточно условна: вряд ли описанные типы существуют в чистом виде. Тем не менее она полезна, так как позволяет далее более конкретно рассмотреть вопрос о том, какие механизмы человек включает при познании социального мира и как эти индивидуальные механизмы проявляют себя во взаимодействии с социальными факторами.

Все соображения, приведенные здесь, служат тому, чтобы понять, в чем заключается разница между исследованными ранее процессами социального восприятия и процессами социального познания, т.е. сопоставить перцептивный и мыслительный процессы, выявить различия между тем, как мы *воспринимаем* мир, и тем, как мы *думаем* о нем.

3. ТЕОРИИ КОГНИТИВНОГО СООТВЕТСТВИЯ

Следующий шаг был сделан так называемыми теориями когнитивного соответствия. Совокупность этих теорий, родившихся в 50-х гг. XX в., представляет собой одну из важнейших ориентации в современной социальной психологии [см. 7]. В самом общем виде сущность когнитивистского подхода может быть охарактеризована как стремление объяснить социальное поведение при помощи описания преимущественно познавательных процессов, характерных для человека. В прямую противоположность бихевиоризму когнитивисты обращаются прежде всего к психической деятельности, к структурам психической организации. Главный акцент в исследованиях делается на процесс познания. Общая линия связи между этим процессом и социальным поведением прослеживается следующим образом: впечатления индивида о мире организуются в некоторые связанные интерпретации, в результате чего образуются различные идеи, верования, ожидания, аттитюды, которые и выступают регуляторами социального поведения. Таким образом, это поведение целиком находится в контексте некоторых организованных систем образов, понятий и других «менталистских» образований. При объединении этих образований в связанную структурированную систему человеку неизбежно приходится принимать некоторое решение, первым шагом которого является отнесение воспринимаемого предмета к определенной категории.

Легко видеть, что основные линии когнитивистского подхода в социальной психологии имеют своим источником некоторые идеи классической гештальтпсихологии, а также теории поля К. Левина. Один из видных теоретиков когнитивизма в социальной психологии *Р. Абельсон* впоследствии так выразил своеобразную программу подхода: «Мой вариант Каждого Человека заставляет рассматривать его в большей степени как Думателя, чем как Делателя» [цит. по: 7, с. 113].

Апелляция к *гештальтпсихологии* осуществляется по нескольким линиям: принимается идея образа как целостного образования, идея изоморфизма, трансформированная здесь в идею подобия различных аспектов межличностных отношений. Специфическую трактовку получает и идея имманентной динамики гештальта: преобразование познавательных структур субъекта («реорганизация», «перегруппировка») понимается как установление таких сбалансированных структур индивида, которые переживаются им субъективно как психологический комфорт. При установлении такого баланса используется принцип гештальтпсихологии о господстве «хороших фигур». Таким образом, весь традиционный набор идей гештальтпсихологии представлен в работах социальных

психологов когнитивистской ориентации. В них достаточно часты прямые ссылки на классические произведения гештальтистов, в частности на книгу *В. Келера* «Гештальтпсихология»; многие из авторов, работающих в рамках этой ориентации, называют себя учениками школы гештальтпсихологии.

Естественно, идеи классической гештальтпсихологии не воспринимаются буквально. Во-первых, потому что сама специфика социально-психологического исследования требует их известной модификации. Во-вторых, потому что современных когнитивистов в социальной психологии отделяет от классической гештальтпсихологии довольно длительный отрезок времени, в течение которого многие идеи оказались либо обновленными, либо отброшенными. В-третьих, потому что на фоне общего эклектизма в современной социальной психологии границы между ориентациями значительно смягчаются и, таким образом, в ткань когнитивистских представлений сплошь и рядом проникают идеи из других теоретических ориентации.

Однако общая тональность гештальтпсихологии неизбежно присутствует в работах когнитивистов: призыв опереться на непосредственный жизненный опыт как на первый шаг создания «респектабельной» науки, допустимость, наряду с экспериментом, данных «наивного» наблюдения и, конечно, общая ориентация на познавательные процессы как исходный пункт психологического анализа.

Другим теоретическим источником когнитивистской ориентации является *теория поля К. Левина*. Несмотря на близость идей -Левина гештальтпсихологии, в его концепции содержатся такие акценты, которые особенно значимы для социальной психологии. В отличие от гештальтпсихологов, Левин делает упор не на познавательные процессы, а предлагает принципы исследования личности и, следовательно, наряду с использованием такого ключевого понятия, как «образ», разрабатывает понятие «мотив». Это содержит в себе высокую привлекательность для когнитивистов — социальных психологов, поскольку привлечение только фактора информации (знания) для объяснения социального поведения оказывается недостаточным. И хотя до сих пор проблема связи когнитивных и мотивационных процессов не решена окончательно, сама постановка ее возможна при условии синтеза классической гештальтпсихологии и теории поля.

Для социальной психологии особенно значимыми оказались такие положения теории поля, как идея взаимодействия индивида и окружения (среды), которая трансформирована в идею взаимодействия индивида и группы, что дает основание

рассматривать не только перцептивную структуру индивида, но и структуру его реального поведения. Когнитивистам свойственно усвоение двойного значения понятия «поле». Как справедливо замечает *М. Г. Ярошевский*, «для гештальтистов «поле» — это перцептивная структура, это то, что воспринимается в качестве непосредственно данного сознанию. Для Левина «поле» — это структура, в которой совершается поведение. Она охватывает в нераздельности мотивационные устремления (намерения) индивида и существующие вне индивида объекты его устремлений» [111, с. 258]. Другая идея Левина, непосредственно использованная в социальной психологии,— это идея валентности: многие построения когнитивистов относительно представленности в феноменальном поле субъекта его отношений к другим людям эксплуатируют идею позитивной или негативной валентности.

Подобно тому как это произошло с идеями классической гештальтпсихологии, теория Левина не используется «дословно». Скорее и здесь влияние проявилось в большей степени на общую ориентацию исследования — на необходимость изучения индивида во взаимодействии с окружением, акцент на «центральные» психические процессы, уважение к эксперименту, в том числе в такой сложной области, как исследование личности.

Ядро когнитивистской ориентации составляют **теории когнитивного соответствия** [155]. Все они базируются на основной посылке о том, что когнитивная структура человека не может быть несбалансированной, дисгармоничной, а если это имеет место, то немедленно возникает тенденция изменить такое состояние. Эта идея по-разному представлена в разных теориях, но сам факт обращения к ней одновременно многих исследователей весьма примечателен. Сами последователи этих теорий в своеобразном *credo*, изложенном в книге «Теории когнитивного соответствия», отмечают, что история их возникновения есть иллюстрация нередко встречающегося в науке явления, когда в определенный период времени возникает несколько сходных теорий, созданных авторам не имеющими между собой прямых научных контактов. В конце 50-х гг. именно это произошло с теориями когнитивного соответствия которые возникли под разными названиями: *баланса, конгруэнтности, симметрии, диссонанса*. Общим для всех них было с самого начала признание того факта, что человек ведет себя таким образом, чтобы максимизировать внутреннее соответствие его когнитивной системы, и, более того, группы ведут себя таким образом чтобы максимизировать внутреннее соответствие их межличностных отношений. Ощущение же несоответствия вызывает психологический дискомфорт, что и порождает реорганизацию когнитивной структуры с целью

восстановления соответствия.

Хотя эти теории возникли лишь в конце 50-х гг., к ним применимы слова *Г. Эббингауза*, относящиеся к психологии в целом: теории эти имеют «длинное прошлое, но короткую историю». Сами последователи этих теорий усматривают связь их еще со средневековым понятием логического человека или с понятием рационального человека, экономического человека философских концепций более позднего времени. Общность подхода подчеркивается в том пункте, где осуществляется попытка соотнести логичное и алогичное, рациональное и нерациональное в поведении человека. Тот факт, что к этим тезисам вернулись в 50-е гг., очевидно, имеет свое объяснение: длительное господство бихевиористской ориентации обходило эту проблему, между тем как усложнение форм общественной жизни диктовало требование рациональных форм поведения. Теории когнитивного соответствия в специфической форме ответили на это требование.

Непосредственными источниками теорий соответствия считаются идеи *К. Левина* о природе конфликта и коллективная работа под руководством *Т. Адорно* «Авторитарная личность». Левин выделил три типа психологических конфликтов, которые позже были зафиксированы в эксперименте *Миллером* [см. 98]: «подход — подход», «подход — избегание», «избегание — избегание». В каждой ситуации перед индивидом существует альтернатива выбора поведения. Так, в ситуации «подход — подход» характеризуется состояние индивида, которому приходится выбирать между двумя в равной степени привлекательными альтернативами, каждая из КОТОРЫХ требует различного типа действия. Классический обыденный пример такого типа конфликта — это ситуация *Буриданова осла*, не решающегося выбрать тот или иной привлекательный для него ПУЧОК сена. Ситуация «подход — избегание» характеризует такой тип конфликта, когда одна и та же цель представляется индивиду и привлекательной, и отталкивающей в то же самое время (на обыденном языке это называется «и хочется и колется»). Наконец третий тип конфликта «избегание — избегание» рисует ситуацию когда нужно выбирать между двумя равно непривлекательными альтернативами («налево пойдешь — пропадешь, направо пойдешь — ...тоже пропадешь»).

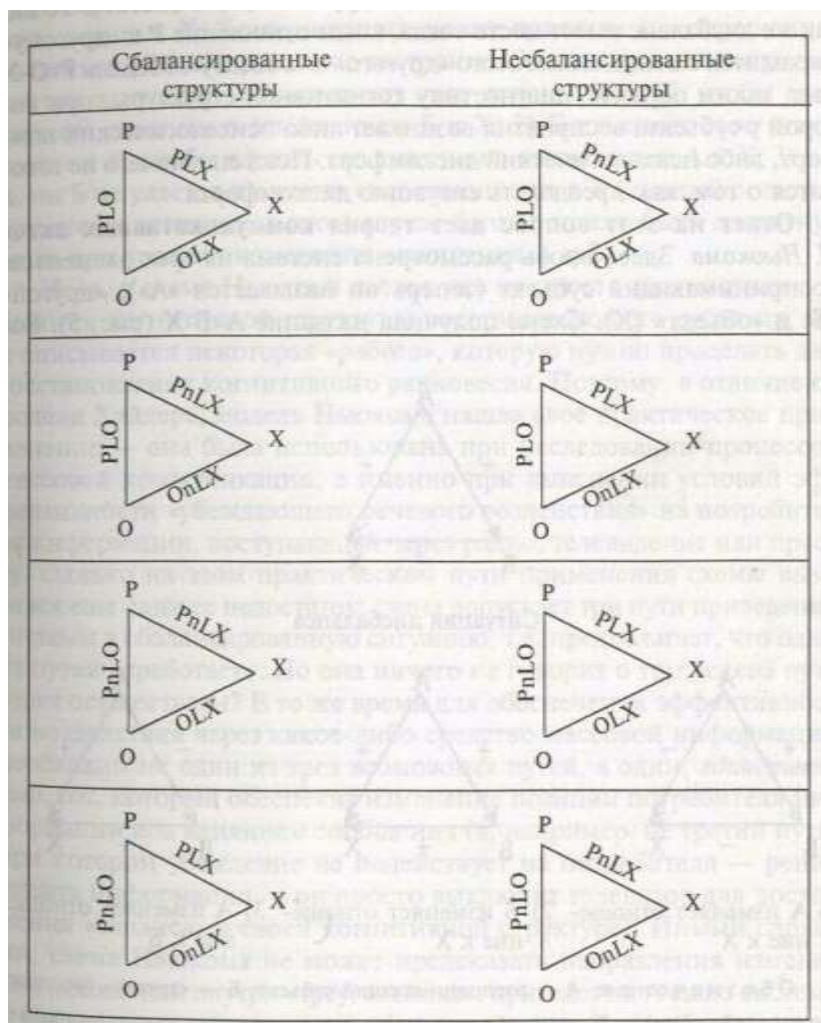
Интерпретация сделанного выбора хорошо осуществляется при помощи теорий когнитивного соответствия, которые как бы логически продолжают рассуждения *Левина*: человек выбирает ту альтернативу, при помощи которой он быстрее восстанавливает свое когнитивное соответствие.

Что же касается работы *Адорно* и соавторов, то среди многих

важных психологических разработок, содержащихся в ней (в частности, проблемы авторитаризма и связанных с ним вопросов), когнитивистами было отмечено одно важное обстоятельство. В разделе книги, озаглавленном «Когнитивная организация личности», обсуждалось понятие «толерантность неоднозначности», которое рассматривается как прообраз идеи терпимости к несоответствию, т.е. такого психологического состояния индивида, при котором его чувствительность к возникшему в когнитивной структуре несоответствию минимальна.

Опираясь на эти прообразы идеи когнитивного соответствия, авторы и обратились к разработке собственно различных теорий. Из них наибольшую известность получили: теория структурного баланса Ф. Хайдера, теория коммуникативных актов Т. Ньюкома, теория когнитивного диссонанса Л. Фестингера и теория конгруэнтности Ч. Осгуда и П. Танненбаума. Несколько особняком стоит теория психологии, разработанная Р. Абельсоном и М. Розенбергом. Подробный анализ этих теорий дан в ряде опубликованных работ [7]. Поэтому здесь необходимо лишь выявить некоторые позиции, которые непосредственно послужили платформой для последующих изысканий в психологии социального познания.

В теории сбалансированных и несбалансированных структур Ф. Хайдера, который справедливо считается одним из основателей когнитивистской ориентации, рассматривается перцептивное поле некоего познающего субъекта, в котором присутствуют: он сам, другой субъект, к которому у воспринимающего есть определенное отношение, и третий — объект, по поводу которого и воспринимающий и «другой» имеют какое-то суждение. Когнитивная структура воспринимающего субъекта будет сбалансированной, если она подчиняется обыденному житейскому «правилу»: «мы любим то, что любят наши друзья», «мы любим то, что не нравится нашим друзьям» и т.п. По мысли Хайдера, в этих сентенциях выражены представления наивной психологии о сущности стремления человека к сбалансированной когнитивной структуре. Хайдер скрупулезно строит все возможные модели сбалансированных и несбалансированных структур индивида, собранные воедино в его схеме Р-О-Х, где Р — воспринимающий субъект, О — «другой» и Х — объект, воспринимаемый и «воспринимающим субъектом», и «другим». При помощи этой схемы (рис. 4) определяется, какой тип отношений между

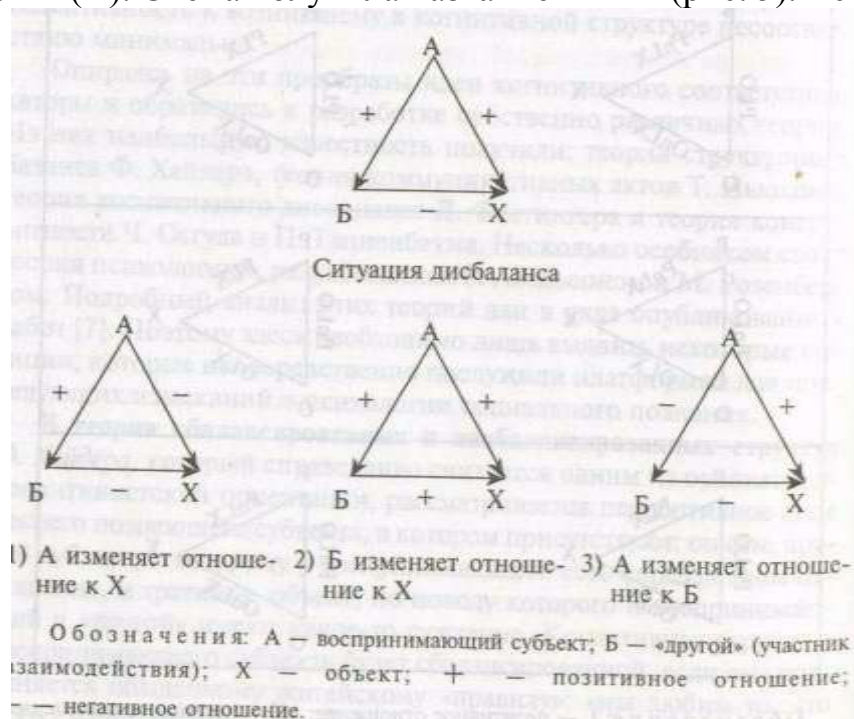
Обозначения: L — положительное отношение; nL — негативное отношение. **Рис. 4. Схема Р-О-Х (Ф. Хайдер).** К теории структурного баланса

три обозначенными элементами схемы дает устойчивую, сбалансированную структуру и какой — вызывает ситуацию дискомфорта для Р (например: «Мне очень понравилась прочитанная книга, а мой лучший друг подверг ее сокрушительной критике»).

В общем виде баланс присутствует, по мнению Хайдера, в когнитивной системе Р в том случае, если Р воспринимает всю ситуацию как гармонию, без стресса, т.е. если отношения между Р и «другим» (О) соответствуют отношению «другого» (О) к объекту. Точно так же дисбаланс имеет место тогда, когда отношение Р к «другому» расходится с отношением этого «другого» к «объекту». Модель Р-О-Х дает, таким образом, диагностику когнитивной структуры, при которой у субъекта восприятия возникает либо психологический комфорт, либо психологический дискомфорт. Пока еще ничего не говорится о том, как преодолеть ситуацию

дискомфорта.

Ответ на этот вопрос дает **теория коммуникативных актов Т. Ньюкома**. Здесь вновь рассмотрена система из трех элементов: воспринимающий субъект (теперь он называется «А»), «другой» (Б) и «объект» (Х). Схема получила название А-Б-Х (рис. 5). Все

Рис. 5. Схема А-Б-Х (Т. Ньюком). К теории коммуникативных актов

рассуждения ведутся подобно тому, как это делается в схеме Хайдера: А воспринимает как консонанс (аналог балансу) сходство своего отношения к Х и отношения Б к Х. Сходство этих отношений будет порождать привязанность между А и Б и, напротив, расхождение этих отношений будет порождать неприязнь между А и Б. Чтобы привести систему в ситуацию консонанса (баланса, по Хайдеру) необходимо развивать коммуникацию между А и Б, вести «переговоры», цель которых — сблизить позиции А и Б по отношению к Х. Коммуникация может привести к возвращению системы в сбалансированное состояние. Однако при этом возможны три варианта: 1) А изменяет свое отношение к Х, чтобы сделать его сходным с отношением Б к Х; 2) Б изменяет свое отношение к Х, чтобы сделать его сходным с отношением А к Х; 3) ни А ни Б не удается изменить свое отношение к Х (каждый остается при своем мнении), в этом случае баланс может быть достигнут лишь при условии изменения отношения А к Б.

Итак, в схеме Ньюкома дается уже не просто диагностика состояния когнитивной структуры воспринимающего субъекта, но и

описывается некоторая «работа», которую нужно проделать для восстановления когнитивного равновесия. Поэтому, в отличие от модели Хайдера, модель Ньюкома нашла свое практическое применение — она была использована при исследовании процессов массовой коммуникации, а именно при выяснении условий эффективности «убеждающего речевого воздействия» на потребителя информации, поступающей через радио, телевидение или прессу. Однако на этом практическом пути применения схемы выявился еще один ее недостаток: схема допускает три пути приведения системы в сбалансированную ситуацию, т.е. предполагает, что один из путей «сработает». Но она ничего не говорит о том, *какой* путь будет осуществлен? В то же время для обеспечения эффективности воздействия через какое-либо средство массовой информации необходим не один из трех возможных путей, а один, *единственный*, тот, который обеспечит изменение позиции потребителя информации под влиянием сообщения (а, например, не третий путь, при котором убеждение не подействует на потребителя — реципиента информации, и он просто выключит телевизор для достижения «баланса» в своей когнитивной структуре). Иными словами, схема Ньюкома не может предсказать направления изменения отношений внутри «треугольника»: приведет ли А свою систему в соответствие путем изменения отношения Б к «объекту» или изменением его отношения к коммуникатору (т.е. к А).

Следующий логический шаг в совершенствовании идеи когнитивного соответствия сделан в **теории конгруэнтности** У. Осгуда и П. Танненбаума. В отличие от теорий Хайдера и Ньюкома, теория Осгуда и Танненбаума делает два предположения, которые позволяют прогнозировать исходы дисбалансных состояний: 1. Дисбаланс в когнитивной структуре Р (или А—у Ньюкома) зависит не только от общего знака отношения Р к О (А к Б) и О к Х (Б к Х), но и от **интенсивности** этих отношений. Так, отношение может быть положительным, но различной степени (можно что-то или кого-то «сильно любить», просто «любить» и т.п.). Различная интенсивность отношения может также привести к несоответствию (неконгруэнтности). 2. Восстановление баланса может быть достигнуто не только за счет изменения знака отношения Р к одному из членов триады, но путем изменения **и знака, и интенсивности**, причем одновременно к обоим членам триады. Осгуд и Танненбаум применяют методику семантического дифференциала для измерения «сдвига» отношения Р и по знаку, и по интенсивности к Х, так же как и отношения О к Х. Предлагаются формулы, по которым можно достаточно точно рассчитать, насколько «сдвинется» каждое из отношений, чтобы совпасть в одной точке и тем способствовать

приведению системы в конгруэнтное состояние. Теория Осгуда и Танненбаума дает максимум возможного для совершенствования идеи приведения когнитивной структуры в состояние соответствия [см. подробно?].

Несколько выпадает из этой общей логики **теория когнитивного диссонанса Л. Фестингера**, самая известная и популярная из всех теорий соответствия. В отличие от трех рассмотренных теорий, теория Фестингера имеет дело с когнитивной структурой одного-единственного индивида, и поэтому в ней не фигурирует никакая триада (то есть нет «другого»). «Конфликт» разыгрывается в когнитивной структуре одного человека, когда у него возникает несоответствие («диссонанс») между двумя элементами его когнитивной структуры. Эти элементы Фестингер называет «когнициями» или «знаниями». Это могут быть «знания» о себе: что некто делает, чувствует, хочет или желает, чем он является и т.п. Другие элементы — это знания о мире, в котором некто живет: что и где происходит, что к чему ведет, что доставляет удовлетворение, а что причиняет боль, на что можно не обращать внимание, а что важно и т.д. [см. 8]. Широко известен пример, приводимый самим Фестингером, о курильщике, который знает, что курить вредно, но при этом продолжает курить. Фестингер называет три пути, по которым можно осуществить «избавление» от диссонанса или в крайнем случае уменьшить его: а) изменить поведение, т.е. бросить курить; б) изменить «знание» («когницию», по Фестингеру), т.е. убедить себя в том, что никакой опасности нет; в) осторожно относиться ко всякой новой информации относительно курения, произвести ее «селекцию» — воспринимать лишь ту, которая пренебрегает опасностью курения, и отбрасывать «страшные» рассказы про рак и прочие тяжелые последствия.

Фестингер называет пять областей, в которых уменьшение диссонанса играет важную роль: 1. Конфликт после принятия решения когда человек, приняв решение, стремится всячески привести доводы в пользу принятой альтернативы, т.е. в значительной мере снижает объективность, свойственную при оценке альтернатив до принятия решения. 2. Вынужденное согласие, когда у человека возникает диссонанс не потому, что его принудили принять какое-то решение, а он сам добровольно позволил вовлечь себя в решение, вызывающее диссонанс. В этом случае человек для уменьшения диссонанса начинает повышать ценность совершенного действия и как бы «оправдывать» себя. 3. Специфический отбор информации — стремление не столько избежать негативной информации (которая увеличивает диссонанс), сколько подбирать позитивную информацию, диссонанс уменьшающую. 4. Несогласие с убеждениями социальной

группы, когда ее неправота очевидна, признание чего могло бы привести к уменьшению диссонанса. Однако зачастую, благодаря взаимодействию между членами группы, такое несогласие не возникает, а, напротив, вместе с группой человек находит новые и новые «подтверждения» ее правоты. 5. Неожиданные результаты действий и их последствия, когда мера усилий человека уменьшить диссонанс зависит от того, как соотносятся затраченные им усилия и неуспешность результата: диссонанс сильнее в том случае, когда результат какого-то решения противоречит представлению человека о себе. Чтобы уменьшить диссонанс в этом случае, человек склонен изменять даже самооценку. Все это говорит о важности феномена диссонанса в реальной жизни человека [94; 95].

Важный вопрос теории диссонанса — вопрос о его происхождении. Он представляет большой интерес и с точки зрения дальнейшего развития идей когнитивизма. Фестингер предлагает четыре возможных источника возникновения диссонанса: 1) из логической непоследовательности, т.е. когда человек просто допускает одновременное существование двух противоречивых суждений; наряду с видоизмененным примером из традиционной формальной логики («Все люди смертны. Я — человек. Но я никогда не умру»), Фестингер предлагает и другой пример: человек знает, что вода замерзает при 0° , но одновременно полагает, что стакан льда не растает при $+20^{\circ}$; 2) из несоответствия когнитивных элементов культурным образцам, или, иначе говоря, нормам: профессор, выйдя из себя, кричит на студента, хотя знает, что это — элементарное нарушение педагогических норм; он должен при этом испытывать диссонанс; 3) из несоответствия когнитивного элемента более широкой системе представлений: некий американский избиратель является демократом и вдруг на выборах голосует за республиканца; 4) из несоответствия прошлому опыту: кто-то вышел на дождь и почему-то не промокает, хотя в прошлом, естественно, дождь всегда «мочил» [94].

В трех последних случаях отсутствует логическое несоответствие — ситуации не подчиняются фигурам и правилам силлогизма, однако диссонанс все же возникает. Поскольку в теориях когнитивного соответствия всегда рассматривается обыденный человек, постольку ему свойственна весьма специфическая логика. *Р. Абельсон* и *М. Розенберг* назвали ее «**психологика**».

Психологика призвана обеспечить особый характер отношений, возникающих между когнициями. Для того чтобы сформулировать правила психологики, предложена классификация всех возможных элементов и отношений, фигурирующих в когнитивном поле. Это — «элементы»: деятели (сам субъект восприятия, другие люди, группы),

средства (действия, институты, ответы), цели (результаты); «отношения», которые связывают эти элементы (позитивные, негативные, амбивалентные, нейтральные). Два «элемента» и «отношение» составляют «предложение». Объединенные вместе, они составляют структурную матрицу, которая позволяет вывести правила психологии. Вот пример. Существуют три элемента А, В, С и четыре вида отношений: п — позитивные, н — негативные, а — амбивалентные, о — нейтральные. Предположим, между ними имеется такая связь: АпВ и ВнС включает АпС, что означает, что если А позитивно относится к В, а В негативно относится к С, то А позитивно относится к С. «Резоны» подобного рода отвергаются логиками (с точки зрения которых должно быть: если АпВ и ВнС, то АнС), но в действительности они существуют: так на практике часто рассуждают люди. Абельсон отмечает, что при этом имеется в виду «серьезный, но не слишком блестящий «мыслитель», который рассуждает примерно так: если А делает действие В, а В блокирует цель С, то из этого следует, что А — против цели С. Но я всегда думал, что А принимает цель С, и теперь это меня смущает» [цит. по: 7, с. 114; 155]. Смущать-то смущает, но все же обыденный человек рассуждает именно таким образом, т.е. в данном случае зафиксировано не логическое противоречие, а противоречие между практическим соображением и правилом логики. Вот такого рода практические соображения и составляют психологию. «Вопрос о природе соответствия (имеется в виду когнитивное соответствие. — Г. А.) в конечном счете есть вопрос о природе Смысла, о "субъективной рациональности» [7, с. 112].

И хотя трудно не согласиться с важностью сделанного здесь цента слишком категоричное отмежевание «субъективной рациональности» от «объективной рациональности» вряд ли служит обогащению теории. Вместе с тем акцент на выявление **смысла** как некоторой сердцевины процесса познания, несомненно одна из наиболее значимых заслуг теорий когнитивного соответствия. Ее необходимо, в частности, в большей степени учитывать и при общепсихологической разработке проблемы смысла [63].

Такой постановкой вопроса теории когнитивного соответствия вплотную приближаются к более широкой проблеме, поставленной позже в концепциях психологии социального познания, а именно о работе с социальной информацией во имя понимания ее определенного смысла.

Хотя все рассмотренные теории получили название теорий когнитивного соответствия, во всех ход рассуждения начинается именно с восприятия какой-либо информации и затем уже происходит «работа» с ней. Восприятие другого человека с его мнениями,

позициями, точками зрения или каких-то иных объектов здесь подвергается дальнейшему обогащению, причем это достигается не простым «наращиванием» каких-либо свойств восприятия, а его радикальной, существенной «переработкой». Эта «переработка» носит рациональный характер, хотя рациональность выглядит весьма субъективно. Тем не менее предложенная в теориях когнитивного соответствия процедура познания социального мира, несомненно, содержит много интересных моментов и находок. Другое дело, что роль когнитивного начала в социальном поведении гипертрофирована: практически отсутствует его эмоциональный компонент. Но это и есть та слабость, которая свойственна когнитивизму в его классическом виде в целом. Проблема включения в анализ человеческого поведения эмоций и мотивов здесь едва обозначена. Только на более поздних этапах становления психологии социального познания будут сделаны попытки рассмотреть ее более полно.

Таким образом, теории когнитивного соответствия, давая действительно много для проработки проблем социального познания, его структуры, содержания, не смогли вплотную приблизиться к ответу на вопрос о связи когнитивной активности и поведения, Деятельности человека. Тем не менее эти теории могут быть рассмотрены как вторая составляющая социально-психологических знаний, давшая импульс дальнейшим исследованиям социального познания.

Когнитивистская ориентация в целом задала и проблематику дальнейших исследований в социальной психологии, связанную с акцентом на проблемы социальной перцепции, коммуникации, аттитюдов, принятия решений и т.п. Точно так же она стимулировала развитие третьей составляющей, получившей название - исследования атрибутивных процессов. Вклад этой области в общую теорию социального познания так велик, что должен быть рассмотрен особо.

Глава III

АТТРИБУТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ СТРАТЕГИЯ «ПЕРЕХОДА»

Самая важная «добавка» к анализу социального восприятия, которая иллюстрирует необходимость перехода к анализу социального познания, — это открытие явления каузальной атрибуции. В социальной психологии возникает особое направление исследований, посвященных анализу того, каким образом люди интерпретируют причины поведения другого человека в условиях недостаточности информации об этих причинах [см. 9; 11; 38]. При наличии достаточной информации поступки других людей тоже, конечно, интерпретируются, но здесь предполагается, что причины известны. Когда же они неизвестны, средством причинного объяснения выступает приписывание, т.е. осуществляется своеобразное достраивание информации. При этом сфера приписывания становится значительно более широкой — причины приписываются не только поведению отдельного человека, но вообще различным социальным явлениям. Поэтому можно сказать, что процесс атрибуции служит человеку для того, чтобы придать смысл окружающему.

Здесь очевидна связь с теориями когнитивного соответствия, где также ставился вопрос о природе смысла. Однако заметны и различия этих двух подходов. В теориях когнитивного соответствия вопрос о природе смысла ставился на высоком, почти философском уровне, здесь же подчеркивается, что, не решая философских проблем, надо пытаться решить вопрос на операциональном уровне, а именно определить: какого рода информацию люди берут в расчет, приписывая кому-либо что-либо? Кроме этого, теории атрибуции включают анализ *мотивации* индивида понять причины и следствия отношений, потребности людей понять характер окружающего для ориентации в нем и для возможности построить предсказание событий и поступков. Причина, которую человек приписывает данному явлению, имеет важные последствия для его собственного поведения, так как «значение» события и его реакция на него детерминированы в большой степени приписанной причиной.

Разработка этой проблематики не означает исследования того как *следует* приписывать причины поведения другому человеку **а**, напротив, как это *на самом деле* делается обычным человеком которого Ф. Хайдер — основатель исследований атрибуции — назвал

«наивным психологом». Хайдер отмечал, что люди в своих обыденных поступках, в обыденной жизни всегда не просто наблюдают явления, но анализируют их с целью осмысления сути происходящего. Отсюда их стремление прежде всего понять причины поведения другого человека, и если не хватает информации относительно этих причин, то люди приписывают их. Обычно они стремятся приписать стабильные, достаточно широко распространенные и типичные причины, хотя по-разному оценивают намеренное и ненамеренное поведение. Чтобы определить в каждом конкретном случае, какую причину следует приписать, необходимо знать возможные типы причин. Для Хайдера — это причины личностные (т.е. когда причина приписывается действию субъекта) и причины, коренящиеся в «среде» (т.е. такие, которые приписываются обстоятельствам).

Это были первые «наброски» теорий каузальной атрибуции. Впоследствии теории эти были значительно обогащены, так что сегодня иногда говорят даже не об атрибутивной теории, а о «психологическом объяснении». Поскольку проблематика атрибуции связана с процессом объяснения человеком окружающего мира, необходимо развести понятия «научное объяснение» и «обыденное объяснение». Традиция исследования научного объяснения достаточно стара, особенно в логике и философии научного исследования. Объяснение рассматривается здесь как стержень научного познания. Точно так же и обыденное объяснение — стержень обыденного познания мира, основной способ осмысления мира «человеком с улицы»: вся система его отношений с миром опосредована именно обыденным объяснением. Поэтому атрибутивная теория, имеющая дело с этим обыденным объяснением, и может быть рассмотрена как самый яркий пример перехода от социального восприятия к социальному познанию.

При анализе атрибутивного процесса нужно иметь в виду отличия, которые существуют между научным и обыденным объяснением. Научное объяснение выступает как бы «бессубъектным»: неважно, кто объясняет, важен результат. Хотя, как справедливо показал *А. В. Юревич* [108], в действительности все же указание на **то, кто** объясняет, в скрытой форме содержится: у всякого ученого, осуществляющего научное объяснение, свое «личное уравнение» свой «жизненный мир», т.е. своя интерпретация объясняемого. Именно это и служит причиной многочисленных ошибок, известных в истории науки [108].

Обыденное объяснение, напротив, целиком «субъектно»: здесь познает и, значит, *объясняет*, конкретный «наивный субъект», КОТОРЫЙ всегда находится в общении с «другим»; т.е. они объясняют

в конце концов вместе, привнося в этот процесс всю совокупность своих отношений. В отличие от научного объяснения, где сначала получается знание и лишь затем оно «накладывается» на действительность, в случае обыденного объяснения оно немедленно, несмотря на свою несовершенную форму, схватывает значение, т.е. «подводит его под эталоны» и высвечивает смысл. Поэтому это весьма специфическая форма объяснения, которую можно рассматривать как одну из форм «субъективной интерпретации» [86, с. 147].

Однако важно последовательно проследить, как развивались идеи атрибуции. Во-первых, с самого начала подчеркивалась потребность человека понять окружающий его мир и атрибуция рассматривалась как одно из средств такого понимания. Во-вторых, само первичное понятие «каузальная атрибуция» было позже заменено более широким понятием «атрибутивные процессы», поскольку было установлено, что люди в процессе познания другого человека приписывают ему не только причины поведения, но часто и определенные личностные черты, мотивы, потребности и пр. В-третьих, в основном усилиями С. Бема в число атрибутивных процессов были включены и явления самоатрибуции, т.е. процессы, относящиеся к восприятию и познанию себя. Бем выступил против Фестингера с его теорией когнитивного диссонанса. По Фестингеру, как мы помним, люди *знают о* несоответствии своих мнений, установок поведению, и отсюда у них диссонанс. Бем считает, что люди *не знают* обычно свои подлинные установки, напротив, они *выводят* их из своего поведения (узнают, таким образом, задним числом), поэтому сомнительно наличие у них диссонанса [см. подробно 14; 69]. Механизмы самоатрибуции нужно поэтому изучать специально. В-четвертых, были установлены и еще более сложные зависимости. Например, люди часто озабочены не столько поиском причин поведения другого человека, сколько поиском того, что в людях нам может быть полезно: для нас часто важнее ценности человека, чем понимание его природы; действия людей поэтому мы чаще оцениваем по их адекватности, а не по их ПРИЧИННОЙ обусловленности.

Все сказанное служит доказательством того, что при развитии ТЕОРИЙ атрибуции в анализ все больше и больше включается широкий круг вопросов познания, а не только восприятия. По существу, в этих теориях описывается целый класс особых — атрибутивных задач, которые по своей природе являются типичными *когнитивными* задачами.

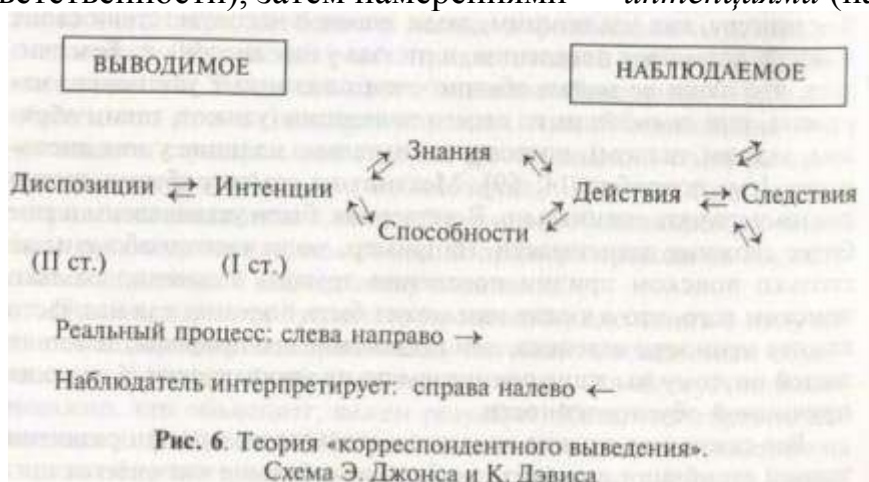
Это положение раскрывается с особой очевидностью в конкретных теориях атрибуции, предложенных различными авторами.

При более подробном рассмотрении атрибутивных процессов нужно обсудить как минимум два кардинальных вопроса: как осуществляется сам процесс (т.е. какой логике подчиняется, каковы его компоненты, этапы и пр.) и откуда «берутся» приписываемые причины?

1. ЛОГИЧЕСКИЙ ПУТЬ ПРИПИСЫВАНИЯ ПРИЧИН

Наиболее развернутый ответ на первый вопрос дан в концепции Э. Джонса и К. Дэвиса, получившей название «теория корреспондентного вывода» [цит. по: 14, с. 171; 130, р. 169]. Ими предложена следующая схема, помогающая понять логический путь, которым следует человек, приписывая причины поведения другому человеку (рис. 6).

Если рассмотреть банальный случай дорожно-транспортного происшествия, когда автомобилист сбивает пешехода, то при размышлении о причинах инцидента можно предложить следующую логику. Реальный процесс осуществляется по направлению слева направо: субъект поступка (водитель) прежде всего обладает некоторыми личностными чертами — *диспозициями* (например, долей безответственности), затем намерениями — *интенциями* (на-

пример успеть «проскочить» на красный свет), потом актуализует другое при помощи *знаний* (в нашем случае плохой подготовкой на экзамене по получению водительских прав), а также *способностей* (например, недостаточной быстротой реакций при виде препятствия). Результат — автомобилист сшибает пешехода.

Иной порядок следования событий раскрыт наблюдающему: индивид прежде всего наблюдает *следствия* каких-то действий другого человека (например, как автомобилист сшиб пешехода), он может также наблюдать и само *действие* (видел, как автомобилист проехал на красный свет). Но далее он уже ничего наблюдать не

может: он может только умозаключать что-то относительно *знаний* совершившего поступок или его *способностей*. Продолжая это рассуждение, наблюдающий может также нечто предположить относительно намерений (*интенций*) субъекта поступка или даже относительно характеристик его личности (*диспозиций*). Но все это будет уже определенной мыслительной операцией, которую Джонс и Дэвис назвали **«корреспондентным выводением»**, т.е. осуществлением вывода, соответствующего ряду наблюдаемых фактов [см. 10; II]. Наблюдатель, таким образом, движется в своих заключениях справа налево, на этом пути он и осуществляет процесс приписывания.

Процесс вывода («вывода») расшифровывается более подробно: выделяются две его стадии: а) атрибуция интенций, б) атрибуция диспозиций. На первом этапе наблюдатель умозаключает, намеренно ли действие или нет. (В нашем примере действие намеренно, так как водитель, каким бы плохим учеником на курсах он ни был, знал возможные последствия и мог совершить действие.) Второй шаг наблюдателя — анализ того, какие диспозиции стоят за этим (в нашем случае наблюдатель может заключить о безответственности водителя).

Это поэтапное рассуждение, естественно, может включать в себя ряд ошибок. Оказалось, что многие ошибки зависят от двух показателей: а) уникально или типично действие; б) социально желательно оно или нет.

На значение уникальности или типичности наблюдаемого поступка в свое время обращал внимание С. Л. Рубинштейн: «В обычных условиях процесс познания другого человека "свернут", лишь в случае наблюдения отклоняющихся образцов он "развертывается"» [86а, с. 180]. Понятно, что при типичном поступке атрибуция его причин осуществляется более или менее автоматически, а вот при необычном — резонов для его объяснения мало и тогда открывается простор для атрибуции. Точно так же «социально нежелательное поведение» (т.е. не соответствующее принятым нормам, требованиям определенных социальных ролей: например, воспитательница детского сада ударила малыша) допускает гораздо больше возможных толкований.

Эту идею подтверждает эксперимент Э. Джонса, К. Дэвиса и К. Гергена. Испытуемые слушали симулированные интервью с людьми, якобы отбираемыми в космонавты и в подводники. Интервьюер описывал идеального космонавта как интроверта, а подводника как экстраверта. Затем испытуемым дали прослушать записи бесед с теми людьми, которые якобы намеревались стать космонавтами или подводниками. Половине испытуемых предложили записи бесед с

теми, кто четко продемонстрировал интроверсию или экстраверсию, и попросили указать, к какой профессии пригодны данные люди. Распределение было сделано безошибочно. Другой половине испытуемых дали прослушать ответы претендующих на роль космонавтов, но демонстрирующих экстраверсию, и претендующих на роль подводников, но демонстрирующих интроверсию. Когда испытуемым предложили дать характеристики этим людям с точки зрения их годности к профессии, то были получены далеко не однозначные интерпретации: не было прямых отвержений людей, продемонстрировавших качества, «противопоказанные» данной профессии. Вместо этого последовали просто более подробные описания личности отбираемых, более сложные их интерпретации. Так, например, экстравертированные «космонавты» описывались как конформные и вместе с тем склонные к кооперации, что якобы и обусловило проявление качеств, принятых за интроверсию. Интровертированные же «подводники» наделялись такими качествами, как независимость и несклонность к кооперации, что и дало основания им высказать суждения, «похожие» на экстраверсию.

Это позволило сделать такое заключение: поведение, демонстрирующее явные ролевые образцы, не нуждается в особом объяснении, но отходящее от ролевых требований нуждается в специальном объяснении, ибо оно «интригует», так как обладает низкой социальной желательностью. Тот факт, что для такого поведения есть мало резонансов, заставляет оценивающего в большей степени апеллировать к интенциям и диспозициям личности. Именно в этих ситуациях особенно велик простор для приписывания.

Таким образом, в случае нетипичного поведения (а «типичность» в данном случае была задана экспериментатором) объяснения поведения других людей получили весьма развернутый характер, т.е. атрибутивный процесс здесь проявился особенно отчетливо. При этом объяснении уместно вернуться вновь к идее С. Л. Рубинштейна, позволяющей выявить еще одну важную черту социального познания. Если восприятие другого человека есть «прошение» его, то в этом процессе можно усмотреть как бы «текст» (внешние характеристики воспринимаемого) и «смысл» (его внутренний, психологический облик). Воспринимающий имеет перед собой и «текст» и «смысл». Но текст — это готовые словарные характеристики, употребляемые более или менее автоматически (можно сказать, что они фиксируют типичное). Над «смыслом» же надо работать, здесь-то и возможен «отход» от нормы: здесь мало очевидных резонансов и больше простора обращаться в объяснениях к интенциям и диспозициям воспринимаемого человека.

Позже к названным двум условиям возникновения ошибок в

атрибутивном процессе прибавились еще два. Факторами, обуславливающими адекватность или неадекватность вывода, являются: *тип* атрибуции (насколько «верно» в конкретном случае употреблен «нужный» тип атрибуции) и *позиция* субъекта восприятия (является ли он лишь наблюдателем или участником процесса).

Каждый из названных факторов требует особого рассмотрения.

2. ТЕОРИЯ КАУЗАЛЬНОЙ АТРИБУЦИИ Г. КЕЛЛИ

Вопрос о различных типах причин, которые могут быть приписываемы объекту восприятия, — это вопрос о том, «откуда» вообще берутся приписываемые причины. На этот вопрос и отвечает развернутая теория атрибутивного процесса, предложенная Г. Келли [116; см. также 49; 12]. В этой теории разбираются два случая:

1. Когда воспринимающий черпает информацию из *многих* источников и имеет возможность различным образом комбинировать поведение объекта и его причины, выбрав *одну* из них. Например, вы пригласили кого-то в гости, а тот человек отказался. Как объяснить, в вас ли здесь дело или в приглашенном? Если вы знаете, что этот человек отказал в это же время и другим друзьям, а в прошлом вас не всегда отвергал, то вы скорее припишете причину отказа ему, а не себе. Но это возможно лишь в том случае, если у вас есть неоднократные наблюдения.

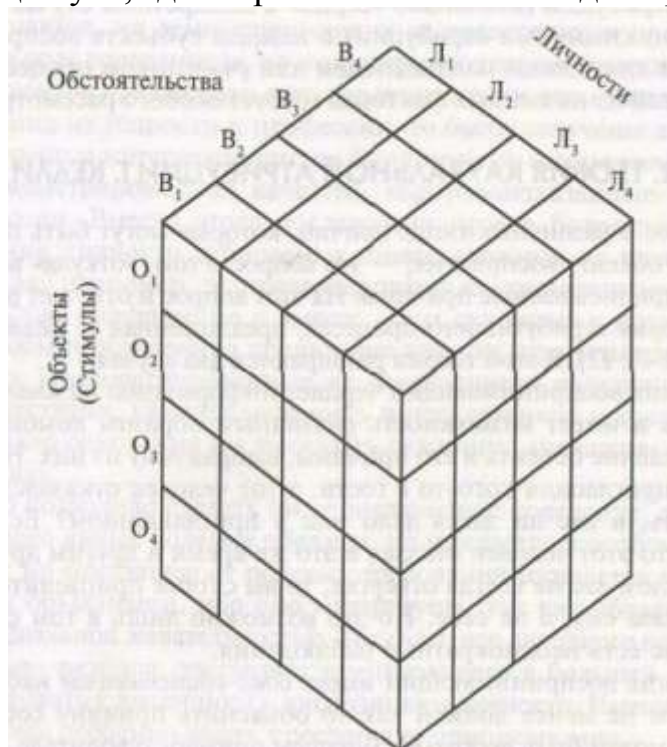
2. Когда воспринимающий имеет *одно-единственное* наблюдение и тем не менее должен как-то объяснить причину события, которых может быть *несколько*. В нашем примере о водителе, сбившем пешехода, вы ничего более не знаете ни о водителе (сбивал ли он раньше других пешеходов или это с ним случилось в первый раз), ни о пешеходе (может быть, он так невнимателен, что и раньше много раз становился жертвой автомобилистов). В данном случае воспринимающий, имея лишь одно наблюдение, может Допустить много различных причин.

Для каждого из этих двух случаев предназначен специальный раздел теории Г. Келли: первый случай рассматривается в «*модели анализа вариаций*» (ANOVA), второй — в *теории каузальных схем*.

2.1. Принцип ковариации

Модель анализа вариаций содержит перечень структурных элементов атрибутивного процесса: Личность, Стимул (объект), Обстоятельства. Соответственно называются три вида причин (а не два, как у Хайдера): личностные, стимульные (или объектные) и обстоятельственные [49]. Три вида элементов и три вида причин

составляют «каузальное пространство», которое изображается при помощи куба, где стороны обозначают виды атрибуции (рис. 7).

Обозначения: O₁-O₄ — отдельные объекты (стимулы); B₁—B₄ — отрезки времени (обстоятельства); Л₁—Л₄ — отдельные личности.

Соответственно — три класса причин: 1) личностные; 2) объектные; 3) обстоятельственные.

Рис. 7. Классификация причин Г. Келли («каузальное пространство»)

Сущность процесса приписывания причин заключается в том, чтобы находить адекватные варианты сочетания причин и следствий в каждой конкретной ситуации. Некоторые исследователи полагают, что предложенный Келли принцип является весьма сходным с принципами статистического анализа, который используют статистики при проведении «анализа вариаций» [146, с. 147]. По-видимому, этим и объясняется аббревиатура, посредством которой Келли обозначает свой принцип — ANOVA — analysis of variations. В том случае, когда воспринимающий имеет возможность пользоваться данными многих, а не одного наблюдения, он «подбирает» причину к тем факторам, с которыми, как ему кажется, будет ковариировать результат. Лучше всего это пояснить на примере, который представляет собой вариант примера, предложенного самим Келли и многократно описанного в литературе [12, с.71-72].

Допустим, мы наблюдаем такое событие: «Петров сбежал с лекции по социальной психологии». В чем причина этого поступка:

- в «личности» Петрова, и тогда мы должны приписать *личностную* причину;
- в качестве лекции, и тогда мы должны приписать *стимульную* (объектную) причину;
- в каких-то особых обстоятельствах, и тогда мы должны приписать *обстоятельствленную* причину?

Для ответа на этот вопрос необходимо сопоставить данные других наблюдений. Их можно свести в три группы суждений (основанных на предшествующих наблюдениях).

1. а) почти все сбежали с этой лекции;
б) никто другой не сбежал с нее.
2. а) Петров не сбежал с других лекций;
б) Петров сбежал и с других лекций.
3. а) в прошлом Петров также сбежал с этой лекции;
б) в прошлом Петров никогда не сбежал с нее.

Теперь, чтобы правильно подобрать причину, нужно ввести три «критерия валидности»:

— **подобия** (консенсус): подобно ли поведение субъекта (Петрова) поведению других людей?

— **различия**: отлично ли поведение субъекта (Петрова) к данному объекту от поведения его к другим объектам (лекциям)?

~ **соответствия**: является ли поведение субъекта (Петрова) одинаковым в разных ситуациях?

В приведенных выше суждениях можно выделить пары пунктов, которые будут являться проверкой на каждый из критериев.

Пункты 1а и 1б — проверка на подобие.

Пункты 2а и 2б — проверка на различие.

Пункты 3а и 3б — проверка на соответствие.

Далее Келли предлагает «ключ», т.е. те комбинации, которые позволяют приписывать причину адекватно. «Ключ» представляет собой ряд правил, по которым следует строить заключение. Термины, используемые в данном ключе, обозначают: «низкое» место, которое соответствует строке, занимаемой суждением, т.е. суждение,

обозначаемое буквой «б»; «высокое» — место (строка) суждения в таблице, обозначаемое буквой «а». Тогда возможные комбинации суждений выглядят следующим образом.

Если: низкое подобие (1б), низкое различие (2б), высокое соответствие (3а), то атрибуция *личностная* (1б-2б-3а).

Если: высокое подобие (1а), высокое различие (2а), высокое соответствие (3а), то атрибуция *стимульная (объектная)* (1а-2а-3а).

Если: низкое подобие (1б), высокое различие (2а), низкое соответствие (3б), то атрибуция *обстоятельная* (1б-2а-3б).

С этим «ключом» сопоставляются ответы испытуемого (т.е. того, кто оценивает ситуацию). Ответы эти предлагается дать, глядя в «таблицу» и сопоставляя их тем самым с имевшими место ранее наблюдениями. Например, наблюдатель знает, что никто другой не сбежал с упомянутой лекции (1б); он также знает, что Петров сбежал и с других лекций (2б); ему известно, что и в прошлом Петров сбежал с этой лекции (3а). Если в таком случае испытуемый предлагает вариант 1б-2б-3а, т.е. приписывает причину Петрову, то можно считать, что он приписал ее правильно.

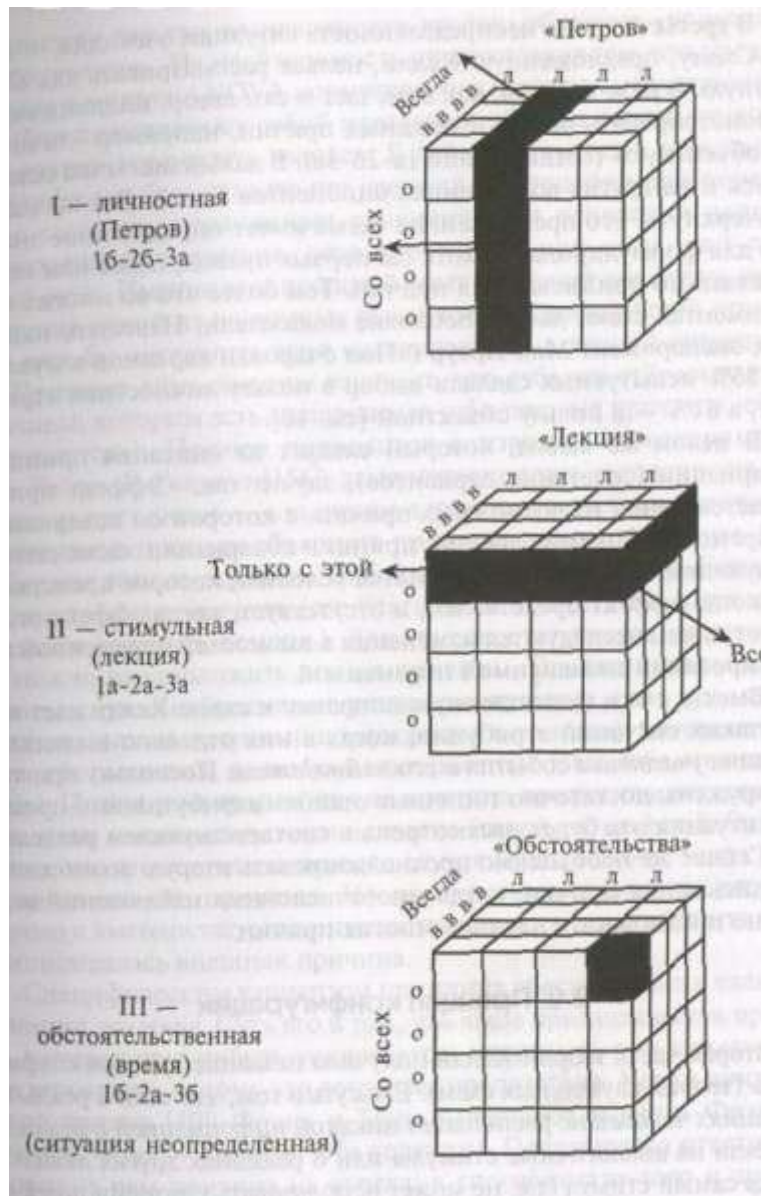
Также правильным будет приписывание причины «лекция» (т.е. объектной) в том случае, если наблюдатель изберет набор 1а-2а-3а. В случае с обстоятельной причиной дело обстоит сложнее. Согласно «ключу» набор суждений, дающий основание приписать обстоятельную причину, должен быть 1б-2а-3б (т.е. «Никто другой с лекции не сбежал», «Петров не сбежал с других лекций», «В прошлом Петров никогда с нее не сбежал»). Как видно, здесь ситуация не очень определенная, во всяком случае неясно, «виноват» Петров или лекция. Очевидно, поэтому приходится трактовать причину, как коренящуюся в обстоятельствах, хотя это и не полностью оправданно.

Обращаясь к кубу, на котором Келли обозначил три типа возможных причин, теперь следует показать, как на нем располагаются ситуации нашего примера (рис. 8):

I. Личностная: 1б-2б-3а (причина — Петров).

II. Объектная: 1а-2а-3а (причина — лекция).

III. Обстоятельственная: 1б-2а-3б (причина — обстоятельства).

Обозначения: л — личности

о — объекты (стимулы) в — время (обстоятельства)

Рис. 8. Иллюстрация «локуса каузальности» Г. Келли

В третьем случае неопределенность ситуации очевидна.

Схему, предложенную Келли, нельзя рассматривать как абсолютную. В ряде случаев, как отмечает и сам автор, индивид может демонстрировать выбор и сложных причин, например «лично-объектную» (когда налицо 1а-2б-3а). В дальнейшем мы остановимся и на других возражениях оппонентов Келли. Все же важно подчеркнуть, что предложенная схема имеет определенное значение для формулирования хотя бы первых правил, более или

менее адекватного приписывания причин. Тем более что во многих экспериментах схема давала неплохие показатели. Известен, например, эксперимент Мак-Артур («Пол очарован картиной в музее»), где 85% испытуемых сделали выбор в пользу личностной атрибуции, а 61% — в пользу объектной [см. 10].

В целом же вывод, который следует из описания принципа ковариации (сочетания вариантов), звучит так: «Эффект приписывается одной из возможных причин, с которой он ковариантен по времени». Иными словами, принцип ковариации заключается в следующем: эффект приписывается условию, которое представлено, когда эффект представлен, и отсутствует, когда эффект отсутствует; в нем исследуются изменения в зависимой переменной при варьировании независимой переменной.

Вместе с тем существенную поправку к схеме Келли дает анализ таких ситуаций атрибуции, когда в них отдельно выявляется позиция *участника* события и его *наблюдателя*. Поскольку при этом обнаружены достаточно типичные ошибки атрибутивного процесса, ситуация эта будет рассмотрена в соответствующем разделе.

Сейчас же необходимо проанализировать вторую возможность приписывания причин, когда многочисленных наблюдений нет и можно предполагать наличие многих причин.

2.2. Принцип конфигурации

Вторая часть теории Келли получила название *принцип конфигурации* (теория каузальных схем). Его суть в том, что если в реальных ситуациях человек не располагает никакой информацией о реакциях субъекта на аналогичные стимулы или о реакциях других людей на тот же самый стимул (т.е. не может использовать критерии подобия, различия и соответствия), то он должен обрисовать для себя всю конфигурацию возможных причин и выбрать **одну** из них.

Для того чтобы облегчить задачу отбора единственной, адекватной в данном случае причины, предлагается учитывать

следующие возможные характеристики причин: а) обесценивания, б) усиления, в) систематического искажения информации. В совокупности эти три разновидности причин образуют «принципы конфигурации». Их необходимость продиктована тем, что предложенные в модели ANOVA нормативы оказываются недостаточными. Они представляют собой идеальный образец схемы, по которой должен рассуждать человек. В действительности, в реальных ситуациях у субъекта часто нет времени на «приложение» схемы и чаще всего он умозаключает о причинах на основании одного-единственного следствия, хотя и включает при этом свой прошлый опыт. Именно этот прошлый опыт позволяет ему отдать предпочтение одной из названных выше трех разновидностей причин или хотя бы исключить явно «непригодную» в данной ситуации.

Принцип *обесценивания* означает, что субъект отбрасывает те причины, которым есть альтернатива (ибо таковые причины «обесцениваются»). Пример приводится в известном эксперименте Дж. Тибо и Х. Риккена [156]: демонстрировалась «угодливость поведения» двух людей — с высоким и низким социальным статусом. Испытуемых просили объяснить причины такого поведения. Они выбирали разные причины: для «низкого» по статусу выбиралась как внутренняя причина (его бессилие в жизни), так и внешняя (желание получить помощь). Для «высокостатусного» теоретически можно предположить эти же причины. Однако испытуемые в данном случае отбрасывали внешнюю причину (так как, по их мнению, высокостатусный не нуждается в помощи): внешняя причина обесценилась наличием альтернативы (сам себе может помочь). Поэтому во втором случае причина приписана внутренним качествам высокостатусного человека (такой уж он есть). Отсюда видно, что относительно первого случая вывод неясен: могут быть справедливы обе причины. Но по противопоставлению второму случаю с высокостатусным низкостатусному в эксперименте чаще приписывалась внешняя причина.

Специфическим вариантом принципа обесценивания является

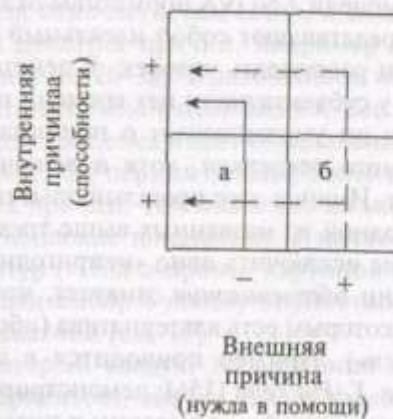
принцип *усиления*. Суть его в том, что чаще приписывается причина, которая чем-нибудь усиливается: например, она кажется более вероятной, потому что встречается препятствие. Келли приводит такой пример [49]: Фрэнк и Тони выполняют задание. Фрэнк — грудное, Тони — среднее. Оба успешны. Предлагается ответить на вопрос, в чем причина их успеха: в способностях того и другого или во внешних обстоятельствах. Обычно способности (внутренняя причина) приписываются Фрэнку, так как для него препятствие — трудность задания — лишь усиливает предположение о его высоких способностях.

Оба приведенных примера могут быть проиллюстрированы на таких схемах (рис. 9).

А) Обесценивания

Эксперимент
Тибо-Риккена
«угодливое
поведение»

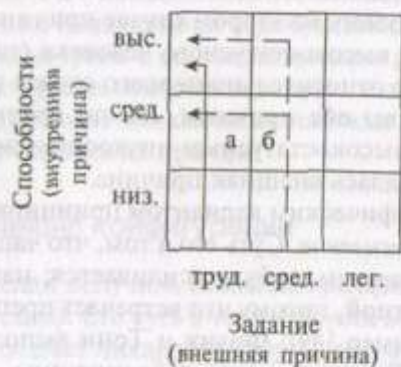
- а) — высокий статус
- б) — низкий статус

(Вывод затруднен:
внутренняя причина обесценена альтернативой)

Б) Усиления

Пример Г. Келли
«кто способнее:
Фрэнк или Тони?»

- а — б —
- (оба — успешны)

«Трудность» —
усиливающая причина (для Фрэнка)

Рис. 9. Принципы конфигурации Г. Келли
(одно наблюдение → много возможных причин)

Отсюда видно, что причина «усиливается» в тех случаях, когда обладает высокой значимостью для того, кто совершает ПОСТУПОК или когда ее наличие означает для действующего лица самопожертвование, или когда действие по этой причине связано с писком. Все это необходимо принимать в расчет тому, кто приписывает причину: «Когда принуждение, ценность, жертвы или писк включаются в действие, то оно приписывается чаще деятелю чем другим компонентам схемы» [49]. Т.е. когда действие совершается трудно, причина его чаще приписывается субъекту, следовательно, имеет место личностная атрибуция.

Но здесь уже вступает в силу третий из предложенных Келли принципов конфигурации — *систематическое искажение суждений о людях*. Но этот принцип удобнее рассмотреть в разделе, посвященном ошибкам атрибуции.

3. ОШИБКИ АТРИБУЦИИ

Как мы видели, классическая теория атрибуции склонна рассматривать субъекта восприятия как вполне рациональную личность, которая, руководствуясь моделью ANOVA, знает, как надо приписывать причину. Но эта же теория утверждает, что на практике дело обстоит совсем иным образом: люди осуществляют атрибуцию быстро, используя совсем мало информации (часто единственное наблюдение) и демонстрируя достаточную категоричность суждения. Поэтому вводится и более «мягкая» модель — принцип конфигурации. Но руководствоваться и этим принципом непросто: есть еще ряд обстоятельств, которые могут привести к исключениям. Они могут быть следствием своеобразных «ошибок» атрибуции. Поэтому полезно как минимум дать классификацию возможных ошибок, чтобы более критично относиться к собственным объяснениям.

Сам термин «ошибка» употребляется в атрибутивных теориях достаточно условно. Это не ошибка, как она понимается в классической логике. Там «ошибка» или «искажение» — это отклонение от нормативной модели, отход от принятых критериев валидности. В исследованиях по атрибуции нет такой четкой модели, отклонение от которой легко было бы зафиксировать. Поэтому здесь было бы точнее употреблять термин «искажение» или «предубеждение», но по традиции в языке атрибутивных теорий сохраняется термин «ошибка». Итак, какие же ошибки наиболее типичны?

В результате многочисленных экспериментов были выведены два класса ошибок атрибуции: фундаментальные и мотивационные

[14; 69; 86].

3.1. Фундаментальная ошибка

В самом общем виде фундаментальную ошибку можно определить как «склонность людей игнорировать ситуационные причины действий и их результатов в пользу диспозиционных» [86, с. 149]. Характер фундаментальной ошибки описывают Э. Джонс и Р. Нисбет на таком примере. Когда плохо успевающий студент беседует с научным руководителем о своих проблемах, то часто можно зафиксировать их различные мнения по этому поводу. Студент, естественно, ссылается на обстоятельства: здоровье, стресс, домашние дела, потеря смысла жизни и пр. Научный руководитель хочет верить в это, но в душе не согласен, так как прекрасно понимает, что дело не в обстоятельствах, а в слабых способностях или лени, неорганизованности студента и т.п. Позиции в данном случае различны у участника события (студент) и наблюдателя (преподаватель). Точно так же замечено, что в автобиографиях великих людей, особенно политических деятелей, часто отмечается, что их «вечно не понимали», они приписывали вину обстоятельствам, хотя дело было не в них. Авторы таких биографий — «участники», и они апеллируют не к своей личности, а к обстоятельствам. Читатели же, выступающие в качестве «наблюдателей», скорее всего усмотрят в автобиографии прежде всего личность автора [см. 134].

Именно на таких наблюдениях и основано, в частности, выделение фундаментальной ошибки атрибуции, которая, как видно, заключается в переоценке личностных и недооценке обстоятельственных причин. Л. Росс назвал это явление «сверхатрибуция». Он же обрисовал условия возникновения такой ошибки³³.

1. **«Ложное согласие»** выражается в том, что воспринимающий принимает свою точку зрения как «нормальную» и потому полагает, что другим должна быть свойственна такая же точка зрения. Если она иная, значит, дело в «личности» воспринимаемого. Феномен «ложного согласия» проявляется не только в переоценке типичности своего поведения, но и в переоценке своих чувств, верований и убеждений. Некоторые исследователи полагают, что «ложное согласие» вообще является главной причиной, по которой люди

---

³³ Следует отметить, что иногда в литературе говорят о «фундаментальных ошибках» атрибуции, т.е. употребляют термин во множественном числе. Это не вполне корректно, ибо, по определению, существует **единственная** фундаментальная ошибка и можно говорить лишь о ее различных проявлениях.

считают собственные убеждения единственно верными. Легко увидеть, насколько распространен такой подход в обыденной жизни.

2 «Неравные возможности» отмечаются в ролевом поведении: в определенных ролях легче проявляются собственные позитивные качества, и апелляция совершается именно к ним (т.е. опять-таки к личности человека, в данном случае обладающего такой ролью, которая позволяет ему в большей мере выразить себя). Здесь воспринимающий легко может переоценить личностные причины поведения, просто не приняв в расчет ролевую позицию действующего лица.

Л. Росс продемонстрировал это положение при помощи такого эксперимента. Он разделил группу испытуемых на «экзаменаторов» и «экзаменуемых». Первые задавали различные вопросы, и «экзаменуемые», как могли, отвечали на них. Затем Росс попросил тех и других испытуемых оценить свое поведение. «Экзаменаторы» оценили и себя и «экзаменуемых» достаточно высоко, а вот последние приписали большую степень осведомленности «экзаменаторам», их личности. В данном случае не было учтено то обстоятельство, что по условиям эксперимента «экзаменаторы» выглядели «умнее» просто потому, что это было обусловлено их ролевой позицией. В обыденной жизни именно этот механизм включается при приписывании причин в ситуации начальник—подчиненный.

3. «Большее доверие вообще к фактам, чем к суждениям», проявляется в том, что первый взгляд всегда обращен к личности. В наблюдаемом сюжете личность непосредственно дана: она — безусловный «факт», а обстоятельство еще надо «вывести». Возможно, здесь срабатывает тот механизм, который зафиксирован в гештальтпсихологии: первоначально воспринимается «фигура», а лишь затем — «фон». По мнению Л. Росса и Р. Нисбета, «люди активны, динамичны и интересны. Именно эти их свойства обращают на себя внимание в первую очередь. Напротив, ситуация обычно сравнительно статична и зачастую представляется туманной» [86,с.236].

4. «Легкость построения ложных корреляций». Сам феномен ложных корреляций хорошо известен и описан. Он состоит в том, что наивный наблюдатель произвольно соединяет какие-либо две личностные черты как обязательно сопутствующие друг другу. Особенно это относится к неразрывному объединению внешней черты человека и какого-либо его психологического свойства (например: «все полные люди — добрые», «все мужчины невысокого роста — властолюбивы» и пр.). «Ложные корреляции» облегчают процесс атрибуции, позволяя почти автоматически приписывать причину

поведения наблюдаемой личности, совершая произвольную «связку» черт и причин.

5. «Игнорирование информационной ценности неслучившегося».

Основанием для оценки поступков людей может явиться не только то, что «случилось», но и то, что «не случилось», т.е. и то, что человек «не сделал». Однако при наивном наблюдении такая информация о «неслучившемся» нередко опускается. Поверхностно воспринимается именно «случившееся», а субъект «случившегося» — личность. К ней прежде всего и апеллирует наивный наблюдатель [см. подробно 93].

Существует целый ряд объяснений того, почему так распространена фундаментальная ошибка атрибуции. Так, *Д. Гилберт* утверждал, что «первая атрибуция» — всегда личностная, она делается автоматически, а лишь потом начинается сложная работа по перепроверке своего суждения о причине. По мнению Гилберта, эта «работа» может осуществляться либо «по Келли», либо «по Джонсу и Дэвису», но все это совершается «потом»: непосредственное суждение всегда адресовано личности. Аналогичную идею высказывал и *Ф. Хайдер*, считавший, что «причинную единицу» образуют всегда «деятель и действие», но «деятель» всегда «более выпукл», поэтому взор воспринимающего прежде всего обращается именно на него.

Более глубокие объяснения феномена фундаментальной ошибки даются теми авторами, которые апеллируют к некоторым социальным нормам, представленным в культуре. Так, для западной традиции более привлекательной идеей, объясняющей, в частности, успех человека, является ссылка на его внутренние, личностные качества, чем на обстоятельства. Вся западная интеллектуальная и нравственная традиция обеспечивает поддержку объяснения поведения человека в терминах диспозиций.

С. Московиси полагает, что это в значительной мере соотносится с общими нормами индивидуализма, а *Р. Браун* отмечает, что такая норма предписана даже в языке. По свидетельству *У. Мишела*, эпитеты, применяемые к поведению того или иного человека, могут быть применены и к самому этому человеку («враждебные» действия совершаются «враждебно настроенными людьми»; «зависимое» поведение свойственно «зависимым людям» и т.д.). В то же время язык не позволяет таким же образом связывать действия и ситуации [86, с. 239].

Косвенным подтверждением таких рассуждений является эксперимент *Дж. Миллер*, в котором вскрыто различие традиционной культуры индивидуализма и восточной (коллективистской) культуры:

в ее эксперименте индусские дети, выросшие в США, давали в экспериментальной ситуации (при описании «хорошего» и «плохого» поступка своего знакомого) личностную атрибуцию, а выросшие в Индии — обстоятельственную. Особенно отчетливо это проявилось при описании негативного поступка: выросшие в США приписывали причину личности в 45% случаев, а выросшие в Индии — лишь в 15% случаев⁴.

К факторам культуры следует добавить и некоторые индивидуально-психологические характеристики субъектов атрибутивного процесса: в частности, было отмечено, что существует связь предпочитаемого типа атрибуции с «локусом контроля». В свое время Дж. Роттер доказал, что люди различаются в ожиданиях позитивной или негативной оценки их поведения: *интерналы* в большей степени доверяют своей собственной возможности оценивать свое поведение, в то время как *экстерналы* воспринимают оценку своего поведения как воздействие какой-то внешней причины (удача, шанс и пр.). Роттер предположил, что именно от «локуса контроля» (внутреннего или внешнего) зависит то, как люди «видят мир», в частности предпочитаемый ими тип атрибуции: интерналы чаще употребляют личностную атрибуцию, а экстерналы — обстоятельственную.

Исследования фундаментальной ошибки атрибуции были дополнены изучением того, как приписываются причины поведению другого человека в двух различных ситуациях: когда тот *свободен* в выборе модели своего поведения и когда тому данное поведение *предписано* (т.е. он несвободен в выборе). Казалось бы, естественным было ожидать, что личностная атрибуция будет осуществлена значительно более определенно в первом случае, где наблюдаемый индивид — подлинный субъект действия. Однако в ряде экспериментов эта идея не подтвердилась.

Интересен эксперимент Э. Джонса и В. Харриса [133]. Испытуемым, разделенным на две группы, давались тексты «речей» их товарищей с просьбой оценить причины позиций авторов, заявленных в этих «речах». Одной группе говорилось, что позиция оратора выбрана им свободно, другой, что эта позиция оратору предписана. Во втором случае было три варианта: а) якобы текст «речи» — это работа студента по курсу политологии, где от него

---

⁴ Правда, этот факт не имеет однозначного объяснения. Так, Л. Росс и Р. Нисбет полагают, что, возможно, здесь дело не в том, что в Индии люди в большей степени подвержены фундаментальной ошибке атрибуции, а в том, что «ситуационные факторы действительно оказывают большее влияние на поведение людей "а Востоке, чем на Западе» [86, с. 302).

требовалось дать краткую и убедительную защиту Ф. Кастро и Кубы;

б) якобы текст «речи» — это выдержка из заявления некоего участника дискуссии, где ему также была предписана руководителем одна из позиций (про-Кастро или анти-Кастро); в) якобы текст -- это магнитофонная запись психологического теста, в котором испытуемому была дана точная инструкция, заявить ли ему позицию «за» Кастро, или «против» Кастро.

В ситуации «свободный выбор», как и следовало ожидать, испытуемые совершили традиционную фундаментальную ошибку атрибуции и приписали причину позиции оратора его личности. Но особенно интересными были результаты приписывания причин в ситуации «несвободный выбор». Несмотря на знание того, что оратор во всех трех ситуациях был принужден заявить определенную позицию, испытуемые во всех случаях приписали причину позиции автора его личности. Причем в первой ситуации они были убеждены, что именно автор конспекта по политологии «за» Кастро. Во второй ситуации (когда он волен был выбрать одну из позиций) испытуемые посчитали, что если была заявлена позиция «за» Кастро, значит автор сам «за» Кастро, если же заявлена позиция «против» Кастро, значит автор действительно «против». Также и в третьей ситуации испытуемые приписали причину позиции только и исключительно автору речи. Результаты эксперимента показали, таким образом, что, даже если известен вынужденный характер поведения воспринимаемого человека, субъект восприятия склонен приписывать причину не обстоятельствам, а именно личности деятеля.

Сказанное делает тем не менее очевидным тот факт, что фундаментальная ошибка атрибуции не носит абсолютного характера, т.е. ее нельзя считать универсальной, проявляющейся всегда и при всех обстоятельствах. Если бы это было так, вообще никакие иные формы атрибуции нечего было бы и рассматривать. В действительности, к названным ограничениям добавляются еще и другие. Самое важное из них сформулировано в теориях атрибуции как проблема «наблюдатель—участник».

В экспериментах Э. Джонса и Р. Нисбета [134, р. 79] установлено, что перцептивные позиции *наблюдателя* события и его *участника*, как это было в приведенном примере, существенно различны. И различие это проявляется, в частности, в том, в какой мере каждому из них свойственна фундаментальная ошибка атрибуции. Выявлено, и мы это уже видели, что она присуща прежде всего наблюдателю. Участник же чаще приписывает причину обстоятельствам. Почему? Существует несколько объяснений:

1. Наблюдатель и участник обладают *различным уровнем информации*: наблюдатель в общем мало знает о ситуации, в которой

развертывается действие. Как уже отмечалось, он прежде всего схватывает очевидное, а это очевидное — личность деятеля. Участник лучше знаком с ситуацией и, более того, — предысторией действия. Она его научила считаться с обстоятельствами, поэтому он склонен в большей степени апеллировать к ним.

2. Наблюдатель и участник обладают *разным «углом зрения»* на наблюдаемое, у них различный перцептивный фокус. Это было ярко проиллюстрировано в известном эксперименте *М. Стормса* [152]. На беседу, фиксировавшуюся камерами, были приглашены два иностранца. Кроме того, присутствовали два наблюдателя, каждый из которых фиксировал характер беседы (взаимодействия) своего подопечного. Затем субъектам беседы были предъявлены записи их действий. Теперь они выступали уже как наблюдатели самих себя. Стормс предположил, что можно изменить интерпретации поведения, изменяя «визуальную ориентацию». Гипотеза была полностью подтверждена. Если сравнить суждения А о себе (в беседе) в том случае, когда он выступал участником, с теми суждениями, которые он выразил, наблюдая себя, то они существенно расходились. Более того, суждения А о себе, наблюдаемом, практически полностью совпали с суждениями его наблюдателя. То же произошло и с субъектом Б (рис. 10).

Отсюда видно, что участники, когда видят себя на экране, дают более «личностную» атрибуцию своему поведению, так как теперь они не участники, а наблюдатели. Вместе с тем и «истинные» наблюдатели также меняют свой угол зрения. В начале эксперимента они были подлинными «наблюдателями» и потому видели личностные причины поведения подопечных (именно эту их картинку повторили бывшие участники, увидев себя на экране). Далее наблюдатели хотя и остались наблюдателями, но смотрели уже не первичные действия своего подопечного, а как бы вторичное их воспроизведение на экране. Они теперь лучше знают «предысторию» и начинают «походить» на участника действия, поэтому приписывают в большей мере обстоятельственные причины.

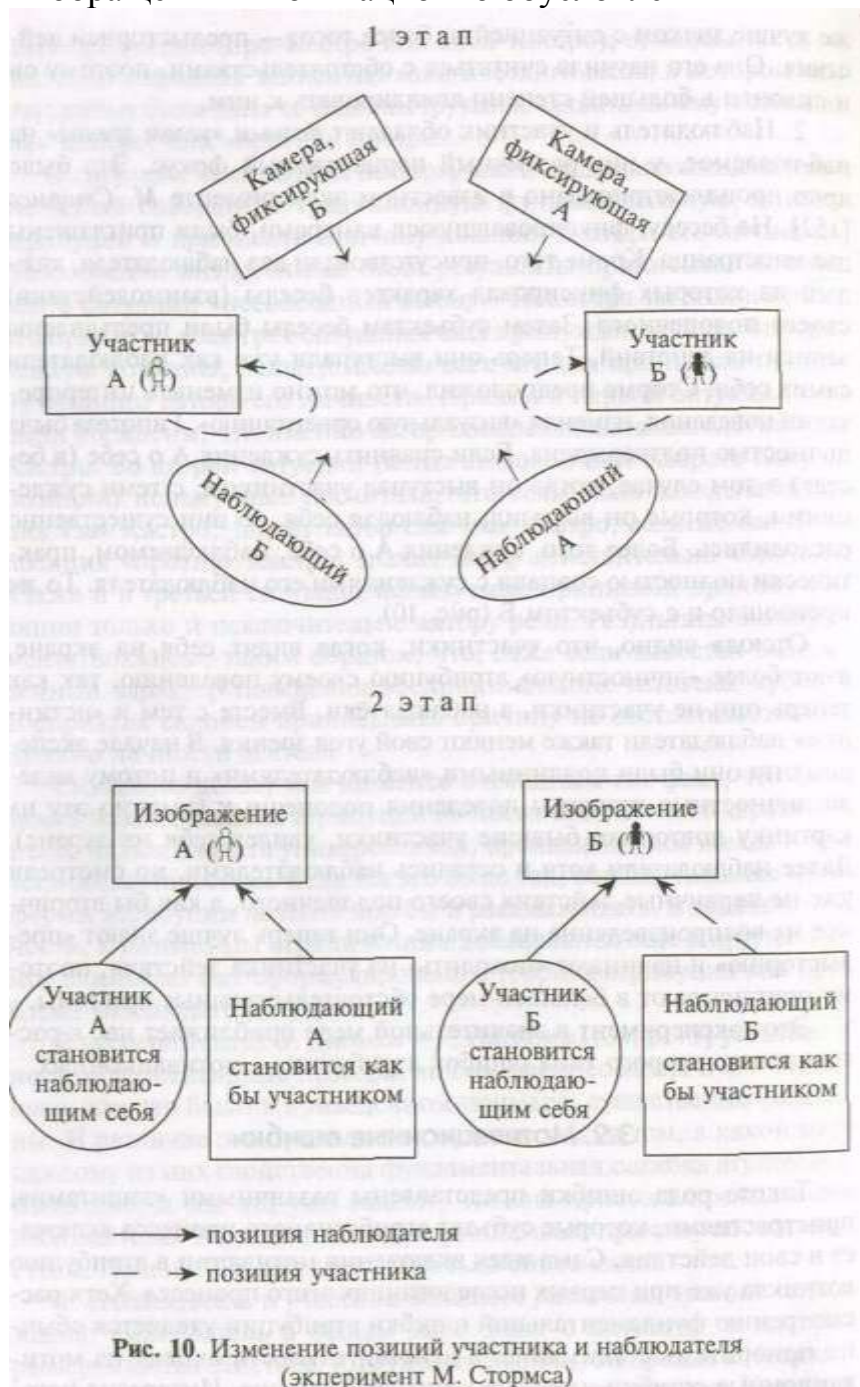
Этот эксперимент в значительной мере приближает нас к рассмотрению второго типа ошибок атрибуции — мотивационных.

3.2. Мотивационные ошибки

Такого рода ошибки представлены различными «защитами», пристрастиями, которые субъект атрибутивного процесса включает в свои действия. Сама идея включения мотивации в атрибуцию возникла уже при первых исследованиях этого процесса. Хотя рассмотрению фундаментальной ошибки атрибуции уделяется обычно

приоритетное внимание, в действительности акцент на мотивационные ошибки имеет не меньшее значение. Интересна история обращения к мотивационно обусловленным

предубеждениям, которые проявляются в атрибутивных процессах. Первоначально эти ошибки были выявлены в ситуациях, когда испытуемые стремились сохранить свою самооценку в ходе приписывания причин поведения другого человека. Величина самооценки зависела в большой степени от того, приписываются ли себе или другому *успехи* или *неудачи*.

Была выявлена тенденция, свойственная человеку, видеть себя в

более позитивном свете, чем это гарантировалось бы беспристрастной позицией. Однако достаточных экспериментальных данных для подтверждения этой тенденции получено не было и на какое-то время интерес к мотивационным ошибкам утратился. фундаментальная ошибка оказалась в фокусе интереса исследователей. Но как только стало возникать опасение, что вообще вся проблематика атрибутивных процессов слишком гипертрофирует роль рациональных компонентов в восприятии социальных объектов, обозначился новый виток интереса и к проблемам мотивации социального познания вообще, и к мотивационным ошибкам атрибуции в частности.

Хотя когнитивные схемы исходят из того, что всякий «наивный наблюдатель» по существу действует как «непрофессиональный ученый», т.е. более или менее рационально, вместе с тем в действительности существует более «теплая» картина атрибутивного процесса. Она включает так называемые «горячие когниции», что было доказано уже психологией. Секрет этого «окрашивания» когниции в более теплые тона, по-видимому, нужно искать в мотивации.

В общем плане необходимость включения мотивации в атрибутивный процесс обусловлена признанием факта *субъективной интерпретации человеком социальной реальности* [86, с. 131]. Именно эти субъективные интерпретации, неизбежно включающие в себя тенденциозность, приводят к важным последствиям для дальнейшей мотивации поведения. Впрочем, верно и обратное: мотивация поведения во многом определяет механизм возникновения тенденциозного суждения. Примером такого механизма и является возникновение мотивационной ошибки атрибуции.

Значительная разработка этой проблемы принадлежит *Б. Вайнеру*. В центре его внимания — способы приписывания причин в ситуациях успеха и неудачи. Он предложил рассматривать три измерения в каждой причине [160]:

- внутреннее — внешнее;
- стабильное — нестабильное;
- контролируемое — неконтролируемое.

Различные сочетания этих измерений дают восемь моделей (возможных наборов причин):

- 1) внутренняя — стабильная — неконтролируемая;
- 2) внутренняя — стабильная — контролируемая;
- 3) внутренняя — нестабильная — неконтролируемая;
- 4) внутренняя — нестабильная — контролируемая;
- 5) внешняя — стабильная — неконтролируемая;
- 6) внешняя — стабильная — контролируемая;

7) внешняя — нестабильная — неконтролируемая;

8) внешняя — нестабильная — контролируемая.

Вайнер предположил, что выбор каждого сочетания обусловлен различной мотивацией. Это можно пояснить следующим примером. Ученик плохо ответил урок. В разных случаях он по-разному объясняет свое поведение: если он сослался на низкие способности к данному предмету, то он избирает ситуацию 1; если он признает, что ленится, то, возможно, выбирает ситуацию 2; если сослался на внезапную болезнь перед ответом, то выбирает ситуацию 3; если отвлекся на просмотр телепередачи — ситуацию 4; если обвинил школу в слишком высокой требовательности, то выбирает ситуацию 5; если учитель оценивается как плохой — то ситуацию 6; если просто «не везет», то ситуацию 7; наконец, если сосед ремонтирует дом и постоянно стучит, мешая заниматься, то это будет уместно объяснить ситуацией 8.

Как видно, процесс объяснения причин здесь включает в себя представление о достигаемой цели, иными словами, связан с *мотивацией достижения*. Более конкретная связь установлена Вайнером между выбором причины и *успешностью* или *неуспешностью* действия. Идея эта поясняется при помощи эксперимента: испытуемым обрисован гипотетический человек, который был либо успешен, либо неуспешен в каком-либо задании. Трудность задания при этом обозначалась как «внешняя» причина, а способности человека — как «внутренняя» причина. Выявлено, что если человек более способный, то его успех приписывается внутренней причине, а неуспех — причине внешней. Напротив, для человека менее способного успех приписывается внешней причине (задание не слишком сложное), а неуспех — внутренней причине (такой уж он).

Этот же эффект был установлен и относительно статуса человека: один тип объяснения давался для высокостатусного и другой тип — для низкостатусного. Это подтверждено в эксперименте Дж. Тибо и Х. Риккена [156]: «наивному субъекту» предъявляются два «конфедерата» (лица, находящиеся в сговоре с экспериментатором). Один из них парадно одет, о нем сказано, что он только что защитил диссертацию. Другой одет кое-как, и сказано, что он студент первого курса. Экспериментатор дает «наивному субъекту» задание — произнести речь в пользу донорства и убедить двух «конфедератов» тотчас же сдать кровь в качестве доноров. «Конфедераты» слушают речь и вскоре сообщают, что они убедились и идут сдавать кровь. Тогда экспериментатор просит «наивного» объяснить, почему они так поступают? Ответ различен в двух случаях: «наивный» полагает, что защитивший диссертацию, по-видимому, высокостатусный

гражданин и сам принял такое решение, студент-первокурсник же принял такое решение, конечно, под влиянием «речи», т.е. воздействия со стороны «наивного». Локус причинности в первом случае внутренний, во втором — внешний. Очевидно, такое распределение локусов связано со статусом воспринимаемого лица.

Из трех предложенных делений причин лучше исследованы первые два: разделение причин на «внутренние — внешние» и «стабильные — нестабильные». Причем именно манипуляции с этими двумя типами причин и порождают большинство мотивационных ошибок. Как мы видели, приписывание внутренних или внешних причин зависит от статуса воспринимаемого, в случае же оценивания своего поведения — от самооценки. Приписывание стабильных — нестабильных причин особенно тесно связано с признанием успеха — неудачи. Если объединить все эксперименты, касающиеся использования этих двух пар причин, то результат везде однозначен: в случае успеха себе приписываются внутренние причины, в случае неуспеха — внешние (обстоятельства); напротив, при объяснении причин поведения другого возникают разные варианты, которые только что рассматривались. Отметим, что такая зависимость может в определенной степени варьировать в различных культурных контекстах, о чем ниже будет сказано подробнее.

Эта часть исследований атрибуции особенно богата экспериментами. Известный эксперимент С. Кранца и С. Руда был использован *М. И. Николюкиной* [см. 79]. При анализе выполнения некоторого задания фиксировались четыре «классических» фактора, от которых, по мнению Вайнера, зависит характер любого действия: *способности, усилия, трудность задания, успех*. В эксперименте Николюкиной рассматривались атрибутивные процессы в учебной группе: здесь всегда есть определенные ожидания относительно успешности — неуспешности каждого члена группы в конкретном виде деятельности. Была предложена следующая гипотеза: успехам тех, кто на шкале успешности по данному виду деятельности стоит *выше* испытуемого, приписываются внутренние причины, а неуспеху — внешние; успехам тех, кто на шкале стоит *ниже* испытуемого, **приписываются внешние причины, а неуспехам — внутренние**.

В качестве испытуемых выступили учащиеся нескольких групп. Каждый из них проранжировал своих соучеников по уровню компетентности (успешности) в каком-либо предмете (например, в математике или литературе). На построенной шкале каждый учащийся обозначил свое место. Затем были проведены контрольные работы по соответствующему предмету и испытуемым сообщены полученные оценки. Далее каждый проинтерпретировал результаты

других учеников. Оказалось, что если человек, помещенный мною на шкале выше меня, получил более позитивную, чем я, оценку, то я приписываю это внутренним причинам (он субъективно воспринимался мною как более успешный, и оценка соответствует этому представлению). Если же этот ученик вдруг получал оценку ниже «моей», я приписываю это внешней причине (он вообще-то сильнее меня, значит, в низкой оценке «повинно» какое-то внешнее обстоятельство). Обратная логика рассуждений присутствовала при приписывании причин успеха и неудачи субъектам, расположенным на шкале ниже «моего» уровня. Таким образом, гипотеза полностью подтвердилась.

Можно считать доказанным тот факт, что в тех или иных формах, но мотивация включается в атрибутивный процесс и может породить ошибки особого рода.

Теперь можно подвести итоги рассмотрения теорий атрибуции в контексте их места в психологии социального познания. Итак, атрибутивный процесс начинается с мотивации индивида понять причины и следствия поступков других людей, т.е. в конечном счете понять смысл человеческих отношений. Причем у человека всегда присутствует как потребность понять эти отношения, так и потребность предсказать дальнейший ход этих отношений. В отличие от теорий когнитивного соответствия, в теории каузальной атрибуции достижение когнитивного соответствия не есть необходимый и желаемый результат когнитивной «работы». Соответствие здесь есть скорее критерий для понимания того, когда причинное объяснение кажется достаточным. Причина, которую индивид приписывает явлению (или человеку), имеет важные последствия для него самого, для его чувств и поведения. Значение события и реакция человека на него детерминированы в большей степени приписанной причиной. Поэтому сам поиск причин, их адекватный выбор в различных ситуациях есть важнейшее условие ориентации человека в окружающем его социальном мире.

Эта ориентация есть сложнейший мыслительный процесс, требующий умения оперировать полученной информацией, а также «добраивать» ее в случае ее недостаточности. Поэтому в атрибутивный процесс включен целый ряд не только познавательных, но и мотивационных операций, а также учет и эмоциональных компонентов познания. Анализ атрибутивных процессов важен не только сам по себе, но служит стимулом для дальнейшего углубления в процесс социального познания. Будучи своеобразной предтечей психологии социального познания, исследование атрибутивных процессов оставляет на ее долю целый ряд нерешенных проблем и необъясненных феноменов, касающихся того, как человек, черпая

сведения об окружающем его мире, строит в целом его образ, с тем чтобы успешно в нем функционировать.

4. СОЦИАЛЬНАЯ АТРИБУЦИЯ

Нерешенность этих проблем во многом объясняется тем, что, несмотря на интересные находки в описании атрибутивных процессов, они остаются процессами, свойственными *индивидуальному* сознанию. Явление, относящееся к *социальному* взаимодействию, по существу рассматривается вне социального контекста. Не случайно поэтому, что вся область исследований атрибуции становится ареной довольно острой полемики между американской и европейской традициями в социальной психологии [122; 129; 130]. В данном случае речь идет о том, что исследования атрибуции, если они претендуют на включение в психологию социального познания, неизбежно должны быть включены в социальный контекст.

Такой шаг предпринят рядом европейских авторов и нашел свое воплощение в *«теории социальной атрибуции»*, первоначально заявленной Ж.-К. Дешамом и наиболее полно разработанной М. Хьюстоном и Й. Яспарсом [129]. Они делают акцент на том, что в атрибутивных теориях должен рассматриваться процесс приписывания причин именно **социального** поведения. В традиционном подходе акцент делался на том, как **индивид** осуществляет атрибутивный процесс без учета принадлежности этого индивида к определенной социальной группе. В новом подходе подчеркивается, что индивид приписывает что-либо другому на основе представлений о своей собственной группе, а также на основе представлений о той группе, к которой принадлежит этот «другой». С. Московиси например, утверждает, что мы всегда *сначала* спросим, к какой группе принадлежит человек, а *затем* начинаем приписывать ему причины его поведения. Иными словами, интерпретация поведения и деятельности другого человека всегда осуществляется на основе его группового членства.

Кроме того, в атрибутивном процессе учитывается и характер *взаимодействий*, сложившихся в группе, к которой принадлежит субъект восприятия. Таким образом, умножается количество связей, которые должны быть учтены при процессе приписывания, и тем самым процесс еще более удаляется от «чистого» восприятия и дополняется целым комплексом мыслительных операций. Это важное дополнение, предложенное теорией социальной атрибуции и означает еще большую возможность рассматривать атрибутивный процесс не просто как «ядро» социального восприятия, но и как существенный

компонент социального познания.

Вместе с тем такое дополнение «привязывает» каузальную атрибуцию к другим механизмам познания человеком социального мира. Поскольку поиск причин апеллирует к групповой принадлежности и субъекта и объекта восприятия, в их взаимодействие включается представление о **двух** группах («своей» и «чужой») и, следовательно, неизбежно возникает механизм *социального сравнения*. Этим атрибутивный процесс оказывается включенным в формирование социальной идентичности и в межгрупповые отношения, а тем самым в сложный контекст самых разнообразных социальных явлений.

Основные направления критики традиционных концепций атрибуции осуществляются авторами идеи социальной атрибуции по следующим позициям: а) в традиционных концепциях слишком «рациональна» модель действующего человека (например, в теориях Г. Келли); б) как уже отмечалось, в них при анализе в значительной степени игнорируется группа принадлежности как субъекта, так и объекта атрибутивного процесса; в) методика, применяемая в традиционных исследованиях — преимущественно лабораторный эксперимент, т.е. ограничены применения его результатов в «реальной» жизни; г) практически не учитываются многие важные характеристики участников процесса, такие как пол, возраст, а также уровни атрибуции, описанные Ф. Хайдером.

Поэтому авторы предлагают включить в исследования атрибутивных процессов как минимум следующие гипотезы:

1. Социальная атрибуция касается повседневных объяснений причин и результатов поведения людей при условии учета тех общественных условий, в которых живут люди.

2. Основой ее является социальная категоризация (как субъекта, так и объекта атрибутивного процесса).

3. Для нее характерным является поддержание положительного образа своей группы воспринимающим субъектом. Это достигается применением такой стратегии, когда успех своей группы и неуспех чужой группы объясняются *внутренними* причинами а неуспех своей группы и успех чужой группы — причинами *внешними*.

4 Социальная атрибуция не всегда опирается на мнение, разделяемое всеми членами группы, т.е. на существующие в группе стереотипы. Она может возникнуть и на основе «личной» предубежденности воспринимающего.

5. Вместе с тем социальная атрибуция может создаваться или усиливаться на основе развития взаимодействия с другими членами группы [см. 66].

Отсюда следует вывод, что социальная атрибуция может

базироваться как на стереотипных представлениях о другой группе, так и на прямом предубеждении одного из участников взаимодействия; итог при этом будет зависеть от характера взаимодействия членов различных групп между собой.

Предложенная концепция приобретает особое значение в тех случаях, когда участники атрибутивного процесса принадлежат к различным культурам, прежде всего к различным этническим группам. Поэтому подробную разработку идея социальной атрибуции получает в этнопсихологии [90]. Здесь, в частности, проанализированы различия представителей разных культур в совершении фундаментальной ошибки атрибуции, вообще степень «приверженности» личностной (в индивидуалистических культурах) или обстоятельственной (в коллективистических культурах) атрибуции. При всех условиях «социальный контекст», на необходимости которого в любых социально-психологических исследованиях настаивают европейские авторы, представлен главным образом группами принадлежности участников атрибутивного процесса.

Нельзя не отметить, что сама по себе идея необходимости учета в атрибутивном процессе группового контекста была высказана нами еще в 1975 г., когда была предложена теоретическая схема исследования социальной перцепции [см. 114], где акцент был сделан как раз на то, что при любом варианте восприятия другого человека необходимо учитывать групповую принадлежность как субъекта, так и объекта восприятия. Там же подчеркивалась мысль о том, что вообще при всех обстоятельствах изучения социально-перцептивного процесса (т.е. и анализа каузальной атрибуции) групповой контекст должен быть доминирующим. Некоторые результаты исследований были доложены в секции по исследованию атрибутивных процессов, руководимой Г. Келли, на Международном конгрессе по психологии в Лейпциге в 1980 г. [114, р. 459]. К сожалению, как и во многих других случаях, дальнейшая разработка этой идеи не получила известности среди западных коллег (как и многие другие идеи отечественной социальной психологии).

Поэтому сегодня мы зачастую обращаемся к тем же самым идеям, но лишь в исполнении и в значительно более полной разработке, в частности, европейских авторов [см. 103; 104].

Теория социальной атрибуции вновь апеллирует к тому, что представления о социальном мире (в данном случае о себе и о группах) формируются в ходе взаимодействия и общения между элементами общественной структуры. Таким образом, и с этой стороны подтверждается вывод о неразрывности процессов социального познания, коммуникации и поведения. Атрибутивные

теории, особенно при учете современных дополнений, становятся не только одной из предпосылок психологии социального познания, но и ее существенной составной частью.

Глава IV ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА СОЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

1.1. Социальная категоризация

Когда установлены те «добавки», которые превращают социальное восприятие в социальное познание, и на примере атрибутивных процессов описано их проявление, становится ясным, что итогом осмысления человеком окружающих его социальных объектов и ситуаций является построение целостного образа социального мира. Теперь, чтобы изучить более конкретно способы этого построения, необходимо ответить как минимум на три вопроса:

1. Как осуществляется работа с информацией об этом мире? 2. Какие элементы социального мира при этом выделяются? 3. Какие механизмы «обслуживают» процесс конструирования социального мира?

Уже отмечалось, что самым общим способом работы с социальной информацией является процесс **категоризации** — отнесение каждого нового воспринимаемого объекта к некоторому классу подобных и уже известных ранее объектов, т.е. к категории. «Категория», как было подчеркнуто, — одно из базовых понятий концепции *Дж. Брунера* и вообще всей когнитивной психологии, которая «рассматривает поведение субъекта как управляемое процессом актуализации "категорий", или, в другой терминологии, "когнитивных единиц". Вводя когнитивные единицы, когнитивная психология приходит к признанию Субъективного Образа в широком гносеологическом смысле этого понятия» [59, с. 14]. Естественно, что проблемы категоризации рассматриваются и в других системах психологического знания. В частности, для социального познания особенно важна идея Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева о роли

значения применительно к процессу категоризации. Категоризация возможна постольку, поскольку люди живут в относительно стабильном мире, где предметы обладают более или менее инвариантными характеристиками, т.е. значениями, благодаря чему человек и может идентифицировать их. Категоризация выступает как инструмент, посредством которого человек систематизирует свое окружение, на основании чего только и можно в этом окружении действовать.

Поэтому можно сказать, что в каких-то чертах категоризация сходна с атрибутивным процессом: и там и здесь человек постигает смысл окружающего его мира. Понятно, что выявление смысла возможно только в том случае, если все вновь воспринимаемые объекты рассматриваются в некотором контексте. Но воспринять объекты «в контексте» — значит установить всю систему связей данного объекта со всеми другими объектами и явлениями, а это весьма сложная познавательная задача, и необходимы какие-то способы упрощения ее. Одним из способов упрощения стратегии познания и является категоризация. Ее генеральная функция — как раз такое упорядочивание и упрощение информации, получаемой извне, которые способствуют уяснению контекста. Сложность такой стратегии в том, что субъект познания не просто «упрощает» полученную информацию, но как бы, по выражению Брунера, вынужден «выйти за ее пределы», осуществить значительную интеллектуальную работу по дальнейшему комбинированию категорий, чтобы получить целостную картину. Особенность этой «работы» в том, что определенные аспекты информации *отбираются*, а другие *модифицируются* с тем, чтобы достичь «лучшего соответствия» внутри категории [154, р. 306].

Несмотря на универсальность процесса категоризации, возникает ряд проблем его специфического проявления при социальном познании. Это можно проиллюстрировать на примере выявления тех *признаков*, на основе которых осуществляется процесс категоризации.

Основанием, по которому объекты помещаются в ту или иную категорию, является сходство этих объектов по какому-либо *признаку*. По мнению А. Г. Шмелева, «особенно информативными когнитивными признаками являются такие, которые дифференцируют альтернативные категории» [106, с. 17]. Иными словами, различия по этому признаку должны быть менее значимы, чем сходство. Если мы относим встреченного нами человека к категории «старые люди», то это означает, что различия, которые имеются между «старыми людьми» (мужчина это или женщина, здоровый это человек или больной), менее важны для нас в данном случае, чем сходство.

Воспринятый в конкретной ситуации человек есть прежде всего «старый человек». Точно так же, например, на спортивных соревнованиях инвалидов мы фиксируем прежде всего, что участники данного соревнования — инвалиды, превозмогшие свои болезни или увечья и мужественно вставшие в ряды соревнующихся. Различия в степени и характере их инвалидности пока не принимаются во внимание. Используемая категория «инвалиды» строится по принципу наличия *общего признака*.

Часто границы используемых категорий достаточно отчетливы и поместить в них объект не составляет труда, как это было, например, в описанных примерах. Однако иногда вопрос о границах категорий достаточно сложен: эти границы весьма расплывчаты. Например, такая категория, как «религиозные люди». Что считать их общим признаком: посещение церкви или просто веру в Бога? Еще более отчетливо эта сложность проявляет себя в отношении более широких категорий, характеризующих часто довольно абстрактные социальные явления или ценности. Возьмем категорию «демократы». В разных исторических ситуациях, часто и в одном и том же обществе сама идея демократии понимается весьма по-разному в разных социальных группах. Каков же «общий признак» демократа, если мы хотим встреченного человека отнести (или не отнести) к категории «демократы»? Ответ на этот вопрос не так прост.

Поэтому в отношении таких широких и порою абстрактных категорий применяется как бы их дробление, они подразделяются внутри себя на так называемые субкатегории: все хорошо успевающие студенты могут быть подразделены на «отличников» или на «хорошистов» и т.п. В ряде экспериментов показано, что по отношению к социальным объектам у людей сформировались какие-то относительно устойчивые приоритеты по поводу того, какие категории прежде всего применяются при категоризации, а какие используются в следующую очередь. Так, во многих экспериментах, проводимых в смешанных группах, испытуемые прежде всего классифицировали участников группы по этнической принадлежности или по полу, а лишь затем — по проявленным способностям при выполнении задания или по их вкладу в групповое обсуждение проблемы.

Следующая важная особенность категорий — их разная «сложность», т.е. наполненность конкретным содержанием: мы видим в некоторых категориях больше общих черт, чем в других. Это особенно значимо именно при употреблении категорий социального познания. Так, например, когда мы воспринимаем людей, принадлежащих к «своей» группе (скажем, этнической), то мы распознаем у них гораздо больше внешне различимых черт, чем у

людей другой группы: известно, что для многих европейцев все люди с резко выраженными азиатскими чертами — «на одно лицо». Насколько это важно в практической жизни, видно на примере сегодняшней ситуации в нашей стране, когда в силу ряда обстоятельств возник нелепый термин «лицо кавказской национальности» и в условиях роста криминогенных явлений всякое такое «лицо» без разбора начинает вызывать подозрительность правоохранительных органов, что порою ведет к оскорбительным действиям с их стороны.

Отнесение социальных объектов к категориям имеет своей главной функцией служить человеку руководством к действию: категоризация сокращает путь определения стратегии поведения, сводит этот процесс к наиболее краткому варианту. Это обусловлено тем, как отмечается в психосемантике, что «...психологический смысл всякого процесса категоризации заключается в подготовке решения. Потому психологически принятие решения и не требует от субъекта какого-либо заметного отрезка времени, так как решение уже фактически подготовлено отнесением стимульного объекта к определенной категории» [106, с. 19]. Таким образом, как бы прорисовывается связь между восприятием — мышлением — действием. В звене восприятие — мышление категоризация связывает то, как мы воспринимаем мир, и то, как мы думаем о нем. Следующая часть связки — как мы думаем о мире и как мы действуем в нем — должна быть исследована особо.

Сейчас же, если принять идею, что в процессе перехода от восприятия к познанию мы не просто механически добавляем нечто к процессу восприятия, но добавляем активно, то из нее следует, что в ходе социального познания мы действительно «строим» социальный мир, конструируем его. Картина «выстроенного» таким образом социального мира может оказаться весьма различной. Важно учесть все факторы, которые будут причиной таких различий. Самое первое условие — выявить способы, которыми мы собираем социальную информацию: «впитываем» ли ее (всю или не всю?), «достаиваем» ли ее, «искажаем» ли при этом и т.д. В конце концов и здесь встают традиционные для любого когнитивного процесса вопросы: «куда смотреть?», «что слушать?», «что делать с тем, что нам не нужно?». Вся совокупность этих проблем обсуждается в психологии социального познания в разделе «Путь производства социальной информации». Собственно этим термином обозначается тот процесс, который включает в себя отбор необходимой информации, интерпретацию ее смысла, способы ее сохранения и воспроизведения в нужный момент.

Авторы этих идей любят приводить следующий пример.

Представьте себя прилетевшим на другую планету. Вы встречаете там неизвестные вам вещи — непривычные очертания, непривычные звуки все то, что прежде отсутствовало в вашем прежнем опыте. Как обрести смысл в этом новом окружении? Все, что можно узнать об этом новом мире, лимитировано вашими сенсорными и когнитивными способностями. Чтобы разобраться в ситуации, надо прежде всего установить, что для вас наиболее важно. После этого попробовать сформулировать нечто о природе этого «важного», для чего все же придется использовать прежние знания о мире. Тогда новое знание можно включить в контекст старого опыта. Лишь после этого можно пытаться адаптироваться к новому. Несмотря на примитивность сюжета, в нем хорошо просматриваются основные этапы работы с поступающей информацией. Опять-таки эти этапы присутствуют при работе с любой информацией, но в случае социальной информации здесь возникают особого рода искажения, которые необходимо детально описать.

Эти проблемы лучше всего рассмотреть на наиболее распространенном процессе социальной категоризации — на том, как осуществляется категоризация всякого вновь встреченного человека. Поскольку многие из нас, воспринимающих, являются «когнитивными лентяями», нам хочется осуществить категоризацию немедленно. Легче всего в данном случае категоризировать вновь встреченного человека, просто поместив его в категорию «человек». Мы при этом как бы «атакуем» поступивший к нам социальный стимул. Это нужно, чтобы как-то начать взаимодействие с ним. Потом, позже, можно продолжить категоризацию, относя встреченного человека к группам по полу, возрасту и т.д.

Продолжение процесса социальной категоризации детерминировано рядом факторов. Чаще всего в экспериментах фигурируют два таких фактора: «жизненность» (яркость), которая проявляется как эмоциональная заинтересованность объектом, и «первичность», обусловленная, как неоднократно отмечалось и в более ранних исследованиях, порядком предъявления информации. Так, предложение категоризировать увиденные в фильме объекты давало такой результат, что категоризация осуществлялась быстрее и точнее в том случае, когда испытуемые просматривали цветной, а не черно-белый фильм. Достаточно интенсивно проявляли себя при этом и такие мотивационно-эмоциональные характеристики воспринимающего, как его настроение. Люди, позитивно настроенные, легче ориентировались, в какую категорию поместить тот или иной объект. В примере с просмотром фильма выяснилось, что после легкого, веселого фильма категоризация осуществлялась эффективнее, чем после документального фильма, хотя и в том и в

другом случае демонстрировались одни и те же объекты.

Что касается роли первичности предъявленной информации, то по тому же самому принципу «когнитивного лентя» человек легче, немедленнее категоризирует объект *только что* предъявленный: просто он «хватается» за то, что быстрее приходит в голову. Т. Хиггинс и Г. Кинг предложили различать две разновидности оценки, которую используют люди при категоризации: хроническую и моментальную. Последняя в большей мере зависит от сиюминутного социального контекста, т.е. от наличной ситуации, в условиях которой приходится осуществлять процесс категоризации. Так, выявлено, что студент вечернего отделения, которого испытуемый встретил на занятиях в университете, категоризируется по принципу «помещения» его в какую-то категорию (группу), связанную с характеристикой его учебных успехов, а вовсе не по его «длительной» принадлежности к категории, с которой он связан по работе в фирме. «Хроническая» оценка предполагает более длительный и вместе с тем основательный процесс отнесения человека к определенной группе.

Какими бы дополнительными трудностями ни обрстал процесс социальной категоризации, он неизбежно происходит. Встает вопрос о длительности этого процесса. По-видимому, можно утверждать, что в отличие от категоризации физических объектов продленность или приостановка процесса социальной категоризации зависит от того, насколько субъект восприятия *заинтересован* во взаимодействии с воспринимаемым объектом. Если эта заинтересованность отсутствует, процесс категоризации завершается:

девушка, заинтересованная в знакомстве с молодым человеком, после его категоризации как «женатый мужчина» может утратить к нему интерес и поэтому далее не продолжать процесс более «подробной» категоризации. Напротив, наличие заинтересованности в продолжении взаимодействия переводит процесс категоризации как бы на новую ступень.

Эта ступень характерна тем, что после «первичной» категоризации мы начинаем выявлять у познаваемого объекта признаки, которые так или иначе дополняют категорию. Такими признаками выступают определенные личностные черты, если воспринимается другой человек. При дополнении категории, к которой был ранее отнесен воспринимаемый нами субъект, новыми чертами могут возникать две различные ситуации: когда вновь воспринятые черты «вписываются» в начальную категорию и когда они противоречат ей. Если получено подтверждение правильности определенной категории, процесс категоризации при построении первого впечатления можно считать законченным: объект восприятия, как нам кажется, надежно «помещен» в категорию. В противном

случае приходится переосмысливать первичную категоризацию. Этот процесс обозначается как процесс *рекатегоризации*: встреченный женатый мужчина категоризирован как «весьма преуспевающий независимый человек» и вдруг выясняется, что дома он сам готовит обед. Строится целый ряд предположений относительно причин этого (включается механизм каузальной атрибуции). На их основе выделяется либо такая черта, что интересующий нас субъект — «под каблуком у жены», либо, что он просто имеет несчастье быть женатым «на весьма занятой, работающей женщине». И в том и в другом случае приходится осуществлять рекатегоризацию — «переводить» воспринятого человека в какую-то иную категорию.

Как видно, на пути осуществления социальной категоризации возникает целый ряд «угроз» адекватности построенной картины окружающего мира. Нет и не существует гарантий против возможных искажений, сопутствующих обыденному познанию. Тем интереснее некоторые попытки выработать хотя бы самые общие рекомендации. Такая попытка предпринята, в частности, Э. Арнсоном. Возможно, полезно прислушаться к его советам: быть осторожным с теми, кто пытается сконструировать для вас категории; использовать разные способы категоризации (рассматривать явление под разными углами зрения); уделять достаточное внимание индивидуальным характеристикам людей и явлений; главное — отдавать себе отчет в том, что вы не гарантированы от ошибки [14, с. 169].

Все сложные модификации, которые претерпевает процесс социальной категоризации, связаны с еще одним весьма своеобразным когнитивным процессом — **эвристикой**.

1.2. Эвристики

В отличие от философской традиции употребления этого термина, в психологии социального познания он обозначает сокращение или правило произвола, применяемое нами для того, чтобы высказать суждение, для которого имеем недостаточную или неопределенную информацию.

Вместо того чтобы всесторонне поразмыслить о воспринимаемом объекте, установить все его связи и отношения, обработать всю доступную информацию, эвристика используется для быстрого решения, основанного на произвольно сформулированном Правиле. Эвристика и представляет собой такое «упрощенное правило принятия решения» [130, р. 253]. Набор таких правил является своеобразным сводом тех принципов, на основании которых возникают различные субъективные вкрапления в процесс освоения социальной информации. Иными словами, эвристика не претендует на

получение знания, опирающегося на нормы логики, но зато обеспечивает некоторый компромисс между рациональным и когнитивно «экономным» выводом. Она является своеобразным сводом тех принципов, на основании которых возникают различные субъективные вкрапления в процесс освоения социальной информации.

В конечном счете эвристика, трактуемая таким образом, очень близка к психологике, основной стержень рассуждений которой строится по принципу: «вообще-то это должно быть так, но я думаю, что это не так». Эвристика рекомендует добывать по крохам недостающую информацию. Однако когда эти крохи крайне незначительны, она тем не менее «подвигает» человека отваживаться на вывод или на выведение какого-то суждения. В определенном смысле предложения эвристики соотносятся с идеей «корреспондентного выведения», рассматриваемого в теориях атрибутивных процессов. Правда, там рекомендовалось строить вывод («выведение») на основе соответствия следствий причинам, здесь делается несколько иной акцент.

А. Тверский и *Д. Каннеман* различают «**эвристику представленности**» и «эвристику наличности (доступности)» [159]. В первом случае речь идет о том, что человек имеет тенденцию рассматривать какие-либо факты как более широко представленные, чем они есть на самом деле. Приводится такой житейский пример: студентам предлагались два различных теста на выявление уровня интеллекта, один из которых длился час, а другой — десять минут. Когда их спросили, какой тест заслуживает большего доверия, большинство ответили — часовой тест. Такой ответ основан на распространенном мнении, что более длительный по времени тест наиболее серьезен, а потому и вызывает большее доверие. Таким образом, информация о более широкой представленности какого-либо явления позволяет с большей легкостью категоризировать его, опираясь именно на это его свойство. При этом под «более широкой представленностью» может подразумеваться не обязательно действительно более широкое распространение того или иного явления, но и более распространенное **мнение** о чем-то, как это имело место с оценкой более «длительного» психологического теста.

Такая стратегия часто приводит к совершенно необоснованному суждению. В примере *Д. Майерса* это видно очень ярко: дано описание некой Линды, которой 31 год, по профессии она философ, активно интересуется социальными проблемами. Вам предлагается ответить: является ли она кассиром или кассиром и в то время активисткой феминистского движения? Чаще всего выбирают второй ответ, так как полагают, что интерес к социальным проблемам

вероятнее у феминистки, чем просто у кассира [69, с 133]. В действительности такой ответ отнюдь не безусловен. Вспомним по этому поводу пример Р. Нисбета и Л. Росса: они рассказывают своим студентам о том, что у них есть общий друг, который любит писать стихи, застенчив и невысок ростом. Студентов спрашивают: кто, по их мнению, этот друг — психолог или специалист по Китаю? Большинство отвечает, что друг — психолог, хотя, вообще говоря, названные качества в такой же степени могут быть отнесены и к специалисту по Китаю. Ответ же «психолог» обусловлен тем, что для студентов кажется более вероятным, что другом двух профессоров-психологов является также психолог, а не специалист по Китаю. Большая «представленность» события здесь выступает как большая вероятность его в данной ситуации.

Э. Аронсон приводит многочисленные житейские ситуации, в которых эвристика представленности «работает» достаточно безотказно. Ребенок в магазине тянется за сладостью, где на упаковке более красивая картинка, потому что *обычно* такие сладости бывают более вкусными; традиционно считается, что красавцы и красавицы более успешны, хорошо одетые люди заслуживают большего уважения и т.д. Аронсон справедливо критикует многочисленные руководства на тему «как добиться успеха» за то, что все их рекомендации построены на подобных эвристиках [14, р. 154].

Эвристика наличности, или **доступности**, имеет дело с тенденцией оценивать явления на основе готовых суждений, которые имеются в нашей памяти и легче всего приходят на ум при формулировании оценки (поэтому авторы термина предлагают даже другую формулировку — «эвристика оценки»). Доступность оценки обусловлена тем, что она кажется сама собой разумеющейся, человек имеет ее «в наличии». Событие, которое оценивается, легко представить себе: оно ярко, знакомо, легко вспоминаемо. Предположим, человеку задается вопрос: «Как вы думаете, музыканты — богатые или бедные люди?» Если отвечающий — постоянный посетитель шумных и модных рок-концертов, он склоняется к ответу «богатые». Если же его опыт общения с музыкантами содержит информацию об их трудностях, о безработице среди лиц их профессии, он отвечает: «бедные». В действительности ни тот, ни другой ответ, очевидно, неверен, соответственно ошибочна и категоризация. Возможно, ответ лежит где-то посередине, что могло бы быть результатом более тщательного обдумывания, но «эвристика наличности» просто исключает такую процедуру.

Кроме описанных видов эвристик, некоторые авторы называют и другие. Так, Э. Аронсон говорит об **аттитюдных эвристиках**, когда суждение выносится на основе сложившейся ранее установки

[14, с. 154—155]; К. Фидлер называет *симулятивную эвристику*, суть которой в том, что легкость, с которой какое-либо событие возникает в памяти или в воображении, приводит к переоценке значения этого события в сторону его усиления: так, последнее дорожно-транспортное происшествие обостряет чувство риска при оценивании любого водителя, употребившего алкоголь за рулем, в том случае, если «ментально симулировать» страшную картину последнего инцидента [130, р. 151].

Употребление эвристик в значительной степени «упрощает жизнь» познающему человеку, позволяет ему применить «сокращенную» стратегию, но вместе с тем и ограничивает тот объем информации, который, был бы в принципе возможен. При использовании любой эвристики значительная часть информации просто теряется. Но тем не менее дело происходит именно **так** в процессе познания повседневной реальности обычным человеком. Психология социального познания просто констатирует этот факт.

Разумеется, применение эвристик не является абсолютно обязательной нормой социального познания: лишь определенные обстоятельства провоцируют использование этих приемов. В многочисленных экспериментах установлены наиболее типичные условия применения эвристик: 1) дефицит времени для обдумывания ситуации; 2) перегруженность информацией, затрудняющая возможность ее обработки; 3) относительно невысокая значимость воспринимаемого объекта, делающая достаточно безразличным точное знание о нем; 4) просто недостаточность информации для осмысленного вывода; 5) произвольность быстрого решения [14, р. 157].

Тем не менее сам факт возможности использования эвристик в процессе социального познания не может быть оспорен, и это является действительно существенной особенностью социальной категоризации. В какой мере эта особенность зависит от индивидуальных особенностей человека (не следует забывать, что ему свойственна «когнитивная лень»!), а в какой мере обусловлена другими обстоятельствами, требует выяснения.

2. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ КОГНИТИВНОЙ РАБОТЫ

Более подробно эти и другие трудности социальной категоризации раскрываются при анализе основных этапов работы с социальной информацией, к которым относятся: *внимание, кодирование, хранение,*

Рис. 11. Этапы работы с социальной информацией

воспроизведение. При анализе этих этапов, так же как и при всех приведенных выше рассуждениях, имеются в виду некоторые *индивидуальные* особенности человека, проявляющиеся при его работе с социальной информацией. Психология социального познания не ограничивается только характеристикой таких особенностей: значительный пласт ее рассуждений касается как раз *социальных* детерминант этого процесса. Но прежде чем приступить к выявлению их роли, предлагается достаточно скрупулезный анализ индивидуальных характеристик человека в его работе с социальной информацией. Этапы этой работы выделены именно в этом ключе, что впоследствии и будет использовано оппонентами как основание для критики недостаточного внимания к сугубо *социальным* аспектам познания (рис. 11).

Внимание к определенным проявлениям социального мира имеет своей функцией помочь человеку оценить его социальное окружение, отобрать некоторые значимые стимулы, поскольку все их воспринять невозможно; необходим выбор тех объектов, которые релевантны данной ситуации. Сделать такой выбор — значит приковать внимание к чему-то определенному, что нужно в дальнейшем для построения системы выводов и ожиданий относительно каждого конкретного социального объекта.

Кодирование есть такая работа с информацией, когда в ней распознается определенный смысл. Это возможно при условии, когда информация как-то организуется: лишь при этом высвечиваются грани смысла. Кроме того, такая организация будет способствовать запоминанию информации.

Хранение информации предполагает поиски наилучших его способов, рассчитанных на то, что в нужное время информация будет

успешно воспроизведена, т.е. оценена по достоинству.

Воспроизведение социальной информации — чрезвычайно ответственный этап всего процесса, поскольку именно он связывает когнитивный процесс с поведением, с актуальным действием человека. Адекватное воспроизведение информации предполагает извлечение ее из системы хранения в нужное время и в нужном объеме.

Понятно, что все эти этапы не существуют изолированно друг от друга, они образуют интегрированную систему.

В этой системе, как видно на приведенной схеме, два «потока»: 1) от внимания к кодированию, хранению и воспроизведению; 2) от воспроизведения к хранению, кодированию и вниманию. Т.е. каждый последующий этап дает новый «виток» работы с информацией. Теперь необходимо рассмотреть, что же «происходит» с социальной информацией на каждом этапе, в частности, какие специфичные для социальной информации искажения могут возникать на каждом этапе.

2.1. Внимание

Направленность внимания при потреблении социальной информации зависит от двух факторов: а) ситуативных; б) личностных.

Важнейшим **ситуативным** фактором является так называемая *выпуклость* (saliense). «Выпуклость» — это заметность, броскость какого-либо явления или предмета. Это то, что прежде всего бросается в глаза или поражает слух. Уже при исследованиях атрибуции было установлено, что в каждом конкретном случае «выпуклым» может быть разный объект, и это зависит от позиции воспринимающего (вспомним различия в типе приписываемой причины у участника и у наблюдателя события). «Выпуклое» представляется самым важным, и здесь крайний субъективизм того, кто воспринимает. На основании многих наблюдений *Ш. Тейлор* и *С. Фиске* утверждают, что для большинства людей «выпуклым» является всегда то, что **единично и достаточно**. Более развернутое представление о том, что воспринимается как «выпуклое», дает следующий перечень: новизна, размер, яркость, цвет, сложность объекта, особенно если он дан в движении и изменении.

Теоретическое обоснование феномена «выпуклости» взято из гештальттеории, где установлен факт привлечения внимания прежде всего к фигуре, а не к фону. В социальных ситуациях в качестве «фигур» предстают люди или явления необычные, девиантные. Это подтверждает такой эксперимент. Испытуемым демонстрируется на видео игра в бридж, в ходе которой один из игроков демонстрирует

особую агрессивность, в то время как другой постоянно оказывается жертвой. При черно-белом изображении остается неясным, почему именно один всегда остается жертвой. При цветном изображении видно, что «жертва» обладает ярко-рыжим цветом волос. Испытуемые в данном случае немедленно «объясняют» качество быть жертвой нетривиальным цветом волос, т.е. чем-то экстремальным, необычным, «выпуклым», присущим «жертве». Привлечение внимания к «выпуклой» (в данном случае совершенно случайной) характеристике порождает целую цепь умозаключений.

Другой эксперимент осуществлен Тейлор и Фиске, когда испытуемым предложена якобы запись 12 разговоров преподавателей в столовой. Испытуемые должны оценить «качество высказываний», помещенных в каком-нибудь отрывке текста. Эти отрывки текстов чередуются так, что в одних больше говорят мужчины, в других — женщины. Затем все отрывки текстов перемешиваются: соотношение высказываний мужчин и женщин в них представлено либо как 1:5, либо как 5:1. Экспериментаторы формулируют гипотезу: чем реже будет звучать в отрывке речь представителя одного пола, тем она будет более «выпукла» и поэтому ее оценки будут более экстремальными, т.е. либо более негативными, либо более позитивными (по сравнению с тем, как эти же отрывки оценивались независимо от их половой принадлежности). Эта гипотеза была полностью подтверждена. Вывод, который сделали экспериментаторы, заключается в следующем: «выпуклая» информация обладает «сверхпредставленностью», т.е. ей придается непропорционально большая роль в объяснениях. Люди склонны обращать внимание лишь на «вершину айсберга».

При более тщательном анализе явления «выпуклости» его отличают от другой сходной характеристики — «яркости», «жизненности». Отличие это заключается в том, что «выпуклость» всегда характеризует отношение объекта к контексту: «выпуклым» нечто является в данной ситуации, по отношению к данным условиям. «Яркость» присуща самому предмету как таковому. Кроме того, «яркость» в смысле «жизненность» мы фиксируем в том случае, когда предмет или явление эмоционально значимо для нас, оно интересно, близко по переживаниям. Если мы наблюдаем падение самолета в условиях мирного времени, естественно, оно более «выпукло», чем в условиях войны. Вместе с тем непосредственное наблюдение такого события эмоционально значимо, в этом смысле явление «жизненно», оно провоцирует переживания, касающиеся судьбы людей, по поводу возможных жертв.

Направленность внимания на «выпуклые» объекты слабо контролируется сознанием, реализуется автоматически, и в процесс

включаются элементы бессознательного. Правда, следует иметь в виду, что «бессознательное» в когнитивной традиции понимается специфично: здесь «бессознательное» — это то, что проявляется слишком быстро, так что сознание не «успевает» схватить его. Тем не менее мы далеко не всегда отдаем себе отчет в том, что приковываем свое внимание лишь к «выпуклому». Последствия же этого могут быть весьма далеко идущими, особенно если процесс осуществляется в сложной и значимой социальной ситуации.

К личностным факторам направленности внимания в социальных ситуациях относятся: а) потребности, б) ожидания. В данном случае внимание приковывается к тому, что в большей степени связано с потребностями или ожиданиями человека. В отличие от ранее описанного феномена «выпуклости», здесь часто выбор направления внимания совершается сознательно, т.е. процесс контролируем.

Роль *потребности* при направлении внимания достаточно хорошо известна в бытовой практике: человек, бредущий по лесу и испытывающий жажду, с особым вниманием рассматривает места, где может быть потенциальный родник или источник. Точно так же человек, испытывающий страх, с особым вниманием присматривается к прохожим, проходя по безлюдному переулку. Экспериментальное подтверждение приведено в одном из исследований: испытуемым предлагали оценить человека, с которым во время краткосрочных сборов предстоит жить в одной комнате. Одной группе испытуемых говорилось, что жить вместе с одним человеком придется в течение пяти недель; другой группе — что жить в одной комнате придется с каждым лишь в течение одной недели, а потом будет переселение и соседом может оказаться совсем другой человек. Всем испытуемым показывались слайды с изображением потенциальных соседей: на каждом слайде три человека и среди них тот, с которым и предстоит жить в одной комнате либо в течение пяти, либо в течение одной недели. Фиксировалось *время* рассмотрения изображений и *количество* позитивно приписываемых черт потенциальному соседу. Сравнение результатов показало, что гораздо более внимательно (более длительное время) рассматривалось изображение в том случае, когда предполагалось, что данный «сосед» на пять недель, а не на одну. Ему же приписывалось и большее количество позитивных черт. Объяснение экспериментаторов: больше внимания уделяется тому человеку, от которого в какой-то степени будешь зависим, хочется уменьшить страх перед незнакомым а для этого его надо лучше рассмотреть и оценить.

Точно так же внимание в большей мере направлено на то, что связано с *ожиданиями* воспринимающего. В случае восприятия

другого человека это могут быть либо ожидания от каких-либо черт воспринимаемого, либо от той роли, которую он представляет или носителем которой является. Таким образом, направляя свое внимание на какой-либо социальный объект, мы вначале как бы следуем за своим ожиданием. Так, на начальных стадиях взаимодействия с каким-либо человеком мы собираем о нем информацию, поддерживающую наши ожидания.

В одном из экспериментов испытуемым показывали видеозапись интервью с женщиной. Звук при этом был выключен. Одной группе испытуемых было сказано, что интервью касается проблем сексуальной жизни интервьюируемой. Другой группе говорилось, что интервью ведется на политические темы. На основе невербального поведения женщины испытуемых просят оценить, как женщина воспринимает саму ситуацию интервью, насколько ей комфортна эта ситуация. Группа, полагающая, что тема интервью — сексуальные проблемы опрашиваемой, однозначно утверждала, что интервьюируемая испытывает дискомфорт. Группа, принявшая информацию о том, что интервью — о политике, расценивала самочувствие интервьюируемой как нормальное. Отсюда следует вывод, что оценка поведения другого человека строится на основании ожидания его определенного поведения: можно ожидать, что интервью о личных сексуальных проблемах ставит человека в более сложное положение, чем в случае разговора о политике. Испытуемые «увидели» в ситуации именно то, что и ожидали увидеть.

Потребность человека получить подтверждение ожиданиям в общем очень велика. Можно привести много житейских примеров, как люди цепляются за свои ожидания. Если ожидания вдруг «опрокидываются», на первых порах часто находятся различные оправдания. Существует, например, распространенное суждение о том, что все адвокаты «хорошо говорят». Вдруг мы слышим какого-то косноязычного адвоката. Первая мысль: виноваты какие-то обстоятельства, например болезнь адвоката и т.д.

Это говорит о том, что в течение какого-то времени людям свойственно удерживать свои ожидания. Причем, когда это касается восприятия другого человека, фиксируется тот факт, что соответствие ожиданию поддерживает аттракцию, т.е. положительное эмоциональное отношение к этому человеку (на житейском уровне это звучит так: «больше любим тех, кто оправдывает»). В случае же нарушения ожидания негативные действия **или** проявления фиксируются ярче, чем действия амбивалентные, с небольшой ценой. Если кто-то договорился с девушкой о встрече в аэропорту, чтобы вместе лететь на каникулы, и она не явилась, ожиданиям нанесен весьма значимый урон: набор негативных характеристик в адрес

обманувшей ожидания может быть весьма значителен. Если же в аналогичном примере девушка не явилась в бар, чтобы вместе выпить и поболтать, разочарование не столь сильно; цена ожидания не так велика, особенно если очень уж точной договоренности и не существовало.

Следования ожиданиям диктует направленность внимания лишь в том случае, когда это ожидание достаточно определено. Ну а если в какой-то жизненной ситуации имеют место два альтернативных ожидания, как строится направление внимания в этом случае? Оказывается, тогда воспринимающий ситуацию должен сделать выбор, какому ожиданию он намерен следовать. Этот выбор во многом определяется готовностью человека пожертвовать своим ожиданием — ситуация, хорошо описанная в исследованиях когнитивного диссонанса. Если я очень боюсь пережить диссонанс, что эквивалентно решительному краху моих ожиданий, я заранее оговариваю для себя и другую возможность развития события. Более того, если «любимое» ожидание не оправдалось, я начинаю приписывать состоявшемуся выбору позитивные черты, а несостоявшемуся ожиданию — «фавориту», напротив, негативные характеристики.

При всех обстоятельствах личностные факторы, так же, впрочем, как и ситуативные, во многом трансформируют сам процесс сосредоточения внимания на тех или иных социальных ситуациях и объектах, что не способствует объективности познания. Кроме всего прочего, возникает и еще одно противоречие.

С одной стороны, установлен факт фиксирования внимания на «выпуклости» объекта, т.е. на том, что необычно, следовательно, неожиданно. С другой стороны, подчеркивается — и это также подтверждено и на обыденном уровне, и в экспериментах — тенденция концентрировать внимание прежде всего на ожидаемом, даже известная «подгонка» наблюдаемого явления под ожидаемое. По-видимому, наличие такого противоречия отражает крайнюю сложность процесса социального познания: выбор стратегии внимания зависит от многих побочных факторов, в частности от силы, значимости той или другой стороны противоречия, от степени ясности ее выражения, а главное — от цели, преследуемой воспринимающим субъектом. К этому вопросу — о цели социального познания — придется еще неоднократно возвращаться.

2.2. Кодирование

Когда информация отобрана путем концентрации внимания на определенных ее сторонах, возникает проблема распознавания ее

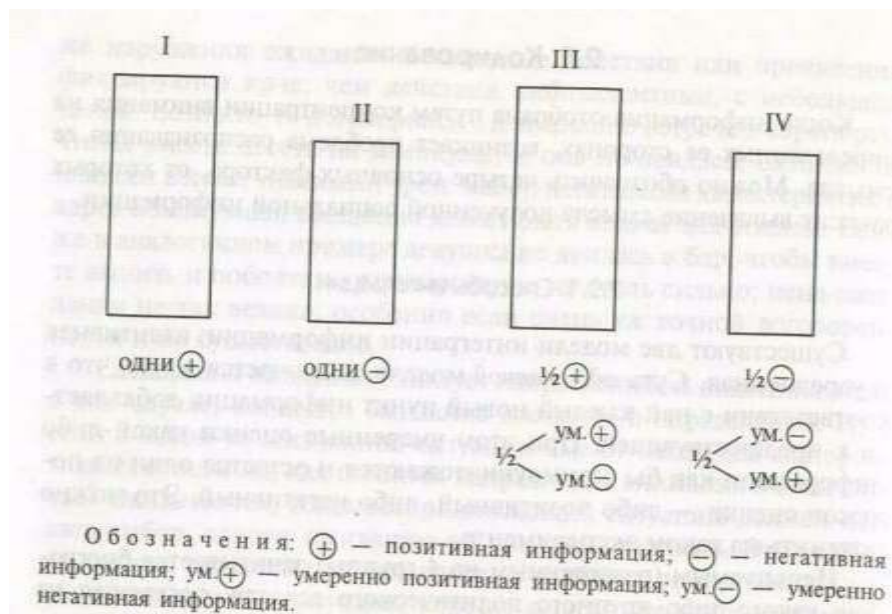
смысла. Можно обозначить четыре основных фактора, от которых зависит выявление смысла полученной социальной информации.

2.2.1. Способы интеграции

Существуют две модели интеграции информации: аддитивная и усредненная. Суть *аддитивной* модели заключается в том, что в соответствии с ней каждый новый пункт информации добавляется к предшествующей. При этом умеренные оценки какой-либо информации как бы взаимоуничтожаются и остается один из полюсов оценки — либо позитивный, либо негативный. Это можно пояснить на таком эксперименте.

Испытуемым (разделенным на 4 группы) зачитывается биография какого-либо крупного политического деятеля, состоящая из четырех разделов. Первой группе предложены все четыре раздела, содержащие только позитивную информацию о деятеле. Естественно, что в ответ на просьбу экспериментатора оценить качества изображаемого политика они дают ему позитивную оценку. Второй группе, соответственно, зачитываются четыре негативных раздела биографии, и испытуемые дают на этом основании негативную оценку политику. Третьей группе предлагаются два раздела, содержащие позитивную информацию, один раздел — умеренно позитивную и один раздел — умеренно негативную. Четвертой группе — соответственно: два раздела негативной информации, один — умеренно негативной, один — умеренно позитивной. Оценки, полученные политиком в этих группах, весьма характерны: в третьей группе, несмотря на наличие двоякого рода информации, степень позитивности оценки оказалась такой же, как и в первой группе. Умеренно позитивная и умеренно негативная информация просто взаимоуничтожились, и осталась позитивная информация, по уровню такая же, как и в случае с четырьмя позитивными разделами. Точно так же в четвертой группе — умеренно негативная и умеренно позитивная информация взаимоисключились и осталась негативная информация, при том же уровне ее негативности, как и в ситуации второй группы. Графически это выглядит, как на рис. 12.

По-иному выглядит способ интеграции информации при *усредненной* модели. В том же эксперименте было предсказано, что в данном случае наличие нейтральной информации (добавление умеренно позитивной и умеренно негативной) **снизит** уровень по-

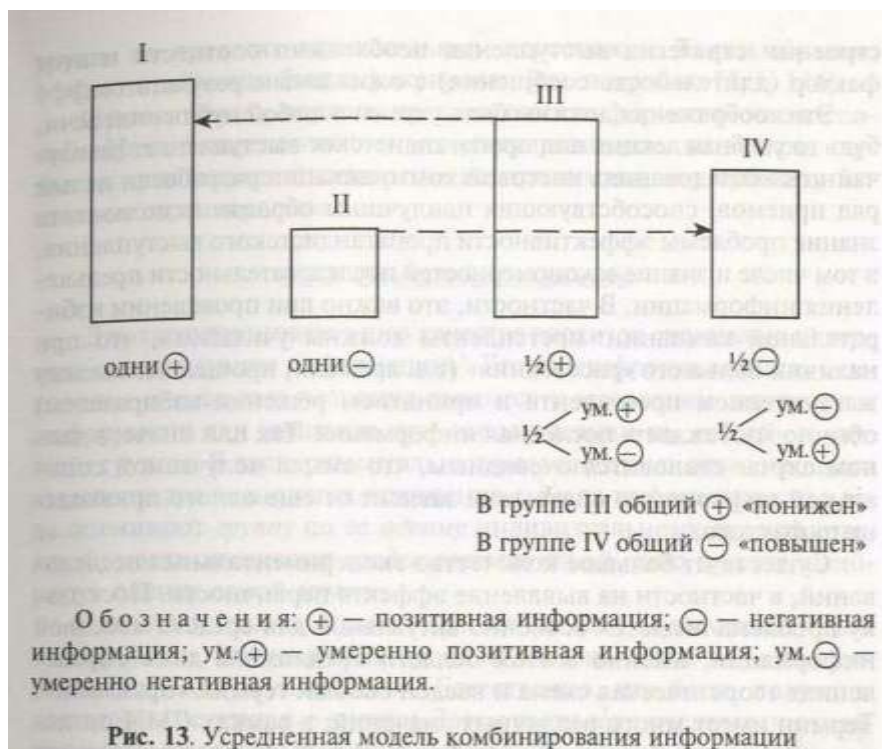
Рис. 12. Аддитивная модель комбинирования информации

зитивной оценки (в 3-й группе) и **повысит** уровень отрицательной оценки (в 4-й группе). Это предсказание подтвердилось и получило графическое изображение, представленное на рис. 13.

В обыденной жизни имеют место обе системы (модели) комбинирования информации: людям приходится часто давать те или иные оценки личностям, событиям, ситуациям, когда «соперничают» между собой положительная и отрицательная информация о них, например, в спортивном судействе, при анализе правонарушений и т.п. Окончательный вывод, как видно, во многом зависит от того, какая модель будет избрана. К сожалению, пока нет данных, которые могли бы спрогнозировать приоритет той или иной модели у каждого конкретного человека и в каждом конкретном случае. Поэтому практическая ценность знания двух типов моделей только в том, что оно заставляет «озаботиться» ценностью и достоверностью кодирования социальной информации, которое совершает каждый субъект.

2.2.2. Последовательность предъявления

Этот феномен уже был исследован при изучении эффектов межличностного восприятия, где и получил название «эффект

первичности» и «эффект новизны». При характеристике этих эффектов было показано, что при восприятии знакомого человека имеет более сильный вес новая информация (т.е. позже представленная), а при восприятии незнакомого человека — ранее предъявленная информация, хотя закономерности эти не бесспорны, так как не учитывают множество других факторов (степень знакомства, степень положительной или отрицательной оценки человека и т.п.). В психологии социального познания расширяется спектр рассматриваемых ситуаций и делается попытка выявить некоторые дополнительные детали процесса кодирования информации в зависимости от последовательности ее предъявления. Материалом в данном случае служат многочисленные житейские ситуации. Предположим, мы наблюдаем выступление адвоката в суде, его стремление убедить судей в невиновности подсудимого. Должен ли адвокат *начать* свою речь с утверждения этой невиновности или *закончить* этим суждением, преподнеся его как вывод? Хотя могут быть даны две различные рекомендации в данном случае, однако при всех обстоятельствах следует учитывать тот факт, что в случае *длинной* речи внимание слушателей к концу ослабевает. Следовательно, при построении стратегии выступления необходимо соотнести и этот фактор (длительность сообщения) с ожидаемым результатом.

Эти соображения должны быть учтены в любой публичной речи, будь то учебная лекция или пропагандистское выступление. Не случайно в исследованиях массовой коммуникации разработан целый

ряд приемов, способствующих наилучшим образом использовать знание проблемы эффективности пропагандистского выступления, в том числе и знание закономерностей последовательности предъявления информации. В частности, это важно при проведении избирательной кампании: претенденты должны учитывать, что при наличии большого «расстояния» (т.е. времени, прошедшего между выступлением претендента и принятием решения избирателем) обычно «побеждает» последняя информация. Так или иначе, в данном случае становится очевидным, что смысл получаемой социальной информации опять-таки зависит от еще одного привходящего фактора.

Существует большое количество экспериментальных исследований, в частности на выявление эффекта первичности. Поскольку проблема является особенно актуальной для средств массовой информации, именно в этой области предложена даже определенная теоретическая схема и введен особый термин «прайминг». Термин имеет много различных значений: в рамках СМИ он используется для обозначения наиболее эффективного времени для предложения информации, но часто и просто для обозначения последовательности ее предъявления. В более широком контексте исследований в области социального познания термин «прайминг» употребляется именно в последнем его значении.

Так, он использован, например, в исследовании *Е. Хиггинса* и др. [см. 14]. Испытуемых просили принять участие в двух якобы различных экспериментах: на восприятие и на понимание прочитанного. В первой серии одной группе предложили запомнить слова, обозначающие положительные черты человека (*смелый, уверенный, независимый, упорный*), а другой — слова, обозначающие отрицательные черты (*безрассудный, самодовольный, отчужденный, упрямый*). Через пять минут во второй серии, которая имитировала тест на понимание прочитанного, испытуемым в обеих группах зачитывали описание некоего Дональда. Поступки, им совершаемые, могли быть оценены одновременно и как «положительные», и как «отрицательные» (занятия воздушной акробатикой, например, могут свидетельствовать и о смелости, и о безрассудстве и т.д.). После этого обе группы описывали своими словами Дональда. В первой группе, запомиравшей «положительные» слова, Дональд был охарактеризован в весьма привлекательном свете, во второй группе он предстал отрицательным персонажем. Таким образом, эффект прайминга был зафиксирован [см. подробно 14, с. 144].

Следовательно, порядок предъявления информации также способствует ее определенному «конструированию», во всяком случае ее «равнопредставленность» воспринимающему субъекту отнюдь не

гарантирована.

2.2.3. Относительная важность

Для характеристики этого качества вводится специальный термин «индивидуация информации»⁵. Его расшифровка в рамках психологии *социального* познания сводится к выявлению значимости информации для индивида при сопоставлении им «своей» и «чужой» группы. В экспериментальных исследованиях этого процесса выделены два возможных искажения смысла информации: а) когда оценивают *группу* по ее *одному* индивидуальному представителю; б) когда оценивают *представителя* какой-либо группы, игнорируя оценку самой *группы*.

Для иллюстрации первого положения был осуществлен такой эксперимент. Заключенных просили оценить такое качество тюремщиков, как «гуманность». Естественно, что были получены достаточно негативные оценки. Затем части заключенных прочитали весьма убедительный рассказ про «гуманного тюремщика», а другой части такого рассказа не читали. После этого и первую и вторую части испытуемых попросили письменно оценить тюремщиков как группу с точки зрения «гуманности». Слушавшие рассказ про «гуманного тюремщика» оценили группу в целом выше, чем те, кто рассказ не слушал. В данном случае возникла оценка группы по одному-единственному представителю, причем эта оценка оказалась сильнее, чем существующий стереотип [151, р. 241]. Указанное явление можно часто наблюдать при межэтнических отношениях, когда, например, негативное отношение к какой-либо национальной группе может быть «снижено» за счет позитивной оценки одного-единственного представителя этой группы. Впрочем, этот эффект не наблюдается при очень сильных негативных стереотипах.

Для иллюстрации второго положения был предложен следующий эксперимент. Испытуемым (детям) рассказывают о двух возможных психологических типах людей: «жаворонках» и «совах». При описании «жаворонков» стремятся сформировать положительный стереотип, а при описании «сов» — отрицательный. Далее начинают рассказывать о каком-либо конкретном человеке, например о матери одного из участников эксперимента. Ее характеризуют как «сову». Теперь, когда просят описать ее в позитивных или негативных

---

⁵ Следует иметь в виду, что термин «индивидуация» не является новым в психологии. Он был использован уже К. Юнгом, правда, в совсем ином смысле (как установление стабильной связи между личностью и «самостью»). Здесь термин привязан к особенностям социального познания.

характеристиках, описание не только со стороны ребенка этой матери, но и многих его друзей приобретает сугубо позитивный характер. «Индивидуация» информации проявляется здесь в том, что стереотипные черты попросту опускаются: личность оценивается **вне** группы [Ibid.].

На основании многих других исследований выявлено, что в случае конфликта между стереотипной и «индивидуальной» информацией, люди чаще ориентируются и при оценке группы, и при оценке отдельных членов группы на *индивидуально значимую информацию*. Но это тоже — своеобразный «сдвиг» в объективности оценок, а значит, включение в процесс кодирования информации дополнительного субъективного компонента.

2.2.4. Акценты («иллюзорные корреляции»)

Значение расстановки определенных акцентов в принятой социальной информации исследовано при изучении восприятия человека человеком. Наиболее широко известен акцент, который проявляется при возникновении *«иллюзорных корреляций»*. Последние означают такую особенность межличностного познания, когда связь определенных черт человека воспринимается как более тесная, чем она есть на самом деле. «Иллюзорные корреляции» широко распространены в обыденных суждениях о других людях: «привлекательная стюардесса», «ведьма-учительница», «ленивый толстяк» и др. Особенно часто связь усматривается между некоторой личностной чертой и ролью, которую выполняет человек, как в двух приведенных примерах. Но иногда связь усматривается и просто между двумя абсолютно не связанными между собой личностными качествами.

В одном из экспериментов испытуемым предъявили небольшую группу учащихся, протестированных по таким показателям, как «толерантность» (терпимость) и «понятливость». Тестирование не обнаружило никакой связи между этими двумя качествами у членов группы. Однако этот результат не был сообщен испытуемым и их попросили самих диагностировать наличие или отсутствие такой связи. Большинство усмотрело связь между названными качествами. Когда позже испытуемых спросили, на каком основании ими было сделано такое заключение, они ответили, **что** слышали ранее, будто понятливые обычно толерантны. Следовательно подобная «иллюзорная корреляция» уже получила хождение в обыденном сознании и в каждом конкретном случае на нее остается только сослаться.

Распространенность «иллюзорных корреляций» в обыденном

сознании вообще очень широка. В современных обществах большую роль в их распространении играют средства массовой информации: так, настойчивое повторение утверждения о том, что рост преступности связан с притоком иммигрантов, формирует в массовом сознании довольно прочную связку «преступники — иммигранты»; подобно этому могут возникать и такие «иллюзорные корреляции», которые связывают какое-либо негативно воспринимаемое качество с принадлежностью к национальной группе.

«Иллюзорные корреляции» приводят к двум важным следствиям в социальном познании: *сверхдоверию* и *иллюзии контроля*. На первом основаны многие предрассудки. Если несколько раз, идя сдавать экзамен, вы встретили продавщицу мороженого и экзамен оказался успешно сданным, вы легко свяжете успех и такую встречу. Иллюзия контроля может возникнуть, если неоднократно успешному действию предшествовала какая-то незначительная деталь. Вы заметили, что всякий раз, когда вы приходили на экзамен, надев любимый свитер, вы сдавали этот экзамен успешно. Отсюда недалеко до возникновения иллюзии контроля над ситуацией: я могу контролировать успех экзамена, всегда надевая этот свитер.

Таким образом, включение эффекта ожиданий, зависимости от прежней информации, построенной на ложных корреляциях, вновь делает человека заложником неизбежных искажений в познании социальной реальности.

2.3. Хранение

Информация сохраняется тем лучше, чем лучше она структурирована. Этот общеизвестный из теории информации факт находит в психологии социального познания свою конкретизацию и развитие применительно к особому типу информации. Исследованы и описаны четыре основных способа структурирования социальной информации в целях ее наилучшего сохранения: прототипы, схемы, скрипты, имплицитные теории личности.

2.3.1. Прототипы

Прототип как способ хранения социальной информации имеет определенное отношение к более известному и широко употребляемому в социальной психологии феномену — стереотипу. Стереотип, как известно, есть упрощенный, схематический образ предмета, явления, группы, обладающий высокой устойчивостью. Естественно, что, когда мы получаем информацию о новом объекте, мы сопоставляем ее в том числе и со стереотипом — сравниваем,

соотносим со сложившимся упрощенным образом аналогичных объектов. Однако при внимательном изучении проблемы выяснено, что мы осуществляем это сопоставление не со всеми чертами, присущими данной группе явлений (например, социальной группе), а лишь с чертами *типичного представителя* этой группы. Прототип и есть типичный представитель данной группы объектов.

В когнитивистской традиции это часто определяется как «лучший пример данной категории». Если использовать термин не обязательно применительно к социальному познанию, можно сказать: «корова есть прототип млекопитающего», хотя киты и летучие мыши также относятся к млекопитающим. Иными словами, прототип фиксирует совокупность характеристик, свойственных не большинству членов группы, а лишь определенному члену группы, которого мы полагаем типичным. Степень, с которой объект рассматривается как типичный для данной категории, называется *степенью типичности*. Она зависит от того, насколько близко объект стоит к прототипу. Так, в приведенном примере корова потому прототип млекопитающего, что в условиях нашей культуры она наиболее близка к категории млекопитающих.

Как видно, использование прототипа имеет место и при описании явлений несоциального мира. В некоторых случаях уже и здесь возникает ряд затруднений: «членство» объектов в категории может носить вероятностный характер, т.е. существует *градуированная* типичность — члены категории могут быть **более** или **менее** типичны, **более** или **менее** удалены от «сердцевины» категории или даже принадлежать к различным категориям. Так, на перекрестке двух категорий «птицы» и «млекопитающие» может, например, находиться летучая мышь (она дальше, чем воробей, от сердцевины категории «птицы» и дальше, чем корова, от сердцевины категории «млекопитающие»). Определение *меры прототипичности* не представляется весьма простым делом [130, p. 113—115].

Еще сложнее ситуация с социальными категориями: здесь особенно велик соблазн выделить в качестве центрального признака категории действительно не наиболее существенный (что важнее для характеристики категории «бабушка»: «старая женщина» или «мать матери»?), а такой, который легче приходит на ум. Прототип в этом случае выступает в виде самого грубого орудия категоризации «среднее», «типичное» определяется на глазок; выделение прототипа из стереотипа не всегда строго.

Тем не менее первое отличие прототипа от стереотипа состоит в том, что он фиксирует характеристики лишь типичного представителя группы, рассмотренного как «экземпляр», отдельный «случай».

Второе отличие заключается в том, что в прототипе некоторые

черты стереотипа *дополняются* другими чертами, или вероятностными или почерпнутыми из предшествующего опыта. Например, я обладаю прототипом «доктор». Для меня это означает, что это — **мой** доктор — мужчина средних лет, эlegantный, добрый, слегка рассеянный. Думая о моем докторе, я объединяю черты стереотипа и черты, присущие данному представителю категории. В значительной степени впоследствии я буду сопоставлять черты всякого нового встреченного мною доктора именно с «моим» доктором, т.е. с прототипом. Легко видеть, что если этот «мой» доктор плох, то весьма вероятно, что и обо всех других докторах я буду думать плохо.

Уже из этого примера видно, что прототип действительно выступает некоторым способом хранения информации. При этом его роль может быть как положительной, так и отрицательной. Прототип играет *положительную* роль в хранении информации, так как позволяет быстрее категоризировать объекты высокой степени прототипичности (быстрее выносить о них суждения, сокращая этот процесс). Это происходит потому, что информационный поиск становится более целенаправленным — не нужно «блуждать» по разным категориям, так как наличие в сознании прототипа повышает уровень ожиданий от встречи с аналогичными представителями группы. Другое проявление положительной роли прототипа состоит в том, что при его помощи информация лучше запоминается. Это подтверждено в многочисленных экспериментах.

Н. Кантор и *В. Мишель* дали двум группам испытуемых описания девушки. В одном случае (Алиса) ее описали как прототип экстраверта: шумлива в кино на просмотре фильма, четыре часа без перерыва танцевала на вечеринке и т.д. Другую (Диана) описали так, что в ней как бы смешались черты экстраверта и интроверта. Через несколько дней обе группы попросили вспомнить образ каждой из описанных девушек. В результате прототипичный образ (Алиса) запомнился значительно лучше: названо большее количество черт; кроме того, многие черты оказались добавленными (они в действительности не указывались в описании). Организация информации при помощи прототипа оказалась сохраненной лучше [см. 151,р.242].

Однако при определенных обстоятельствах прототип может играть и *отрицательную* роль: использование его может привести к существенному искажению образа воспринимаемого. Во-первых, потому, что, как уже говорилось, если прототип получил негативную оценку, все другие представители данной группы получают также негативную оценку — сработает принцип индивидуации информации. Во-вторых, за прототип может быть принят вовсе не прототипичный

представитель класса предметов (членов группы). Тогда приписывание качеств нетипичного представителя другим аналогичным объектам вообще приведет к полному искажению информации. В-третьих, в более общем плане искажение может возникнуть, как это всегда происходит у «когнитивного лентяя», на основе того, что в прототипе была схвачена лишь «вершина айсберга». (Известно, как много драм в обыденной жизни происходит именно из-за того, например, что человека «встречают по одежке».)

Следовательно, как и во многих других примерах работы с социальной информацией, относительно использования прототипа для хранения информации нельзя однозначно сказать, хорошо это или плохо. Это — «так». То есть люди используют этот прием в своем обыденном познании социального мира, и с этим фактом нужно считаться.

2.3.2. Схемы

Схемы — наиболее универсальный и хорошо описанный в психологии способ хранения и структурирования информации. Сам термин «схема» не нов, он давно использовался в разных системах психологического знания, например в когнитивистской традиции при анализе структуры значений (Бартлетт, Пиаже и др.). Однако в рамках психологии социального познания термин приобретает особое содержание.

То есть основной смысл схемы и ее значение в процессе познания определяются в том же самом ключе. Схемы представляют собой структурированное знание о какой-либо социальной категории. Однако в язык описания схем включен целый ряд новых понятий. Во-первых, уточнены *разнообразные виды схем*. К схемам теперь относят прежде всего так называемые «рамки соотнесения» (frame of reference), которые имеют сами по себе длительную историю своего исследования. «Рамка соотнесения» — это своеобразный, присущий каждому индивиду угол зрения на какой-либо объект, система координат, в которых этот объект должен быть рассмотрен. Этот термин в социологии употребляется Р. Мертоном для обозначения чего-то подобного личной парадигме, принимаемой ученым при исследовании того или иного вопроса. Но «рамкой соотнесения» пользуется и каждый обыденный человек, что позволяет ему более адекватно категоризировать вновь встреченный объект, помещать его в некоторую «сетку» представлений.

Другие разновидности описываемых схем — это уже рассмотренные нами прототипы, а также особый вид схем — скрипты и сценарии.

Второе дополнение, которое внесено в проблему, — это попытка построения *теории схем*. Одна из таких теорий утверждает *холистскую природу схем*. Схема трактуется здесь как некоторое целое, состоящее из частей, причем между этими частями фиксируются специфические связи. В качестве примера можно привести использование такой схемы, как «жилая комната». Ее элементы: четыре стены, дверь, окна, расположенные под соответствующими углами, в различных параллелях и т.п. Но это весьма общие черты *любой* жилой комнаты. Гораздо важнее специфические черты, например наличие в комнате камина, кресла, торшера. Если эти черты налицо, можно заключить, что перед нами жилая комната определенного вида — скажем, кабинет. Но все дело в том, что если в пустой комнате этих специфических предметов нет, ее образ как «жилой комнаты» не разрушается: схема сохраняет свое значение. В этом ее отличие от классификации. Если мы возьмем такую категорию, как «животные», и построим классификацию, то такие ее элементы, как корова, лошадь, собака и др., не образуют особой суперструктуры: корова, представляя один из элементов классификации, все равно остается «животным». В то же самое время «диван» как особый элемент комнаты ни при каких условиях нельзя представить как «комнату».

Отсюда можно сформулировать основные черты всякой схемы как особого способа организации информации: а) схема (какого-либо объекта) имеет *варианты*, при условии включения в нее разных элементов (дивана, торшера и пр. в нашем примере); б) схема всегда может быть встроена в другую схему, более высокую по уровню: «комната» может быть встроена в «дом» и т.д.; в) схема выступает как *родовое* понятие: жилая комната может быть «детской», «кабинетом», «гостиной» и пр.; г) схема дает *знание*, а не определение: она фиксирует, что мы о ней знаем, что в ней необходимо, а не то, что есть на самом деле, но может быть не важным; обычно это знание представлено в виде некоторой пирамиды.

Этот аспект построения схемы рассматривается в другой теории — об *иерархической природе схем*. Иерархия подразумевается в виде пирамиды, в которой описываются как минимум три уровня:

1. В основании пирамиды перечисляются все элементы данной схемы (например, все варианты какого-либо поведения). 2. На следующем уровне — черты, свойства, к которым можно отнести описанные элементы (в случае с

Рис. 14. Пример построения когнитивной схемы

вариантами поведения — это черты и свойства личности, для которых те или иные образцы-варианты поведения характерны). 3. На верхнем уровне схемы содержится наиболее абстрактная информация о данном объекте (в нашем случае — о человеке). Эта абстрактная информация выражается в «ярлыке», т.е. наименовании той категории, к которой данная схема относится. По мнению *Г. Олпорта*, «ярлыки» действуют «как сирены, заставляя нас забывать обо всех более тонких различиях».

Пример такой иерархии при построении схемы графически может быть изображен следующим образом (рис. 14).

Наличие схемы обеспечивает познающего гипотезами относительно того, что произойдет в определенной социальной ситуации, что следует ожидать от человека в определенной социальной роли или от представителя группы. Такие схемы могут быть построены по поводу этнической, профессиональной принадлежности, какой-либо социальной роли или, как в приведенном примере, относительно какого-либо психологического типа личности. *П. Бергер* и *Т. Лукман* особенно подчеркивают тот факт, что на основе таких «схем типизации» обеспечивается понимание других и общение с ними лицом к лицу: «Так, я воспринимаю другого, как "мужчину", "европейца", "покупателя", "живой тип" и т.д., и все это влияет на мое взаимодействие с ним» [18, с. 55].

Как и в случае с прототипом, при использовании схем информация лучше сохраняется и плюс к этому может быть умножена: в схему относительно легко можно что-то добавить.

Третий тип теорий схем описывает особую схему — так называемую «схему-о-себе-самом» («само-схему»). Такая схема предполагает использование «себя» как своеобразной «рамки соотнесения», предполагающей сопоставление всякого «другого» с

самим собой. В общем плане такой принцип познания другого человека связан с крайним эгоцентризмом. В психологии социального познания тенденция видеть в других соответствие с собой обозначается как «ложный эффект соответствия»: во всех видим что-то такое, «как у меня»; описываем других в чертах, присущих «мне». Понятно, что подобный способ познания другого человека может привести не только к неточностям в построении его образа, но и к прямому искажению. Вариантом использования «само-схем» является усмотрение в другом человеке не обязательно черт, присущих «мне», но черт, просто для меня *более значимых*. Примером такого использования «само-схемы» может служить описанный в литературе факт, когда женщина, обладающая ярко выраженными чертами феминности, наблюдая за выступлениями гимнастки, оценивала прежде всего ее феминность, а не ее гимнастическое мастерство. Таких примеров можно наблюдать сколько угодно в обыденной жизни.

Применение «само-схем» имеет один важный психологический результат — оно ведет к *экстремальным оценкам* объекта восприятия. Человек, сконцентрированный на каком-либо качестве, например на независимости, будет оценивать в других это качество значительно более поляризованно: в данном случае более высоко оценит независимость в другом человеке, чем это сделает субъект, более безразличный к независимости. Вместе с тем и приговор тому, кто будет воспринят как приверженец зависимости, будет более строгим. Этим демонстрируется «уважение» к «схеме-о-самом-себе».

Значение схем в процессе социального познания трудно переоценить: будучи своеобразными «рамками», накладываемыми на окружающий мир, схемы помогают ориентации в нем; информация по схеме схватывается быстрее и запоминается лучше. Они делают процесс познания более «экономным», но в отличие от эвристик экономия здесь не столь произвольно поступает с информацией, так как схема в большей мере удерживает и сохраняет ее. Хотя и на пути использования схем человека поджидает ряд опасностей: «ярлык», которым обозначена схема, может оказаться достаточно навязчивым, может помешать видоизменению схемы, если этого потребует объективное изменение, происходящее с тем или иным предметом или явлением социального мира.

Тот факт, что относительно схем как способов хранения социальной информации построен целый ряд теорий, свидетельствует о широкой распространенности этого способа хранения информации, о его своего рода универсальности. Поэтому следующий из описанных способов может быть рассмотрен как вариант схем.

2.3.3. Скрипты

Таким вариантом являются *скрипты*. Под скриптом понимается такая схема, которая содержит информацию о нормативных последствиях события в данной ситуации. Скрипт можно определить как выведенное из социального контекста и пригодное к использованию представление явления в таком же социальном контексте [147]. Иными словами, скрипт — это описание цепи последовательных действий, уместных в данной ситуации и организованных вокруг какой-либо цели. Поэтому иногда скрипт определяется как такое перечисление эпизодических следствий в определенных социальных ситуациях, которое сближает его со сценарием. Скрипт используется для того, чтобы объяснить, почему появляются или не появляются некоторые действия в конкретной ситуации, почему это приводит к определенным следствиям. Отсюда можно видеть, что скрипты используются для предсказания или интерпретации поведения другого человека или — в более общем плане — развития какой-либо ситуации.

Каждый легко может убедиться, насколько скрипты сопровождают нас в повседневной жизни, они есть модели нашего опыта, т.е. возникают на основе многочисленных повторений каких-либо типичных действий и строятся относительно самых распространенных в обыденной жизни ситуаций. Так, часто приводится описание скрипта «посещение ресторана». Сценарий разыгрывается в данном случае так: вы входите в ресторан, раздеваетесь, заходите в зал, присматриваете столик, садитесь, подзываете официанта, изучаете меню, заказываете блюда, потребляете их, расплачиваетесь, отправляетесь за пальто, покидаете ресторан. Если все совершается в данной последовательности, ни вам самому, ни никому из наблюдателей не приходит в голову анализ каждого из предпринятых «шагов». Однако стоит вам нарушить последовательность, например убежать, не расплатившись, ваше поведение моментально станет объектом не просто пристального внимания, но и немедленных санкций. «Нарушение скрипта» есть нарушение ожидания. Поэтому-то скрипт и важен для хранения информации: если все идет «по скрипту», информация сохраняется хорошо, поскольку наблюдаемое привычно. Но верно и обратное: если скрипт «нарушен», такое нарушение еще лучше запоминается.

Значение скриптов велико и для общей ориентации человека мире и для его взаимодействия с другими людьми. Скрипты как бы фиксируют модели опыта и потому выступают своеобразными гидами для поведения человека в разнообразных ситуациях. Рели ситуация знакома, наличие скрипта помогает автоматически совершать

последовательность действий. Если ситуация незнакома — отсутствие скрипта затрудняет адекватное поведение. Поэтому так важны скрипты для ребенка или для человека, оказавшегося в другой культурной среде, например для иностранца. Все знают, как часто незнание скрипта, скажем, приобретения билета в общественном транспорте, делает иностранного гражданина практически беспомощным в троллейбусе, автобусе или метро.

Если скрипты «разделяемы» всеми, то они способствуют взаимопониманию при взаимодействии людей. Напротив, если скрипты различны у двух взаимодействующих людей, то это может привести к конфликту. В одном американском эксперименте белые ученики в школе предлагали свою помощь учащимся-неграм при наличии у тех затруднений. Эта помощь была не просто отвергнута, но послужила негативной оценке белых учащихся как якобы высокомерных — сказалось наличие разных скриптов.

Так же как и в отношении схем социального познания, в отношении скриптов существует особая *«скрипт-теория»*, предложенная С. Томкинсом, Р. Шенком и Р. Абельсоном [147]. В соответствии с ней базовым элементом скрипта является «рамка» (frame) — картинка, сопровождаемая комментарием. Несколько «рамок» образуют «единицу», или «историю», т.е. создают скрипт. Привычные ходы в этом сценарии заставляют нас отвечать на новые порции получаемой информации без особых усилий. В случае очень хорошо разработанного скрипта мы не только легче ориентируемся в ситуации, но быстрее и лучше готовы принять новую информацию. Объяснение этому состоит в том, что, если какое-то действие повторяется часто и становится скриптом, мы сенситивны к нему, даже не уделяя ему внимания, действуя автоматически. Внимание обращается в большей степени тогда, когда нечто оказывается нетипичным и не соответствующим нашему ожиданию. Здесь просматривается несомненная связь с первым этапом «работы» с информацией — сосредоточением внимания.

В одном эксперименте испытуемого просят обратиться к сотруднику, работающему на ксероксе, с двумя различными формулировками просьбы:

А) «Извините, у меня 5 страниц, могу я воспользоваться ксероксом?»

Б) «Могу я воспользоваться ксероксом, поскольку мне необходимы копии?»

В ситуации А проситель оказался неуспешным и получил отказ. В ситуации Б он был успешным. Хотя семантическое значение высказываний в двух случаях идентично, результат различен. Экспериментаторы сделали вывод, что во второй ситуации успех

связан с тем, что скрипт оказался «подкреплен» («мне нужны копии»). Хотя по содержанию это подкрепление избыточно (что еще можно делать на ксероксе?), но на содержание сотрудник просто не обратил внимания, а услышал лишь хорошо оформленный скрипт.

В качестве контрольной была предложена ситуация **В**: «Извините, у меня 5 страниц. Могу я воспользоваться ксероксом, поскольку я "в запарке"?» Опять-таки, несмотря на избыточность информации, посетитель повторил успех, так как сотрудник при ксероксе вновь не обратил внимание на содержание текста, а лишь на «развернутый» скрипт. Правда, при повторении эксперимента с 20 страницами сотрудник уже стал обращать внимание и на содержание, в случае В особенно позитивно отреагировал на просьбу посетителя [см. 147].

При выяснении значения скриптов была установлена еще одна существенная деталь: скрипт увеличивает воспроизведение непредставленной информации и уменьшает воспроизведение информации представленной, но не соответствующей скрипту. В одном эксперименте юноши читали скрипт на тему «Юноша встречается с девушкой». Вскоре после этого те, кто читали скрипт, в большей мере следовали ему (демонстрировали особенно дружелюбное отношение) по сравнению с теми, кто скрипта не читал. Естественно, все эти эффекты имеют место лишь в том случае, если скрипты, так же, впрочем, как и любые схемы, *разделяются* всеми. («Всеми», т.е. всеми либо в данной культуре, либо в данной группе, для которой и являются типичными ситуации, охватываемые скриптом.)

Понятно, что принятие скриптов или хотя бы ознакомление с ними — важная характеристика процесса социализации. Скрипты особенно важны для ребенка, поскольку они позволяют ему предполагать, что будет дальше в знакомой ситуации, т.е. действовать в ней более или менее автоматически. Скрипты помогают ребенку приобрести некоторую первичную компетентность в окружающем его социальном мире. Именно они представляют на концептуальном уровне связку типичных причин и следствий разных событий, а потому и служат гидом не только в них, но и в более широком социальном мире.

В практическом плане скрипты, конечно, очень полезны в межкультурной коммуникации и непосредственных межкультурных контактах: трудно переоценить их значение, например, для иностранца, впервые посетившего чужую страну и не ориентирующегося в повседневных правилах поведения на транспорте, в магазине, отеле и т.п.

2.3.4. Имплицитные теории личности

Еще одним способом организации информации для ее хранения являются **имплицитные теории личности**. Они используются преимущественно тогда, когда речь идет о познании прежде всего другого человека. Имплицитные теории личности (ИТЛ) не являются теориями в строгом смысле этого слова: «теория» — категория научного познания, имплицитные же теории личности — типичная категория обыденного познания. Под имплицитными теориями личности подразумеваются предположения «наивного субъекта» о том, как в личности соотносятся друг с другом две или более черт, так что если есть одна, следует предполагать и наличие другой. Иными словами, это такая организация информации о другом человеке, при которой существует сеть ожиданий относительно взаимосвязанности некоторых черт. Таким образом, если оценивающий убежден, что черта *X* всегда встречается вместе с чертой *У*, то, наблюдая у воспринимаемого человека черту *X*, он автоматически полагает, что у него обязательно присутствует и черта *У*. Как видно, имплицитная теория личности напоминает «иллюзорную корреляцию», однако это в действительности более широкое понятие, поскольку оно включает в себя не просто идею о связи двух черт, но представление о целостной системе организации черт внутри человека, что и порождает определенные ожидания от его поведения. Такую систему ожиданий строит каждый обыденный человек, и поэтому каждая ИТЛ — строго индивидуальна. Важный вклад в развитие сформулированной еще Брунером идеи о существовании ИТЛ внес *С. Аш*.

Этот вклад состоит в открытии при восприятии другого человека наличия у него некой «центральной черты», вокруг которой и организуется вся информация о нем. В эксперименте Аша [115] двум группам испытуемых был предложен список из шести прилагательных, обозначающих достаточно распространенные черты человека: *умный, трудолюбивый, осторожный, искусный, практичный, уверенный*.

Далее каждой группе было добавлено еще по одному прилагательному, но различному: первой группе было добавлено прилагательное «теплый», второй группе — «холодный». На основании полученных черт-характеристик испытуемые сделали вольные общие описания двух воображаемых личностей, обладающих набором представленных черт. Затем каждому автору описаний дали список еще из 18 прилагательных и попросили выделить из них те, которые особенно свойственны персонажу с признаком «теплый» и персонажу с признаком «холодный». Естественно, что уже в первом

описании получились два совершенно различных человека в зависимости от того, с «теплотой» или «холодностью» сочетались шесть предложенных черт. Еще более определенная разница была зафиксирована между двумя вымышленными персонажами после работы испытуемых с дополнительными 18 качествами. Так, для некоторых из них получился максимальный разброс значений у «теплого» и «холодного» человека. Это относилось прежде всего к таким чертам, как добродушный, с чувством юмора, популярный, обладающий воображением, щедрый, социабильный. По-видимому, интуитивно испытуемые легче связывали «теплого» с «добродушным», чем «холодного» с «добродушным» и т.д. Другие черты такого значимого разброса не дали: настойчивый, серьезный, честный, реалистичный, хорошо выглядящий оказались менее связанными с «теплотой» или «холодностью».

На основании этого эксперимента Аш ввел понятие «*центральная черта*», которая была интерпретирована как такая черта, вокруг которой интегрировались все остальные черты воспринимаемого человека, и она была «ответственна» за его целостный образ. Центральную черту определяют как «меру связи с предъявляемыми вместе чертами», что рассчитывается при помощи высокого коэффициента корреляции. Впоследствии было высказано предположение, что «центральность» может быть выявлена по двум измерениям: социальному (значение черты в сфере межличностной компетентности) и интеллектуальному. «Теплый» и «холодный» в эксперименте Аша явились центральными чертами, выделенными, по-видимому, по социальному критерию («теплый» — «хороший», «холодный» — «плохой» в плане межличностных отношений).

После известного эксперимента Аша началась длительная дискуссия о том, *какая* вообще черта может претендовать на роль центральной. Для проверки были проведены аналогичные эксперименты с другой парой дифференцирующих черт, например «вежливый» — «грубый». Столь значимого разброса в связи этих черт с дополнительными, как в случае «теплый» — «холодный», не получилось. Следовательно, лишь некоторые пары могут претендовать на роль центральных черт. Основанием для того, чтобы черта могла претендовать на «центральность», считается наличие такого условия, как высокая корреляция с количеством изменений, которые происходят в значении других черт при ее изменении. Аш не настаивал на абсолютном значении полученных им данных. Более того он полагал, что, возможно, они будут приобретать различные значения в разных культурах. Тем не менее его эксперименты были многократно повторены и идея интеграции черт личности вокруг центральной черты получила большое распространение.

Так, в исследовании *Ю. А. Калашиковой* отмечается такое существенное упущение, как игнорирование **онтогенетического** аспекта анализа ИТЛ, т.е. не рассматривается их роль в развитии личности. В эксперименте установлена связь между ИТЛ и самооценкой человека, характер которой претерпевает изменения на всем протяжении жизни: в различных разновозрастных группах зафиксировано последовательное увеличение числа содержательных компонентов ИТЛ, рост гибкости и определенности в их использовании, обусловленность формирования центральной черты различными факторами на этапах до достижения юношеского возраста и во взрослом состоянии. Такого рода дополнения способствуют дальнейшему развитию исследований ИТЛ и их роли в социальном познании.

Исследования Аша положили начало систематическому изучению природы имплицитных теорий личности. В этом изучении сложились два подхода: традиционный и альтернативный.

Традиционный подход рассматривает ИТЛ как присутствующее у каждого человека представление о психологической организации других людей. В этой психологической организации выделяются различные уровни. Первый уровень — философский. На нем задается некоторая общая «рамка представлений» о человеке, человеческой природе — ожидания того, что люди имеют вообще определенные черты и ведут себя определенным образом. Описано шесть основных делений, в которых на общем философском уровне люди всегда так или иначе оценивают других людей: доверие, рациональность, альтруизм, независимость, изменяемость, сложность.

Последние два отражают преимущественно взгляд на индивидуальные различия других людей. Первые же четыре комбинируются в общий положительный или отрицательный взгляд на мир. Такой или иной взгляд создает «базисную рамку» для оценки других людей. Выявлено, что люди значительно различаются между собой по тому, положительно или отрицательно им свойственно судить о других людях.

Второй уровень включает в себя представления о том, каким образом связаны в человеке разделяемые им ценности, смыслы, мотивы поведения и его цели. И наконец, третий уровень, психологический. На нем существуют различного рода имплицитные предположения о связках более конкретных свойств и качеств у людей. В данном случае мы получаем имплицитные теории личности, которые имплицитны потому, что не выражены в формальных терминах («так кажется») и зачастую вообще не являются плодом сознательного рассмотрения вопроса (опять-таки «наивному наблюдателю» просто кажется, что умный — скорее дружественный,

чем «центрированный на себе»). Существование имплицитных теорий личности отражено в художественной литературе: например, Т. Драйзер в «Галерее женщин» описывает 15 женщин, которые в восприятии других людей обладают обязательным «сцеплением» некоторых черт. В рамках традиционного подхода очень детально разрабатываются вопросы о зависимости представляемых качеств другого человека от качеств самого познающего субъекта, даже от его социальной роли, профессии и т.п.

Кроме имплицитных теорий личности, ряд авторов сегодня предлагает ввести понятие «имплицитные социальные теории» — убеждения, формирующиеся в массовом сознании относительно того, как и каким образом соотносятся между собой черты какой-либо социальной среды или в каком-либо социальном явлении. Так, достаточно распространенным является, например, убеждение в том, что тесно связаны между собой такие явления, как наказание и убийство, диета и здоровье, система поощрения детей и их моральное развитие и др.

Имплицитные социальные теории отличаются от имплицитных теорий личности по двум пунктам: прежде всего они охватывают гораздо больший спектр социальных явлений (т.е. не только личности) и, далее, они часто не есть представления отдельного человека, а могут быть представлениями целой группы. Так, в современной психологии организации употребляется понятие «имплицитная теория организации», что в дальнейшем будет рассмотрено особо.

Наряду с традиционным в настоящее время пользуется большой популярностью и *альтернативный* подход к изучению имплицитных теорий личности. Он представлен в работах Дж. Келли и связан с проанализированной «теорией личностных конструктов» [136]. В этой концепции акцент сделан на связь между восприятием (познанием) и поведением. Основная идея раскрывается следующим образом: люди смотрят на мир через некоторые образцы, которые они создают в процессе своей житейской практики. Через эти образцы (своеобразные «индивидуальные категории») они пытаются постичь реальность, но коль скоро она просматривается через уже имеющиеся образцы, она по существу конструируется. Как уже отмечалось, ключевым термином в концепции Дж. Келли является «конструкт». Можно сказать, что это вновь некоторый синоним «рамки», «схемы», «гипотезы». Однако у Келли семантическая нагрузка на этот термин значительно больше. «Конструкт» — это не только путь интерпретации мира, но и руководство к поведению [см. подробно 105].

Каждый из нас, по мнению Келли, пытается понять и

предсказать явления, для чего и «выбирает» конструкты, чтобы сделать мир понимаемым и предсказуемым. С его точки зрения, ИТЛ сами по себе являются конструктами для интерпретации способа, используемого людьми при группировке черт в процессе познания окружающих и самих себя. Поэтому изучение ИТЛ сводится к выявлению совокупности личностных конструктов человека.

При помощи конструктов человек сравнивает между собой явления и процессы объективного мира [105, с. 35]. Поскольку у каждого человека своя собственная система конструктов, это сравнение осуществляется по разным основаниям. Так же как культурой предписана разная значимость тех или иных объектов, так и для отдельного человека существует своя иерархия значимых признаков: для некоторых важнее сравнивать людей по признаку «умный—глупый», для других — по признаку «жадный—добрый». Конструкт, таким образом, *направляет* анализ воспринимаемого.

Созданная Келли на основе его концепции методика изучения ИТЛ представляет собой систему бинарных оппозиций, которые использует субъект для категоризации себя и других. Методика применяется совместно с методикой семантического дифференциала. Содержанием конструктов у Келли выступает как раз «наивная обыденная теория личности, выработанная жизненной практикой» [см. 83, с. 62]. Поскольку жизненная практика у всех различна, личностные конструкты, а следовательно, и имплицитные теории личности, различаются не только у отдельных субъектов, но часто и у тех групп, к которым данные субъекты относятся. Есть много исследований того, чем характеризуются личностные конструкты, например, у разных профессиональных или возрастных групп.

Мы опускаем здесь анализ другой части теории Келли, в которой система конструктов личности определяет ее когнитивную сложность или когнитивную простоту. В интересующем нас контексте важно подчеркнуть, что все варианты понимания ИТЛ свидетельствуют о том, что предложенная в них организация социальной информации также содействует ее наилучшему хранению.

2.4. Воспроизведение

Решающий этап «работы» с социальной информацией — ее **восстановление** в нужной ситуации и в нужный момент. Собственно, здесь и коренится сердцевина связки «познание—поведение».

Мало сосредоточить внимание на значимых пунктах информации, кодировать ее и сохранить, надо обеспечить ее восстановление по мере необходимости. Важнейшим элементом психологического содержания этого процесса является перевод

информации из кратковременной в долговременную память. Именно тогда вспоминается главное, а это зависит от структурирования информации, т.е. от успешности всех предшествующих «шагов». Таким образом, путь, которым извлекается информация, зависит от того, насколько хорошо она была структурирована и сохранена.

Общим правилом является правило, согласно которому лучше организованная информация и лучше извлекается. Но на этом пути тоже возникают свои проблемы. Они порождены теми деталями, которыми характеризовались все три предшествующих этапа. Так, уже в самом начале, на этапе концентрации внимания, часть информации утрачивается («не обратили на нее внимания») и не попадает в структуры для ее хранения (в прототипы, схемы, скрипты). Соответственно все это не переводится в долговременную память, хотя между тем некоторые из пропущенных деталей могут быть необходимы в ситуации восстановления информации (много примеров тому может быть найдено, в частности, в практике следствия по раскрытию преступления).

Вообще вопрос о том, каковы пути извлечения информации из тех структур, в которых она сохраняется, вызывает много споров и дискуссий. Безусловно одно, что и на этом пути может возникать множество ошибок. Одна из них получила название «ошибки соответствия». Ее смысл в следующем: известно, что лучше хранится та информация, которая по законам теорий когнитивного соответствия лучше интегрируется с другими элементами когнитивной структуры субъекта. Но оказывается, что даже и при отсутствии этого условия при восстановлении информации мы ее «подгоняем» под соответствие, под «ярлык» категории, к которой она относится.

В эксперименте *М. Снайдера* и *В. Урановитца* [см. 151, р. 249] давалось описание девушки с целым набором присущих ей черт. Спустя некоторое время части испытуемых сообщили, что она — лесбиянка, другим такой информации не дали. Вновь попросили обе группы испытуемых вспомнить первоначально указанные черты девушки. Первая группа дружно «вспомнила» такие черты, которые, по их мнению, были доказательством ее принадлежности к лесбиянкам («никогда в колледже не появлялась с парнями» и т.п.), т.е. привела информацию в соответствие с «ярлыком» категории.

Кроме того, вообще черты, зафиксированные в основной категории, вспоминаются лучше, чем позже добавленные признаки.

Так, часто при выдвижении кандидатов в депутаты люди ориентируются на общий имидж и упускают многие детали, известные из прошлого. В момент же агитации за кандидата новую, полученную о нем информацию подгоняют под этот первичный

имидж.

Необходимо также отметить и такой факт, что лучше восстанавливается эмоционально значимая информация, т.е. вспоминается скорее то, что соответствует чувствам субъекта по отношению к вспоминаемому человеку или событию. Эта эмоциональная «составляющая», которая ниже будет рассмотрена подробно, проявляет себя и в том, что при восстановлении информации играет роль *настроение* вспоминающего. По отношению к другим людям это особенно очевидно: будучи в хорошем настроении, мы склонны вспомнить в других людях их хорошие черты, и напротив, собственное плохое настроение подвигает нас на достаточно критичные воспоминания. В данном случае происходит аффективная переоценка информации ради того, чтобы способствовать общему комфортному состоянию субъекта познания. Очевидно, что большую роль при восстановлении информации играет и такой фактор, как мотивация человека воспроизвести ее в нужный момент.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что «чисто» когнитивный подход к анализу социального познания является ограниченным — в его рамках проблема извлечения и воспроизведения информации подчиняется достаточно «невинной» закономерности: информация восстанавливается лучше, если она хорошо структурирована и сохранена или находится в соответствии с нашими прежними представлениями. Но не все так просто, если учесть, что восстанавливает эту информацию живой человек, наделенный не только способностью мыслить, но и способностью чувствовать. Недаром существует шуточное высказывание: «Если способность ошибаться — признак человечности, то исследование процесса работы с социальной информацией — лучшее доказательство нашей человечности». Более подробный анализ того, как она проявляется, будет сделан в следующем разделе.

Глава V ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ

Дальнейшее изложение, по остроумному выражению С. Фиске и Ш. Тейлор, можно было бы назвать «За пределами когний». Задача заключается в том, однако, чтобы классифицировать то, что за указанными пределами находится. Сделать это не так просто. Предшествующее изложение привело нас к тому, что вообще «опасно» живой процесс социального познания заключать в какие-то очень строгие рамки. Тем не менее классификацию «составляющих» этого процесса придется дать, учитывая тот факт, что характеристик одной лишь когнитивной работы с социальной информацией явно недостаточно.

Поэтому, хотя и весьма условно, весь круг проблем, лежащих «за пределами когний», можно разделить на два блока: 1) «психологические» и 2) социальные детерминанты процесса категоризации, а значит, и конструирования социального мира, которые и будут символизировать психологическую и социальную «составляющие» процесса социального познания.

Термин «психологическая» употребляется в данном случае, конечно, весьма условно: ведь и все рассмотренное ранее относилось, несомненно, к психологии. Потребность же употребления данного термина обусловлена лишь желанием высветить некоторые *дополнительные* психологические характеристики, которые должны быть включены в процесс социального познания, в частности для того, чтобы «познание» в данном случае предстало в своей действительной полноте. Среди всех этих дополнительных психологических характеристик прежде всего выделяется блок эмоционально-мотивационных факторов. Поэтому и уместно говорить о своеобразном «эмоциональном сопровождении» когнитивного процесса работы с социальной информацией.

Итак, в ходе этого процесса человек не просто «получает» социальную информацию, «перерабатывает» ее, но и «творит» мир. Следовательно, перед нами — процесс *творчества*. Как уже отмечалось, сама идея «творчества» социального мира в процессе существования в нем высказывалась неоднократно, причем было замечено, что, возможно, люди в большей степени живут в этом сотворенном мире, чем в реальном. Встает вопрос, в какой же мере в этом процессе творчества мира просматриваются его объективные черты. Коль скоро в процессе творчества мира участвует и определенная мотивация, и эмоции познающего, необходимо с этой стороны оценить качество полученной картины мира. Здесь же прямой путь к пониманию связи между познанием и поведением: у человека всегда, в каждый момент его существования имеется целый набор проблем, поэтому он всегда совершает *выбор*. Выбор предполагает и решение такого вопроса: на какие из существующих «когниций», «схем» нужно в каждом случае опереться, какие адекватные модели выбрать из предшествующего опыта. Мало сказать, что следует использовать одну из известных схем: часто при ее безукоризненности она может оказаться в данной ситуации непригодной. Следовательно, должны быть приняты в расчет и другие факторы. Из этих «других» прежде всего, естественно, и должен быть назван эмоционально-мотивационный фактор.

1. КОГНИЦИЙ И ЭМОЦИИ

При рассмотрении основных этапов работы с социальной информацией были обнаружены проблемы, с которыми встретился «чисто» когнитивный подход: это прежде всего проблема включения эмоций в процесс социального познания и проблема связи познания и поведения. Соотношение когнитивных и эмоциональных компонентов в познании — вообще одна из сложнейших проблем в психологии. В психологии социального познания она занимает совершенно особое место, прежде всего потому, что именно по ней разворачивается наиболее острая дискуссия, предпринимаемая критиками когнитивистского подхода.

Так, автор теории «социального конструкционизма» *К. Герген* в качестве одного из главных упреков всей традиционной парадигме социальной психологии называет ее колебания — наподобие маятника — между бихевиоризмом и когнитивизмом, что в его терминах часто обозначается как противостояние эмпиризма и рационализма. Для Гергена сущность когнитивизма не просто в чрезмерном акценте на рационализм, в игнорировании роли эмоций в познании, но более широкое пренебрежение культурным контекстом, который как раз

ярче всего и может быть представлен через эмоции. Не анализируя сейчас подробно всю концепцию Гергена, следует лишь отметить, что для него проблема включения эмоций в объяснение социального поведения — один из ключевых пунктов социально-психологического анализа. Так или иначе, когнитивистская традиция критикуется по этому критерию весьма остро.

По собственному признанию исследователей в области социального познания, такая критика и справедлива, и несправедлива в одно и то же время. Не случайно всестороннее освещение проблемы стало предметом специального симпозиума, по материалам которого в 1982 г. издана фундаментальная работа «Аффект и когниции». Справедливость критики Гергеном и другими в адрес когнитивизма С. Фиске усматривает в том, что «когнитивный социальный анализ в принципе действительно не адресуется к сфере аффекта» [123, р. 56]. Причиной этого, по мнению Фиске, является, как это уже неоднократно отмечалось, ориентация психологии социального познания на общие идеи когнитивной психологии с ее преимущественным акцентом на *индивидуальный* процесс познания. При таком анализе возможен и вероятен односторонний акцент, хотя и здесь он не обязателен. Несправедливость же упреков критиков состоит в том, что в рамках психологии **социального познания** недопустимость такого акцента давно осознана и во всяком случае на уровне формулирования методологических принципов этот акцент преодолевается.

В частности, своеобразной «индальгенцией» против совершения традиционной для когнитивной психологии ошибки является постоянное подчеркивание при анализе социального познания включенности в него феномена *межличностного* восприятия. Поскольку познание элементов социального мира начинается именно с восприятия и познания другого *человека*, внеэмоциональный аспект анализа просто исключается по определению: «Включение интегративного аффекта в социальное познание есть главный фокус исследований, представленных здесь» [Ibid.]. Именно эмоциональные реакции, характерные при межличностном восприятии, возникают раньше «холодного знания». Поэтому одна из важных задач психологии социального познания — это выявление того, как связан процесс производства социальной информации с включением в него эмоционального компонента. Способствует ли такое включение эффективности получаемого знания или делает его «неточным»? Как новая информация соответствует «старому» эмоциональному опыту индивида, как с ним соотносится непосредственный эмоциональный отклик на новую ситуацию? Именно этот круг вопросов обсуждается особенно активно в последние годы. При решении этих вопросов

постоянно подчеркивается специфика именно **социального** познания, так как более общее решение о соотношении эмоций и когниций нашло достаточно полную разработку в рамках общей психологии.

Существуют два различных подхода к пониманию соотношения эмоций и когниций в процессе социального познания. *Р. Зайонц* полагает, что сферы эмоций и когниций остаются самостоятельными, раздельно существующими системами в социально-познавательном процессе, которые взаимодействуют между собой, но все же остаются каждая в рамках собственных законов, причем эмоции оказываются в этом взаимодействии как бы первичными. Более того, эмоции интерпретированы как **более высокий уровень** познания, одним из аргументов чего является ссылка на то, что они проявляются на самых ранних этапах восприятия, т.е. *раньше* других, более «когнитивных» элементов знания. В частности, именно эмоции обеспечивают с самого начала в процессе познания *оценивание и предпочтения* [123, р. 57].

Развитие этого подхода с еще более радикальными выводами содержится в большом эмпирическом исследовании *Г. Левенталя*, базирующемся на «перцептуально-моторной теории эмоций» и посвященном изучению связи эмоций и когниций в ситуации болезни [139, р. 121]. Левенталь предпосылает своему исследованию несколько предварительных соображений, которые могут быть сведены к следующему. Субъективный опыт индивида, традиционно изучаемый как вербально зафиксированный, может служить *исходным пунктом* изучения эмоций. Эмоциональные состояния могут быть интерпретированы как *форма значения*, поскольку они значимы для индивидуального опыта и выражают его: они «говорят» нечто о самом индивиде и «говорят» нечто о его окружении (например, о *страхе, опасности, недоверии, стыде, вине*). Поэтому следует сделать вывод о том, что «эмоции есть форма когниций» [Ibid., р. 122]. В более общем плане это означает, что существуют **разные типы** когнитивных процессов: мышление, оперирующее абстрактным или символическим уровнем, не есть единственный путь репрезентирования явлений. Эмоции обеспечивают взаимодействие между перцептивным уровнем и уровнем абстрактного мышления. Разные системы значений могут развиваться и изменяться во времени и проявлять себя в различных ситуациях. В частности, специфически эти системы взаимодействуют в условиях болезни, чему и посвящено эмпирическое исследование самого Левенталя [139, Р. 121-152], а также многочисленные исследования других авторов, где рассмотрены различные аспекты взаимодействия эмоций и когниций [см. 14, с. 107-108]. Один из наиболее существенных выводов из серии экспериментов заключается в том, что включение эмоционального

компонента в какое-либо сообщение (например, страха) стимулирует гораздо более немедленное действие, чем это имело бы место просто при «чисто» когнитивной работе с информацией.

Другой подход предложен теми исследователями, которые достаточно подробно разрабатывали традиционные для психологии социального познания проблемы, и вопрос о включении эмоций решается ими не на глобальном уровне, а путем обсуждения конкретных проблем. Одним из представителей такого подхода является *Б. Вайнер*.

Примером может служить работа Б. Вайнера «Эмоциональные последствия каузальной атрибуции» [161, р. 185]. Вайнер обращает внимание на те отношения, которые существуют между тремя выделенными им «измерениями» причин, приписываемых человеком в ситуациях успеха и неудачи: локуса (внутренняя — внешняя), стабильности (стабильная — нестабильная) и контролируемости (контролируемая — неконтролируемая). Если в традиционном анализе способ использования этих измерений обычно описывается в «строгом» когнитивных требованиях, то в действительности, по мнению Вайнера, следует обязательно учитывать и включенность в процесс некоторых основных эмоций. Так, например: *сожаление* включается при объяснении причин негативных последствий действия или события при условии невозможности его контролировать. Это прослеживается с очевидностью в эмпирическом исследовании относительно болезни. *Страх* фигурирует при атрибуции собственных негативных результатов или в ситуациях, когда эти результаты контролируемы не самим индивидом, а другими. При успешности же собственного результата при контроле со стороны другого индивид испытывает чувство *благодарности*. Естественно, что степень и страха и благодарности обусловлена и многими другими причинами, но тем не менее и то и другое чувство «участвует» в выборе соответствующего «измерения».

Чувства *страха*, *сожаления* и, возможно, *самооценка* возрастают, когда воспринимаемая причина представляется стабильной: так, сочувствие слепому от рождения проявляется более сильно, чем сочувствие человеку, временно потерявшему зрение [161, р. 190—191].

Чувство *вины*, конечно, дает о себе знать, когда неуспешное действие совершено при возможности личного контролирования его со стороны субъекта.

Гордость и *позитивная самооценка* стимулируют выбор соответствующего локуса в случае успешного действия индивида, так же как и приписывание контролируемости такому действию.

Опираясь на эти предварительные соображения, Вайнер

приводит данные ряда эмпирических исследований и наблюдений и делает окончательный вывод, принципиально отличный от позиции Левенталя и других последователей первого подхода: «В итоге мое убеждение заключается в том, что когниции абсолютно типично предшествуют аффективным реакциям и определяют их» [161,Р.203].

Эту дискуссию вряд ли можно считать законченной, но несомненно, что она достаточно убедительно свидетельствует о том значительном внимании, которое уделяется проблеме соотношения эмоций и когниции в современных исследованиях. В конце концов спор о «первичности» или «вторичности» эмоций и когниции вряд ли является самым существенным вопросом в данной проблеме. Гораздо важнее обоснование того факта, что эмоциональный компонент — обязательный участник процесса социального познания и что сами эмоции истолковываются как формы *знания*, в не меньшей степени, чем сами когниции, обладающие значением.

Кроме принципиальных заявлений об актуальности проблемы, в последние годы обозначается и разработка некоторых специальных фрагментов ее содержания. К ним относятся: соотносительная роль и значение *эмоций* и *оценивания* в социальном познании, а также участие *настроения* в этом процессе.

Вопросу о роли *оценивания* в социальном познании посвящен ряд исследований С. Фиске. В них, в частности, выясняется место оценивания (оценки) при использовании когнитивных схем. На долю схем выпадает особенно много критических замечаний по поводу «излишнего» когнитивизма. Фиске приводит такой дополнительный материал, касающийся схем, который позволяет снять некоторые из замечаний.

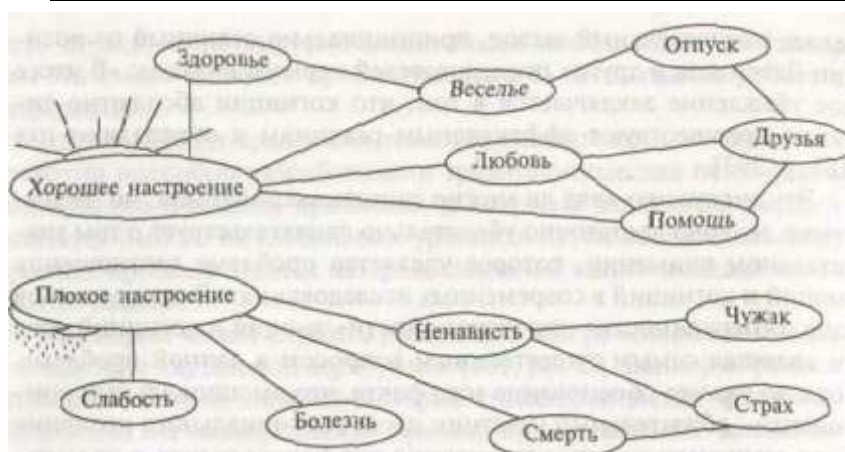
Она вводит понятие «аффект, включенный схемой»⁶, суть

---

⁶ Буквально выражение, предложенное С. Фиске, — «schema-triggered affect», но, как всегда бывает со сложными, сугубо авторскими образными выражениями, нахождение точного эквивалента на другом языке весьма затруднительно.

которого заключается в следующем [123]. Всякая схема характеризуется наличием аффективно-оценочного компонента, он хранится внутри нее. И как только возникает какой-либо объект, подходящий схеме, эта «дремлющая» оценка оживает и суждение, сформулированное относительно появившегося объекта, приобретает оценочный характер. Предположим, вы безумно боитесь зубного врача (в схеме «зубной врач» заложен аффективно-оценочный компонент). Встреченный вами человек вдруг по какому-то признаку напоминает зубного врача; этот простой сигнал включает дремлющую оценку и немедленно суждение, сформулированное о встреченном человеке, приобретает негативный и уничижительный характер. В данном случае «ярлык» схемы становится «аффективным ярлычком», чем-то средним от ассоциаций с нижними уровнями схемы (т.е. с какими-то ее признаками). Когнитивная схема как бы наполняется при этом оценочным содержанием.

Другой актуальной проблемой, разрабатываемой при анализе связи когниций и эмоций, является проблема *настроения*. Она занимает одно из ведущих мест в современных публикациях по психологии социального познания. Хотя на уровне здравого смысла ее значение очевидно (понятно, что люди не роботы и в реальной жизни познают окружающий мир, всегда находясь в каком-либо настроении), освоение ее в рамках научного исследования делает лишь первые шаги вместе с оживлением интереса к вопросу о роли эмоций в социальном познании. Основная идея подробно разрабатывается А. Айзенгом, предложившим принцип «конгруэнтности настроения», суть которого заключается в следующем: человек, находящийся в хорошем настроении, более эффективно воспринимает, кодирует и воспроизводит позитивную информацию, чем негативную, а находящийся в плохом настроении отдает предпочтение информации негативной [см. 130, р. 161]. Содержание этого принципа может быть хорошо объяснено при помощи схемы, изображающей наличие сети ассоциативных связей,

возникающих вокруг состояний хорошего и плохого настроения (рис. 15).

Рис. 15. Ассоциативно-сетевая модель воздействия настроения на память и социальные суждения

На схеме показано, как хорошее настроение как бы продуцирует «соседство» с другими приятными вещами или явлениями (здоровьем, весельем, любовью, друзьями и др.), в то время как плохое настроение вплетено в сеть неприятных обстоятельств (болезни, смерти, ненависти, страха и др.). Как следствие такого рода включений настроения в некий контекст возникает или более оптимистичное суждение, или, напротив, суждение, включающее высокую степень риска, опасности и пр. Ассоциативные связи, возникающие в памяти, как бы облегчают направление размышления в сторону «конгруэнтности настроения». Особенно наглядно действие этого принципа проявляется в случаях патологии, когда, например, депрессия сопровождается возникновением пессимистических суждений, касающихся самых различных сторон социальной реальности, что может привести к асоциальному поведению.

Но и в более широком контексте влияние настроения на восприятие мира достаточно очевидно. В ряде исследований сравнивались суждения о реальных событиях счастливых и несчастных людей и было выявлено возникновение в последнем случае довольно стойкой пассивности, апатии, зачастую враждебности и пр. [см. подробно 69, с. 140].

Более детально роль настроения была выявлена на примере анализа фундаментальной ошибки атрибуции Дж. Форгасом. Возвращаясь к первым исследованиям атрибутивного процесса Ф. Хайдером, Форгас полагает, что атрибуция, трактованная как «холодный, логический и рациональный процесс, посредством которого люди бесстрастно открывают истину о диспозициях других» [126, р. 319], представляет собой далекий от жизни идеал логического вывода. В действительности реальный человек всегда включает в атрибутивный процесс эмоции, что ярче всего и проявляется в той роли, которую в познавательном процессе играет настроение. Опираясь все на тот же принцип «конгруэнтности настроения», Форгас вводит понятие «депрессогенный когнитивный стиль». Им обладает человек, который в случае своего неуспешного действия всегда винит себя, а в случае успеха не находит оснований приписать причину себе.

Объяснения, которые дает такой индивид различным событиям,

позволяют сделать вывод об *информационном* влиянии настроения. Оно включается в сам *процесс* познания и имеет *мотивационные* последствия. Так, хорошее настроение «информирует» человека о том, что обстановка вокруг него благоприятна, и это способствует меньшему контролю за своими действиями, а значит, их большей креативности. Плохое настроение, напротив, «сигнализирует» об опасностях, что заставляет насторожиться, стать более бдительным и тем самым более скованным в суждениях.

Все это дает себя знать при анализе фундаментальной ошибки атрибуции. В экспериментах Форгаса было установлено, что счастливые люди (или просто находящиеся в хорошем настроении) склонны чаще совершать такую ошибку, т.е. приписывать причину деятелю, а не вникать в детали обстоятельств. Люди, обладающие плохим настроением, имеют склонность более тщательно анализировать внешние обстоятельства, что ведет к уменьшению величины фундаментальной ошибки атрибуции [126, р. 320; подробно см. 69, с.141].

Эти и другие многочисленные экспериментальные данные (например, о том, что настроение в меньшей степени влияет на процесс познания «простых» вещей и в большей степени при восприятии «нестандартных» ситуаций, сложных конфликтов и пр.) позволяют сделать вывод о безусловной включенности настроения в процесс социального познания, в построение образа социального мира. Оказываясь «за пределами когниций», эмоции не уступают в своем значении рациональным средствам познания. Некоторые из конкретных эмоциональных элементов познавательной ситуации исследованы особенно подробно. К ним, в частности, относятся *социальные установки* (аттитюды) и *психологическая защита*.

2. АТТИТЮДЫ

Исследование аттитюдов, или социальных установок, является одной из наиболее важных областей социальной психологии. И хотя об этой области не упоминается специально при характеристике непосредственных источников психологии социального познания, в действительности проблематика аттитюдов занимает одно из ведущих мест и в этой дисциплине. Более того, через анализ социальных установок в психологию социального познания вводятся две важнейшие проблемы, с которыми встретился «чисто» когнитивный подход: проблема включения эмоций и проблема связи познания и поведения.

Оба блока этих вопросов опираются на хорошо изученные характеристики аттитюдов — на их структуру и функции. Так, в

структуре аттитюда обозначены, как известно, три компонента: когнитивный, аффективный и конативный (поведенческий). Эта трехкомпонентная структура аттитюдов помогает вычленить роль каждого компонента применительно к процессу социального познания.

Когнитивный компонент аттитюда (знание об объекте) связан с формированием стереотипа, конструкта, просто с отнесением объекта познания к некоторой категории. **Аффективный** компонент «ответствен» за формирование предубеждения к объекту или, напротив, его привлекательности. **Конативный** (поведенческий) компонент определяет способ включения поведения в процесс социального познания.

На основании так называемой «функциональной теории аттитюдов» (дающей описание функций аттитюдов) можно более детально проследить их роль в процессе социального познания. Выявлены и исследованы четыре основные функции аттитюдов: эгозащитная, самореализации, приспособительная и функция знания. Напомним кратко их содержание.

Эгозащитная функция позволяет субъекту противостоять негативной информации о себе самом или о значимых для него объектах, поддерживать высокую самооценку и защищаться от критики. Более того, благодаря эгозащитной функции субъект может обернуть эту критику против того лица, от которого она исходит. Если студент полагает, что он прекрасно знает какой-либо предмет, а преподаватель ставит ему на экзамене плохую отметку, эгозащитная функция позволяет сохранить о себе высокое мнение и обрушить весь критицизм на преподавателя. Эгозащитная функция не гарантирует точности самооценки (знания студента могут оказаться значительно более скромными, чем ему это представляется), но сохраняет индивиду веру в свои способности.

Функция самореализации иногда называется еще функцией выражения ценностей, что предполагает возможность для человека выразить свою «центральную» ценность как компонент образа — Я. Иными словами, эта функция помогает человеку определить, к какому типу личности он относится, что из себя представляет, к чему испытывает приязнь и к чему неприязнь. Это же определяет и его отношение к другим людям и социальным явлениям: в зависимости от значимых для меня ценностей я определенным образом отношусь к тому или иному политику, политической партии, социальному движению и т.п. Демонстрируя это отношение, человек представляет себя, свое собственное Я по отношению к происходящим событиям: критикует насилие, борется за гражданские права, требует защиты окружающей среды, выражает негодование против разгула

преступности и пр.

Адаптивная, или приспособительная, функция, которую еще иногда называют утилитарной или инструментальной, помогает человеку достигать желаемых результатов и избегать нежелательных целей. Представления об этих целях и о способах их достижения обычно формируются в предшествующем опыте, и именно на его основе складывается аттитюд: если кто-то наблюдал в детстве, как высока популярность человека, показывающего высокие результаты в спорте, не исключено, что достижения в этой сфере будут оцениваться весьма положительно и занятия спортом для этого человека в будущем будут играть весьма утилитарную роль, например, для достижения популярности.

Функция знания служит ближе всего цели социального познания: она помогает человеку организовать свои представления об окружающем мире, интерпретировать возникающие в повседневной жизни события и явления. Знания опираются на то, в частности, что получено при помощи трех вышеописанных функций аттитюдов, поэтому «знания», доставляемые установкой, крайне субъективны. Этим определяется то обстоятельство, что «знания» разных людей об одних и тех же объектах весьма различны. Огромное количество реальных социальных проблем разрешается так сложно, в частности, из-за различного «знания», т.е. понимания их смысла отдельными людьми или социальными группами.

Все функции социальной установки, взятые в совокупности, так или иначе вторгаются в процесс социального познания и привносят в него как мотивационные, так и эмоциональные «наслоения». Аттитюды диктуют человеку ориентиры в окружающем его мире и способствуют тому, чтобы процесс познания этого мира осуществлялся более целенаправленно в целях лучшей адаптации к его условиям, оптимальной организации поведения и действий в нем. Поэтому они и обеспечивают не только связь между познанием и эмоциями, но и связь между познанием и поведением. Они «объясняют» человеку, чего «ожидать», а ожидания, как мы видели, — важный ориентир в получении информации. Поэтому на основании перечисленных функций аттитюдов можно более определенно показать, в каких звеньях процесса социального познания они особенно проявляют себя.

А) Активный поиск социальной информации. Ранее всего роль аттитюда в этом процессе была описана в теории когнитивного диссонанса. Один из фрагментов этой теории посвящен сравнению диссонанса и конфликта. Установлено, что конфликт возникает у человека *перед* принятием решения, а диссонанс — *после* принятия решения. Так, человек, размышляющий вечером накануне экзамена,

что лучше — доучить необходимый материал или сходить в кино на интересный фильм, находится в конфликтной ситуации. Он вынужден взвешивать обе стороны альтернативы, в каждой из них обозначить как позитивную, так и негативную сторону и на основании более или менее объективного их сравнения принять решение. Когда оно принято, может наступить диссонанс: пошел в кино, а что же будет завтра с экзаменом?

В соответствии с теорией диссонанса человек стремится его уменьшить. В данном случае это достигается тем, что начинается весьма специфическая «работа» с информацией: принимается лишь та которая способствует уменьшению диссонанса, и отвергается та, которая его увеличивает. Конкретный способ такой «работы» заключается в данном случае в следующем: принятый в ходе решения выбор наделяется исключительно позитивными характеристиками («картина уникальна, другой возможности ее посмотреть не будет», «вообще надо отдохнуть: нельзя же все время заниматься» и т.п.), а отвергнутый выбор наделяется негативными характеристиками («предмет, который надо сдавать, не так уж важен», «экзаменатор завтра будет, кажется, очень строгий» и пр.). В отличие от позиции в ситуации конфликта, когда возможности взвешивались объективно, в ситуации диссонанса позиция крайне субъективна. Отбор информации здесь особенно тенденциозен и направляется аттитюдом.

Эти положения теории когнитивного диссонанса были развиты в психологии социального познания, что привело к формулированию Д. Фреем и М. Рошем гипотезы «селективной экспозиции информации» [цит. по: 130, р. 220]. Суть ее сводится к следующему: субъекты демонстрируют избирательный отбор диссонантной информации при двух различных условиях, касающихся состояния их когнитивной системы, в частности совокупности имеющихся аттитюдов. Или в том случае, когда их аттитюды по отношению к какому-то объекту очень *сильны* и они в состоянии легко интегрировать новую информацию, не повредив старому аттитюду, или если легко можно найти аргументы против нее. Второй случай, когда, напротив, когнитивная система, представленная совокупностью аттитюдов, очень *слаба*, и тогда субъекту легче изменить ее с тем, чтобы было легко интегрировать новую информацию.

Для иллюстрации можно привести следующий пример: политик, которому вы симпатизируете (имеете позитивный аттитюд), принимает решение, которое вам кажется «плохим» или вам кажется, что он нечестно излагает какую-то проблему. Если эта негативная информация о политике очень значительна, но ваша уверенность в положительном образе политика сильна, то вы легко игнорируете компрометирующую информацию, находите аргументы против нее

(может быть, политик просто неудачно выразился, может быть, что-либо мешало ему сформулировать аргументы как надо и т.п.). Другая ситуация, если у вас нет достаточной уверенности в том, что политик действительно «очень хорош». Тогда вам легче сменить аттитюд, подогнав его к вновь полученной информации. Вы сделаете это для того, чтобы в будущем, если опять поступит негативная информация, не оказаться в ситуации еще большего диссонанса.

Селективно представленная информация как следствие воздействия аттитюда была продемонстрирована в эксперименте *Д. Фрея* и *М. Роша* [Ibid.], где испытуемые должны были оценить способности менеджера. На основе письменного описания его компетентности они должны были решить, продлить ли фирме с ним контракт или нет. Суждение надо было сформулировать в двух различных ситуациях: в первой — условия были «обратимые» (т.е. решение после получения дополнительной информации можно было изменить), во второй ситуации условия были «необратимые» (т.е. ничего в решении изменять было нельзя). После выражения испытуемыми мнений о «кандидатах» им дали дополнительную информацию о них, включающую пять позитивных и пять негативных суждений. Например, два из них: 1) *X* очень хорошо выполняет работу — контракт надо продлить; 2) есть, кто работает лучше — контракт не продлевать. Теперь участники первой и второй ситуаций должны были выбрать из десяти новых суждений столько и таких, какие они захотят. Испытуемые первой группы («обратимая» ситуация) выбрали из десяти суждений больше позитивных, чем негативных, хотя различие между количеством выборов было невелико. Во второй группе («необратимая» ситуация) было также выбрано значительно больше позитивных суждений, причем различие количества выбранных позитивных и негативных суждений было очень большим. Был сделан вывод о том, что аттитюд во втором случае «играл» сильнее, сильнее же был и активный поиск информации, направленный аттитюдом (иными словами — была сильнее выражена «селективная представленность» информации).

Б) Процесс подбора «аттитюдно-релевантной» информации. Пример того, как подбирается аттитюдно-релевантная информация (т.е. соответствующая аттитюду), приводится в исследовании *Р. Фазио* и *К. Вильямса*, проведенном в 1984 г. во время выборов президента США. У группы испытуемых выявили аттитюды на двух кандидатов — Рейгана и Мондейла. После просмотра дебатов между кандидатами по телевидению сторонников Рейгана и сторонников Мондейла попросили описать впечатления о том, как каждый из претендентов «смотрелся» во время дебатов. Каждая группа увидела больше положительных характеристик у «своего» фаворита.

Объяснить этот факт можно при помощи теорий соответствия: информация подбирается так, чтобы когнитивное соответствие не нарушалось. Но экспериментаторы увидели здесь и другие объяснительные схемы, в частности «управление» аттитюдом подбора информации с ее соответствующей организацией (аттитюд «управлял» оценкой). Аттитюд в данном случае сыграл роль когнитивной схемы [130, p. 221].

Некоторые исследователи вообще считают, что аттитюды можно рассматривать как разновидность схем. Селекция информации при использовании схем данного вида приобретает особую форму, а именно: она подбирается *биполярным способом*. К. Джуд и Дж. Кулик полагают, что аттитюд облегчает принятие как позитивной, так и негативной информации, но препятствует работе с нейтральной или нерелевантной информацией [135]. Так, проводился опрос женщин, борющихся за свои права, относительно того, как, по их мнению, подается в газетах информация по этому вопросу:

все единодушно запоминали и фиксировали либо положительную, либо отрицательную информацию («про» и «контра»), но практически «пропустили» нейтральную. Рассмотренные здесь подходы и примеры показывают, что аттитюды действительно управляют поиском и процессом организации информации.

В) Аттитюды и воспроизведение информации. Еще в ранних работах по восприятию было показано, что информация, поддерживающая аттитюд, запоминается быстрее. В рамках психологии социального познания проведено довольно много экспериментов, подтверждающих эту закономерность. Так, в эксперименте А. Хасторфа и Х. Кентрила болельщиков двух футбольных команд после просмотра пленки с записью их игры просили фиксировать сделанные игроками нарушения правил и определить в каждом случае виновника. Болельщики каждой команды, естественно, усмотрели большее количество нарушений, совершенных игроками «чужой» команды. Такого же рода примеры можно найти и в обыденных житейских наблюдениях [см. 14, с. 198].

Однако полученные в дальнейшем данные оказались противоречивыми: иногда выявленная закономерность получала подтверждение, иногда — нет. Джуд и Кулик предложили и в данном случае в качестве объяснения *биполярную модель*. Подобно тому как и в случае подбора информации, аттитюд играет здесь специфическую роль:

он способствует восстановлению или сугубо про-, или сугубо анти-аттитюдной информации и не способствует восстановлению информации нейтральной. Противоречие получило свое объяснение: в

тех случаях, когда речь шла о сильно поляризованной информации, роль аттитюда в процессе ее восстановления получала подтверждение, в Других случаях она не имела места, так как фактор «приверженности» информации аттитюду просто не принимался во внимание.

Итак, удалось установить, что аттитюды влияют на поиск, подбор и организацию информации, т.е. их роль в процессе производства социальной информации бесспорна.

Однако сама логика обращения к проблеме **аттитюдов** в контексте социального познания была продиктована **попыткой доказать**, что одной когнитивной работы с информацией недостаточно и что нужно продолжить поиски «за пределами когний». Только при этом условии такой конечный результат социального познания, как поведение, получит действительно подобающее объяснение. Следовательно, остается дополнить предложенную схему влияния аттитюдов на социальное познание анализом их влияния на социальное поведение. Это старая и традиционная проблема теории аттитюдов, поставленная еще в свое время Ла Пьером, открывшим факт *расхождения* аттитюда и реального поведения [см. II].

Долгое время после эксперимента Ла Пьера, как известно, в исследованиях аттитюдов господствовал пессимизм: если существует расхождение между вербально заявленным аттитюдом и реальным поведением, то ценность знаний аттитюда какого-либо субъекта относительно различных социальных объектов ничтожна, поскольку она не позволяет построить прогноз поведения. Однако в конце 60-х гг. наметились новые перспективы для решения этой проблемы. Они были сконцентрированы в двух направлениях.

Первый подход предложен *Г. Триандисом* и рядом других авторов и сводится к тому, что устанавливается круг факторов, осложняющих связь «аттитюды— поведение» (Триандис называет 40 таких факторов). Наряду с этим обозначаются условия, которые «срабатывают», несмотря на эти факторы. *Д. Майерс* говорит, что это бывает тогда, когда: а) сведены к минимуму другие влияния, б) соответствие аттитюда и поведения носит «точечный» характер, в) аттитюды очень «сильны» [69, с. 160]. Более конкретно названные условия расшифровываются в двух других подходах.

Второй подход предложен *Э. Аронсоном* [14, с. 172]. Он, в частности, раскрывает понятие «сила аттитюда». Аттитюд силен, если он доступен, т.е. возникает **мгновенно**: «змея — это зло», «Рембрандт — это прекрасно». В этом случае аттитюд выступает в роли эвристики и достаточно однозначно обуславливает поведение. Подтверждение находим в упоминавшемся эксперименте *Р. Фазио* и *К. Вильямса*: за

пять месяцев до выборов американского президента был проведен опрос покупателей в магазине о том, будут ли они голосовать за Рейгана или за Мондейла. Скорость, с которой следовал ответ, фиксировалась. Вторичный опрос был проведен после теледебатов между кандидатами и третий — после выборов, когда испытуемых спросили, за кого же они реально проголосовали. Выяснилось, что позиция была подтверждена в большей степени теми, кто в первом случае дал «быстрый» ответ, т.е. использовал более «доступный» аттитюд [14].

Другое условие, называемое Аронсоном, — это некоторое **ожидание**, которое может существовать у человека на том основании, что аттитюд помещен в определенный контекст (в «социальный мир») т.е. связан с целой системой представлений. В эксперименте *П Херра* испытуемым был предъявлен список персонажей, в котором одна группа должна была отыскать имена «отрицательных» персонажей (Гитлер, Хомейни, Дракула...), а другая — «положительных» (папа, какая-нибудь кинозвезда, Санта Клаус...). После этого было зачитано описание некоего Дональда, которого трудно было интерпретировать либо как абсолютно положительного, либо как абсолютно отрицательного героя. Когда испытуемые оценили его, то фиксирующие ранее «отрицательные» имена дали Дональду более положительную оценку и, напротив, фиксирующие «положительные» имена рассмотрели Дональда в большей мере негативно. Оценка была сделана по контрасту, причем итог был обусловлен сложившимся до этого у испытуемого определенным ожиданием [14, с. 174].

Третий подход, содержащий развернутый ответ на вопрос «Коррелируют ли аттитюды и реальное поведение?», содержится в концепции *А. Айзена* и *М. Фишгбайна* [см. 130]. Они предположили, что вопрос о соотношении аттитюдов и поведения ставился некорректно. Было установлено, что недостаточно просто сопоставлять аттитюд и поведение, а надо учитывать — как в аттитюде, так и в поведении — более мелкие структурные элементы. Их всего четыре:

- 1) элемент *действия* (поведение избирателя, помощь кому-либо);
- 2) элемент *цели* (кому адресован аттитюд — политику, другу, **еще** кому-то);
- 3) элемент *контекста* (в каком типе общества или в интимной ситуации проявляется аттитюд);
- 4) элемент *времени* (весной 1986 г., в последующие два года и т.п.).

Корректным будет вопрос о соответствии аттитюда и поведения только в том случае, если выявляется соотношение **однопорядковых**

элементов, т.е. сравнивается «уровень» аттитюда и соответствующий же «уровень» поведения (например, элемент «действия» аттитюда и элемент же «действия» в поведении). В обычной практике это обстоятельство не учитывается. Например, спрашивают об аттитюде глобально: «Нравится ли вам ваш кандидат?», а поведение анализируют локально: «Голосовали ли вы за него?». Установление несоответствия при этих условиях не дает однозначно отрицательного ответа на вопрос о роли аттитюда в поведении. «Приговор» аттитюду может быть вынесен лишь при условии поэлементного измерения и аттитюда и поведения. Отсюда не следует, что, например, глобальный аттитюд вообще не имеет значения, скажем, для прогнозирования поведения. Он важен, но только для прогнозирования столь же «глобального» поведения: в этом случае аттитюды надо сравнивать не с единичным актом поведения, а с серией их. Близкую к этой идее развивает в своей диспозиционной концепции регуляции социального поведения В. А. Ядов [см. II].

Своеобразное «оправдание» отсутствию прямой связи аттитюда и поведения предложил *Л. Райтсмен* [162]. Его идея оформлена в теории «смывающего потока». Суть ее состоит в том, что воздействие аттитюда на поведение может быть «смыто» другими факторами. Райтсмен называет среди них следующие: 1) «ответ» индивида на какой-либо общий объект может отличаться от «ответа» на какую-то часть данного объекта: негативное отношение к чужой этнической группе вполне может уживаться с позитивным отношением к ее отдельному представителю (это явление знакомо нам по анализу принципа индивидуации); 2) поведение сложно и полидетерминировано, в связи с чем полезно вспомнить формулу К. Левина $B = f(P, E)$, т.е. необходимо как минимум учитывать не просто поведение, но поведение в «среде», в определенных обстоятельствах (что выберет пожилой человек в троллейбусе: стоять на больных ногах или сесть рядом с соседом, к которому он испытывает негативные чувства?); 3) среди детерминант поведения может существовать одновременно несколько противоречащих друг другу аттитюдов, в результате чего возникает их «конкуренция», и неизвестно, какой аттитюд «победит» (кто-то хочет принять участие в демонстрации, но дома больная мать и ее нельзя оставить);

4) на поведение влияют и общие ситуационные факторы (может ли всегда человек заявить о своих политических пристрастиях в условиях тоталитарного режима?); 5) расхождение аттитюда и поведения иногда может быть объяснено при помощи «порогового» анализа, т.е. с учетом возможных для вербального выражения аттитюда средств (не найдены адекватные слова для выражения позиции). Автор полагает, что для преодоления этого уместен был бы

многомерный анализ, позволяющий вскрыть относительное значение каждого фактора, способного «смыть» влияние аттитюда [162, р. 182—183]. Легко видеть, что все три названных здесь подхода пытались определенным образом «спасти» традиционную постановку вопроса о взаимоотношениях аттитюда и поведения, пошатнувшуюся в результате давнего открытия Ла Пьера.

Наряду с этими поисками была выдвинута принципиально иная гипотеза относительно этого взаимоотношения. Она имеет особое значение для психологии социального познания, в частности для решения вопроса о соотношении *знания* и *поведения*. Новая версия заключалась в предположении, что *не аттитюды определяют поведение а, напротив, поведение определяет аттитюды*. Строго говоря основания для такой версии были заложены достаточно давно' еще в теории когнитивного диссонанса Л. Фестингера. Среди мотивов уменьшения диссонанса после принятого решения был назван способ своеобразного «оправдания», которое необходимо человеку, чтобы не испытывать разочарования. Этот способ заключается в том, чтобы приписать позитивные черты принятой альтернативе и негативные черты альтернативе отвергнутой. Но это и есть не что иное, как формирование аттитюда **на основе** совершенного выбора, т.е. поведения.

Однако более полное развитие идея получила в последнее время, в основном в работах Д. Бема по самовосприятию и самопрезентации. Бем предположил, что человеку свойственно в случае совершения какого-либо поступка, который может выглядеть непоследовательно, также применять механизм самооправдания, т.е. постфактум заявить о логичности поступка, порожденной существующей, ранее сложившейся установкой. Поведение в данном случае *ведет за собой* аттитюд. Да и в более широком смысле человек, познавая себя, по Бему, *сначала* наблюдает свое поведение и лишь *затем* умозаключает относительно того, каким отношением к объекту (т.е. аттитюдом) оно обусловлено [см. 69]. Самопрезентация всегда связана с самооправданием, и хотя, по мнению некоторых авторов, это скорее самообман [см. 36, с. 121], тем не менее зависимость аттитюда от поведения налицо. Можно привести целый набор условий, при которых именно поведение определяет аттитюд. Например, когда мы при помощи поступка обдумываем ситуацию, в которой наши действия предписаны ролью, или ситуацию, в которой надо самооправдаться в силу особой ответственности, и т.д.

Своей концепцией Бем выступил против Фестингера с его теорией когнитивного диссонанса. По Фестингеру, как мы помним, люди *знают* о несоответствии своих мнений, установок поведению, и отсюда у них диссонанс. Бем считает, что люди *не знают* обычно свои

подлинные установки, напротив, они выводят их из своего поведения (узнают, таким образом, задним числом), поэтому сомнительно наличие у них диссонанса. Механизмы самоатрибуции нужно поэтому изучать специально. Д. Майерс делает по этому поводу такой вывод: «Мы не только выступаем за то, во что верим, но мы также верим в то, за что выступаем» [69, с. 176].

Таким образом, вряд ли есть единственное решение вопроса о том, как связаны между собой аттитюды и поведение. Скорее существует определенный «круг»: аттитюд — поведение — аттитюд, что означает своеобразную «когнитивную эскалацию». Но если верны эти утверждения, тем больше оснований для более внимательного изучения вопроса о роли аттитюдов как своеобразной «связки» познания и поведения в социальном мире. Аффективно-когнитивно-поведенческая структура аттитюда — при любой трактовке характера связи между аттитюдом и поведением — способствует ликвидации когнитивной «стерильности» социального познания и делает его гораздо более адекватным его субъекту — человеку со всем богатством его внутреннего мира, включающего, наряду с когнитивной системой, эмоции и переживания [19].

3 ПЕРЦЕПТИВНАЯ ЗАЩИТА

Первоначально феномен перцептивной защиты был открыт и описан *Дж. Брунером* и др. как способ, с помощью которого человек ограждает себя от восприятия угрожающих ему стимулов и стимулов, травмирующих его переживания. Такое «ограждение» не означает, что индивиду свойственно вообще обойти тот стимул, который несет ему угрозу. Речь идет о другом. Во-первых, было установлено, что у человека существует иерархия порогов различения разных стимулов, во-вторых, было доказано, что феномен перцептивной защиты важен для понимания мотивации перцептивного процесса. Перцептивная защита поэтому может быть истолкована в данном случае как попытка игнорировать какие-то черты воспринимаемого объекта и как попытка выстроить определенную преграду его воздействию на субъекта познания.

Для этого важно учесть три важные характеристики перцептивной защиты, описанные в общей психологии: 1) эмоционально беспокоящие или пугающие стимулы имеют более высокий порядок распознавания, чем нейтральные; 2) в этом случае как бы «вытягиваются» замещающие когниции, которые предотвращают распознавание угрожающих сигналов; 3) часто защита выстраивается, если даже сигнал нераспознан: индивид от него как бы «закрывается». Из этого Брунер и Постмен сформулировали

принципы селективности восприятия, среди которых в нашем контексте нужно упомянуть два: **принцип защиты** (стимулы, противоречащие *ожиданиям* субъекта или несущие потенциально враждебную информацию, узнаются хуже и подвергаются большему искажению) и **принцип настороженности** (стимулы, угрожающие целостности индивида, могущие привести к серьезным нарушениям в психическом функционировании, распознаются быстрее прочих). В обыденной жизни наличие таких механизмов доказывается существованием так называемых «слов-табу». Хороший пример этого находим у Л. Толстого в «Анне Карениной», когда в трудной для нее ситуации она предпочитает не говорить с Вронским о том, что на самом деле ее глубоко волнует и представляет для нее несомненную опасность — о разрыве с ним («Не будем, не будем говорить об этом...»). Здесь налицо введение «табу» на определенную тему, т.е. попытка «закрыться» от угрожающего стимула.

Перцептивная защита может быть определена в рамках психологии социального познания как *изменение порога осознания социально значимого материала*. Она проявляет себя в достаточно неожиданных формах. Примером этого является обозначенный Г. Олпортом «принцип последней попытки» — стремление человека в сложных для него обстоятельствах «цепляться» до последнего за какую-то привычную истину, отгораживая ее от идущих извне каких-либо угроз. Этот принцип действует, в частности, при восприятии своей и «чужой» группы. Сформированное раз представление о какой-либо группе человеку свойственно удерживать как можно дольше, сохранять ранее осуществленную категоризацию. В сложных социальных условиях, например при межгрупповых (межнациональных) конфликтах, человек стремится как бы упростить свой выбор, для чего и ставит заслон новой информации. Принцип последней попытки особенно отчетливо доказывает свое существование в устойчивости существующих у человека стереотипов — и здесь проявляется стремление отдать предпочтение той информации, которая соответствует уже устоявшимся взглядам. В общем же плане принцип последней попытки представляется также одним из способов перцептивной защиты, что было доказано и в ряде экспериментальных исследований.

Другим специфическим проявлением феномена перцептивной защиты в процессе социального познания является открытый М. Лернером феномен «веры в справедливый мир» [138]. Его суть заключается в том, что человек не хочет верить в то, что лично с ним без его вины может случиться что-то «плохое», ибо мир «справедлив». Жить в убежденности, что без вины ты никогда не будешь наказан, естественно легче. И это ощущение

психологического комфорта заставляет отгораживаться от той информации, которая грозит этот комфорт разрушить.

Вера в справедливый мир была продемонстрирована в эксперименте, где четыре испытуемых вносят равный вклад в игру. Награждается же случайно выбранный экспериментатором. При опросах участников и наблюдателей о том, кто внес наибольший вклад, называют, как правило, награжденного. Побеждает «справедливость»: раз награжден, значит за дело. То есть люди верят в то, что есть соответствие между тем, как они ведут себя, и наградами (наказаниями), получаемыми за это.

Идея справедливости прилагается и к себе, и к другому. При этом «невиновность» жертвы разрушает веру в справедливый мир и отсюда часто — антипатия к жертве («значит, по заслугам»). В эксперименте *М. Лернера* и *К. Симмонс* испытуемые наблюдали, как ударами тока был наказуем человек, дающий неправильные ответы на вопросы экспериментатора [см. 14, с. 371]. Никакого сочувствия к жертве у испытуемых не возникало; напротив, было продемонстрировано негативное отношение к ней. Аналогичные результаты были получены и в эксперименте *М. Лернера* и *Дж. Меттьюза*, осуществленного в русле общих идей психологической теории справедливости [138]. Двум его участникам было предложено бросить жребий, кто из них в ходе эксперимента будет подвергаться ударам тока, а кто будет работать в комфортных условиях. В одном случае испытуемый тянул жребий и узнавал, что будет наказан током его партнер. В другом случае тот же испытуемый узнавал, что партнер уже вытащил «плохой» жребий. Когда после этих двух попыток испытуемого попросили описать жертву, то описания носили различный характер. В первом случае испытуемый полагал, что именно он «виноват» в наказании партнера, так как вытащил «хороший» жребий, а партнеру достался «плохой»; при этом жертва описывалась негативно («раз я выиграл, значит, я не должен быть наказан, а ему — уж такая судьба»). Во втором случае жертва получала нейтральную оценку: сам вытащил наказание, сам и виноват. Так или иначе, при всех обстоятельствах «вера в справедливый мир сохранялась».

«Защита», возникающая у субъекта в данном случае, заставляет его не верить в то, что тебя самого может постигнуть несчастье: утверждается мысль, что раз жертву постигло такое несчастье, значит, она сама «виновата». Это вытекает из убеждения, что мир справедлив и в нем каждый получает то, что заслужил. Если же кто-то явился жертвой, следовательно, тому есть причина, хотя, может быть, и неизвестная нам. Подобная логика рассуждения дополняется феноменом, который назван «эффект заднего ума», когда человек

после ознакомления с результатом какого-либо события радостно заявляет: «Я так и знал!» Это способствует укреплению уверенности в своей собственной правоте. Аналогичная «право́та» ощущается и в недоверии или даже в осуждении жертвы.

Естественно, такая вера в справедливый мир — достояние достаточно наивного наблюдателя, но, коль скоро исследуется процесс познания социального мира обыденным человеком, феномен должен быть учтен. Житейская практика дает много примеров существования его. Так, в годы сталинских репрессий, когда практически каждый мог оказаться в руках НКВД, многие люди наивно полагали, что сажают только за что-то: если я не замешан ни в каких заговорах, то меня минует сия чаша. Теперь хорошо известно, сколь многие поплатились за веру в такую «справедливость».

На основании такой наивной веры складывается тенденция приписывать злодеяния жертвам, а различные положительные (успешные) действия — «позитивным» персонажам. Если же вдруг выясняется, что жертва невинна, то это разрушает веру в справедливый мир, «ценность» жертвы при этом снижается. Тогда для восстановления веры в «справедливость» еще более обостряется отвержение невинной жертвы. В современной науке *виктимологии* специально исследуются случаи, когда определенный тип людей чаще других оказывается жертвой. Несомненно, что важным фактором такого явления становится использование феномена «веры» как самими субъектами, так и их окружением. Есть любопытные наблюдения относительно того, как изменяется отвержение невинной жертвы в зависимости от позиции самого субъекта познания (наблюдающего жертву). Если жертва страдает относительно продолжительное время и ожидает продолжения своих страданий, негативная ее оценка очень сильна (по принципу — «значит, за дело»). Если же индивид, наблюдающий жертву, может вмешаться и предотвратить дальнейшие страдания жертвы, то он будет оценивать ее менее негативно. Логика рассуждения здесь, по-видимому, такова: жертва невинна, я помог доказать ее невинность, следовательно, справедливость восстановлена и теперь жертва не нуждается в полном ее отвержении.

Значимость веры в справедливый мир, как разновидность перцептивной защиты, играет большую роль в выборе стратегии поведения. Тем большее значение имеет разрушение этой веры. Важным следствием его является открытый *М. Селигменом* феномен «**выученной беспомощности**» [см. 98]. Первоначально этот феномен был выявлен на экспериментах с животными (лошади на скачках, постоянно наказываемые и за плохие, и за относительно хорошие результаты, утрачивали всякую мотивацию улучшать свои

достижения). Позже было установлено, что «выученная беспомощность» может быть свойственна и людям. Она возникает тогда, когда человек осознает, что он не в состоянии ни прогнозировать, ни контролировать результат своих действий. Получаемая извне информация оказывается недостаточной для того, чтобы добиться результата, зависящего от нас. А если что-то непредсказуемо, то независимо от наших усилий может произойти и что-то нежелательное. Возникает ситуация, описанная Л. Кэрроллом в сказке

«Алиса в стране чудес»: за что бы Алиса ни бралась, все оказывается «не таким», как ожидалось. Человек, оказавшийся в такой ситуации, усваивает «беспомощность»: он начинает вести себя как жертва — пассивно и неэнергично. Неверие в свои силы, молчаливое согласие с тем, что ничего нельзя предпринять, — также разновидность утраты веры в справедливый мир.

Наступление такого состояния тесно связано с рядом уже рассмотренных познавательных процессов. Оказалось, что «выученная беспомощность» определенным образом зависит от атрибутивного стиля личности. Из трех атрибутивных стилей: пессимистического, оптимистического и нереалистично оптимистического — первый чаще всего приводит к тому, что человек обращается к внешнему локусу контроля (становится экстерналом). Это ведет к отказу от желания что-то изменить и вообще к отсутствию веры в принципиальную возможность изменить что-либо. В данной ситуации человек *привыкает* к беспомощности: определенный стиль работы с социальной информацией, разрушение защиты от негативной информации порождают особый тип поведения.

Включенность атрибутивного стиля в возникновение «выученной беспомощности», однако, оказывается более сложной. В ряде экспериментов показано, что не только приписывание внешних причин событиям приводит к ощущению беспомощности. Это можно продемонстрировать на относительно простом примере. Если студент не сдает подряд два экзамена, к которым он готовился по-разному (к первому очень тщательно, читая дополнительную литературу, а к другому — едва просмотрев конспекты лекций), то он легко может впасть в состояние синдрома «выученной беспомощности»: абсолютное невезение налицо, его собственные усилия ничего не меняют в результате, ситуацию он контролировать не может. Естественно, что он может по-разному объяснить причину случившегося, т.е. приписать причину разным факторам. Если он обращается к внешним факторам («многие не сдали»), то ощущение беспомощности будет поддержано. Но если он обратится к внутренним причинам («я такой невезучий»), то это также может

породить чувство беспомощности. Следовательно, один лишь атрибутивный стиль не объясняет всего комплекса проблем возникновения «выученной беспомощности». Большое значение имеют и другие индивидуальные психологические особенности человека, а также черты его личности.

Огромную роль в возникновении феномена «выученной беспомощности» играет общая позиция человека в реальных жизненных ситуациях, в частности особенности процесса социализации: насколько часто ребенок на протяжении своей жизни попадал в ситуацию, когда получал доказательства безнадежности своих попыток изменить что-либо. Приобретенная же «выученная беспомощность» оказывает влияние на дальнейшую линию поведения человека, будь то успешность в образовании, в излечении пациентов, в защите своих прав при безоснованных обвинениях. «Чисто» психологический феномен, каковым является «выученная беспомощность», оказывается включенным в сложный процесс социального познания и социального действия.

Широкое распространение веры в справедливый мир как одного из способов психологической защиты, как мы видели, основывается на безусловной желательности для человека когнитивного соответствия, поскольку при его наличии жизнь представляется более предсказуемой в плане тех поступков, которые помогают человеку выжить. Это желание стабильности обуславливает и применение «принципа последней попытки».

Распространенность веры в справедливый мир и тяжелые переживания последствия ее разрушения — явления того же порядка. Понятно, что мечта о стабильности социального мира отнюдь не всегда подкрепляется реальностью. И тогда могут возникнуть два варианта значения указанных факторов в социальном познании:

или еще больший отрыв «картины» реального мира от его образа, сконструированного в голове, или, напротив, стремление достичь желаемой стабильности и в реальном мире. Но это уже вопрос о связи познания и действия, детерминантом решения которого не может быть лишь совокупность чисто психологических факторов.

Глава VI

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Исследование социальных детерминант процесса социального познания — важнейший аспект всей данной области психологии. Кроме того, что социальный контекст познания человеком окружающего мира очевиден, проблема эта является одной из самых животрепещущих в современной социальной психологии. Решение ее

рассматривается многими современными исследователями как своеобразный водораздел между «американской» и «европейской» традициями. Как уже неоднократно упоминалось, острее критики «американского» подхода со стороны европейских коллег — именно в недооценке учета социального контекста при различных «когнитивистских» построениях [122].

Хотя необходимо полное исследование всех социальных детерминант для всестороннего объяснения процесса социального познания, в современной литературе предложены лишь отдельные фрагменты этой темы. Рассмотрены, в частности, два социальных фактора, имеющих особое значение в обсуждаемом контексте: социальный консенсус и проблема ценностей. Заслуга в исследовании этих факторов и их значения в социальном познании принадлежит А. Тэшфелу [154].

1. СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСЕНСУС

Термин «**социальный консенсус**» употребляется в психологии социального познания в двух смыслах — узком и широком. В узком смысле социальный консенсус — это некоторое согласие между испытуемым и экспериментатором в эксперименте. Хотя этот вопрос сам по себе и заслуживает большого внимания не только для социальной, но и для общей психологии, в данном случае обсуждаться не будет, поскольку это предмет особого исследования. Социальный консенсус в широком смысле слова имеет непосредственное отношение к психологии социального познания.

Социальный консенсус в широком смысле означает, **что** большая или меньшая «выпуклость» элементов внешнего социального окружения зависит не только от индивидуального опыта, способностей, психологического склада личности, когнитивного стиля воспринимающего, но и от принятых образцов толкования явлений в той или иной культуре, в том или ином типе общества, какой-либо его части. Эти принятые образцы суть определенные *конвенциональные значения*, т.е. своего рода договоренности относительно того, как будут интерпретироваться те или иные данные, полученные в процессе познания социальных явлений.

В одном из исследований приводится пример существования таких конвенций. Антрополог Халлоуэлл приводит рассказ индейца о его встрече с мифическим чудовищем Виндиго. Индеец полагал, что встретился с Виндиго, поскольку услышал своеобразные звуки, по его мнению, принадлежащие Виндиго. Т.е. он сделал вывод на основе восприятия некоторых физических стимулов. Эти стимулы для индейца значимы, поскольку базируются на некоторой «конвенции»:

именно так звучит Виндиго в мифах, распространенных среди индейцев. На самом деле звук, описанный индейцем, похож на звук самолета. Однако для индейца существует различная субъективная вероятность встречи с самолетом и с Виндиго в глухом лесу. Поэтому индеец, опираясь на известное ему конвенциональное значение, интерпретирует звук, как звук Виндиго. Говоря словами В. П. Зинченко и М. К. Мамардашвили, мы имеем здесь дело с тем, как «субъективность входит в реальность» [см. 46].

В каждой культуре существуют универсальные понятия, касающиеся времени, пространства, изменения, причины, судьбы, числа, отношения частей к целому, которые определенным образом связаны между собой и, по выражению А. Я. Гуревича, образуют своего рода «модель мира», ту сетку координат, при построении которой люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании [37]. Использование конвенциональных значений ведет к тому, что информация в значительной части не перепроверяется, так как слишком велика опора на сложившийся социальный консенсус, заданный данной культурой. Речь идет о распространенности «ходячих представлений», которые могут существовать не только в обыденном сознании, но иметь значение и хождение в каких-то, например, профессиональных кругах, в сообществе ученых или деятелей культуры. Мера их распространенности может быть различной, но ореол «так принято» свидетельствует об их силе и значимости. Однако значение социального консенсуса нельзя абсолютизировать. Естественно, что при определенных условиях в силу ряда причин он может нарушаться. Тогда социальное познание сталкивается с феноменом, получившим название «слом социального консенсуса», и этот феномен должен быть изучен и исследован специально.

Принципиальная возможность слома социального консенсуса обоснована тем, что люди, естественно, не обязательно согласны следовать «общепринятому» и среди них находятся такие, для кого остается пространство для несогласия, т.е. для реинтерпретации того, что интерпретировалось с точки зрения социального консенсуса. Без такого альтернативного взгляда на мир, на его проблемы в обществе вообще бы господствовал полный застой. Особенно ярко значение возникновения инакомыслия проявляется в развитии науки.

Как известно, при описании хода ее развития *Т. Кун* ввел понятие «парадигма», под которой понимается принятый в сообществе ученых в определенный отрезок времени некоторый «образ» науки, включающий в себя согласие относительно предмета исследования, методов и подходов [56]. Кун справедливо отмечал, что, кроме научных, есть еще и вненаучные факторы утверждения и

поддержания определенных парадигм: это может быть и субсидирование тех исследований, которые осуществляются в русле принятой парадигмы, и поощрение ученых, работающих в ее рамках. Одним словом — это социальные факторы, способствующие сохранению на определенном отрезке времени принятой системы взглядов. Достаточно вспомнить социальную поддержку господствующей в 40-е гг. в советской биологии парадигмы, представленной Т. Г. Лысенко, и многие другие аналогичные примеры.

Кун внимательно рассмотрел пути «расшатывания» парадигмы и выхода науки из кризиса в случае утраты господствующей парадигмой ее силы. Таких путей три: 1) господствующая парадигма еще сможет доказать свою силу и продолжит свое существование;

2) будет констатирован ее крах, но поиск выхода будет «отложен в долгий ящик», а старая парадигма будет продолжать свое существование как простой ярлык; 3) кризис разрешится с возникновением нового претендента на место существующей парадигмы и началом борьбы за принятие новых идей. Состоится «переключение гештальтов», если употребить когнитивистскую терминологию. Этот процесс не всегда осуществляется мирно: природа сопротивления новому — в убежденности, что и в старой парадигме есть основания для ее возрождения, что и в нее еще можно втиснуть новые факты и открытия. Поэтому иногда нужно время жизни целого поколения, чтобы убедиться в необходимости слома консенсуса.

Переход от одной парадигмы к другой означает у Куна выход ученых в *другой когнитивный мир*: после перехода к новой парадигме возникает как бы новое (иное) видение мира, «как если бы профессиональное сообщество было перенесено в один момент на другую планету, где многие объекты им незнакомы, да и знакомые объекты видны в ином свете» [56, с. 145]. Этот «иной свет» можно представить как определенную призму, через которую человек вообще видит мир. Рассуждения Куна о смене парадигм в развитии науки дают поэтому много полезного для более общей трактовки «смены гештальтов», которая происходит при утрате старого социального консенсуса и замене его новым, в частности при радикальных социальных преобразованиях.

В обыденной жизни, а значит и в обыденном познании социального мира «видение» его в разном свете распространено очень широко: больные какой-либо тяжелой болезнью «видят» мир через призму этой болезни, поступающие в вуз — через призму экзаменов и т.п. В психологии профессий высказано предположение о том, что для разных профессиональных групп существует различный «образ

мира», в условиях становления рыночных отношений в нашей стране констатируется развитие «маркетингового мышления», что тоже свидетельствует о возможности построения весьма различных «картин» социальной реальности [44].

Различное видение мира находит свое выражение в системе употребляемого языка. Это стало предметом исследования в лингвистике, где была сформулирована известная гипотеза Сепира—Уорфа. Суть ее заключается в том, что воспринимаемый и осмысливаемый нами мир строится на основе определенных языковых норм: элементы мира обозначены при помощи единиц языка; мы выделяем в мире явлений те или иные категории, связываем их так, чтобы они были организованы, а это предопределяет использование некоторой языковой системы, хранящейся в нашем сознании. Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что мы *участники соглашения*, предписывающего подобную систематизацию. Гипотеза Сепира-Уорфа получила название «гипотезы лингвистической относительности», поскольку она обосновывает мысль о том, что сходная картина мира может существовать только при некотором сходстве языков, ее описывающих.

По мнению ряда исследователей, в гипотезе Сепира—Уорфа можно выделить два существенных принципа: 1) группы людей, говорящие на разных языках, по-разному воспринимают и постигают мир; 2) причиной познавательных различий служит язык [см. 53]. Первый принцип в строгом смысле слова и есть гипотеза **лингвистической относительности**. Вторым принципом является доктрина **лингвистического детерминизма**. Судьба каждого из этих принципов в истории дальнейшего развития науки различна. Вторым принципом с самого начала кажется чрезмерно категоричным: вряд ли даже в качестве гипотезы можно принять положение о том, что все результаты различий в познавательных процессах обусловлены *только* языком. Если бы это было так, люди вообще не могли бы воспринимать и познавать мир, а могли бы лишь *говорить* о внешнем мире. Что касается первого принципа (который и подучил особенно широкую известность), то он также подвергался серьезной критике, главным образом при опоре на результаты многочисленных экспериментальных исследований.

Эти исследования использовали те идеи Уорфа, где он вычленил отдельные аспекты языка, которые оказывают особое влияние на мышление. Это — *лексика*, т.е. определенный словарь, которым пользуются люди, и *грамматика* — правила комбинирования значащих единиц.

По поводу роли *лексики* в познавательных процессах

существует много наблюдений и экспериментальных работ. Известен тот шок, который испытали ранние исследователи проблемы, узнав, например, что в Греции времен Гомера не было полного, с нашей точки зрения, цветового словаря, т.е. отсутствовали наименования многих известных цветов. Иллюстрации этого явления мы находим в упоминаемом исследовании А. Р. Лурия, просившего неграмотных узбекских женщин определить цвет показываемых им «зеленых» предметов (травы, веток, листьев). Слово «зеленый» отсутствовало в их словаре, но это не значит, что они не воспринимали этот цвет. Напротив, восприятие зеленого цвета было гораздо более дифференцированным: узбекские женщины различали «цвет увядшей травы», «цвет скошенного сена» и т.п. Таким образом, несмотря на различия в лексике, можно «договариваться» относительно значения многих различных по звучанию слов. Это же подтверждается и практикой перевода с одного языка на другой. Поэтому был сделан вывод о том, что языки различаются между собой не столько тем, что в них можно выразить, сколько тем, что в них *легче* выразить. Это дало основание для более смягченной трактовки гипотезы лингвистической относительности.

Аналогичное заключение было сделано и на основании экспериментов, выявляющих роль *грамматики* в познавательных процессах, которую Уорф называл «способом говорения». Традиционные для большинства языков грамматические формы (например, временные различия — существование глаголов в настоящем, прошедшем и будущем времени) значительно модифицированы в нетрадиционных языках. Большое количество экспериментов проведено в детской психологии, например, на различное употребление выражений, сравнивающих предметы: «больше чем», «меньше чем». Выясняется, что в разных культурах у детей установлены разные тенденции по поводу того, в каких случаях надо употреблять выражения «больше чем» и «меньше чем» [см. 53].

Так же как и в случае с экспериментальным изучением особенностей лексики, в экспериментах по различиям грамматики было выявлено отсутствие жесткой связи между языком и характером познавательных действий. Напротив, были выявлены некоторые лингвистические универсалии. В частности, примененный Ч. Осгудом метод семантического дифференциала позволил установить, что структура коннотативных значений (т.е. не определений, дефиниций, а систем эмоциональных ассоциаций, возникающих при употреблении какого-либо слова) одинакова во всех культурах.

Все это дало основания «умерить» претензии гипотезы лингвистической относительности на универсальность. Тем не менее сам факт огромной роли языка в возникновении, существовании и

сломе социального консенсуса не может быть оспорен.

Большой интерес представляет такая особенность механизма слома социального консенсуса: как только возникает несогласие со старым конвенциональным значением, сразу же образуется новый консенсус, т.е. утверждается как бы новая очевидность фактов. Потребность в консенсусе так велика, что простой слом старого оказывается недостаточным, нужна новая договоренность относительно того, как толковать те или иные феномены и связи между ними. Доказательства легко найти в истории науки и культуры. Как в свое время оказалась сломленной парадигма генетики в сообществе советских биологов (в значительной мере за счет внеакадемических факторов), так после свержения Лысенко вновь было установлено согласие по проблемам наследственности. Другой пример из истории физики, когда последовательно сменялись парадигмы относительно природы света: корпускулярная — волновая — современные представления. Еще значительнее проявляет себя указанный механизм при сломах консенсуса, касающегося проблем социальной жизни. Эпоха радикальных преобразований в нашей стране демонстрирует это с очевидностью: отношение к частной собственности, рынку, многопартийности — тому примеры.

При анализе природы социального консенсуса невольно напрашиваются аналогии с феноменом конформизма, хорошо изученным и описанным в социальной психологии. В настоящее время предпринята попытка связать феномен конформизма и закономерности работы с социальной информацией. *Г. Джерард* и *М. Дойч* Разработали **«информационную теорию конформности»**. Они предположили, что конформность — часть более общего процесса: последствий поиска человеком информации в ситуациях, где ему приходится оценивать свое поведение и соотносить его с поведением других. Такое сравнение необходимо для того, чтобы уменьшить неопределенность своего положения в ситуации. Но коль скоро человеку приходится сравнивать себя с другими, ему приходится сравнивать и *свои* интерпретации ситуации с интерпретациями *других*. Механизм такого сравнения не укладывается в традиционные схемы социального сравнения, разработанные еще Л. Фестингером. Новые объяснения и предлагаются в информационной теории конформности Джерарда и Дойча. Сравнение двух интерпретаций особенно значимо, если сравниваются интерпретации *большинства* (группы, общества) и *меньшинства*. Это имеет прямое отношение к сломам социального консенсуса: он может быть интерпретирован как превращение взглядов меньшинства во взгляды большинства. Меньшинство выступает здесь как носители нового, еще не установившегося консенсуса, а большинство — как защитники существующего

конвенционального значения. Для наглядности сопоставления двух моделей «влияния» (большинства и меньшинства) предлагается следующая схема (рис. 16).

Данная схема полезна не только для понимания дальнейшего развития теории конформности (когда утверждается, что давление

Рис. 16. Типы социального влияния (схема Джерарда — Дойча)

— «влияние» может оказывать не только большинство, но и меньшинство), но и для понимания механизма слома социального консенсуса: меньшинство, предоставляя новую информацию, убеждает в правильности своей интерпретации факта или события и не навязывая своей точки зрения, добивается ее принятия. С этой же идеей мы столкнемся и при рассмотрении концепции С. Московиси. Он рассматривает эту проблему как на экспериментальном так и на макроуровне. В одном из экспериментов Московиси [1441] доказывалась возможность для меньшинства «взять верх», т.е. преодолеть влияние большинства. Двум группам испытуемых демонстрируются слайды, на которых «изображен» голубой цвет. В экспериментальной группе, состоящей из шести человек, имеются два сообщника экспериментатора и четверо «наивных». Так вот, сообщники утверждают, что демонстрируется зеленый цвет. Они — меньшинство, но влияют на позицию «наивных»: в экспериментальной группе 8,4% «наивных» соглашались с тем, что на экране зеленый цвет. Более того, у них изменялся порог цветового различения: при демонстрации «гаммы» (плавный переход от голубого к зеленому) «наивные» фиксировали появление зеленого раньше, чем то же делали испытуемые в контрольной группе, где сообщников экспериментатора не было.

Вывод Московиси заключается в следующем: меньшинство может победить своим влиянием и превратить свою позицию в

«норму» (кстати, по Джерарду и Дойчу, это означает превращение информационного влияния в нормативное), но для этого необходимо соблюдать несколько условий поведения меньшинства, демонстрировать с его стороны определенный стиль поведения. Он включает такие черты, как устойчивость позиции, уверенность при ее демонстрации и, наконец, аргументированность в защите представляемой информации. В ситуации конфликта между мнением индивида и мнением большинства (что описано в традиционных исследованиях конформности) достигается навязывание не согласия, как такового, а *демонстрации согласия*, но зато эффект наступает быстрее. При разрешении же конфликта между индивидом и меньшинством со стороны меньшинства происходит как бы *приглашение к размышлению* за счет предоставления новой информации, к поиску нового. При соблюдении названных условий стиля поведения меньшинства влияние его становится результативным, хотя этот результат и появляется позже.

Московиси пытается перенести полученные в экспериментах результаты на макроуровень. Он полагает, что изученный феномен Дает основания предположить, что все новации в обществе можно скорее ожидать от меньшинства, чем от большинства. Более подробно он обращается к этому в своей теории социальных представлений, которая будет рассмотрена ниже.

Кроме описанных проблем, есть еще ряд вопросов, относящихся к проблеме социального консенсуса. Главный из них — ***культурные различия в способах общения***. Познание социального мира никогда не может быть продуктом одного индивида, построение картины мира возможно лишь при условии коммуникации между людьми, обмена значениями наблюдаемых явлений. Именно поэтому в этом процессе огромную роль играет язык. В этой связи уместно привести слова В. Гумбольдта: «Различия языка — это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные *видения* его» [цит. по: 84, с. 24], недаром говорится, что каждый язык есть своеобразное мировидение. В отечественной школе психологии этому факту придается большое значение: в рамках идеи Выготского—Леонтьева об опосредованности психических процессов системой значений любой текст трактуется как совокупность различных коннотаций, специфических смыслов, что как раз и задано культурой [63].

Разный смысл, вкладываемый в одни и те же понятия и выраженный одними и теми же словами, приводит к разной трактовке и конвенциональных значений. Так, например, в многочисленных экспериментах в смешанных американо-азиатских группах студентов на выявление смысла понятий «коллективизм» и «индивидуализм» была показана невозможность конвенции при разносмысловом

употреблении одних и тех же понятий. Духовный опыт народа — носителя данного языка веками порождает определенную картину мира, консенсус по поводу которой выражен в совершенно определенных словесных формах. Чрезвычайно интересны с этой точки зрения многочисленные исследования, посвященные «загадочной русской душе», где многие особенности не только национального характера, но и построения картины мира отчетливо проявляются в русском языке [см. подробно 90].

К этому следует добавить и такой элемент культуры, как *визуальная информация*: в искусстве, рекламе, различных графических изображениях также имеет место конвенциональная представленность (плакаты и лозунги одной страны могут быть абсолютно непонятны в другой). Правила интерпретации визуальной информации также заданы культурой, и они также являются элементом социального консенсуса. В этом смысле большой материал дают исследования по межкультурной коммуникации.

Зависимость интерпретации категорий от культурного контекста обусловила возникновение в социальной психологии особого способа анализа этого явления, получившего название «дискурсионный анализ», иногда даже противопоставляемого социальнопсихологическому подходу, трактуемому как «чисто когнитивный». Дискурс-анализ рассматривается сегодня как один из аргументов «европейского» подхода, а иногда и как фрагмент социально-психологического постмодернизма, направляющего свое острие на когнитивную «стерильность» американского варианта психологии социального познания.

Родоначалником дискурс-анализа является английский ученый *Р. Харре*, но к настоящему времени концепция уже получила широкую известность и много других авторов работает над ее развитием [127а, 145].

Исходным понятием является понятие «дискурс». Его содержание раскрывается различными исследователями весьма различно, и сами они часто иронизируют над многозначностью термина. Однако все выделяют самое главное: дискурс — это *рассуждение* по поводу какой-либо проблемы, *обсуждение* ее. Предполагается, что дискурс в самом широком смысле слова — это все формы «разговора» или «письма», т.е. использование любого текста, устного или письменного. В этом значении дискурс и рассматривается как важнейшая составляющая процесса коммуникации между людьми. В применении к психологии социального познания включение дискурса в процесс обсуждения содержания категорий имеет огромное значение: именно в ходе «разговора» это содержание только и может уточняться. Без

обсуждения с другими людьми категории не могут наполняться сколько-нибудь одинаково воспринимаемым содержанием. Дискурс — общение с использованием языка — потому необходим для построения адекватной картины социального мира, что сами образы его должны быть «обозначены», «названы». Категории, которыми описывается мир, выражены при помощи языка. Чтобы различные группы и отдельные индивиды могли совершать совместные действия в этом мире, они должны понимать, о чем идет речь, т.е. вырабатывать разделенные, разделяемые всеми системы значений. Дискурс и есть путь не только к пониманию друг друга и всего мира в целом, но и совместное вырабатывание образа социального окружения, конструирования социального мира.

Примеров этого очень много в любых жизненных ситуациях. Так, группа исследователей из Бристольского университета в Англии проанализировала тексты протоколов, составленных в полиции по поводу волнений, устроенных студентами на улицах. В частности, в различных показаниях очевидцев применительно к характеристике события употреблялись такие термины, как «бунт», «беспорядки», «движение» и т.п. Рассмотрение реального события было затруднено из-за абсолютного несовпадения не только его оценок, но даже простых описаний.

Между тем, как подчеркивают исследователи, важно не просто понять, как возникает категория, как осуществляется отнесение к ней вновь воспринятых объектов (чем, по их мнению, занимается традиционная психология социального познания), но выявить возможности данной категории стимулировать определенное *действие*. Разговор и обсуждение должны обеспечить такую трактовку категории, которая и приведет к определенному действию. Это происходит потому, что лишь в ходе обсуждения категория предстает не просто как довольно застывшая структура, состоящая из определенных признаков, а как реальный элемент социальной жизни: она наполняется содержанием на основе дополнения ее характеристиками, приводимыми разными участниками дискурса. Поэтому сама категория в ходе этого процесса действительно «конструирует» мир, одновременно уточняя его образ и направляя некоторое действие внутри этого мира.

Многие сторонники идеи дискурса (К. Герген, М. Фуко) полагают, что именно она знаменует собой новую парадигму в социальной психологии, поскольку связывает процесс *познания* социального мира и *действия* в нем. Введение идеи дискурса способствует выходу исследований из лаборатории в реальную жизнь, поскольку значение имеет лишь обсуждение *реальных* текстов, т.е. тех, которые функционируют в реальных социальных ситуациях. В

ходе их обсуждения оттачиваются конвенциональные значения, т.е. более или менее согласованные интерпретации тех или иных понятий, употребляемых для описания социальных объектов и событий.

Социальный консенсус, таким образом, вырабатывается в ходе дискурса, и идея обязательного включения коммуникации в процесс социального познания получает еще одно свое подтверждение. Если учесть, что язык есть всегда элемент культуры, то становится ясным факт социальной детерминации всех этапов процесса работы с информацией.

2. СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ

Другой важнейший компонент социального контекста социального познания — социальные ценности. Их влияние на процесс категоризации особенно значимо потому, что по сравнению с теми искажениями информации, которые связаны с недостатком ее или с индивидуальными психологическими особенностями познающего субъекта, «субъективность» оценок под воздействием социальных ценностей значительно больше. Это обусловлено тем, что дифференциация явлений в терминах ценностей в социальном мире распространена значительно больше, чем в физическом. Поэтому проблема ценностей занимает важное место в структуре как социологического, так и психологического знания. В социологии, в частности, предлагается понимать ценности как «общепринятые убеждения относительно целей, к которым человек должен стремиться» [87а, р. 50]; в других работах высказан ряд идей, непосредственно относящихся и к системе социально-психологического знания. Так, В. А. Ядов и А. Г. Здравомыслов метафорически называют ценности «осью сознания», полагая, что вокруг этой оси организуется восприятие человеком мира. Такой контекст рассмотрения проблемы ценностей достаточно приближен к психологическому подходу.

В психологии ценности рассматриваются как абстрактные цели, которые нужны человеку для того, чтобы иметь некоторую «точку отсчета» для конкретного оценивания тех или иных событий. Ценности выступают как регуляторы социального поведения личности и группы. Однако они не действуют непосредственно: ценности реализуются в системе ценностных ориентации человека как важнейшего элемента общей структуры диспозиций личности. Ю. М. Жуков определяет ценностные ориентации как «хорошо осознанные ценности» [45]. Поэтому понимание ценностей в психологии тесно связано с проблемой аттитюда, причем иногда ценность понимается как «более широкий» аттитюд, а иногда как элемент аттитюда.

Таким образом, в психологической традиции при анализе ценностей высвечивается их значение для личности, прежде всего в качестве регулятора поведения и деятельности, основы для мотивации. Это, впрочем, не означает сведения всей проблематики ценностей только к ее психологическому аспекту. Социальная природа ценностей очевидна, и поэтому в контексте социального познания ценности справедливо рассматриваются как один из элементов «социальной составляющей» этого процесса.

Некоторая неоднозначность в трактовке ценностей в психологии приводила к попыткам упорядочить эту проблематику. Самую существенную попытку предприняли Я. Рокич и С. Шварц [150]. Ими предложена *теория универсального содержания и структуры* ценностей, где ценности трактуются как представления людей о Целях, которые служат руководящими принципами в жизни. Такой постановкой вопроса ценности неизбежно связываются с проблемами социального познания: они есть некоторые *представления*, т.е. категории, при помощи которых человек обозначает те или иные явления мира. Шварцем предложена классификация ценностей (их насчитывается десять типов), в которой типы ценностей практически интерпретированы как способы организации категорий.

Сами по себе ценности разделяются на два класса: *терминальные*, представляющие собой критерии выбора цели и способов ее достижения, и *инструментальные*— критерии, стандарты оценки модуса поведения. Таким образом, для Шварца ценности — не свойства, присущие объекту, а именно **критерии**, по которым человек действует, оценивает свои действия и строит свое отношение к миру [150]. Ценности включают пять необходимых черт: а) они всегда есть представления или верования; б) знания о состояниях, которых желательно достичь; в) следы специфических ситуаций; г) содержат возможность селекции каких-то событий в жизни человека или в эволюции его поведения; д) имеют некоторую степень важности [там же]. Выделение этих характерных черт ценностей весьма продуктивно для понимания их роли в социальном познании: во-первых, потому что сами ценности трактованы как когнитивные элементы («знания», «представления»...), а во-вторых, потому что обозначен механизм их воздействия на сам процесс познания («возможность селекции каких-то событий»...).

Этой же задаче служит и разработанная Шварцем типология различного содержания ценностей, необходимых для формирования сознательных целей человека, а также описание условий согласования потребностей индивида с интересами общества (удовлетворение биологических потребностей, потребностей в социальных контактах и

потребностей выживания, благополучия группы).

Впоследствии проблема ценностей была и более определенно включена в контекст социального познания. А. Тэйфелу принадлежит идея рассмотрения ценностей как одного из детерминант этого процесса [154]. Индивид осознает мир через призму ценностей; социальный мир, естественно, рассматривается через призму социальных ценностей. Они могут быть разного уровня: глобальные — добро, красота, свобода и пр. и приближенные к обыденной жизни — хорошая семья, благополучие, дети и т.п. Для каждого конкретного человека существует проблема соотношения ценностей общества, культуры с его собственными ценностями.

Мак Гвайром предложено понятие «ценностное поле» личности, которым обозначается тот репертуар ценностей, который значим для каждого человека. Своеобразную трактовку практической значимости личностного репертуара ценностей дал в свое время Г. Олпорт, который назвал такой репертуар «ключом», «намеком», при помощи которого человек может, например, лучше понять своего врага. Вплетение ценностей в процесс познания социального мира существует на всем протяжении социализации человека, однако при некоторых условиях роль ценностей в этом процессе

становится особенно значимой. Это проявляется тогда, когда сами ценности претерпевают изменения. Пока они неизменны, новая информация отбирается и интерпретируется так, чтобы «подтвердить» и «поддержать» структуру ценностно-нагруженных категорий: новая информация здесь не используется для того, чтобы что-то «исправить» в старых представлениях. Мы попросту от нее отказываемся, чтобы не допускать противоречий в наших суждениях.

При этом возникают два типа ошибок: *«сверхвключение»* и *«сверхисключение»*. Их свойство заключается в том, что при «сверхвключении» в категорию включаются объекты, которые на самом деле к ней не относятся. Логика здесь в том, чтобы в *негативно-нагруженную* категорию обязательно включить всех, кто, на наш взгляд, обладает отрицательными в терминах ценностей качествами. Если для кого-то весьма сомнительна «ценность» легкомысленного поведения девушек, то подозрительность заставляет включить экстравагантно одетую представительницу прекрасного пола в категорию чуть ли не «уличной девки». Точно так же сегодня, в условиях перехода к рынку, для многих, особенно пожилых людей, категория «предприниматель» негативно ценностно-нагружена («все они — жулики»). С этой точки зрения любого бизнесмена торопят включить в категорию «жулик». Тенденция здесь в том, чтобы как-нибудь не пропустить ни одного «плохого» представителя при категоризации.

Феномен «сверхвключения» был продемонстрирован в известном эксперименте А. Тэшфела. В одном из классов американской школы все ученики были протестированы на выявление у них антисемитской установки. Далее они были разделены на две группы: «антисемиты» и «не-антисемиты». И той и другой группе было предъявлено несколько фотографий людей с более или менее выраженными внешними национальными свойствами. Нужно было определить, кто из сфотографированных относится к евреям, а кто нет. В группе «антисемитов» почти всех продемонстрированных на фотографиях зачислили в «евреи», в другой группе это количество зачисленных было много меньше. Для антисемитов категория «евреи» отрицательно нагружена, и они озабочены, как бы не пропустить кого-либо, похожего на еврея, при категоризации. Т.е. в категорию включены объекты, на самом деле к ней **не** принадлежащие [см. 154].

Аналогичный эксперимент был проведен в Техасе (1970), где сильны традиции сегрегационизма. Двум группам испытуемых, «сегрегационистам» и «нейтралам», также были предъявлены фотографии лиц с различной степенью выраженности национальных (расовых) признаков. «Нейтралы» включили в категории «белые»

и «черные» нормальное количество фотографий; «сегрегационисты» включили в категорию «черные» многие фотографии, где никак нельзя было усмотреть какие-либо «небелые» признаки, т.е. вновь был продемонстрирован феномен «сверхвключения».

Феномен «сверхисключения» присутствует в тех случаях, когда воспринимающий имеет дело с *позитивно-нагруженной* категорией. Категория представляется настолько позитивно-нагруженной, что для субъекта восприятия кажется опасным включить в нее кого-нибудь «недостойного». Различные элитные группировки, будь то в политике или в искусстве, часто используют этот прием. Он встречается и в обыденной жизни, например в школьной практике, когда «отличник», да еще претендующий на медаль — настолько позитивная категория, что в нее порой, боясь ошибиться, не включают весьма сильных и перспективных учеников. Смысл механизма в том, чтобы в позитивно-нагруженную категорию не попал никто лишний (так, в аристократической среде оберегают «людей своего круга», в различных молодежных группировках — «своих» и т.п.). Опасность усматривается в данном случае в том, что кто-то из «негативной» категории вдруг будет исключен и незаконно включен в «позитивную» категорию. При этом отчетливо выявляется еще одна важная функция ценностей в процессе социального познания, а именно их связующая роль между познанием, т.е. когнитивной сферой личности, и ее потребностно-мотивационной сферой.

Существует и еще достаточно нетривиальный путь воздействия ценностей на процесс социального познания. Он связан с принятием решения группой. В данном случае речь идет уже не о том, что ценности обуславливают процесс категоризации, а о том, что они определенным образом «дают» на выработку группой того или иного решения, связанного с той или иной социальной проблемой.

Не вдаваясь в общую дискуссию о том, какие механизмы управляют процессом принятия группового решения, остановимся лишь на одном из них, обозначаемом как «*группомыслие*»⁷ («*group-think*»), Это явление было открыто *И. Джанисом* на материале анализа важнейших политических решений, принятых президентскими Советами США (о вторжении на Кубу, о войне против Северной Кореи, об эскалации войны во Вьетнаме) [131]. Все эти решения при последующем анализе были признаны ошибочными, несмотря на то, что принимались весьма квалифицированными лицами при тщательном групповом обсуждении. Джанис обозначил в качестве важнейшего фактора ошибочного группового решения особый феномен «group-think», который он определил как «стиль мышления людей, которые полностью включены в единую группу, где стремление к единомыслию важнее, чем реалистическая оценка возможных вариантов действий».

Возникновение такого стиля мышления во многом обусловлено воздействием на членов группы единообразной системы оценок, касающихся важнейших социальных проблем. Хотя Джанис называет много различных факторов, от которых зависит возникновение «group-think» (и высокая сплоченность группы, и иллюзия ее неуязвимости, и ее изоляция от объективной информации, и самоцензура, и авторитарный лидер, и наличие «самозванных охранителей группового духа», и пр.), несомненен факт зависимости всех этих обстоятельств от жесткой привязанности членов группы определенной системе ценностей. Сохранение принятых ценностей выступает, таким образом, как причина снижения качества решения.

В исследовании *И. Б. Бовиной*, посвященном анализу всей совокупности факторов, влияющих на характер группового решения, убедительно показана роль таких переменных, которые непосредственно связаны с ценностями группы [21]. К таковым можно отнести представления членов группы о своей собственной группе, ее общую оценку на основе принимаемых ею ценностей, в

---

⁷ Такой перевод термина «group-think» предложен переводчиком книги Э. Аронсона «Общественное животное» М. А. Ковальчуком и представляется наиболее удачным, поскольку использует прецедент (перевод термина Дж. Оруэлла «double-think», как «двоемыслие»).

частности тех характеристик, которые прямо влияют на характер принимаемого решения. Таким образом, факт воздействия ценностей группы и на процесс принятия решения, и на его характер доказан эмпирически.

Все сказанное позволяет сделать вывод: система социальных категорий, ассоциированных с ценностями, — важный и устойчивый фактор социального познания; эта система сохраняется путем ограждения категорий от таких объектов, которые не соответствуют оценкам, представленным в ценностно-нагруженных категориях. Система категорий, связанных с ценностями, обеспечивает самосохранение двумя путями: или *отбором* информации, релевантной ценностям, или достижением большей *ясности* категорий, выражающих какие-либо оценки.

Такой вывод содержит в себе и более общее важное положение, касающееся в целом функций категорий. До сих пор говорилось об их пользе в процессе социального познания. Теперь уместно сделать вывод и о возможных *дисфункциях* категорий, когда они не помогают действиям индивида в окружающем мире, а, напротив, служат помехой. Явления, только что рассмотренные, можно назвать «мисидентификацией», которая происходит на основе ложного отнесения к категории.

Очень важно использование ценностей в политической жизни, где при их помощи разрабатывается специальная риторика, т.е. особое манипулирование ценностями. Ценности рассматривают иногда как «транспортное средство», которое применяется людьми в дискурсе для такого манипулирования. Основной прием — использование тех же самых ценностей для самых различных целей и зачастую маскировка ложных целей популярными ценностями. История политической жизни полна примерами подобного манипулирования ценностями: сколько самых разнообразных содержаний вкладывалось в такие категории, как «свобода», «равенство», «демократия». Не исключение в этом смысле и наша сегодняшняя действительность: нужен особый талант распознавания за вербально заявленными ценностями реальных целей, преследуемых различными политическими группами при помощи апелляции к ценностям.

Особое значение этот факт имеет в быстро изменяющемся мире. Как заметил А. Тэшфел, в этих условиях следует быстрая интерпретация, категориальные решения принимаются на основе недостаточно сложившегося и продуманного опыта. Легко видеть, к каким далеко идущим последствиям это может привести не только индивидов, но и целые социальные группы. Противоречие заключается в том, что в некоторых обстоятельствах на определенном этапе нужны действительно «быстрые решения», когда важнее

установить «краткие» различия (или сходства) между объектами или явлениями, чем выяснять исключение из правил. Иногда даже необходимо сохранить категорию, несмотря на наличие исключений. Но все дело в том, чтобы эта сугубо первичная, «грубая настройка», во-первых, не осталась единственной, а главное, чтобы она, — если речь идет о *социальных* явлениях, — не повредила каждому отдельному человеку.

На чисто теоретическом уровне здесь уместно вспомнить идею Дж. Брунера о том, что, возможно, следует «обучать» категориям: с одной стороны, совершенствовать используемые — добиваться их отчетливости, ясности, большего внутреннего единства, а с другой — рефлексировать лучше свой собственный опыт в его успешном, а также в неуспешном применении.

В целом же очевидно, что ценности играют огромную роль как непосредственно в процессе категоризации, так и вообще в социальном познании. Ценности способствуют сохранению категорий, **но** в случае краха ценностной категории может последовать крах и самой ценности. Именно поэтому ценностно-нагруженные категории «сопротивляются» противоречивой информации и преобразуют ее в непротиворечивую. Крах отдельной категории может и не привести к краху ценности как таковой, но ценности в обществе находятся в системе. И если окажется разрушенной *вся система ценностей*, то это может означать настоящую дезорганизацию массового сознания.

Ситуация может быть проиллюстрирована на примере тех обществ, где происходят быстрые и радикальные социальные преобразования, как это имеет место в нашей стране. Ниже мы специально рассмотрим вопрос о том, к каким социальным и психологическим последствиям приводит полная смена акцентов в системе социальных ценностей.

Сейчас, заключая данную главу, остается добавить, что перечень социальных детерминант социального познания должен быть, конечно, продолжен. Главная идея заключается в том, что индивид не просто познает социальный мир, но познает его, *действуя* в нем, *взаимодействуя* с другими индивидами и группами, и, следовательно, вся система его связей и отношений с социальным миром так или иначе вторгается в процесс его познания. Уместно вспомнить при этом афоризм Гилфорда: «Не спрашивай, что внутри твоей головы, а спрашивай, внутри чего твоя голова». Еще больше оттенить эту сторону вопроса поможет рассмотрение «продуктов» познания социального мира, т.е. анализ не только того, **как** складывается представление о каждом отдельном элементе целостной картины мира, но и **что** получается в итоге.

Глава VII

ЭЛЕМЕНТЫ СОЦИАЛЬНОГО МИРА

Анализ механизмов когнитивной работы человека с социальной информацией и того, что остается «за пределами когниций», дает представление о том, как индивид строит свой социальный мир, как конструирует его образ. При этом имеется в виду тот факт, что этот образ мира есть не только конечный результат работы с поступающей информацией, но и ее исходный пункт: основа конструкции заложена в практическом освоении человеком всей совокупности реальных связей и отношений. Тем не менее каждый новый виток информации обогащает воспринимаемый мир, делает его еще более полным и сложным. «Разложение» его на составляющие включает в себя риск утратить его целостный образ. Однако для более детального анализа того, как же происходит реконструкция полученной социальной информации и возведение лесов для построения образа мира в целом, необходимо более внимательно рассмотреть, каковы же элементы этой конструкции и как они возникают. Иными словами, нужно исследовать, какие элементы единой картины мира воссоздает в своей познавательной деятельности человек. Как уже отмечалось, историческим предшественником теорий социального познания был анализ атрибутивных процессов, в которых преимущественно выявлялись механизмы построения образа другого человека. Вся традиция социальной психологии в изучении межличностного восприятия апеллировала к этому же элементу социального мира — к другому человеку. Переход исследований от изучения социального

восприятия к социальному познанию означает, кроме всего прочего, расширение спектра социальных объектов как элементов социального мира. Теперь в него включаются: образ-Я, образ Другого, образ Группы, образ Времени, образ Среды, образы других, не столь поддающихся классификации социальных явлений и, наконец, образ Мира в целом. Часть из этих проблем уже была рассмотрена в предшествующих разделах, **часть** необходимо выделить в специальном анализе.

1. СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ОБРАЗ-Я

Сама по себе проблема имеет солидную традицию изучения в социальной психологии. Корни такого изучения лежат глубоко в истории психологии. Родоначальником можно считать У. Джемса с его концепцией осмысления личностью своей самотождественности, своих границ и места в мире. Джемс показал, что человек думает о себе в двух плоскостях, откуда и два аспекта идентичности: в личном аспекте, что и создает личностную самотождественность, и в социальном аспекте, где формируется многообразие социальных Я индивида [37а]. К идее о двух аспектах осмысления личностью своих границ в мире обращались и Ч. Кули (теория зеркального Я), и Г. Мид (становление личности во взаимодействии с другими), и Э. Эриксон, и другие. По сравнению с терминологией Джемса («два аспекта Я») в современной литературе проблема формулируется как проблема двух *видов идентичности* — личностной и социальной. Если личностная идентичность — это самоопределение в терминах физических, интеллектуальных и нравственных черт индивида, то социальная идентичность — самоопределение в терминах отнесения себя к определенной социальной группе (по Эриксону — «ощущение внутренней согласованности», «поиск своего места в жизни»).

Если для выявления личностной идентичности необходимо описание так называемой «Я-концепции», то для выявления социальной идентичности необходимо исследование связей личности со своей группой. Р. Берне дает такое определение «Я-концепции»: «Это совокупность всех представлений индивида о себе, сопряженная с их оценкой». Описательную составляющую «Я-концепции» он называет «образом-Я» или «картиной-Я», что включает в себя отношение к себе, самооценку, принятие себя [19, с. 30]. Вместе с тем социальная идентичность — это в гораздо большей степени соотнесение Я с группой, не что иное, как способ организации для данного индивида его представлений о себе и о группе, к которой он принадлежит. Справедлива также и мысль о том, что социальная идентичность — это скорее то, что индивид *делает* с его позиции в

социальной структуре, которая определяет его идентичность, чем то, что он *думает* о месте в этой структуре. Последнее замечание особенно важно в нашем контексте.

В рамках психологии социального познания прежде всего, конечно, рассматривается социальная идентичность, или образ социального Я, называемый «образ-Я в группе». Такой фокус идентичности выбран не случайно: давно установлен факт, что большинство людей, когда они говорят и о себе, говорят о *других*

Напишите 20 различных ответов на простой вопрос: «Кто я?». Отвечайте так, как Вы ответили бы себе лично, а не кому-то другому. Пишите ответы в том порядке, в каком они приходят Вам в голову. Не заботьтесь о логике и важности ответов.

1 _____	11 _____
2 _____	12 _____
3 _____	13 _____
4 _____	14 _____
5 _____	15 _____
6 _____	16 _____
7 _____	17 _____
8 _____	18 _____
9 _____	19 _____
10 _____	20 _____

Рис. 17. Тест двадцати ответов М. Куна и Т. Макпартленда «Кто я?»

в их жизни, о *группах*, к которым они принадлежат, о явлениях, которые особенно важны для их взглядов и понимания динамики социального окружения в целом. Примером этого может служить известный тест «20 ответов», предложенный М. Куном и Т. Макпартлендом (рис. 17).

Испытуемым задают вопрос: «Кто Я?» — и на него нужно дать двадцать ответов. В методике все ответы разделяются на четыре группы: А — физическое Я (как объект во времени и пространстве:

«Я — блондин», «Я живу в Москве»), Б — социальное Я (место в группе, социальная роль: «Я — студент», «Я — сын»), В — рефлексивное Я (индивидуальный стиль поведения, особенности характера: «Я — веселый», «Я люблю рок-музыку»), Г — трансцендентальное Я (абстрактная рефлексия вне зависимости от конкретной социальной ситуации: «Я — живое существо», «Я — часть вселенной»). Обычно ответы группы А и Г составляют меньшинство, поэтому анализируются, как правило, ответы групп Б и

В. Измеряется количество таких ответов, где человек, отвечая, относит себя к определенной группе («Я — отец», «Я — бухгалтер», «Я — охотник» и т.п.), и таких, где он преимущественно фиксирует свои личностные черты или характеристики («Я — вспыльчивый», «Я — педант», «Я — не усидчив» и т.п.). В многочисленных исследованиях установлено, что количество «ролевых» ответов всегда значительно превышает число личностных ответов [см. 48; 112].

Все это дает основания сделать вывод, что социальная идентичность как отождествление индивидом себя с той или иной социальной группой — одна из важнейших составляющих образа-Я, отвечающая на вопрос о том, *что* есть и *где* есть человек в социальном смысле. Не случайно проблематика социальной идентичности — одна из наиболее разрабатываемых в социальной психологии. Несмотря на ее самостоятельный статус в структуре социально-психологического знания, она — в своих определенных сечениях — ключевой момент и психологии социального познания. Именно в таком ракурсе она особенно широко представлена в европейской социальной психологии. Теоретическое осмысление дано в трудах *А. Тэшфела*, который разработал «теорию социальной идентичности» (Social Identity Theory — SIT), и *Дж. Тернера*, предложившего «теорию самокатегоризации» (Self-Categorization Theory - SCT) [154a].

Основанием для этих теорий стала критика десоциализированного взгляда на индивида, который, по мнению Тэшфела, характерен для американской социально-психологической традиции. В связи с этим Тэшфел выдвигает задачу «рассмотреть социальное измерение человеческого поведения» [см. 5]. Поэтому теория социальной идентичности Тэшфела по своему значению выходит за рамки изучения одного из элементов картины социального мира. Она выступает как своеобразный вызов тем традициям исследования социального познания, которые сложились в американской социальной психологии. Наряду с теорией социальных представлений *С. Московиси*, которая будет рассмотрена ниже, концепция Тэшфела справедливо считается выражением принципиальной позиции европейской социальной психологии, настаивающей на большей «социальности» социального познания, включения когнитивных механизмов в социальный контекст [117].

Эта задача тесно связана с психологией социального познания. Само определение социальной идентичности предполагает такую связь: социальная идентичность, по Тэшфелу, — это та часть «Я-концепции» индивида, которая возникает из осознания своего членства в социальной группе (или группах) вместе с ценностным и эмоциональным значением, придаваемым этому членству. В этом

определении важно подчеркнуть два момента: социальная идентичность — это «**знание** индивида о том, что он принадлежит к определенной группе, и эмоциональная **значимость** для него группового членства». Как же формируется такое знание? Ответ на этот вопрос дается в традиции когнитивистского подхода, а именно: описываются три шага на пути познания человеком собственной идентичности:

— первый шаг: **социальная категоризация** — упорядочивание социального окружения в терминах группировки личностей способом, который имеет смысл для индивида;

— второй шаг: **социальная идентификация** — процесс, посредством которого индивид помещает себя в ту или иную категорию;

— третий шаг: **социальная идентичность** — получение некоторого итога — полного социального отождествления индивида.

В этом рассуждении Тэшфел четко разводит понятия «идентификация» — как процесс и «идентичность» — как продукт этого процесса. Это полезно иметь в виду, пользуясь терминологией. Кроме того, именно при анализе трех представленных «шагов» очевидна привязка всей концепции к проблеме социального познания. Еще более определенно это проступает в теории последователя Тэшфела *Дж. Тернера*. Для него сама социальная группа есть «совокупность индивидов, которые воспринимают себя как членов одной и той же социальной категории, разделяют эмоциональные последствия этого самоопределения и достигают некоторой степени согласованности в оценке группы и их членства в ней» [96, с. 40]. Иными словами, индивид формирует психологически группу посредством категоризации себя с другими. Отсюда можно сделать вывод о том, что в рамках рассматриваемой теории процесс установления социальной идентичности — это механизм социального познания, а именно познания *себя* в этом мире. Для Тернера личностная и социальная идентичность — не столько различные формы **идентичности**, сколько различные формы **самокатегоризации**: личность категоризирует себя в пределах определенного континуума «ближе» то к одному, то к другому полюсу. Это зависит всякий раз от того, в какой конкретно группе возникает ситуация идентификации [см. 117, р. 127].

Несмотря на различный акцент, который сделан в теориях Тэшфела и Тернера, отчетливо видно, как когнитивистский подход дополнен и в этом случае анализом того, что остается «за пределами когниций».

Более полно идентификация с группой рассматривается в трех плоскостях: *когнитивной* — знание о моей принадлежности к группе,

ценностной— наличие позитивных или негативных коннотаций принадлежности к данной группе, *эмоциональной* — принятие либо «своей», либо «чужой» группы на основании двух первых показателей. Понимаемая таким образом социальная идентичность весьма сходна с социальной установкой - аттитюдом, где тоже три компонента, хотя то, что называется в теории идентичности «ценностным», в теории установки получило название «поведенческий». На этом основании социальную идентичность можно рассматривать как установочную структуру. Но наличие такого сходства содержания двух ключевых понятий социальной психологии не умаляет их значения, а, возможно, напротив, увеличивает его. Более того, это сходство, а также включение проблемы идентичности в систему **межгрупповых** отношений лишний раз нацеливает исследователя на необходимость постоянно *совмещать* анализ когнитивных механизмов и социальных условий их проявления.

В теории Тэшфела обсуждается и такой сложный вопрос, как принадлежность индивида одновременно ко многим группам. Как человек решает вопрос о своей идентичности в этом случае? Каков при этом результат познания им своего места в социальном мире? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Сам Тэшфел полагает, что индивид в данном случае выбирает наиболее «выпуклую» группу, которая особенно значима для выработки взгляда на мир, т.е. совершается типичный прием работы с социальной информацией, рассмотренный ранее. При этом возникает задача сортировки групп для обнаружения индивидом для себя такой организации социального мира, в которой он усматривает *свой путь* восприятия себя и других, а значит, свой путь поведения и действия. Другие авторы, стремясь дать более четкое понимание проблемы, добавляют, что выбор осуществляется часто под влиянием *ситуации*. В ней, в частности, обнаруживаются и латентные идентичности, т.е. такие, которые иногда и не осознаются в обычных обстоятельствах. Все это не снижает угрозы конфликта принадлежностей; когда затруднительно решить вопрос о том, какая же группа более значима, выбор становится особенно сложным.

Самым спорным моментом является различие *сознательного* и *бессознательного* членства в группе. В самом деле, к целому ряду групп человек принадлежит по рождению — в зависимости от его пола, расы, географического места рождения и т.п. Другие группы он сознательно выбирает в процессе социализации, в ходе активного участия в жизни. Это может быть профессиональная группа, политическая партия, спортивный клуб. Очевидно, что и те и другие группы значимы для познания человеком как своего места в мире, так

и самого социального мира: от них зависит его видение тех или иных социальных событий и линии своего поведения в них. Пока не удалось точно измерить, каково соотносительное значение в этих процессах того или другого вида групп. В житейских ситуациях можно наблюдать различные варианты их соотношения: когда-то для человека значимее его расовая принадлежность, когда-то политические симпатии. На экспериментальном уровне выяснение этого вопроса не производилось. Правда, С. Московиси высказал предположение о возможном взаимном влиянии двух видов идентичности для познания социального мира. Так, он полагает, что определенная классовая принадлежность («бессознательное членство») предполагает предпочтение и определенных политических выборов (например, человек из рабочей среды скорее будет демонстрировать предпочтение социалистическим, чем иным движениям). Но отдельные наблюдения встречают и сколь угодно много опровержений, поэтому в целом вряд ли можно считать, что в научном плане найден четкий ответ на вопрос, как множественная идентичность сказывается на процессе познания человеком своего места в социальном мире.

Тем не менее интерпретация социальной идентичности в рамках психологии социального познания весьма продуктивна. Она позволяет сформулировать некоторые следствия из того факта, что человек в значительной степени познает социальный мир через определение своего места в нем. Эти следствия сводятся к следующему.

Во-первых, индивиды всегда стремятся к сохранению *позитивной* идентичности. Ее наличие способствует восприятию мира как более стабильного, надежного, справедливого. Напротив, утрата позитивной идентичности не только дезорганизует свой собственный внутренний мир, но, как правило, приводит и к дезорганизации своих впечатлений относительно окружающего мира.

Во-вторых, формирование позитивной идентичности предполагает сравнение своей группы с другими позитивными группами, а также с негативными группами. Такое сравнение также способствует большей или меньшей сбалансированности суждений о внешнем мире: большое количество негативных групп воспринимается как доказательство его несовершенства.

В-третьих, для успешного сравнения нужны надежные отличительные черты «моей» группы и «чужих» групп. Нахождение таких отличий имеет возможным следствием дифференциацию от других групп, т.е. обогащение представлений об устройстве мира. (Вопрос об оценке «чужих» групп — это особый вопрос.)

В-четвертых, на характер дифференциации влияет степень идентификации себя со своей группой; ситуация, в которой сравнение

очевидно; релевантность сравнения (т.е. сравнение себя и своей группы с близкими); значимость признаков, по которым осуществляется сравнение. При негативной оценке своей группы возникает намерение индивида покинуть ее и примкнуть к другой группе.

В совокупности все эти следствия означают, **что** для человека всегда характерно стремление сохранить социальную идентичность, причем позитивную, и тем самым обеспечить соответствие, гармонию образа социального Я. В этом случае и мир будет восприниматься как сбалансированный, находящийся в «соответствии». Если же возникает дисгармония собственного образа и окружающего мира, то это препятствует адекватному поведению в этом мире, а сам образ социального мира начинает разрушаться. Так, в условиях радикальных социальных преобразований и часто сопутствующей им нестабильности общества возникает кризис идентичности. Его можно определить как особую ситуацию массового сознания (и, естественно, сознания отдельного индивида), когда большинство социальных категорий, посредством которых человек определял себя и свое место в обществе, кажутся утратившими свои границы и свою ценность. Одновременно происходит и переоценка своей группы принадлежности, и своего места в ней, а как результат — переоценка и самой ситуации в обществе в целом.

В современной российской действительности этому можно найти сколь угодно много примеров. Так, *В. А. Ядов* отмечает, что такой кризис идентичности связан с различными способами адаптации людей к новой ситуации, сложившейся в обществе: «1) идентификация с ближайшим окружением, профессионально-производственными общностями, с людьми, разделяющими те же верования и взгляды на жизнь при умеренной (или отсутствующей) политико-идеологической ангажированности; 2) активная идентификация тех, кто включен в политико-идеологическую или предпринимательскую деятельность (в этом случае характерно упование на везение, ориентация на достигших материального благополучия)» [112]. Показательно, что в общетеоретическом плане такая связь между осознанием своего места в обществе и оцениванием группы принадлежности всесторонне разработана в работах по психологии социального познания.

Так, в частности, Тэшфел подчеркивает зависимость характера социальной идентичности от *типа общества*, в котором существует человек. В обществах со строгой стратификацией, где переход из одной социальной группы в другую затруднен, мироощущение человека, так же как и его поведение, особенно сильно задано «в групповом контексте». Это объясняется тем, что «вне группы» у

человека вообще достаточно мало шансов на успех. В такой ситуации как-то изменить свое положение, если оно не удовлетворяет человека, он может скорее всего «с помощью своей группы» или действуя как «член группы». Такая жесткая привязанность к группе, естественно, влияет на восприятие и понимание социального мира как такового. Таким образом, определенный вид, характер социальной идентичности действительно выступает компонентом данного типа социального мира и способствует его специфическому пониманию.

Процесс формирования собственной идентичности сопровождает человека на протяжении всей его жизни, этот процесс — важнейшее содержание социализации. Не случайно поэтому то, что одна из наиболее разработанных теорий идентичности принадлежит видному специалисту в области социализации Э. Эриксону. В «эпигенетической концепции жизненного пути человека» Эриксон обозначает разнообразные срезы проблемы идентичности. В нашем контексте особенно интересно само определение идентичности, даваемое Эриксоном: «это субъективное чувство, а также объективно наблюдаемое качество личной самоидентичности и непрерывности, постоянства, соединенное с определенной верой в тождественность и непрерывность, постоянства некоторой разделяемой с другими людьми картины мира» [см. 80]. В этом определении очевидно просматривается роль социальной идентичности в познании социального мира: принадлежность к группе обуславливает конструирование образа этого мира совместно с другими членами группы.

Очень значительны рассуждения Эриксона по поводу сложной структуры идентичности, включения в ее содержание по существу трех идентичностей: Я-идентичности (осознание себя неизменным в пространстве и времени), групповой идентичности («перенесенной внутрь групповой идентичности»), психосоциальной идентичности (значимости своего бытия с точки зрения общества). К последнему следует добавить и такую характеристику идентичности, как наличие в ней двух сечений: положительного — каким человек должен стать и отрицательного — каким человек не должен стать. Здесь осознание себя как элемента социального мира соотносится с выработкой стратегии *поведения*, что очень важно с точки зрения единства познания и действия.

Эриксон выделил 8 возрастов человека, каждый из которых характеризуется некоторой альтернативой, встающей перед человеком в этот период, а также определенным символом возраста [см. подробно 80, с. 82].

1. Младенчество (1-й год жизни): доверие — недоверие («надежда»).

2. Раннее детство (2-й год): самостоятельность — стыд сомнения («воля»).

3. Игровой возраст (3—5 лет): инициативность — чувство вины («целенаправленность»).

4. Школьный (6—10 лет): достижение — чувство неполноценности («компетентность»).

5. Подростковый и юность (11—21 год): идентичность — смятение, путаница ролей («верность»).

6. Молодость (22-35 лет): близость — одиночество («любовь»).

7. Средний возраст (36—65 лет): творчество — сосредоточенность на себе («забота»).

8. Зрелость (после 65 лет): цельность — разочарование («мудрость»).

В этой периодизации интересна фиксация «поворотных пунктов», т.е. таких переходов от одной стадии к другой, когда проявляется «кризис идентичности». Таких узловых точек Эриксон указывает несколько.

На *подростковой* стадии наблюдаются два механизма формирования идентичности: а) проецирование вовне смутных представлений о своей идеальности («сотворить себе кумира»); б) негативизм по отношению к «чужому», подчеркивание «своего» (боязнь обезличенности, усиление своей «непохожести»). Когда молодой человек не готов осуществить выбор идентичности, у него наступает «психосоциальный мораторий» — продление переходного периода. Здесь и возможен кризис идентичности — утрата чувства дома, психологического благополучия и тогда — «уход» в различные молодежные субкультуры (рокеры, битники и пр.). *Радикальный перелом* наступает при переходе к стадии «молодость»: возникает готовность и желание «смешивать свои идентичности с другими», правда, при возможном сохранении дистанции. Этот период совпадает с важными событиями в жизни молодого человека: с поиском друга, возможно, будущего спутника жизни, не исключено, что и просто старшего, авторитетного товарища. Важно, что при всех вариантах повышается значимость другого человека, причем настолько, что «смешать» свою идентичность с ним не представляется ни жертвой, ни изменой себе [см. 80, с. 91].

Второй «пик» наступает на восьмой стадии — «зрелость»: только здесь происходит окончательная конфигурация идентичности в связи с переосмыслением человеком его жизненного пути.

Вместе с теорией восьми возрастов человека, где намечены особые рубежи становления социальной идентичности, эти идеи Эриксона, хотя и развитые в совершенно специфическом контексте, имеют непосредственное отношение к тому акценту, который

характерен для концепции Тэшфела. Этот акцент заключается в том, что проблема социальной идентичности становится по существу проблемой межгрупповых отношений. Не стоит заблуждаться в кажущемся парадоксе — идентичность рассматривается как инструмент социальной ориентации *личности*, результат же этого рассмотрения — построение личностью не просто своего собственного образа, но и образа *группы*, к которой она принадлежит или не принадлежит. Иными словами, социальный мир для личности — это всегда мир, на который она смотрит глазами группы. Но тогда очевидно, что и идентичность личности может сформироваться только в *межгрупповом* взаимодействии. Предложенная Тэшфелом так называемая **минимальная групповая парадигма**, установленная на основании известного эксперимента⁸, иллюстрирует это положение весьма четко: для индивида достаточно минимального ощущения себя членом группы для того, чтобы он начал идентифицировать себя с нею.

С этой точки зрения уместно вновь вернуться к концепции Дж. Тернера. Большой акцент, который сделан в ней на значение идентичности для *индивида* (по сравнению с концепцией А. Тэшфела, где идентичность преимущественно рассмотрена как механизм *межгрупповых отношений*), позволяет поставить проблему так называемой «когнитивной альтернативы» для личности, что в определенном смысле предложено и в концепции Э. Эриксона.

Следовательно, по крайней мере, образ двух элементов социального мира складывается в постоянном общении не только личностей в группе, но и в общении самих групп. Единство познания социального мира и процессов коммуникации приобретает здесь новые грани. Действительный путь к формированию адекватного образа таких элементов социального мира, как «Я» и «группа», — в постоянной коммуникации этих элементов. Характер этой коммуникации многолик, но особое внимание в исследованиях уделяется вербальной коммуникации — «разговору», обсуждению возникающих проблем, что, как мы видели, анализируется в теории дискурса Р. Харре. В применении к концепции социальной идентичности коммуникация важна как средство более четкого осмысления своего собственного «Я» (четкий английский термин для

---

⁸ Студентам-испытуемым было предложено подсчитать количество точек на картинах П. Клее и В. Кандинского, после чего было объявлено, что часть испытуемых оказались «сторонниками» Клее, другие «сторонниками» Кандинского. **Хотя** это разделение было осуществлено абсолютно произвольно, представители «объявленных» групп немедленно начали отождествлять себя с этими группами.

этого «true self»), что и есть разновидность «когнитивной альтернативы».

Доказательством того, что Тэшфелом предложена специфическая трактовка идентичности как одного из механизмов познания социального мира, является тот факт, что именно его концепция стимулировала новый виток в развитии представлений об атрибуции, который, как уже отмечалось, был представлен в европейской социальной психологии М. Хьюстоном и Й. Яспарсом.

Таким образом, в теориях А. Тэшфела и Дж. Тернера раскрывается механизм построения как минимум двух «элементов» социального мира: образа-Я и образа группы. Но психология социального познания включает в число этих элементов еще и много других компонентов общественных событий, явлений и т.п. Однако прежде чем приступить к описанию способов их познания, необходимо обозначить два элемента, так или иначе также относящихся к проблеме социальной идентичности личности.

2 ОБРАЗ ВРЕМЕНИ И ВРЕМЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Одна из таких проблем — это проблема **времени**. Осознание времени своего существования — важное дополнение к осознанию собственной идентичности. В данном случае речь идет об отождествлении себя не только с определенной группой, но и с временным промежутком истории, с которым «совпал» период существования человека. Усвоение стандартов общества помогает человеку ориентироваться в мире и адекватно действовать в нем, но не менее важно для него и усвоение стандартов времени. *Е. И. Головаха* и *А. А. Кроник* полагают, что в сознании человека формируется определенная система обобщенных представлений о времени. Ее можно назвать «концепцией времени личности в масштабах ее жизни» [35, с. 10]. Следует вспомнить, что и другие авторы, анализируя мироощущение человека в различные исторические эпохи, говорили также о наличии определенного «образа времени» как об одной из фундаментальных составляющих «образа мира».

В проблеме времени можно выделить две части: а) осмысление человеком своего «психологического» времени, рубежей и этапов его развития; б) осмысление *связи* времени своего существования с временем эпохи, в рамках которой личность существует.

Первая часть этой задачи имеет традицию своего изучения в психологии. Существует ряд экспериментальных исследований, выявляющих влияние психофизиологических, личностных, социальных факторов на оценку длительности временных интервалов,

что обусловлено событийной насыщенностью того или иного отрезка времени. В рамках этой традиции следует рассмотреть идеи К. Левина, который обозначал так называемую *временную перспективу личности*, интерпретируя ее с точки зрения «событийной концепции психологического времени». Различная временная перспектива личности возникает потому, что время разного масштаба задано личности определенными границами психологического поля в данный момент. Человек видит не только свое настоящее, но имеет всегда и определенные ожидания, т.е. надежды, страхи, мечты о будущем. Вместе с тем временная перспектива включает в себя и психологическое прошлое человека. Именно поэтому она крайне важна для определения уровня притязаний, настроения, творчества, проявления инициатив личностью. Именно от состояния психологического поля зависит то, что впоследствии было названо П. Фрессом «временной кругозор личности». Хотя в данной традиции речь идет об осмыслении личностью своего психологического возраста или своей временной перспективы, т.е. «личной хронологии», по выражению П. Жане, уже здесь просматривается связь, которая существует между названными характеристиками и социальным контекстом.

Поскольку человек осваивает временные отношения в практической деятельности, то именно на ее основе рождается некоторая *Концепция Времени*, свойственная каждой личности. Эта концепция конструирует связь настоящего, прошедшего и будущего, а эта связь, в свою очередь, определяется социальной значимостью событий. Так, по мнению Ш. Бюлер, на жизненном пути каждой личности формируется временной порядок — своеобразное «расписание» жизни, предписывающее определенные акценты в деятельности в течение разных периодов. Это расписание в различных социальных группах весьма различно, и внутри каждой группы существует свое представление о том, что нужно «успеть» на каждом конкретном этапе жизненного пути. Соответственно по-разному трактуется «отставание» на каждом таком этапе и переживается как жизненный неуспех.

В психологии давно введено понятие «самооценка возраста» — сопоставление личностью своих достижений с предъявляемыми обществом возрастн-ролевыми ожиданиями. Они представляют собой нормы и требования для включения в круг определенных социальных ролей. И если такое включение оказывается в силу каких-то причин невозможным, возникает ощущение дискомфорта. В общем плане проблема была поставлена С. Л. Рубинштейном: «Субъективное время личности отражает разный уровень бытия личности, разный уровень способов ее существования» [86а]. Это определяет и такую

деталь на жизненном пути человека, как несовпадение психологического возраста личности в разных сферах ее жизнедеятельности, т.е. многомерность психологического возраста. Отсюда такие явления, как возникновение «акселератов», молодых людей, у которых их физическое развитие обгоняет формирование многих необходимых социальных качеств, и т.п.

Освоение личностью своего психологического времени необходимо для рационального его использования. Если сформировано представление о причинно-следственных связях событий в своей жизни, то это способствует и адекватному соотношению этих событий с событиями, происходящими в определенный временной период и в жизни общества. Исторический ход времени означает определенную последовательность событий: каждый отдельный человек не может эту последовательность повернуть по своей воле, даты его биографии независимо от него «размещены» в определенном континууме. В этом заключается «принудительность темпоральной структуры» [18, с. 50], т.е. включенность индивидуального времени в социальный контекст.

В исследованиях культурологов показано, что концепции времени различны не только у разных личностей, но и в различные эпохи. Индивидуальные концепции времени зависят от того, какова традиция оценки времени в определенном типе культуры. А. Я. Гуревич отмечал, что человек не рождается с «чувством времени», понимание им «связи времен» продиктовано эпохой. Так, предполагается, что для эпохи древности характерна циклическая концепция времени — представление о круговороте развития. Для современных обществ характерна линейная концепция — представление об однонаправленности времени [37].

Именно такое представление задает современному человеку идею своевременности поступков, действий в каждый данный момент. Это находит свое отражение в языке, когда распространены такие сентенции, как необходимость «ловить момент», «остановить мгновение» и т.п. Эта проблема исследовалась и на экспериментальном уровне: Р. Ливайн изучал точность временных суждений у жителей больших городов и деревень. Его вывод заключался в том, что пунктуальность не во всех культурах рассматривается как необходимое качество личности и само понятие пунктуальности как соблюдение точности во времени наполняется конкретным содержанием в зависимости от социально-культурных условий.

Связь с концепцией времени, существующей в определенную эпоху, рождает в личности ощущение, что индивидуальная жизнь не ограничена рамками непосредственного существования, но должна

быть рассмотрена в историческом масштабе: то, что было *до* моего непосредственного существования, то, что будет *после*, так или иначе вовлекается в личную концепцию времени. По справедливому замечанию К. А. Абульхановой, человек предвосхищает, организует события своей жизни всегда с точки зрения будущего и ему свойственна «временная трансектива» — сквозное видение из настоящего в прошлое и будущее [1, с. 175].

И здесь уже место для решения второй части задачи — соотнесения времени своей жизни с «эпохой». Определенный подход к решению этой проблемы предложен в социологии. Это логично, ибо все социальные процессы протекают во времени, имеют протяженность, и время выступает как универсальный контекст социальной жизни. Особенно очевидно значение этого контекста в случае социальных изменений. Польский социолог П. Штомпка приводит в этой связи слова П. А. Сорокина: «...любое Становление, Изменение, Процесс, Сдвиг, Движение, Динамическое состояние, в противоположность существованию, предполагает Время» [цит. по: 107, с. 67]. В социальных изменениях время служит, с одной стороны, *внешней* рамкой для измерения процессов и событий, а с другой — «упорядочивания их хаотического потока» *внутренним* свойством событий и процессов, их продолжительностью или краткостью, тем или иным темпом, ритмичностью или беспорядочностью и т.п. [107, с. 72].

Эти характеристики социального времени определенным образом отражаются в сознании людей, и поэтому «восприятие и понимание времени является всеобщим человеческим опытом» [там же, с. 74]. Его освоение означает в том числе адекватное использование социальных ролей, востребованных временем, т.е. способствует тому, чтобы лучше вписаться во время своей эпохи. По-видимому, это одно из направлений не просто адаптации человека к обстоятельствам, но умения «совладать» с ними⁹. Различия в степени такого умения или — шире — вообще различия в «чувстве времени» есть та сфера, в которой сопрягаются социология и психология времени.

Более конкретно проблема соотнесения времени своей жизни с эпохой выглядит так: для каждого индивида необходимо достичь адекватности собственных возможностей, имеющих место *сегодня*, с возможностями их реализации, даваемой историческим временем.

---

⁹ В современной англоязычной социальной психологии употребляется термин *to cope* — совладать и производное от него существительное *coping*, которому трудно подобрать русский эквивалент, хотя смысл очевиден — это умение справиться, совладать с обстоятельствами.

Проблема «потерянных поколений» — это как раз проблема тех поколений, которые почувствовали себя не востребованными обществом, находящимся на данном этапе его развития. Каждая эпоха требует определенных социальных ролей, и одна из задач личности — соотнести особенности эпохи и личный период своего развития для успешного исполнения набора требуемых ролей.

Примером трудностей, стоящих на этом пути, является продолжительность срока обучения молодого поколения в современных развитых обществах. С одной стороны, общество требует все большего и большего объема знаний от молодого человека, вступающего в жизнь. Как следствие этого — требование большей длительности образования. С другой стороны, в динамически развивающихся обществах требуются все время более молодые деятели на общественном поприще, и это, казалось бы, должно привести к сокращению сроков обучения. В исследовании Е. И. Головахи и А. А. Кроника показано, что чем раньше человек научился соотносить свои возможности с требованиями времени, тем успешнее его деятельность, так, например, в сфере политики молодые люди менее консервативны и, следовательно, более готовы к поиску нового, требуемого социальными изменениями. Важным условием точного определения «времени действия» своей возрастной группы является сравнение своей возрастной группы с группами других возрастов.

Проблема «вписывания» в историческое время стоит особенно остро в ситуации радикальных социальных преобразований в обществе. Еще Эриксон показал опасность для личности ее конфликта с временем. Рассмотренная на фоне макроизменений, эта опасность представляется еще более значительной. Ломка устоявшихся в обществе отношений с неизбежностью порождает мучительный вопрос об ответственности поколения «за время». Нужно понять, кто инициировал предшествующие формы общественного развития, когда они создавались, кто был ответствен за эти формы тогда, при их создании, кто за эти продукты прошлого ответствен сегодня?

Быстрый темп смены эпох — вообще трудность для индивидуального существования человека. Об этом хорошо сказано у Анны Ахматовой в поэме «Бег времени»:

Что войны, что чума? — конец им виден скорый,
Их приговор почти произнесен.
Но как нам быть с тем ужасом, который
Был бегом времени когда-то наречен.

На уровне обыденной психологии многократно сформулирована мысль о необходимости «поспевать за временем», «не упустить

время» и т.п. Но как осуществить эти заповеди? Очевидно, что важнейшим этапом на этом пути является *понимание* времени. Познание (понимание) времени — один из компонентов социального познания. В современной гуманистической психологии введено понятие «временной интегрированности личности». По *А. Маслоу*, более интегрированные личности лучше самоактуализируются, они приподняты над мелочами, обладают широким горизонтом, дальней временной перспективой, руководствуются широкими универсальными ценностями, т.е. осознание времени выполняет ту же функцию, что и познание других элементов социального мира — способствовать адекватному поведению в нем. По мнению *И. М. Палея* и *В. С. Магуна*, именно понимание времени позволяет индивиду оторваться от сиюминутного, увидеть мир шире. Иными словами, это означает *временную децентрацию человека* [82, с. 106]. Личность, осуществляющая такую временную децентрацию, не только лучше осознает свой жизненный путь, но и осмысливает его в историческом контексте. Механизм временной децентрации позволяет индивиду взглянуть на свою жизнь не только с любой точки отсчета, но и с точки зрения момента, выходящего за пределы собственной жизни. Благодаря этому человек более «объемно» видит мир, каждый момент жизни, а значит, и обогащает свою временную картину мира.

Более точная характеристика времени, переживаемого обществом, весьма важна для реализации практических действий человека. Известен пример разработки стратегии и тактики компанией Форд Моторс по реализации модели «Мустанг» — маленького автомобиля спортивного типа. Предполагалось, что реклама должна быть рассчитана в основном на молодых, не особенно богатых покупателей, но выяснилось, что машину покупали практически и все другие слои. Был сделан вывод о том, что при разработке маркетинга была допущена ошибка: следовало ориентироваться не просто на возраст покупателей (молодые люди), а на группу, обладающую характеристиками «психологически молодых» людей. Время, эпоха сегодня делает таковыми представителей самых различных возрастных групп.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что важнейшим компонентом образа мира являются представления о характере отношений между происшедшими, происходящими и предстоящими событиями собственной жизни человека в соотношении с событиями в жизни общества. Это и дает основания рассматривать проблему *временной идентичности* личности наряду с традиционными представлениями о ее групповой идентичности.

Она заключается в том, что для человека раскрывается перспектива помещать себя в различные категории не только в силу

того, что он одновременно является членом различных групп, но и потому, что он способен увидеть различия в своей групповой принадлежности на *разных этапах* своей жизни: в прошлом, настоящем и будущем. Единство таких *временных* идентичностей позволяет говорить о существовании так называемых «*возможных Я*» или «*возможных идентичностей*», фиксирующих не только то, чем человек считает себя *сегодня*, но и то, чем он считал себя *вчера*, а также вероятность того, чем он будет осознавать себя *завтра*.

Легко видеть, что процесс формирования «возможных Я» связан с мотивацией: индивид пытается достичь позитивной оценки своей идентичности и избежать ее негативной оценки, хотя бы в будущем. Идея Тернера о соотношении личностной и социальной идентичностей обогащается здесь путем своеобразного «умножения» ее на временной аспект: характер этого соотношения, его конкретный вид зависит от «привязки» к конкретному временному аспекту.

Разработка этой идеи находится в настоящее время еще в самом начале пути. Между тем обозначаемые перспективы очень заманчивы. Авторами, занимающимися этой относительно новой проблемой, предложен целый ряд гипотез, которые еще должны быть доказаны. Исследователи выводят предложенную проблематику на достаточно высокий социальный уровень, поскольку полагают, что механизмы формирования возможных идентичностей очень плотно привязаны к социальному контексту, в большинстве случаев — к межгрупповому контексту. Вот некоторые примеры:

— поскольку в индивидуалистических культурах больший акцент делается на «Я», а в коллективистических — на группу, для последних характерно допущение большего количества «возможных Я»;

— в индивидуалистических культурах, где выше уровень социальной мобильности, «возможные идентичности» допускаются и с другими группами (например, в будущем);

— при фиксированном групповом членстве «возможная идентичность» - проекция «судьбы» существующей группы;

— члены группы убеждают других подтвердить «возможные идентичности», т.е. принять позитивное видение того, что может произойти с группой в будущем;

— «возможные идентичности» поддерживаются актуальной идентичностью. Если «возможная идентичность» кажется «опасной», ее отводят (или уходят в другую группу) [120а].

Таких гипотез предлагается еще довольно много, но вряд ли все их целесообразно приводить, поскольку разработка проблемы еще только начинается. Важно, вероятно, признать, что «возможных Я» связывает восприятие человеком времени с восприятием своей

группы принадлежности. Это еще раз указывает на то, что границы проблемы идентичности личности расширяются, а сам

по себе образ Времени, так же как образ-Я, образ Группы, представляет собой важнейший элемент общего образа мира.

3. ОБРАЗ СРЕДЫ И «СРЕДОВАЯ» ИДЕНТИЧНОСТЬ

Еще одна новая составляющая идентичности — это идентичность с **окружающей средой**. Несмотря на необычность такого словосочетания, факт, в нем зафиксированный, хорошо известен на уровне обыденной психологии: человек всегда обитает в некоторой «жизненной среде», к которой можно отнести географический район его проживания, тип поселения (город или деревня), природные и климатические характеристики своей местности и многое другое. Поэтому образ мира не может быть построен без учета и этого рода отношений человека с миром.

В современной психологии обозначилась самостоятельная область исследований, которая получила наименование «психология среды», иногда — «экологическая психология», которая изучает психологические аспекты взаимоотношения человека с окружающей средой. Среда органично включена в жизнедеятельность человека и служит важным фактором регуляции его поведения. С любым компонентом экосистемы индивид связан через процессы приспособления к ней и вместе с тем через процессы ее преобразования. Степень зависимости человека от среды весьма различна как в физическом, так и в психологическом смысле. Поэтому от того, каким сформирован образ окружающей среды в сознании человека, во многом зависит тип его поведения. *И. Альтман*, видный исследователь в области экологической психологии, считает эту дисциплину необходимой добавкой к традиционным психологическим исследованиям.

Одной из первых концепций, предложенных в этой области психологии, была концепция *Р. Баркера*, названная «экоповеденческая теория», в которой рассматривались процессы, возникающие при взаимодействии группы людей со средой. Центральное понятие концепции Баркера — «место поведения» — объективная, ограниченная во времени и пространстве ситуация, которой свойствен определенный набор типов поведения. Пример — «Лекция». Это не комната, где всегда по понедельникам это происходит; не психологи, которые на ней присутствуют; не текст, который произносится преподавателем. «Лекция» — это и то, и другое, и третье — комплекс всего перечисленного, задающий своеобразную программу действий включенных в него личностей.

Несмотря на ряд критических замечаний, высказанных позднее по поводу концепции Баркера, она была оценена достаточно высоко, поскольку вводила в психологию в качестве важнейшего компонента *социальную* среду. В настоящее время спектр исследований «места поведения» существенно расширен. Наряду с развитием идей Баркера, предложен еще целый ряд подходов, из которых особенно важен в нашем контексте тот, который разработан в рамках когнитивной психологии. «Место поведения» здесь рассматривается в контексте ориентировки человека в мире, для чего введено понятие «образ социального» («social image»).

Для того чтобы понять, как формирование образа окружающей среды вплетается в процесс социального познания, необходимо обратиться ко всей совокупности понятий, относящихся к экологической психологии. Само понятие «среда» достаточно полно описано. В среде выделены четыре подсистемы: 1) *природная среда* — общий «фон» общества: состояние атмосферы, водный компонент, состав поверхности Земли, структура ландшафта, растительный и животный мир, климат, плотность населения;

2) *среда «второй природы»* — модификации природной среды, преобразованной людьми: угодья, дороги, зеленые насаждения, домашние животные, культурные растения; 3) *«третья природа»* — искусственный мир, созданный человеком, не имеющий аналогов в естественном мире (т.е. не «очеловеченная природа»): асфальт, бетон городов, пространство жизни и работы, транспорт, технологические объекты, мебель, культурно-архитектурная среда;

4) *социальная среда* — своеобразная интеграция трех предшествующих сред, что дает в итоге определенное качество жизни, проявляющееся, например, в культурной оседлости. По мнению О. Н. Яницкого, социальная среда включает в себя набор референтных групп для личности, представление о своих «корнях», Малой Родине, ценности своего «места» (местности) [109].

Совокупность природных и социальных факторов среды образует то, что называют «жизненной средой» или «непосредственной жизненной средой». Ее характеристики даются во вполне психологических терминах, когда выделяются: а) внутренняя среда индивида — моделируемое сознанием представление о «своей среде», ее «образ». Некоторые исследователи называют это «имплицитными теориями среды», подобно «имплицитным теориям личности», т.е. субъективными представлениями о характеристиках этой среды. Внутренняя среда индивида включает совокупность знаний и навыков, которые в ней могут быть актуализированы; б) «первичная экоструктура» — жизненное пространство, непосредственно «моя» среда обитания (дом, квартира, комната,

вещи), как бы продолжение моего собственного «Я». Психологически эта среда формирует чувство хозяина — это «мой» мир; в) «групповая экоструктура» — среда сообщества: территория предприятия, вообще места работы, различные помещения совместного пребывания ~ клуб, спортивная секция и т.п.

Именно эта непосредственная жизненная среда выступает основой идентификации личности с каким-то определенным местом ее существования и пребывания. Термин «средовая идентичность», не очень благозвучно звучащий на русском языке, относительно новое образование, претендующее на то, чтобы обогатить представления об идентичности личности. Так же как и в случае формирования других координат идентичности (образ-Я, образ Группы, образ Времени), образ Среды формируется на протяжении всей жизни человека. Исследования *T. Нуйта* [77; 78] показали, как влияет на восприятие мира ребенком восприятие им своей непосредственной среды обитания: наличие или отсутствие у него своей «территории» — уголка или комнаты. Показано, что дети, живущие в перенаселенных квартирах, демонстрируют часто большую агрессивность, порожденную тем, что негде побыть одному, и т.п. Несмотря на наличие таких негативных воздействий среды обитания в детстве, именно ее образ сохраняется на всю жизнь. Впоследствии ностальгия «привязывается» именно к этой среде.

Механизмы формирования представлений об окружающей среде обусловлены тем, какое значение придает человек среде [99]. Окружающая среда может быть репрезентирована человеку двояким образом. Прежде всего она «отвечает» на вопрос «где?»: где, в какой ситуации происходит то или иное событие, где Я-сам, где то, что мне близко, и т.д. В английской и немецкой терминологии употребляются специальные термины, обозначающие данный тип значения среды: *Whereness* и соответственно *Wo?* Если бы не опасность вульгаризации русского языка, можно было бы употребить такой русский эквивалент этих терминов: «гдетость», т.е. такое качество среды, которое отвечает на вопрос: «где что-то существует или происходит?» Далее, второй аспект значения среды, в котором собственно и выясняется ее значимость для индивида: «А что это такое? Что это означает для меня?» Существительное, которое употребляется в английском и немецком языках — соответственно *Whatness* и *Was?* (русский условный эквивалент — «чтотость»). Отвечая на два эти вопроса, человек как бы помещает себя в некоторое пространство, привязывает себя к нему, использует своего рода когнитивную карту с обозначением места своего пребывания. Если место это очень значимо, человек отождествляет себя с ним, возникает «идентификация с местом».

Этот феномен хорошо известен на уровне житейской психологии. Если в обыденных обстоятельствах человеку не столь значимо отождествление себя с каким-либо местом (будь то место его рождения или место какого-то периода проживания), то в ситуациях исключительных это родство с местом приобретает особую роль. Например, в условиях разлуки с родиной ностальгия особенно часто касается места, где прошло детство, или того, где произошли какие-то исключительные события (признание в первой любви, впервые испытанное чувство страха и т.п.). Новобранцы в армии часто устанавливают контакты по принципу землячества («он из наших мест»), и такая идентификация порой более очевидна, чем отнесение себя к какой-нибудь социальной или возрастной группе. Значение среды в нетрадиционной ситуации настолько велико, что идентичность личности по преимуществу становится «средовой». Отсюда и восприятие, и познание социального мира приобретает особую окраску; среда воспринимается как существенная характеристика социального бытия человека.

В таких ситуациях могут возникать особого рода экологические стереотипы и предпочтения, что заставляет специфически окрашивать воспринимаемый мир: местные нормы, стандарты поведения, а не только черты родной природы могут восприниматься как наилучшие, от чего зависит и вся картина мира. В случае предпочтения области проживания целого народа такие представления тесно смыкаются с этническими стереотипами, различными символами и в этом качестве также предстают как элемент конструирования социального мира с позиций идентификации себя с определенной средой. «Использование» среды детерминировано культурными нормами и определенными символами. Это детерминирует характер экологического сознания, что проявляет себя не только в глобальном отношении к среде, но и в способах поведения в конкретных «средовых» ситуациях, например в храмах, на кладбищах и пр. В этом смысле вандализм, проявляющийся в сокрушении памятников, в хулиганских надписях на стенах зданий, есть всегда сигнал не просто невоспитанности, но и разрушения нормальных отношений со средой обитания, т.е. неблагополучия с проблемами социальной идентичности.

Значимость чисто экологических характеристик местности была продемонстрирована в одном из экспериментов: африканским детям было предложено 90 слов, имеющих отношение к жизни континента. Из них надо было выбрать такие, которые в наибольшей степени, по мнению испытуемых, характеризуют их материк. Лишь 25% детей выбрали такие термины, как «расовые проблемы», «ислам», «социализм». Более 80% посчитали, что картина их мира

показательнее предстает в таких терминах, как «дикие животные», «черные аборигены», «каннибалы», «пигмеи», «шаманы, потрясающие дробиками» и пр.

Формирование экологического сознания включает в себя формирование не только отношения к природе, но и к другим аспектам среды, а их, как мы убедились, достаточно много. Одно из существенных направлений изучения психологии среды состоит в определении позиции человека относительно *дистанции*, которую он считает оптимальной для взаимоотношения с другими людьми. Два основных термина описывают характер этих представлений: «уединение» и «скопление». Что касается проблемы «уединения», то это не новая проблема в психологии, которая известна под названием «персональное пространство». Уже в рамках проксемики при исследовании оптимальной организации пространства общения, особенно посредством невербальных средств, было выявлено наличие у человека достаточно точных представлений о том, в каких ситуациях какая дистанция является уместной. *М. Аргайл* сформулировал «шкалу интимности», где как раз и обозначены различные дистанции, годные для интимного, делового общения или для публичного выступления.

Другая сторона этой проблемы успешно исследовалась психологами Эстонии. *Т. Нийт*, например, изучал вопрос о том, какое значение имеют пространственные характеристики как для людей с различными индивидуальными психологическими особенностями, так и для представителей разных культур [77]. Дело не только в выборе дистанции общения, но и в общей потребности человека в определенном «уединении». Эта психологическая потребность тесно связана с социальными условиями ее реализации. (Так, для разных людей в разной степени нетерпима теснота коммунальной квартиры или даже отсутствие собственной комнаты в квартире изолированной. Восприятие мира во многом строится и через призму именно этой характеристики существования.) По мнению *И. Альтмана*, «уединение» обозначает такую меру социальной стимуляции, при которой люди могут оптимально взаимодействовать. Это обусловлено тем, что «личное пространство» гарантирует индивиду возможность принимать самостоятельно решение о том, какую информацию о себе он готов передавать партнеру и при каких обстоятельствах. Иными словами, должная мера «уединения» выступает компонентом формирования «Я-концепции», а следовательно, экологическая характеристика сопряжена с формированием идентичности.

Другая сторона этого же вопроса — «скопление» людей, их пребывание в толпе, вообще в системе преобладающей тесноты. В данном случае это уже не вопрос тесноты в квартире, а

мироощущение человека в ситуации любого массового сборища. Сенситивность к «уединению», как правило, коррелирует с крайне негативной оценкой всякого «скопления». Объединяемое термином «территориальность» предпочтение к той или другой стороне альтернативы «уединение—скопление» выступает значимой переменной в оценке индивидом окружающего мира. Хотя эти оценки могут быть и чисто ситуативными, в конечном счете они могут влиять и на более общую картину мира. Так, в исследовании М. Хейдеметса было показано, что человеку свойственно поддерживать определенный уровень пространственного контакта с другими людьми, и успешность/неуспешность этого определяет в значительной степени не только психологическое состояние индивида, но и эффективность его деятельности [97]. Угроза персональному пространству приводит к повышению его значимости, следствием чего является, с одной стороны, еще более настойчивая идентификация себя с этим пространством, а с другой — толчок к общему восприятию мира через призму восприятия своего пространства, своей среды.

Отношение к среде заставляет человека выработать определенные категории, при помощи которых эта среда может быть адекватно описана. Все они так или иначе относятся к категоризации пространства, т.е. касаются *последовательности, расстояния и ориентации*. Примерами применения такой категоризации являются построения *образа города*, что стало в последнее время довольно частым предметом психологических исследований. Начало им было положено книгой К. Линча «Образ города» [64]. Работа выполнена в традициях, весьма близких к когнитивной психологии, и предлагает по существу конкретизацию процесса построения некоторой когнитивной схемы. Линч обозначил пять основных категорий, которыми люди пользуются, организуя свой образ города: дороги (их совокупность — это «умственная карта города»); перекрестки представляют точки принятия горожанами решений и выбора; окраины — дающие ясность твоего собственного положения в городе; районы — обозначают своеобразную иерархию частей города; специальные ориентиры, которые являются такими точками на карте города, которые помогают нам определить, на правильном ли мы находимся пути. Эта категоризация, с одной стороны, служит просто наиболее экономному описанию конкретного города, а с другой — способствует и конструированию такого абстрактного образа города, который оптимален для существования человека. На примере отношения человека к городу (элементу «построенной среды») хорошо также проследить связь проблем экологии и идентичности. Целый ряд исследований посвящен вопросу о том, как человек

воспринимает изменения городской среды. Эти изменения внесены урбанизацией: меняется цветовая гамма городских пейзажей, возникают большие плоские поверхности вновь построенных площадей, больших магистралей, начинают преобладать прямые углы и линии, связанные с массовой застройкой новых жилых кварталов [99]. Вопрос в том, как люди относятся к этим изменениям: затрагивают ли они идентификацию с привычным обликом города? Зачастую потеря привычной территории, «присвоенной» человеком, приводит к своеобразной ностальгии, откуда возникает негативное отношение к преобразованиям, особенно у пожилых людей. Это выражается в неприятии новой планировки районов, переименования улиц и т.п.

Все это можно проинтерпретировать как один из элементов разрушения идентичности, что обусловлено разрушением некоторых символов, а среда, как видно, также обладает для человека символическим значением. Потеря территории, предметов, ее наполняющих, или символов, репрезентирующих эти предметы, способствует потере ориентации человека в мире, что есть обязательное условие сохранения идентичности.

Нужно также упомянуть и еще о некоторых специальных областях экологической психологии, которые имеют отношение к психологии социального познания.

Одной из таких специальных областей является так называемая *рискология* — научная дисциплина, активно развивающаяся в последние годы и исследующая различные проблемы риска. Рискология охватывает широкий круг вопросов и подходит к анализу риска с различных точек зрения: так, например, риск изучается в комплексе технических (инженерных) дисциплин. Но есть и особая область исследования риска, целиком связанная с проблемами психологической ориентации человека в мире. В этом качестве риск изучается в контексте экологической психологии вместе с другими проблемами влияния окружающей среды на поведение человека.

Здесь анализируется такая ситуация, когда наиболее значимым для человека является не объективная степень риска, а его субъективное восприятие риска, для чего вводится понятие «воспринимаемый риск». Конечно, степень риска, которому подвержен человек в той или иной ситуации, определяется и объективными характеристиками опасности и угрозы, однако поведение во многом опосредовано тем, как и насколько индивид воспринимает эту опасность. Под «воспринимаемым риском» и понимается как раз сочетание субъективной вероятности неблагоприятного события и оценки **его** возможных негативных последствий.

Образ среды во многом обусловлен тем, насколько она представляется источником разного рода рисков. В экспериментальных исследованиях выявлены различные факторы воспринимаемого риска. Из них чрезвычайно важным является, например, степень удаленности от непосредственного очага угрозы, а также мера информированности (отдельного человека или группы) о конкретных «рисковых» ситуациях. В обыденной жизни все эти выявленные в исследованиях факторы хорошо известны. В конкретных чрезвычайных ситуациях включение риска в поведение человека во многом обусловлено именно степенью его информированности как о характере угрозы, так и о возможных последствиях. В ряде исследований, проведенных в нашей стране после Чернобыльской катастрофы, установлены различные типы поведения в ситуациях риска. Чрезвычайно важным фактором восприятия окружающей среды через призму риска является осмысление связи «чисто» экологических (природных) катастроф и социальной ситуации, в рамках которой они происходят. Мы вернемся к этому вопросу подробнее ниже, но сейчас необходимо сказать о том, что образ мира как целостное образование в сознании человека включает в себя представление о единстве природной и социальной среды.

Возвращаясь к проблеме идентичности, можно сделать вывод, что идентификация с определенным типом среды есть важнейший компонент образа-Я.

Таким образом, традиционная для социальной психологии проблема социальной идентичности выступает органической частью психологии социального познания. Стремление к позитивной идентичности предполагает наличие определенного образа мира: утрата ее означает для человека видение «другого» мира. Всякий раз, когда идентичность становится негативной, возникает стремление уйти в этот «другой» мир: следовательно, дисгармония между «Я» и «моей» группой принадлежности становится механизмом *расшатывания* сложившегося образа мира. Что же касается самой возможности сравнения различных групп принадлежности, то это, несомненно, обогащает картину окружающей индивида социальной реальности. Построенные образы двух элементов этой картины («Я» и «Группа») или при другом «счете» — четырех («Я», «Группа», «Время», «Среда») могут быть рассмотрены как своеобразные «результаты» процесса социального познания.

Глава VIII

ИНСТРУМЕНТЫ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ

В число элементов социального мира, кроме проанализированных, входит еще большое количество разнообразных явлений. Их трудно классифицировать и даже дать сам их перечень. Жизнь общества многолика и пестра, и несомненно, что образ его может быть достаточно полным лишь при учете всей мозаики составляющих его явлений. К ним могут быть отнесены, например, различные социальные институты, социальные и национальные движения, другие проявления массовых движений, наконец, различные явления культуры, искусства, науки, религии. Каким образом организуется познание этих многообразных явлений? Возможно, следует выяснить способы познания каждого из них, но вряд ли эта задача обозрима. В современной социальной психологии предпринята попытка обосновать некоторый общий подход к анализу таких явлений.

1. ОСНОВЫ ТЕОРИИ «СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ»

Наиболее разработанной в этом смысле является теория «социальных представлений», автором которой выступил французский социальный психолог *С. Московиси* и которая принята большинством исследователей французской школы. Развернутая характеристика идей этой школы дана в отечественной литературе [40]. В данном контексте важно выявить некоторые положения теории, непосредственно касающиеся процессов социального познания, хотя, впрочем, вся она имеет к этому сюжету достаточно близкое отношение.

Во французской школе особенно активно работают в названном ключе *С. Московиси, Ж.-П. Кодол, Д. Жоделе* и др. Сущность теории

«социальных представлений» выражена, прежде всего, в ее общей направленности. Подобно тому как это имело место в теории социальной идентичности А. Тэшфела, основное «острие» теории направлено против американского подхода к социальному поведению, которое, по мнению С. Московиси, «десоциализировано». Поэтому первая задача теории «социальных представлений» — установить более тесную связь между когнитивными процессами человека и социальными макропроцессами. Употребляя принятый нами девиз — выявить то, что находится «за пределами когниций», теперь за этими пределами необходимо рассмотреть саму «ткань» социальных отношений, всю их совокупность. Эта идея Московиси находится в тесной связи с его общими воззрениями на предмет социальной психологии, а именно на необходимость ее большей «социологизации», т.е. включения в ее исследования в значительно более полном объеме социального контекста [см. 7].

Классическое определение социального представления дано самим Московиси и рядом его сотрудников. Московиси понимает под социальным представлением сеть понятий, утверждений и объяснений, рождающихся в повседневной жизни в ходе межличностной коммуникации. Употребление термина «представление» в теории Московиси требует специального пояснения. Оно не эквивалентно тому значению, которое традиционно для психологии или логики, где «представление» есть звено в переходе либо от восприятия к мышлению, либо от образа к понятию. Для Московиси социальные представления есть осмысленные знания, они являются в современном обществе эквивалентом тому, что в традиционных обществах рассматривается как мифы и верования. Они могут быть названы поэтому «современной версией здравого смысла». Д. Жоделе к этому добавляет: «Категория социального представления обозначает специфическую форму познания, а именно знание здравого смысла, содержание, функции и воспроизводство которого социально обусловлены» [см. 40]. В этом определении особенно значимо в нашем контексте подчеркивание той мысли, что социальное представление — это *форма познания* социальной действительности. Необходимость введения такого понятия в лексикон социальной психологии вызвана к жизни недостаточностью других моделей, особенно бихевиористской, для объяснения смысловых связей человека с миром.

Развивая высказанные в этих определениях мысли, можно сказать, что социальные представления рождаются в обыденном, повседневном мышлении с целью осмыслить, понять окружающий человека социальный мир, осмыслить и интерпретировать окружающую человека социальную реальность. Понятно, что именно

через социальное представление, посредством его обыденный человек и осуществляет познание социального мира. Отсюда легко видеть, что основная идея концепции социальных представлений органично включена в те поиски, которые типичны для других представителей психологии социального познания в Европе.

По мнению авторов концепции, для человека всегда есть возможность встречи с чем-то «странным и незнакомым» (то ли потому, что оно слишком удалено от индивида, то ли потому, что не соответствует нормам, то ли просто потому, что «избыточно» при постижении картины мира). Такая встреча таит в себе опасность разрушить привычный ход вещей, взорвать устоявшийся образ. Московиси полагает, что человек испытывает потребность как-то «приручить» новые впечатления и тем самым уменьшить риск неожиданности, приноровиться к новой информации. Он считает, что именно при помощи социальных представлений «странное и незнакомое» становится со временем понятным и знакомым. В самом деле, мало кто может точно сказать, не будучи специалистом, что такое биохимия, ядерная физика, социология знания или этология. Но каким-то образом обрывки информации об этих сложных материях просачиваются в массовое сознание, простая сумма сведений о них мелькает в повседневных дискуссиях и разговорах и позволяет даже не очень сведущим людям беседовать на эти сложные темы.

В этом процессе принимает участие и предшествующий опыт человека, например, отрывочные сведения, почерпнутые в школе, от знакомых и пр. В общем, с участием многих различных источников представления о «странном» сложным путем проникают в «щель» обыденного сознания и как бы трансформируются в нем в достаточно понятное и не столь странное. Происходит, по мнению Московиси, «торжество обычного через овладение странным». Это и есть русло социального познания обыденного человека. На этом пути, естественно, возникает опасность утратить значительную часть информации, коль скоро сложные характеристики не менее сложных явлений превращаются в банальности. Более того, под влиянием таких трансформаций социальное представление может вообще очень далеко отойти от действительного содержания встреченного нового («странного») объекта или события и приобрести своеобразную автономию. Однако именно так происходит процесс, и в который раз социальной психологии приходится констатировать, что она изучает не то, как «должно быть», а то, как «есть».

Московиси предлагает пересмотреть образ обыденного человека как наивного наблюдателя или даже как наивного ученого, которому свойственна «невинность наблюдения», «нейтралитет к миру», «прозрачность информации». Он — не Адам, он живет в социальном

окружении, принадлежит к различным группам, смотрит на мир часто их глазами: социальное представление есть продукт именно *группы*, поскольку в ней получаемые обрывки знаний вращаются, обрастают определенной смысловой нагрузкой. Такой обиденный человек скорее напоминает ученого-любителя, который пополняет свой багаж знаний самообразованием, беседами, личными наблюдениями и размышлениями.

Все это нужно человеку, чтобы понять смысл окружающего его мира, чтобы облегчить процесс коммуникации с другими людьми по поводу различных событий [см. 54], наконец, для того, чтобы построить для себя относительно непротиворечивую картину мира. При этом совершается отнюдь не только когнитивная «работа» — трансформации одних понятий и категорий в другие, «понятные». У социального представления «пристрастная», как использовал этот термин А. Н. Леонтьев [61], природа, поскольку факты окружающего мира подвергаются трансформации и оценке, апеллирующим именно к реальному социальному опыту индивида. По мере введения нового, непривычного, непонятного в сферу обычного представления наполняются реальным смыслом, следовательно, «окрашиваются» определенным образом и как минимум конкретизируются.

В ряде пунктов теория социальных представлений как бы смыкается с когнитивными теориями соответствия. Как и в них, проводится мысль о том, что в жизни человека поджидает целый ряд неожиданностей и противоречий и это грозит разрушением устоявшейся картины мира — связанного и непротиворечивого. Желание сохранить эту устоявшуюся картину мира приводит индивида — так говорится в теориях когнитивного соответствия — к селективному отбору информации, получению лишь той, которая воссоздает «соответствие». Логика построений в теории социальных представлений сходна, однако здесь нет акцента на потребность человека в «соответствии», но фиксируется потребность понять **смысл**, т.е. сделать свою жизнь осмысленной, с более или менее ясной стратегией поведения, а для этого ему и приходится преобразовывать «необычное» в «обычное». Поскольку то же самое необходимо и группе, она также участвует в производстве социального представления. Поэтому-то социальное представление и выступает как фактор, конструирующий реальность не только для отдельного индивида, но и для целой группы. Одна из ключевых идей Московиси состоит в том, что социальное представление не есть «мнение» отдельного человека, но именно — «мнение» **группы**, которое можно рассмотреть как ее своеобразную «визитную карточку». Не случайно Д. Жоделе настаивает на том, что социальное представление — это «общее видение реальности, присущее данной

группе, которое может не совпадать или противостоять взглядам, принятым в других группах. Это видение реальности ориентирует Действия и взаимосвязи членов данной группы» [132, р. 35].

Какова же структура социального представления? Она складывается из трех компонентов: *информация, поле представления, установка*. Именно эти три компонента пополняются как в ходе социализации, так и в повседневном жизненном опыте: информация как отмечалось, проникает в «щели» обыденного сознания через разные источники; поле представления формируется непосредственно в группе — в ней определяется общая смысловая рамка, в которую помещается новая информация, а также диапазон возможных толкований того или иного понятия (так, например, ребенок в семье усваивает первые возможные интерпретации понятий, которыми оперируют взрослые); установка есть интериоризация того, что уже почерпнуто и из полученной информации, и от «поля», созданного в группе, и из собственного опыта. Конечно, в современных обществах процесс формирования социального представления весьма непрост: развитие образования, средств массовой информации видоизменяют процесс преобразования «высоких» понятий в суждения здравого смысла. Однако многочисленные эмпирические исследования, проведенные в рамках теории социальных представлений, показали, что и в современных сложных обществах механизм возникновения представлений действует примерно так же, как это изображено в теории.

Социальное представление выполняет три основные функции:

1) оно является *инструментом познания* социального мира — его роль здесь аналогична роли обычных категорий, посредством которых индивид описывает, классифицирует, объясняет события;

2) оно есть способ *опосредования поведения* — способствует направлению коммуникации в группе, обозначению ценностей, регулирующих поведение;

3) оно является средством *адаптации* совершающихся событий к уже имеющимся, т.е. способствует сохранению сложившейся картины мира.

Реализацию этих функций обеспечивает особый механизм возникновения социального представления. Он включает в себя три этапа: «*зацепление*» (во французской социально-психологической лексике — «*постановка на якорь*»)¹⁰; *объектификация* и

---

¹⁰ От французского *ancre* — якорь, что дает основание использовать в русском языке различные эквиваленты: в литературе встречается употребление таких слов, как «анкеровка», «якорение» и т.п. Как и во многих других случаях, поиск адекватного термина на русском языке сопряжен с трудностями. Мы предпочитаем использовать термин «зацепление», хотя нельзя сказать, что это

натурализация.

Суть первого этапа — **«зацепления»** состоит в том, что сначала всякий новый объект (как правило, незнакомый) нужно как-то «зацепить», сконцентрировать на нем внимание, зафиксировать в нем что-то такое, что позволит его вписать в ранее существующую рамку понятий. Тогда на втором этапе можно попытаться превратить обозначение нового неизвестного предмета в более конкретный образ. Этот процесс и называется объектификацией. Хорошо поясняет эти механизмы пример, приводимый Д. Жоделе. Он почерпнут из исследования С. Московиси о том, как во французском обществе формировалось социальное представление о психоанализе. Прежде всего какой-либо индивид, услышав о психоанализе, «зацепляется» за это знакомое ему понятие. Что-то заставляет его сосредоточить свое внимание (если употребить традиционный для психологии социального познания термин) на явлении, обозначенном этим понятием. Затем начинается дальнейшая работа с понятием «психоанализ» — **объектификация**.

Именно в ходе этого процесса знакомое и абстрактное трансформируется в нечто конкретное, знакомое здравому смыслу. «Объектифицировать, — говорит Московиси, — означает раскрыть знакомое качество в туманной идее или сущности, перевести понятие в образ» (143, р. 38]. Объектификация чаще всего осуществляется в форме *персонализации*, т.е. попытки привязать понятие к какой-нибудь личности, более или менее «знакомой». В данном случае логика поведения обыденного человека будет заключаться в следующем: «Психоанализ... Что-то слышал... Ах, да, конечно, это же Фрейд... Что-то там о комплексах... Да, конечно, это и есть психоанализ». Таким образом, получено некоторое «знание», оно инкорпорировано, включено в когнитивную структуру индивида, естественно, в сильно упрощенном, препарированном виде. Важно подчеркнуть, что новое, неизвестное сводится здесь к более известному конкретному имени, конкретной личности (персоне).

Объектификация может осуществляться и в другой форме: *фигурации*. При этом содержание понятия, обозначающего для обыденного человека нечто новое, знакомое, привязывается не просто к имени кого-либо, а к некоторой формуле, связанной с этим именем. Пример: работа с понятием «теория относительности». Мало кто в случайно собравшейся компании знает что-либо существенное об этой теории, но когда-то в школе что-то слышали об этой теории, так же как что-то слышали и об Эйнштейне. Осуществляется персонализация: «Ах, да, теория относительности — это же

вызывает большое удовлетворение.

Эйнштейн». Но движение вперед продолжается: опять-таки по каким-то старым школьным воспоминаниям в памяти всплывает формула $E = mc^2$. Ее смысл давно забыт, она всплывает почти визуально, но ситуация спасена: «Как же, как же — теория относительности, Эйнштейн, формула $E = mc^2$ ». Так же в среде непрофессионалов можно наблюдать вариант рассуждений о философском течении рационализма: «Рационализм — кажется, Декарт — да, конечно, формула "Cogito ergo sum"». «Знание» и в этот раз получено, хотя, естественно, вновь в каком-то весьма приблизительном виде.

Наступает следующий этап — **натурализация**: принятие полученного «знания» как некоторой объективной реальности. Неважно, что подобного «знания» едва хватит для разговора в случайной компании, не больше. Важно другое — удовлетворена потребность в приведении новой, встретившейся информации в соответствие с существующей картиной мира, не разрушающей ее; можно сказать, что новое знание «приручено»

Приведенный пример хорошо иллюстрирует основную идею концепции социальных представлений: каждый индивид интегрирует и модифицирует в каждый данный момент социальные формы, созданные культурой и отдельными группами. На этом пути ему встречаются различные «посредники»: институты власти, законы, средства массовой информации и пр. Все они, конечно, влияют на меру и степень модификации понятия при переводе его в представление здравого смысла. Самым же главным фоном, на котором это происходит, является группа, ее опыт, ее система сложившихся уже ранее представлений.

Московиси критикует когнитивизм за его «асоциальность», но и призывает к союзу, за интеграцию двух подходов. Свой вклад он усматривает в том, что источник социального познания видит в *социальных отношениях*. Он рассматривает свою теорию как попытку поместить проблемы социального познания на перекресток между психологией и социальными науками. Самым главным дополнением к когнитивистскому подходу он считает так называемую «идентификационную матрицу», объясняющую, как вписывается новая информация в когнитивную структуру каждого индивида в зависимости от того, с какой социальной группой он идентифицирует себя: «Каждый класс определяет репертуар поведения и правил, обозначая то, что позволено или запрещено всем, кто в него включен» [цит. по: 40]. Именно поэтому социальное знание и закрепляется в таких матрицах — своеобразных *рамках* принятия социальной информации. Можно при желании увидеть в предложенных матрицах просто новую версию традиционных когнитивных карт, схем, репертуарных решеток и прочих образований, предложенных в

когнитивной стезей традиции (это, кстати, и делают некоторые критики Московиси). Но при всем том пафос основной идеи остается несомненным: в противовес «чисто» когнитивистскому подходу, оперирующему достаточно абстрактными категориями, здесь постоянно делается акцент на то, что вся совокупность знаний («представлений») человека о мире дана в *системе*, и это приводит к тому, по словам Д. Жоделе, что «социальные представления являются тем объектом, исследования которого возвращают социальную психологию в исторический, социальный и культурный масштаб» [цит. по: 29].

2. «СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ» И ГРУППА

Теория социальных представлений оказывается важнейшим инструментом познания самых разнообразных социальных явлений, не сводимых только к тем, о которых речь шла выше.

Чаще всего при этом эксплуатируется идея органической связи социального представления и группы. Так, чрезвычайно плодотворной оказалась эта теория для анализа *организаций* [65]. Среди разнообразных подходов, которые разрабатываются сегодня в психологии организаций, видное место занимает *когнитивный подход*, в рамках которого и используются идеи теории социальных представлений¹¹.

Всякая организация представляет собой определенную группу; поэтому, по мысли Г. Симса и Д. Джойя, уместно рассматривать ее как обладающую всеми характеристиками группы, в том числе и через систему мыслей и представлений ее членов. Ради этого был введен термин «думающая организация» и обозначен целый пласт исследований, посвященных тому, как люди познают свою организацию и действуют в соответствии с этим познанием [149]. Как отмечает С. А. Липатов, эта область исследований была названа «организационным социальным познанием» [65, с. 108]. В русле этой парадигмы изучается такая важная характеристика организации, как *организационная культура*, которая интерпретируется как результат

---

¹¹ Большой вклад в разработку проблем организационной психологии в парадигме психологии социального познания внесен С. А. Липатовым, которому я искренне признательна как за то, что он привлек мое внимание к этой проблематике, так и за предоставленные литературные материалы, связанные с данной темой. Разработка способов социально-психологической диагностики организационной культуры предпринята С. А. Липатовым именно на основе теории социальных представлений.

восприятия и понимания членами организации своего социального и материального окружения, норм и ценностей, фигурирующих в нем, установок и форм общения и вообще всех процессов, протекающих в организации. Именно при помощи характеристик организационной культуры у членов организации складывается *образ организации*. В дальнейшем этот образ начинает играть регулятивную роль, поскольку опосредует поведение членов организации и позволяет им достигать организационных целей. Коль скоро образ организации воплощается в характеристиках организационной культуры, последняя как бы формирует у всех членов организации некое единое мнение по поводу значения своей деятельности, ее смысла. Напрашивается вывод, что такая трактовка организационной культуры допускает ее дальнейший анализ в терминах теории социальных представлений.

Сама по себе идея исследования организационных культур как социальных представлений не является абсолютно новой. Еще на симпозиуме 1992 г., организованном к 25-му Международному конгрессу психологов, австралийские психологи *М. Куммеров* и *М. Инессу* представили доклад, сравнивающий концепцию социальных представлений и концепцию организационных культур [137]. Авторы, в частности, выявили наличие ряда сходных черт в этих двух феноменах: их «групповое» происхождение, их раздельность всеми участниками группового процесса, их «способность» переводить незнакомое в знакомое и тем выполнять функцию снижения тревожности, наконец, подкрепление их «правильности» в коммуникации [см. подробно 65].

Отдельные положения теории Московиси были при этом особенно акцентированы. Так, обращалось внимание на то, что среди социальных представлений в оригинальной концепции были обозначены три их типа: *гегемонические*, *эмансипирующие* и *полемические* представления. Различия между ними касаются меры включенности группы в **выработку** социального представления по сравнению с его **использованием** в качестве некоторого «*социального образа*» [137]. Для того чтобы понять, как социальные представления (их совокупность) могут характеризовать организационную культуру, важно продвинуть далее анализ того, как они именно *вырабатываются* в каждой организации. Авторы рассматривают в этой связи несколько предлагаемых моделей организационной культуры, в которых как раз и раскрываются механизмы выработки социальных представлений.

Понятно, что в рамках организационной психологии использование идей Московиси приобретает более практически нацеленный характер: упор делается на таких аспектах, которые

связаны с обеспечением более благоприятного климата в организации, с повышением эффективности ее деятельности.

В рамках организационной психологии сейчас **проводится большое** количество экспериментальных исследований (в том числе и в отечественной социальной психологии), посвященных отдельным фрагментам этой проблемы. Так, например, в исследовании *Н. Ю. Белоусовой* было выявлено, что успех переговоров представителей двух различных организаций в значительной степени зависит от того, насколько совпадают (или не совпадают) организационные культуры этих организаций [17]. Таким образом, сам заход в исследования организационной психологии с позиций теории социальных представлений весьма примечателен: он свидетельствует о том, что теория «работает» и в практической сфере, в частности, подтверждается общая идея **связи социального представления и группы**.

Эта взаимосвязь неоднократно фиксировалась и в других эмпирических исследованиях, что позволило установить два ее направления: а) влияние группы на социальное представление; б) влияние социального представления на группу [101]. Кроме выявления некоторых общих закономерностей такого влияния, было установлено, что предложенный анализ позволяет проследить сходство и различие подхода С. Московиси и теории социальной идентичности А. Тэшфела. Последнее оказалось крайне важным для обоснования специфики «европейского» подхода к проблемам социального познания.

Влияние группы на социальные представления можно проследить по следующим линиям.

а) Группа **фиксирует определенные аспекты** воспринимаемого явления. То, что определяется в традиционном когнитивистском подходе как «выпуклость», зафиксировано не только индивидуальным сознанием, но именно «предписано» группой. Так, авторитарность какого-либо политического лидера является его «выпуклой» характеристикой не столько для каждого отдельного человека, интересующегося политической позицией этого лидера, сколько фиксируется (и тем самым «предписывается» обратить на нее внимание) группой оппонентов. Авторитарность наблюдаемого лидера может быть истолкована как символ противостоящей группы. Тем самым рамка восприятия лидера задается групповым контекстом.

Другим примером может быть восприятие и оценка какого-либо молодого человека представителями старшего поколения. Экстравагантная манера одеваться, ультрамодный внешний вид молодой девушки или молодого человека могут быть вовсе не интерпретированы как нечто «выпуклое» сверстниками, но именно в

таком качестве предстанут перед представителями другой возрастной группы. Таким образом, социальное представление о «современной молодежи», распространенное в группе пожилых людей, диктует им направленность внимания на те характеристики воспринимаемого объекта, которые именно для них кажутся «выпуклыми».

б) Группа **влияет на принятие—отвержение той или иной информации**, устанавливая уровни доверия к источникам информации, а также определяя санкции к несогласным и меру допустимой толерантности к ним. В данном случае можно провести параллель с явлением «группомыслия», когда на принятие решения влияет уровень групповой сплоченности. Различие лишь в том, что в традиционных исследованиях говорится о влиянии «group-think» на процесс **принятия решения** группой, здесь же «группомыслие» может присутствовать имплицитно: индивид уже *знает* нормы группы, возможные *санкции* при отходе от них и выстраивает логику своего принятия или непринятия информации в соответствии с ними.

в) Группа **влияет на частоту использования** социального представления, а именно на частоту употребления в коммуникации того или иного представления, апелляции к нему при принятии группового решения, что само по себе является индикатором значимости данного представления в групповой жизни.

Не менее важен обратный путь воздействия — социального представления на группу. В самом общем виде это воздействие заключается в том, что при помощи социального представления, а еще больше — их совокупности, группа может **варьировать способы манипуляции фактами** общественной жизни или их интерпретации так, чтобы это было в пользу интересов группы при сравнении этих интересов с интересами других групп. Можно сказать, что социальные представления «воспитывают» тех членов группы, которые в недостаточной степени адаптированы к групповому контексту.

В определенном отношении этот механизм схож с обычным механизмом давления группы на индивида, т.е. механизмом конформности. Но отличие в том, что групповой нормой выступает здесь социальное представление, выработанное группой в ее прошлом опыте и на основании поступившей к ней из общества различной информации. Принятие членом группы или членами группы некоторой совокупности представлений способствует тому, что члены группы в большей мере «проникнутся» целями группы и начнут более полно разделять эти цели. Исследования поведения французских «зеленых» показали, что новички движения интегрируются в движение в значительной степени с помощью социальных представлений этого движения.

Наконец, социальные представления способствуют

формированию социальной (групповой) идентичности, т.е. не просто идентификации индивида с группой, но выработке своего собственного «группового» самосознания, восприятия себя как элемента системы, имеющей общее мировоззрение, общий взгляд на мир. Примеров тому много в политической жизни, где средством принятия группой общих социальных представлений нередко служит различная символика — знамя, гимны политических партий и т.п.

Социальные представления очень устойчивы. Раз возникнув, они транслируются из поколения в поколение, напоминая в этом своем движении механизмы передачи стереотипов. На примере радикальных преобразований в России видно, какими постоянными оказались социальные представления многих социальных групп: так, распад СССР и утрата одной из наиболее значимых идентичностей его населения — «советский человек» — привели к воскрешению этнических и религиозных идентичностей, реализующихся в системе определенных социальных представлений. Эти представления не были востребованы на протяжении длительного отрезка истории, но оказались живучими и в новой ситуации возродились. На этом же примере видно, каким образом теория социальных представлений соотносится с теорией социальной идентичности.

Обе они служат объяснительным средством для понимания механизмов социального познания, в частности механизма построения «образов» отдельных элементов социального мира. Тем важнее и интереснее произвести сравнительный анализ двух этих концепций и сопоставить их сходство и различия.

Сравнению двух парадигм — теории социальной идентичности и теории социальных представлений — посвящен ряд специальных исследований. Лучше всего это сопоставление представить наглядно, что предложено в ряде исследований *Г. Брейквелл* [118]. Ею предложена следующая схема (см. с. 218).

Возможно, что различия могут быть установлены и по другим линиям. Важно, однако, что и та и другая парадигма используется как инструмент социального познания. Следовательно, в данном контексте было бы заманчиво объединить эти две модели. *Г. Брейквелл* полагает, что в результате такого объединения выиграли **бы** обе теории. Теория социальной идентичности пока несколько узка: в ней все замыкается лишь на проблеме межгруппового конфликта и дифференциации. Объединившись с теорией социальных представлений, теория идентичности могла бы в большей степени раскрыть роль идентификации в процессе конструирования социальной реальности. Теория же социальных представлений также сможет ликвидировать один из своих слабых пунктов — недостаток объяснения, почему социальные представления определенных групп

имеют именно *данную* форму. Теория социальной идентичности «подказала» бы два уровня рассмотрения когнитивных структур: на одном — это когнитивные структуры *индивида*, позволяющие ему на основе

Теория социальной идентичности	Теория социальных представлений
Модель индивидуальных потребностей и мотивов как средство объяснения межличностной и межгрупповой динамики.	Модель, фокусирующая процессы межличностной коммуникации, определяющие структуру и содержание системы верований, называемых «социальные представления».
Это — формальная модель, где представлены дефиниции конструкторов и описаны отношения между ними.	Московиси остерегается формального определения модели, отрицает необходимость формальных дефиниций конструкторов, избегает предсказаний на основе модели.
Теория была первоначально проверена при помощи экспериментов или квазиэкспериментальных методов.	Теория иногда проверена в экспериментах, но преимущественно использует описания при помощи глубинных интервью, анкет.

консенсуса поддерживать коммуникацию внутри группы, на другом — это реализация «общественной риторики», содержания когнитивной структуры, заложенного культурой и способствующего сплочению группы и прояснению ее отличий от других групп.

Такие пути объединения двух популярных современных парадигм имеют не только чисто теоретический интерес. Возможно, они бы способствовали совершенствованию и эмпирической практики. Особенно это касается теории социальных представлений. По-видимому, в силу недостаточной проработанности ряда положений теории, в эмпирических исследованиях, построенных на ее основе, как правило, лишь *описываются* социальные представления отдельных групп или механизмы их возникновения. При этом часто пропускается гипотеза самого Московиси о том, что социальные представления группы порождаются на уровне *всего общества* (метасистемы) как средство служения групповым целям в этом обществе. Для этого в каждом эмпирическом исследовании необходим учет двух родов факторов: как складывается социальное представление **внутри** группы и как затем на основании изменений в самой группе социальное представление «выходит» во **внешнюю** жизнь, начинает взаимодействовать с социальными представлениями других групп. Это, по мнению Московиси, очень важно, поскольку

существует система социальных представлений в каждом данном обществе и в определенный период его существования. Добавим, что это и есть важнейшее условие формирования некоторого образа мира не только для одной группы, но также и для более крупных сообществ, а в определенных чертах — для общества в целом.

Здесь уместно обратиться к популярному в настоящее время не только в науке, но и в обыденной жизни понятию **менталитет**. Несмотря на широкое употребление этого термина, сколько-нибудь четкой и удовлетворительной дефиниции нет до сих пор. В самом общем виде менталитет можно определить как характерную для конкретной культуры (или субкультуры) специфику психической жизни включенных в нее людей, детерминированную экономическими и политическими аспектами ее исторического развития. Менталитет это такая интегральная характеристика людей, живущих в конкретной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него [42]. Каждый отдельный представитель данной культуры присваивает выработанный группой способ восприятия мира, образ мыслей, систему оценок окружающей действительности. Но менталитет — это не только определенный «склад сознания», но и соответствующие ему **нормы поведения**. Поэтому менталитет не может быть сведен просто к сумме социальных представлений, хотя и включает ее в себя. Чаще всего говорят о менталитете применительно к этнической (национальной) группе, но точно так же можно говорить и о менталитете какой-то большой социальной группы (например, интеллигенции) или возрастной группы (например, молодежи).

Менталитет включает в себя прежде всего некоторую систему **знаний** об обществе, его отдельных элементах, характере общественных отношений, норм, ценностей. Однако это не абстрактные, общие знания, но знания «препарированные», пропущенные через интересы группы или субкультуры. Иными словами, это также система **смыслов**, значимых для данной группы. Поэтому в менталитет включается и определенная система **языка**, посредством которого выражаются те или иные смыслы. (Эта идея хорошо проиллюстрирована Оруэллом, предложившим термин «новояз».) Менталитет предполагает также принятую систему **мотивов**, выделяя в ней доминирующие из соответствующих образцов **поведения**. В рамках каждого менталитета может существовать совершенно различное толкование одних и тех же понятий, что отражает различный исторический опыт различных групп, различие традиций, способов поведения в определенных значимых ситуациях.

Очевидно, что понятие «менталитет» имеет самое непосредственное отношение к проблемам социального познания: менталитет — рамка, в которой складывается общий образ окружающего человека внешнего мира. Эта рамка оказывается достаточно устойчивой, особенно в тех случаях, когда речь идет о менталитете больших групп, например наций. Поэтому Л. Н. Гумилев говорил, что феномен менталитета нельзя изменить за несколько десятилетий. Он статичен и органичен как экономическая структура.

Хотя вопрос о связи менталитета и совокупности социальных представлений той или иной группы не исследовался специально, по-видимому, можно судить об однопорядковости этих феноменов. Во всяком случае, очевидно, что менталитет, так же как и система социальных представлений, имеет непосредственное отношение к построению образа социального мира. В переломные эпохи рассогласование объективных изменений, происходящих в обществе, и изменений в структуре представлений об обществе может приобретать драматический характер.

3. МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Теперь можно подвести итоги по поводу значения концепции социальных представлений в психологии социального познания. Несмотря на то что концепция эта преимущественно развивается во французской социальной психологии, она приобрела популярность и в других подходах. Круг проблем социальной психологии, который может быть рассмотрен в рамках данной концепции, также очень широк: это изучение и отдельных феноменов социальной жизни (известны исследования «образа города», «образа детства», «образа школы» и пр.), и принципиальных подходов к анализу психологии больших социальных групп, и т.п. Но несомненно, что концепция социальных представлений является и весьма серьезной заявкой на объяснение механизмов социального познания. Она существенно дополняет ту «анатомию» процесса социального познания, которая предложена «чисто» когнитивистским подходом: «шаги» в работе с социальной информацией здесь вплетаются в ткань социального контекста в гораздо большей степени.

При помощи концепции социальных представлений не только расширяется спектр тех социальных явлений, построение образа которых отдельным индивидом можно лучше понять, но и осуществляется переход от индивидуального сознания к массовому сознанию. Это означает, что идея включенности познания социального мира отдельным человеком в общую познавательную деятельность всего общества получает свое подтверждение [55].

Поэтому, несмотря на многочисленные критические комментарии к теории социальных представлений, высказываемые в литературе, несмотря на не менее многочисленные, довольно слабые проработки ее отдельных положений, теория социальных представлений занимает в настоящее время заметное место в литературе по социальному познанию.

Дальнейшее развитие этой концепции, по-видимому, неизбежно приведет к своеобразной интеграции многочисленных наметившихся подходов в области психологии социального познания. Не случайно поэтому, что в современной общей дискуссии о судьбах социальной психологии в XXI в. вопрос о роли теории социальных представлений выдвигается на одно из первых мест. Полезно иметь в виду, что дискуссия осуществляется на фоне полемики между «американской» и «европейской» традициями в социально-психологическом знании, где теория социальных представлений вместе с теорией социальной идентичности и идеей дискурс-анализа «представляют» европейский подход.

Можно выделить два направления этой дискуссии. Одно из них связано с разработкой нового подхода в социальной психологии конца XX столетия, которое иногда обозначают как «**постмодернизм**» [117].

Претендуя на выявление специфики современной культуры развитых индустриальных обществ, постмодернизм формулирует новую перспективу и в построении **знания**. Главная мысль заключается в том, что существующая в прошлом *реалистическая эпистемология*, построенная на принципах позитивизма, делала чрезмерный акцент на то, что теории должны соответствовать реальному миру, в то время как задача заключается в том, чтобы *генерировать новые формы поведения* [33].

Легко понять, что предложенная парадигма не могла не затронуть прежде всего всю сферу социальных наук [1126]. Как иногда замечают, «вирус» постмодернизма проник и в социальную психологию. Здесь идеи постмодернизма реализованы наиболее полно в рамках новой социально-психологической парадигмы, именуемой **социальный конструкционизм** и связанной главным образом с именем *К. Гергена* [33; 130a]. Не ставя сейчас перед собой задачи подробного анализа этой концепции, необходимо выделить лишь те ее элементы, которые непосредственно могут быть включены в Дискуссию с теорией социальных представлений.

Одна из ведущих идей К. Гергена заключается в том, что социальная психология не только в ее бихевиористской парадигме, но также и в традиционном когнитивизме недооценивает значение социальной ситуации, в рамках которой осуществляется процесс познания человеком окружающего мира. При этом утрачивается

такой важный компонент познавательного процесса, как *конструирование* социального мира.

Средством преодоления такого недостатка должно быть, по мнению Гергена, формулирование некоторых основополагающих гипотез, которые необходимо принять во внимание. Эти гипотезы заключаются в следующем:

1. Исходным пунктом всякого знания является сомнение в том, что окружающий мир есть нечто, разумеющееся само собой. Отсюда следует, что любое объяснение этого мира может быть только *конвенцией* (соглашением).

2. Осмысление мира поэтому не есть автоматический процесс, но результат активной совместной деятельности людей, вступающих во взаимные отношения, вследствие чего слова, употребляемые для обозначения объектов, имеют смысл лишь в контексте этих отношений (в них неизбежно включены исторические и культурные варианты конструирования).

3. Распространенность той или иной формы понимания мира связана с пертурбациями социальных процессов (правило «*что чем считать*» лишено определенности). Следовательно, степень устойчивости того или иного образа зависит от характера социальных изменений.

4. Таким образом, описания и объяснения мира сами конституируют формы социального действия и тем самым как бы переплетаются с другими формами социальной деятельности [130].

Игнорирование этих требований справедливо ставится Гергеном в вину когнитивистской традиции, а учет их провозглашается исключительным завоеванием новой конструкционистской парадигмы, что и рассмотрено как *постмодернизм* в социальной психологии [1126]. Против справедливости многих предложенных в гипотезе суждений трудно возразить, особенно если иметь в виду, что упреки справедливы по отношению к когнитивистской традиции **вообще**.

Но если внимательно проанализировать предложенные Гергеном принципы анализа, то именно они и «учтены» в современных построениях психологии **социального** познания. Ближе всего к предъявленным критериям, по-видимому, стоят требования теории социальных представлений. Почему именно они не фигурируют у Гергена в качестве успехов современной психологии социального познания, остается неясным, так же как остается неясным, почему теория социальных представлений не рассматривается на законном основании в ряду поисков постмодернизма. На наш взгляд, есть все основания считать эту теорию одним из вариантов постмодернизма, не уступающим по

значению поискам конструкционизма.

Другое направление методологического анализа теории социальных представлений представляется более адекватным. Оно апеллирует к тому, что теория социальных представлений (так же, впрочем, как и теория социальной идентичности или теория дискурса) *слабо связана* с теми позитивными элементами, которые содержатся в традиционных **когнитивистских** построениях психологии социального познания. Как видно, этот упрек носит прямо противоположную направленность - констатируется *недооценка* полезных идей «чистого» когнитивизма. В этом случае часто выдвигается на первый план противопоставление «американской» и «европейской» традиций в социальной психологии как фактор, препятствующий объединению позитивных идей, содержащихся в том и другом подходе.

В этом плане любопытная попытка предпринята двумя австралийскими исследователями *М. Аугустинос* и *И. Уолкером*. В их работе «Социальное познание. Интегративное введение» [117] сделана заявка на преодоление современного кризиса в социальной психологии, который, на взгляд авторов, и состоит как раз в том, что самая популярная проблематика социального познания никак не вырвется из «индивидуалистического» подхода. Несмотря на наименование «социальное познание», весь строй осмысления проблем и исследований опирается на *индивида*, познающего социальную реальность. «Что такое это *социальное*, с чем нужно интегрировать социальное познание?» — задают вопрос авторы [117, р. 4]. Ответ может быть найден в идеях именно европейских авторов, прежде всего в теории социальной идентичности А. Тэшфела и теории социальных представлений С. Московиси. Интересно, что амбиция на такую интеграцию «американского» и «европейского» подходов заявляется от имени австралийских ученых, поскольку, как они полагают, им из их «южного угла» виднее обе стороны «Атлантики» [117, р. iv].

В заслугу австралийским авторам можно поставить детальную разработку конкретных путей возможного интегрирования двух подходов, тех линий, по которым может быть встроена «европейская» традиция исследования социального познания в традиционный «американский» подход. Главный акцент при этом сделан на теорию социальных представлений: она защищается авторами ссылкой на осуществленное в ней **интегрирование** элементов традиционно когнитивистских построений и требований, сформулированных в конструкционистской парадигме.

В качестве примера рассматриваются предложенные Московиси основные механизмы возникновения социального представления. Как

известно, в его концепции первым этапом этого процесса назван феномен «зацепления», когда субъекту необходимо зафиксировать внимание на каком-либо социальном объекте и *назвать* его. Но чтобы нечто назвать, обозначить, его надо сопоставить с наименованиями уже существующих категории, закрепленных в культуре. Поэтому процесс *называния*, который Московиси считает проявлением «номиналистической тенденции», имеет огромное значение: объект уже самим фактом его называния помещается в упомянутую «идентификационную матрицу», т.е. включается в существующую концепцию «общества и человеческой природы»:

« ...Называние не есть чисто интеллектуальная операция, способствующая ясности или логической связанности. Это операция, относящаяся к социальной установке» [цит. по: 117, р. 139]. По мнению авторов, с которым можно согласиться, уже здесь очевидна возможность органического единства когнитивного «действия» и социального контекста.

Другой пример связан со вторым этапом формирования социального представления — с объектификацией. Вспомним, что для Московиси этот процесс означает превращение *понятия* в *образ*, который в большей степени включен в реальность, и то, что было **воспринято**, становится тем, что **понято**: новое явление *сводится* к чему-то такому, что «всем известно». Препарированное таким образом понятие дает основание обыденному человеку судить о вещах, в которых он никоим образом не является компетентным, он приобретает весьма специфическое «знание», достаточное лишь для оперирования им в пределах здравого смысла в обыденных ситуациях. Но такие «знания» и есть элементы массовой культуры, т.е. включаются в широкую систему коммуникаций, где они функционируют часто на уровне метафор [117, р. 140]. Этим, с точки зрения австралийских авторов, операция объектификации также демонстрирует «объединение» чисто когнитивистского действия и одного из важнейших «социальных» аспектов познания человеком окружающего мира.

Нет сомнения, что теория социальных представлений при ее дальнейшем развитии может дать весьма впечатляющие результаты в осмыслении проблем социального познания. Также нет сомнения и в продуктивности интеграции ее (равным образом, как и теории социальной идентичности) с идеями традиционного, когнитивистского подхода. Большое сожаление вызывает лишь некоторая избыточная амбициозность австралийских авторов, заявляющих как бы право первенства на идею такой интеграции.. С одной стороны, эта идея уже достаточно давно буквально «носится в воздухе», эксплуатируемая многими другими исследователями.

Уместно вспомнить, что программа Европейской Ассоциации Экспериментальной Социальной Психологии декларировала идею социального контекста как ведущую с самого начала своего существования [см. 7]. Применительно к проблемам социального познания эта идея была четко заявлена и в работе *В. Дуаза* «Уровни объяснения в социальной психологии» [122]. Дуаз выделяет четыре таких уровня: 1) уровень, ограниченный «психологическими» или «внутриличностными» процессами, когда принимают в расчет способ, которым индивид организует свое восприятие социального мира; 2) уровень, который рассматривает «межличностные» или «внутриситуативные» процессы, имеющие место между индивидами и складывающиеся на их основе представления; 3) третий уровень включает понятие социальной позиции или статуса, чтобы понять различия в ситуационных взаимодействиях, в которых складываются коллективные представления; 4) четвертый уровень начинает с анализа общих понятий, относящихся к социальным отношениям, и показывает, как «универсальные идеологические убеждения» приводят к различным ментальным представлениям и поведению [122, p. vii]. Различия в подходе американской и европейской социальной психологии проявляются в преимущественном использовании того или другого уровня объяснений: именно четвертый уровень наиболее разработан в «европейской» традиции. Если отбросить несколько специфичную терминологию, употребленную в предложенном анализе, легко увидеть за ней выражение убежденности в том, что европейская «модель» социального познания всегда ориентировалась на включение этого процесса в социальный контекст.

С другой стороны, к еще большему сожалению, в мировой социальной психологии практически отсутствуют апелляции к тем находкам, которые давно осуществлены в отечественной психологической традиции. Если внимательно вдуматься в сущность центральной пропагандируемой идеи — об органической включенности социального контекста в процесс познания человеком социальной реальности, то станет очевидно, что многие принципиальные позиции в этом вопросе заявлены были уже Л. С. Выготским и позже представлены в работах других последователей его школы, в частности, в рамках принципа деятельности.

Традиция, развиваемая в культурно-исторической школе Л. С. Выготского, равным образом как и теория деятельности, разработанная в отечественной психологии, до недавних пор вообще не принималась в расчет в многочисленных дискуссиях по проблемам социального познания, ведущихся в западной литературе. И если ситуация с общим анализом концепции Выготского в последние годы

существенно изменилась и имя его стало весьма популярным, в частности, в США, то специальное исследование значения этой концепции для социального познания практически отсутствует. Между тем, и это очевидно, весь строй поисков современных исследователей весьма близок многим принципиальным соображениям, высказанным именно в культурно-исторической школе. Пожалуй, можно даже утверждать, что именно в ней уже интегрированы те два подхода, которые характеризуют сегодняшние поиски в западной социальной психологии. В перспективе необходимо «высветить» элементы такой интеграции в культурно-исторической школе и обогатить ими современную перспективу психологии социального познания. Роль теории социальных представлений в таком развитии нельзя недооценивать.

Логическим продолжением анализа социальных условий построения образа социального мира является характеристика роли тех социальных институтов, которые воздействуют на этот процесс.

Глава IX

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ

Конструирование социального мира осуществляется не в вакууме. Важную роль в этом процессе играет не только прошлый опыт индивида или группы, но вся система социальных институтов, в которой кристаллизована совокупность разнообразных социальных связей. К таким институтам нужно отнести: семью, школу, средства массовой информации, церковь, различные государственные учреждения. Каждый из этих институтов может оказывать противоречивое по своей направленности воздействие на то, как у человека формируется картина социального мира. Поэтому необходим подробный анализ роли каждого из институтов.

В разработанной У *Бронфенбреннером* модели социальных влияний на процесс социализации выделены три уровня: микроуровень, к которому относится семья, школьный класс, группа сверстников; своеобразный промежуточный уровень, который представлен не теми группами, куда непосредственно включен ребенок, но теми взрослыми, через посредство которых это влияние оказывается (например, это может быть организация, где работает один из родителей: она влияет не непосредственно, а через систему эмоциональных оценок этой организации родителями); наконец, макросоциальные структуры, к которым относятся законы, социальная политика, нормы и ценности общества, а также традиции и обычаи [25].

Образ социального мира складывается у человека на протяжении всей его жизни, и особенное значение имеют в этом процессе ранние стадии социализации индивида, которые чаще всего осуществляются именно в семье. Поэтому здесь можно усмотреть первый этап субъективного осмысления человеком всего

происходящего вокруг него и своего места в окружающем мире. По мысли *П. Бергера* и *Т. Лукмана*, на ранних стадиях социализации биография человека начинает «наполняться смыслом» [18, с. 152], происходит процесс последовательной *легитимизации* ребенка в мире, когда возникает знание социальных ролей, их объяснения, правил действия в каждой из них. Можно выделить четыре основных уровня, на которых осуществляется эта легитимизация: первый как раз приходится на семью, когда ребенку впервые открывается истина — «так уж устроены вещи». Частично здесь же может присутствовать и второй уровень — осмысление существующего порядка вещей через пословицы, сказки, фольклор. Третий уровень также начинается в семье, когда кто-то значимый постепенно, целенаправленно преподносит некоторые истины. Первыми агентами здесь выступают родители, хотя позднее, на следующих этапах социализации, это будут учителя, коллеги, средства массовой информации и пр. Наконец, четвертый уровень, когда легитимизация осуществляется всем социумом, «символическим универсумом» [там же, с. 154]. Когда человек преодолевает все эти уровни, он осваивает всю область значений, циркулирующих в обществе, т.е. для него «все расставляется по местам».

В этой модели, как и во многих других подходах, главенствующая роль отводится семье, по крайней мере на ранних этапах социализации. Анализ роли социальных институтов целесообразно начать именно с характеристики роли семьи.

1. СЕМЬЯ

Поскольку образ социального мира складывается у человека на протяжении всей его жизни, особенное значение имеют в этом процессе ранние стадии социализации индивида. Здесь впервые окружающий ребенка мир предстает для него в «отфильтрованном» виде, поскольку первые «значимые другие» (в данном случае — родители) отбирают определенную информацию, оповещающую о том, что происходит вокруг. Выбор «значимых других» на этом этапе нет [18, с. 214], поэтому первый вариант образа окружающего мира носит в известном смысле принудительный характер. Очень важно, что этот первый образ мира приобретает сразу и определенную эмоциональную окраску: объективная реальность «переводится» родителями ребенку в субъективную, хотя и при помощи языка, но вместе с тем и как некоторый эмоциональный фон, что во многом задает в будущем общую тональность мироощущения. Поскольку все содержание процесса социализации разворачивается в трех основных сферах существования человека — в деятельности, общении,

самосознании, необходимо выявить роль семьи в каждой из этих сфер.

В сфере **деятельности** семья — первая ячейка, где ребенок овладевает **начальными формами взаимодействия**. Он взаимодействует с родителями, другими детьми, самым старшим поколением, если оно есть. Все эти взаимодействия складываются в рамках одной группы: так или иначе, ребенок впервые осознает, что он принадлежит к той же самой группе, что и окружающие его люди. Семья выступает как первая группа *принадлежности*. Именно через эту группу в сознании ребенка закладываются первые представления о внешнем, более широком мире. Взаимодействие в семье фиксирует также и принадлежность к определенному полу: в ряде случаев восприятие мира предлагается семьей по-разному для мальчиков и девочек. Эта тема — большой вопрос современных концепций феминизма. Наиболее радикальное его требование — снять различия в презентации социального мира детям разного пола. Следствием такого различия, по мнению теоретиков феминизма, является так называемый «мужской сексизм», т.е. навязанное обществу мировоззрение с позиций только мужчин. Требования феминизма заходят очень далеко: так, например, предлагается переписать науку (в частности, социальную психологию) с точки зрения «меньшинства» (любого) и уж, безусловно, с точки зрения женщин; в противном случае, в соответствии с точкой зрения феминизма, сам образ науки — это образ, созданный взглядом мужчин. Не стоит уж говорить об обществе в целом: его образ при нынешней системе воспитания, в том числе в семье, по мнению теоретиков феминизма, целиком — образ, полученный в результате «мужского» видения мира. Не разделяя крайностей этого подхода, можно согласиться с тем, что фиксирование первых половых ролей в семье задает определенный рисунок взаимодействий и тем самым воздействует на формирование образа социального мира.

Другой аспект — восприятие ребенком в семье **первых норм и ценностей**. С одной стороны, семья транслирует нормы и ценности общества, с другой — представляет свои собственные, семейные нормы и ценности. Эти два вида норм могут находиться друг с другом в согласии, но могут и противоречить друг другу, даже вступать в конфликт. Если нормальным для общества является осуждение воровства, а в семье ребенок с первых дней жизни слышит, что полезно украсть то, что плохо лежит, то это типичный пример конфликта общественной и семейной нормы. От того, как сложатся отношения между этими двумя типами норм, зависит складывающийся стиль поведения, или — шире — стиль жизни. Таким образом, впервые перед ребенком предстают разные возможные способы сочетания познания и поведения (действия). Но

если единство взглядов на социальные явления и соответствующих способов поведения было определено как менталитет, то ясно, что именно в семье и закладываются первые элементы менталитета. Связь между соответствующими знаниями и действиями — эта характеристика человеческой деятельности формируется первоначально именно в семье. Еще один важный компонент деятельности — овладение совокупностью *различных ролей*, в том числе социальных. О некоторых из них (половых) речь уже шла. Но кроме этих социальных ролей есть еще много других, и представление о них также закладывается в семье. Часть из этих ролей формируется на основании усвоения некоторых политических понятий и представлений, которые проникают в сознание ребенка также через взгляды взрослых членов семьи.

В сфере **общения** семья также дает первые навыки. Их характер во многом зависит от того, какие образцы общения демонстрируют сами взрослые. В частности, в семье акцентируется такая характеристика общения, как его ориентированность на монолог или диалог, что зависит, в частности, от степени авторитарности родителей, но и не только от нее. Сама концепция воспитания, «имплицитная теория воспитания», сознательно или бессознательно реализуемая родителями, может способствовать либо монологичному стилю общения ребенка, либо диалогичному. В семье формируются конкретные формы и способы общения с другими людьми. Это отчетливо проявляется, например, в использовании некоторых невербальных средств общения. В одном из исследований описываются приехавшие в Соединенные Штаты Америки учителя с Кавказа, которые дали негативную оценку учащимся индейского происхождения за то, что те не смотрели в глаза взрослым во время беседы. На самом же деле это не означало приписанной детям-индейцам невежливости, а всего лишь традицию, сформированную в семьях и имевшую свои корни, по-видимому, в далекой прошлой истории народа и заключающуюся в том, что отведение взора принято было рассматривать именно как выражение уважения.

Особое значение имеет семья для формирования **самосознания** ребенка, а следовательно, для формирования у него образа-Я. *Р. Бернс* считает, что формирование образа-Я зависит также от типа поведения родителей — авторитарного или либерального. Он называет ряд факторов, которые влияют на этот процесс: характер отношений между родителями, отсутствие одного из них, статус матери (не только в семье: работает ли она вне дома или нет), размер семьи, старшинство ребенка и т.п.

Отношение ребенка к миру определяется во многом тем, **как он** «принят» в семье. Эта мысль особенно подчеркивается в современной

гуманистической психологии. *К. Роджерс*, например, полагает, что ребенок нуждается в позитивном отношении к себе, в «принятии» его не за то, что он хорош, а за то, что он их (родителей) ребенок [см. 19]. Во многих исследованиях особо подчеркивается роль матери при этом. В семьях, где матери нет или она тяжело больна и практически не может вмешиваться в характер отношений с ребенком, или она, присутствуя, отсутствует, т.е. не обращает никакого внимания на ребенка, самосознание его формируется весьма специфично: негативное отношение к себе он проецирует на негативное отношение к другим, часто к жизни вообще. Мать с ее теплотой, подлинным принятием ребенка обеспечивает с ранних лет общую позитивную тональность и в восприятии окружающего мира. Отсутствие специфического материнского участия в формировании самосознания ребенка определяется специальным термином «материнская депривация». Общий стиль жизни семьи во многом обусловлен наличием или отсутствием этой феномена.

Вместе с тем отец в большей степени обеспечивает когнитивное освоение мира: отец чаще дает названия категориям социального мира и тем самым стимулирует чисто познавательную сторону в определении ребенком своего места в мире. Все эти полученные в многочисленных эмпирических исследованиях заключения не носят абсолютного характера, в них речь идет скорее о некоторых тенденциях. Их конкретное воплощение в характер отношений с детьми зависит как от индивидуальных особенностей родителей, так и от особенностей каждой культуры.

Так, в различных традициях складывается общий характер отношений в семье; например, в Испании эти отношения строятся на сочетании кооперации родителей с детьми, сопряженной с высоким авторитетом родителей. В США доминирует тезис о необходимости соблюдать и защищать *права ребенка*, что формулируется в таком житейском суждении: «каждый ребенок — гражданин, возможно, будущий президент Соединенных Штатов». Поэтому с раннего детства делается акцент на необходимость приобщения ребенка к символам государства: гимну, флагу. При первой возможности (часто даже еще в коляске) ребенка берут с собой на открытые заседания Конгресса США с целью «впитывания» им сущности демократии. Очень характерна в США и система образования: как только ребенку исполняется пятнадцать лет, если родители имеют материальную возможность, они отправляют его учиться дальше от дома, в другой штат, с тем чтобы он как можно раньше начал самостоятельную жизнь. В системе воспитания весьма ценится приобретение таких качеств, как самостоятельность и умение принимать решения.

В нашей стране — при благополучном варианте семьи —

характерна слишком длительная опека, когда «дети» часто до преклонного возраста все наставляются родителями на путь истинный.

Иногда проявляется и другая особенность нашей традиционной системы воспитания — стремление любящих родителей оградить ребенка от максимального количества ответственных решений, принять на себя львиную долю забот и тягот. Специфика исторического развития российского общества, длительный период лишений и трудностей привели к такому лозунгу воспитательного процесса: «Раз уж нам не довелось, пусть хоть дети поживут». «Гуманизм» этой формулы кажущийся: тепличное воспитание на фоне лишений, испытываемых родителями, формирует не только эгоистическую позицию ребенка, но и разоружает его перед трудностями жизни. Трудно переоценить значение этого фактора для формирования ложной картины мира, в котором ребенок претендует на роль, неадекватную его истинным возможностям и способностям.

Культурные эталоны, которых придерживается семья, как видим, во многом обуславливают тип интерпретации социального мира ребенком. Но и конкретный мир каждой данной семьи вносит в этот процесс свою лепту. Два полюса шкалы отношения к ребенку в семье определяют, насколько адекватным является построенный им образ мира: мера и степень его принятия/непринятия в семье и мера и степень подготовки его к самостоятельным решениям. Перекос как в ту, так и в другую сторону может легко привести к конфликтам с социальной средой.

Проблема взаимоотношений между детьми и родителями в семье, выступающая фактором построения ребенком картины социального мира, часто осложняется общей ситуацией, в которой оказывается семья. Так, при бурном темпе социального развития семья часто «не успевает» за его ходом. Родительская позиция при таких условиях быстро устаревает, нарушая процесс межпоколенных трансляций норм и представлений о жизни общества. В таких ситуациях «родителям, которые хотят видеть своего взрослеющего ребенка успешным, зачастую уже недостаточно просто передать ему накопленный опыт — у них просто нет опыта жизни в новых условиях. В то же время очень сложно предположить, какие ценности и стандарты поведения будут адекватны завтрашнему дню, еще труднее передать ребенку те ценностно-нормативные модели, которым не следуешь сам и не всегда можешь полностью принять» [2, с. 152].

Нечеткость и расплывчатость образа нового, становящегося социального мира, которые присущи родителям, естественно осложняют формирование адекватного представления об этом мире и

у ребенка. Если же побеждает привязанность родителей к старому образу мира и именно этот образ пытаются передать ребенку (что возможно в достаточно авторитарных семьях), то такая услуга потом может значительно осложнить самостоятельное составление картины мира подростком. Его разлад с миром в данном случае будет более вероятен: построение собственного мира на основе складывающегося опыта приходит в разительное противоречие с уже построенным при помощи родителей старым образом. Отчасти, очевидно, в этом — причина роста юношеской преступности, а также чисто поверхностного усвоения норм рыночной экономики: утрата интереса и мотивации к образованию, вкуса к подлинной культуре, своеобразное понимание «красивой жизни».

Приобщение к познанию социального мира в семье обусловлено еще одним специфическим фактором семейной жизни. Особенности социализации ребенка, а значит, и особенности его мироощущения обусловлены его «порядковым» номером в семье, т.е. временем его появления. Специальные исследования посвящены выяснению различий в социализации первого ребенка в семье и последующих. Так, установлено, например, что семья в данном случае закладывает различное отношение детей к профессии: первенец часто стимулируется на выбор такой профессии, где особенно ценится независимость, творчество, в то время как последующие дети чаще ориентированы на более конформный подход к профессиям. Мера принятия в расчет при выборе профессии определенных факторов (то ли поиск нового, неизведанного, героического или творческого, то ли большая озабоченность практическими соображениями — деньгами, общественным престижем профессии, потребностью данной профессии в данной местности) вписывается в определенные способы конструирования социального мира: как более гуманного или как более сурового. Мера соотношения этих характеристик во многом закладывается также в детстве, в семье.

В ходе взаимоотношений, установившихся в семье, формируется и первое представление о «справедливости» и «несправедливости» как некоторых показателях человеческого существования в окружении других людей. Сам образ «справедливости» может быть весьма вариативным: справедливо ли нечто, если это хорошо «всем», или справедливо все то, что хорошо «для меня»? С этого фундаментального различия в трактовке справедливости во взрослом состоянии люди значительно расходятся в оценках конкретных обществ или их нормативов.

Большое влияние на формирование образа социального мира имеет **место проживания семьи** — большой город, столица, малый город, деревня. Причем, как показано в ряде исследований, важен

даже не сам факт проживания в той или иной местности, а факт *перемены* места жительства, часто связанный с переходом родителей в другую социальную группу. Устоявшиеся в семье стереотипы поведения, уже так или иначе усвоенные ребенком, неожиданно для него изменяются. По тому, насколько легко он усвоит эти изменения, можно определить, насколько сильным будет для него потрясение от восприятия перемен. Если в масштабах всего общества целые поколения драматично переживают перемены, то для ребенка весьма значимыми могут оказаться локальные перемены в жизни семьи. Его устойчивость или, напротив, неустойчивость к ним определит в будущем его сенситивность к общественной стабильности или нестабильности [см. 73].

Таким образом, очевидно, что все способы работы с социальной информацией так или иначе задаются в детстве в условиях семьи: фиксация лишь «выпуклого», схемы, особенно скрипты, и имплицитные теории личности произрастают из первых жизненных опытов. Не случайно большинство проблем психологии социального познания исследованы именно на детях. Ряд специальных работ посвящен проблемам, которые обозначены так: «Социальное познание и ребенок», «Скрипты и их роль в процессе социализации» и т.п. [86]. Анализ познавательных действий ребенка применительно к познанию социальных явлений позволяет ответить на многие принципиальные вопросы относительно того, почему образ социального мира формируется у каждого человека таким, а не иным образом. Вместе с тем эти исследования очень наглядно показывают, что образ мира является отнюдь не только конечным продуктом социального познания, но и его исходным пунктом: задаваемые ребенку в семье схемы познания и поведения уже извлечены из существующей, по крайней мере у родителей, определенной картины мира.

Этот же анализ очень важен и в другом отношении: он служит убедительным доказательством того, что между познанием и действием существует неразрывная связь. «Приходящий» из мира предшествующих поколений образ мира предлагает новому поколению некоторые схемы и механизмы его постижения, которые опробуются в практических действиях (в частности, в семье) и тем самым создают приращение к знаниям об окружающем мире. Через семью прежде всего совершается трансляция информации от поколения к поколению. Через нее же эта информация преобразуется в руководство к действию.

Однако это лишь первая ступень приобщения человека к образу сложившегося мира. Выход за пределы семьи в «большую жизнь» включает в процесс социального познания и другие социальные институты.

2. ШКОЛА И ГРУППЫ СВЕРСТНИКОВ

Первая встреча ребенка с коллизиями «большой жизни» происходит в школе. Все результаты первичного воспитания в семье (если, конечно, не вклинивался детский сад) проявляют себя здесь. Однако приобретенные в семье задатки и навыки социальной жизни попадают в школе в совершенно новый контекст: школа выступает для ребенка подлинной моделью общества. Здесь обязательно соблюдение тех норм и правил, которые господствуют и в других социальных институтах, здесь формируется представление о принятых в обществе санкциях — наказаниях и поощрениях, т.е. ребенку передается вся система социальных требований. Как отмечают *Е. М. Дубовская* и *О. А. Тихомандрицкая*, эта передача осуществляется не только и не столько на уроках и классных часах через публичные выступления и даже задушевные разговоры учителей, сколько всей атмосферой школы, нормами, по которым она живет [43]. Относительно семьи у ребенка редко может возникнуть мысль о том, что он имеет дело с «социальным институтом», школа предстает перед человеком именно в таком качестве. Поэтому в школе впервые по-настоящему раскрываются две главные задачи процесса социализации: приобщение к социальному опыту, усвоение его и подготовка к тому, чтобы опыт этот приумножить, воспроизвести, заявить свою собственную позицию на это воспроизведение.

Познание социального мира в рамках школы приобретает ряд новых существенных черт. Школа в гораздо большей степени, чем семья, зависит от общества и даже от государства (даже если это частная школа). Мера воздействия других общественных институтов на школу различна в тоталитарных и демократических государствах, что проявляется в степени идеологизированности преподавания. Поэтому общественные стереотипы и принятые в обществе эталоны оценок различных социальных явлений здесь «вводятся» в сознание гораздо более непосредственно, чем в семье. Все предшествующие характеристики социального консенсуса, социальных ценностей как факторов формирования образа мира вплетаются в школе в сам процесс обучения, получения знаний.

Но у школы есть и еще ряд специфических отличий от ситуации освоения ребенком социального мира в семье. В школе ребенок впервые включается в определенную **систему** получения знаний, и это неизбежно порождает возникновение *ценности достижения*. Если в семье (в идеальном случае) его любят за то, что он — это он, то в школе оценивание его как ученика в значительной степени начинает зависеть от успехов в учении, т.е. в оценку включается мера его

достижения, в том числе и интеллектуального.

Как известно, в соответствии с теорией Ж. Пиаже интеллектуальное развитие ребенка проходит четыре стадии: сенсомоторную (до 2-х лет), дооперационного мышления (2—7 лет), конкретных операций (7—11 лет), формализованных операций (11-15 лет). На последней стадии формируется концептуальное мышление. Две последние стадии приходятся как раз на период обучения в школе и наполняются здесь особым содержанием. Именно это особое содержание значимо для понимания того, как усложняется процесс социального познания. В коллективе одноклассников формируется более объективная оценка собственного опыта: теперь ребенка оценивают не любящие родители, а учителя и сверстники, и их «приговор» может быть весьма нелюбезным. Так или иначе приходится осознавать отличную от своей точку зрения других людей и размышлять по поводу возможного несовпадения ее со своей собственной. Гораздо в большей степени, чем в узком кругу семьи, рождается необходимость судить о мотивах действий других людей, а значит, овладевать искусством атрибуции. Это осмысление поступков и мотивов действий других людей вообще обостряет потребность раскрытия смысла окружающего мира. Если теперь добавить к этому освоение школьником новых социальных ролей, то станет ясно, что процесс идентификации личности оказывается в школе значительно более сложным и противоречивым. Как минимум, два элемента социального мира — «образ-Я» и «образ Другого» формируются в школе в иной ситуации, чем сложившаяся в семье.

Переход из одной системы, в рамках которой закладывалась первичная картина мира, в другую имеет и положительные, и отрицательные следствия. С одной стороны, картина мира обогащается не только за счет добавления к ее характеристикам новых когнитивных элементов (знаний), но и за счет расширения возможностей воплотить эту новую информацию в реальные действия и в определенном смысле проверить адекватность новых полученных знаний о социальном мире. С другой стороны, освоение новых социальных ролей в непривычной новой ситуации может привести к ложному представлению о содержании этих ролей и зачастую — к освоению «не тех» ролей, что впоследствии скажется на возможностях общей адаптации к существующей в обществе системе отношений.

С этой точки зрения трудно переоценить значение формирования такого социального навыка, как умение *совершать выбор*. Школа не только предоставляет возможность для совершения выбора на любом уровне (от выбора любимого предмета, друга, профессии в старших классах), но и определенной гражданской

позиции, хотя бы в таких ее проявлениях, как пассивность или активность в общественных делах. Как выражается *А. В. Мудрик* [73], именно в школе может возникнуть опасность для ребенка стать «жертвой» социализации, т.е. обозначить слишком однозначно свою позицию на полюсах шкалы: полная адаптация к социуму — игнорирование социального опыта. Выбор приходится делать и в этом отношении: найти необходимую меру соотношения принятия общественных норм и требований и самостоятельной, творческой позиции относительно них.

Именно в школе проверяется доброкачественность подготовки ребенка в семье к усвоению более широкой системы отношений. В разных вариантах исследователи выделяют три группы школьников с точки зрения воспитанной в них семьей *социальной компетентности*, т.е. возможности успешно взаимодействовать в новом коллективе школы.

Во-первых, это эмоционально наиболее удовлетворенные дети, приходящие из таких семей, где родители внимательны, но и требовательны, а вместе с тем прислушиваются к мнению детей. У ребенка в этой ситуации сформировано осознание своей ценности и права голоса. Такой багаж облегчает адаптацию к школе.

Во-вторых, это угрюмые, недоверчивые одиночки, которые в семье испытали на себе жесткие методы воспитания со стороны родителей, отсутствие привязанности со стороны членов семьи. Таким детям свойственна пассивность в отношениях со школьным коллективом, глубокая убежденность в абсолютной власти взрослых и, соответственно, отсутствие желания и энергии каким-то образом заявлять о своих правах.

В-третьих, это инфантильные, несамостоятельные, не умеющие себя контролировать дети как результат воспитания любящей, нетребовательной матерью и безвольным отцом с его неопределенной позицией по отношению к ребенку. Таким детям свойственна неясность своей роли в школе и отсюда — неумение ставить определенные цели и достигать их.

Таким образом, в каждом из трех случаев существует специфическое соотношение ценностей семьи и школы, что не может не обусловить и специфику *поиска идентичности*. Это тем более значимо, что, как отмечалось, на подростковый возраст приходится первый пик ее поисков.

Особую роль в формировании образа мира в школе играют поэтому **группы сверстников**. Хотя в принципе и в условиях семейного воспитания нельзя полностью исключить этот фактор, в школе он приобретает исключительное значение. Группа сверстников в школе — это первая свободно избранная ребенком группа, в отличие

от семьи и группы учителей. Ее особая ценность для ребенка в том, что он обретает независимость от контроля взрослых, порой даже возможность противодействия ему. *И. С. Кон* называет три психологические функции группы сверстников: они представляют собой специфический канал информации, что особенно важно в области проблем пола; они воплощают в себе особый вид деятельности и межличностных отношений (в групповой игре, например, развиваются такие навыки социального взаимодействия, когда статус в нем надо еще заслужить, что способствует развитию соревновательной активности); наконец, они предлагают особый вид эмоциональных контактов — любовь и уважение равных, что обеспечивает ощущение благополучия [52]. Активный процесс общения в группе сверстников способствует включению коммуникации в процесс социального познания.

В последних классах школы группы сверстников часто важнее родителей и учителей как агентов социализации. В этот период сам круг сверстников расширяется, так же как и спектр их воздействия. Сверстники обучают друг друга презентировать себя публике, распознавать адекватное и неадекватное, с их точки зрения, поведение, наконец, вообще развивать и строить свои отношения с другими группами. Место группы сверстников в социализации различно в разных культурах, особенно это касается их соотносительного значения по сравнению со значением взрослых (семьи и школы). Специальное исследование на эту тему провел *У. Бронфенбреннер* [25]. В этом исследовании сравнивалось влияние групп сверстников на подростков в Советском Союзе, Соединенных Штатах Америки и на Кубе. Гипотеза автора заключалась в том, что чем более тоталитарным является режим, тем более значимым для социализации индивида будет влияние взрослых. Исследование подтвердило эту гипотезу: в США сверстники в своем влиянии намного опередили родителей и школу, а в Советском Союзе и на Кубе, напротив, роль их оказалась наименьшей.

Вмешательство групп сверстников в процесс социализации привносит особые черты в процесс социального познания, осуществляющийся в рамках школы. Его главная черта — противоречивость взглядов и ценностей, обрушивающихся на ребенка после относительно стабильной картины мира, сложившейся в семье. Теперь выясняется, что мир отнюдь не так прост и однозначен, как казалось, и ориентировка в нем требует значительных собственных усилий, в частности в отборе информации, в ее классификации и оценивании. Эти выводы и умозаключения приходится делать при достаточно ограниченном личном жизненном опыте, а потому возможность ошибочных решений, конечно, возрастает. Так, могут

рождаться специфические стереотипы даже относительно ближайшего окружения — учителей, родителей (как правило, негативные), а также стереотипы, касающиеся многих норм общежития — отношения к труду, досугу, противоправным действиям, соотносительной ценности духовного и физического богатства и пр.

Можно сказать, что ситуация школы превращает человека в подлинный *субъект* социального познания. В какой степени черты этого субъекта будут сформированы, зависит не только от индивидуальных особенностей самого индивида и даже не только от климата, царящего в школе (существует или отсутствует в ней сознательная ориентация на формирование самостоятельности суждений учеников о мире), но и от общей ориентации школы при данной системе общественных отношений.

Так, в течение долгих лет развития школы в нашей стране ее идеологизированность, подчинение общим нормам тоталитарного государства приводили к достаточно жесткой системе приучения к определенному взгляду на мир, целиком вписывающемуся в доктрины официальной идеологии, атеистического мировоззрения. Практически диапазон собственных представлений о природе существующих социальных отношений был крайне сужен. Это касалось и «лозунговых» оценок многообразия ближайших человеческих отношений: «Кто не с нами — тот наш враг» и т.п.

Такая ситуация в школе приводила к размытости групповой идентичности: принадлежность ко многим группам носила чисто формальный характер. Мало кто мог идентифицировать себя с членством в таких группах, как ОСВОД или «Общество озеленения Москвы». Формальный характер этих групп и не предполагал сколько-нибудь осмысленной включенности в их деятельность. Вместе с тем естественная для человека идентификация со многими традиционными группами по существу сводилась на нет или крайне извращалась. Так, утратили свое значение такие группы, как землячество, соседство, принадлежность к одному и тому же учебному заведению. Крайнюю деформацию претерпела идентификация с семьей. Начиная с «подвига» Павлика Морозова, донесшего в НКВД на своего отца, всячески поднималась на щит в последующие годы массового террора негативная позиция к родителям — «врагам народа». Зачастую поощрялся отказ от родства с ними. Все это способствовало специфическому осознанию своего места в жизни и разрушало нормальный процесс формирования социальной идентичности.

Жесткое требование следованию принятым в официальной идеологии нормам и воплощение их в поведении порождало

лицемерие: рождался «двойной стандарт» в оценке поступков. Один из них заключался в оценивании действия с точки зрения **того**, как «надо», другой — скрытый — позволял судить поступок или явление по существу, т.е. как «на самом деле». Возникла специфическая стратегия — прятать собственные оценки, убеждения и склонности. Но оборотная сторона медали была в том, что такая стратегия не могла не исказить и истинную картину мира. У подростка складывалось убеждение, что весь мир лицемерен, что в нем самом (мире) все существует в двух планах — явном и скрытом. Общество проводило определенную линию воздействия на подрастающее поколение именно через школу, поэтому она во многом ответственна за то, какой мир конструировался ее воспитанниками [39].

В чисто теоретическом плане соотношение семьи и школы как двух важнейших агентов социализации означает сопоставление для ребенка двух рядов различных норм: детского коллектива и официальной школы (через систему учебников, через весь стиль жизни школы, через позиции учителей), а с другой стороны, двух других рядов норм — семьи и школы. В случае совпадения этих рядов норм результатом была, возможно, и ошибочная, но довольно стабильная картина окружающего социального мира. В случае же расхождения или противоречивости этих норм возникал новый виток усложнения процесса идентификации. Образ официальной культуры мог быть сформирован либо так, что именно она воспринималась как единственно достойная, «правильная», «прогрессивная», либо, напротив, по отношению к ней возникали исключительно негативные оценки, которые распространялись и на общество в целом. В этом случае подросток отправлялся на поиски таких референтных групп, которые не вписывались в официальные стандарты общества. Человек в школе становился подлинным «продуктом среды»: он либо усваивал заданную картину мира, либо становился в оппозицию к ней. Ни в том, ни в другом случае это не означает построения адекватной картины мира, его подлинного образа.

Наряду с этим у школы ни при каких обстоятельствах нельзя отнять такой важнейшей функции, как обогащение индивида разнообразной информацией, в том числе касающейся сугубо социальных проблем. Школа играет важнейшую роль в **политической социализации** человека. Образ социального мира не сводится к его политическому образу, но не является полным без определенного осмысления политической стороны жизни общества. Особая область современной психологии — политическая психология — фундаментально занимается и проблемами политической социализации. Значительная часть проблем этой сферы имеет непосредственное отношение к психологии социального познания.

Одна из них — понимание политических категорий, в которых описывается во «взрослом» обществе политическая жизнь. Более всего именно в школе закладывается фундамент для адекватного толкования таких категорий политической жизни, как «демократия», «собственность», «власть», «право», да и самих категорий «политика» и «политики». Тому, как дети осваивают этот непростой словарь, посвящено много эмпирических исследований. Почти все они выявили тот факт, что распознавание образов в политической жизни происходит не просто и результаты довольно скромные. Так, в исследовании *К. Хелкама* [128] было опрошено 200 финских школьников о том, что такое «политика» и «политики». Вся группа опрашиваемых состояла из двух подгрупп — «активных» и «пассивных» (имелось в виду их участие в школьной общественной жизни, интерес к текущей газетной и телевизионной информации). Любопытно, что все дали весьма негативное описание категории «политики»: это амбициозные люди, они рвутся к власти, они карьеристы, эгоисты и пр. Легко допустить, что окраска категории так или иначе была запрограммирована школой. Серия исследований проведена *Ю. Торни-Путта* [157], которая использует в своих работах ряд положений теории Л. С. Выготского. В частности, она полагает, что трудная для освоения политическая терминология (и категоризация) может включаться в сознание ребенка двояким образом: путем *ассимиляции* (включение новой информации в уже имеющуюся схему без изменения этой схемы) и путем *аккомодации* (изменение старой схемы вследствие обозначившегося конфликта с новой информацией). Условием и в том, и в другом случае может быть только более или менее удовлетворительная классификация политических категорий и элементарное их понимание.

Вместе с тем в исследованиях Торни-Путта показано, что американские дети крайне плохо структурируют политические категории; это проявилось, например, в том, что дети аттестовали Бога и Христа как американских президентов. В другом исследовании-игре участвовали 12-17-летние ученики, которые должны были сыграть роли дипломатов из шести стран — СССР, Франции, Японии, Бразилии, Нигерии, Мексики. Таким образом можно было косвенно выявить уровень представлений школьников о репрезентированных шести странах, о стандартах поведения в этих странах, об их менталитете. Результаты были довольно красноречивы. Особенно интересными были построенные учащимися скрипты, описывающие операциональное поведение «дипломатов» из разных стран. Исследовательница, впрочем, не ставила целью корректировать часто весьма искаженные образы-представления, выявленные у школьников. Она полагала, что само составление скрип-та полезно

для развития представлений о международном пространстве — ориентации в континентах, странах, границах и т.п. Кроме того, сам скрипт, предложенный другим участникам игры, получает «обкатку», т.е. тоже способствует обогащению политических представлений [157].

Есть ряд соответствующих исследований и в нашей стране, связанных, в частности, с изучением освоения подростками норм и ценностей, формирования «Я-концепции», построения ими жизненных планов. Особенно важны такие исследования в настоящий период, в период радикальных социальных и политических преобразований: когда относительно стабильная картина мира рушится даже и для взрослых, тем более неожиданны могут быть результаты построения образа социального мира в такой ситуации у ребенка [см., напр., 3].

Роль школы как социального института, «ответственного» за процесс социального познания, может быть успешно выполнена только в том случае, если в ней будут достаточно гармонично сочетаться задачи передачи определенной информации (в данном случае мы имеем в виду социальную информацию) и формирования гражданина, т.е. человека, осознающего свою роль в обществе, умеющего адекватно воспринимать явления общественной жизни.

3. СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

В построении образа социального мира в современных обществах огромную роль играют средства массовой информации (СМИ): печать, радио, телевидение. Они дают возможность передавать большие объемы информации на колоссальные по численности аудитории и тем самым охватывать не отдельных индивидов или отдельные группы, а именно массы. С этой точки зрения средства массовой информации можно рассмотреть как канал формирования **массового** сознания. Тот переход от социального познания индивида к социальному познанию группы, который предложен в теории социальных представлений, реализуется прежде всего при помощи средств массовой информации, которые не знают в принципе никаких границ своего действия — ни демографических, ни социальных, ни национальных и государственных. В этом смысле СМИ, обеспечивая не только снабжение населения информацией, но и взаимосвязанность, взаимозависимость народов и культур, служат средством формирования целостного представления о мире.

Сформулированная еще в 20-е гг. концепция средств массовой информации получила свое воплощение в так называемой «пятичленной формуле» *Г. Лассуэла*, где обозначены пять элементов,

включенных в процесс массовой информации: коммуникатор (кто передает), сообщение (что передается), аудитория (кому передают), канал (посредством какого средства ведется передача), эффективность (каков результат воздействия от передачи). Исследование средств массовой информации традиционно и организуется путем изучения каждого из обозначенных компонентов [см. 14].

Прежде чем остановиться на роли средств массовой информации в формировании образа социального мира, необходимо сказать несколько слов о специфике их воздействия на человека и **на** массы людей.

Первая из таких особенностей состоит в том, что информация, передаваемая через СМИ, в силу ее огромного масштаба является всегда *организованной*. В отличие от информации, получаемой, например, в межличностном общении, информация в СМИ должна быть определенным образом структурирована. Но это означает, что в той или другой степени эта информация **уже** прошла через отбор, классификацию, категоризацию фактов и явлений общественной жизни. Человек получает в результате **интерпретацию** информации, как бы ее объективный характер ни подчеркивался. В этом смысле характер информации, предлагаемой в СМИ, в чем-то уподобляется информации, предлагаемой в школьных учебниках. Учесть это необходимо при определении роли СМИ в процессе социального познания.

Вторая особенность СМИ заключается в том, что они обеспечивают не только информирование населения, но и служат средством массовой **коммуникации**, т.е. в своеобразной форме создают контекст общения. Своеобразие этой формы коммуникации в том, что в ее рамках отсутствует непосредственная обратная связь, как это имеет место в межличностном общении: источник передачи информации лишен немедленной возможности узнать о своем воздействии, о том, принята или отвергнута переданная им информация. Характер обратной связи в средствах массовой информации принято обозначать как «отсроченная обратная связь». Более того, и сам процесс общения между потребителями информации здесь также специфичен: каждый отдельный потребитель информации не знает о результатах ее оценки другими. Тем не менее в конечном счете, благодаря публикациям обзоров писем, проведенных опросов, массы людей имеют возможность сравнить результаты своего восприятия с восприятием других людей, и это способствует либо согласию относительно полученных сведений о мире, либо, напротив, противопоставлению одних версий интерпретации другим. Кроме того, публикации в прессе, передачи по радио и телевидению продолжают жить и в непосредственном

межличностном общении: обсуждаются, вызывают споры и дискуссии. Образ мира выкристаллизовывается в ситуации разброса мнений и их столкновения, что делает его емким и неоднозначным. Общая закономерность включения коммуникативного процесса в социальное познание проявляет себя и в данном случае.

Третья особенность заключается в том, что подача информации через различные каналы СМИ подчиняется в большей степени, чем при межличностном общении, **нормам общения**, принятым в обществе. Это предъявляет особые требования к тексту: предполагается, что он должен быть не просто хорошо структурирован, но и быть ясным и понятным для восприятия. К сожалению, это не всегда соблюдается и тогда ценность информации значительно снижается. В идеале же четко сформулированная мысль в тексте сообщения в состоянии более адекватно построить и образ того явления, о котором идет в сообщении речь. Это важно, так как характеристики образа мира при этом становятся более «прозрачными». Вообще использование языка в средствах массовой информации само по себе имеет принципиальное значение в социальном познании. Выше уже отмечалось, что язык служит важнейшим средством оформления наших представлений о явлениях окружающего мира: сам набор используемых категорий, расшифровка их содержания оказывают большое влияние на формирование обыденных представлений. В теории социальных представлений подчеркивается тот факт, что в современных обществах социальное представление всегда есть сплав научного термина и его обыденной трактовки. Легко видеть, что на характер этого сплава немалое влияние может оказать способ, которым социальные категории преподносятся через различные каналы СМИ.

Среди особенностей массового коммуникативного процесса надо указать еще на **особую роль коммуникатора**. Эта роль здесь специфична: коммуникатором выступает целый коллектив участников и создателей текста (передач, репортажей и пр.). Но специфика ситуации в том, что потребителю информации непосредственно «дан» один представитель этого коллектива: будь то автор статьи или ведущий передачи, или даже диктор на радио и телевидении. Информация так или иначе предстает перед потребителем как поданная определенным лицом. Ее восприятие поэтому в большой степени зависит от того, как воспринята сама личность «последнего звена» информирования. В ряде экспериментальных исследований выявлена мера воздействия того или иного средства массовой информации в зависимости не только от *содержания* информационного сообщения, но и от *формы* его подачи, а также от степени доверия или недоверия к коммуникатору. Вариации в

позиции коммуникатора (отстраненная или, напротив, открытая позиция) хорошо известны и описаны. Умелое их использование повышает эффект, например, пропагандистского воздействия. Но это значит, что информация, получаемая человеком через СМИ, не только препарирована в ее содержании, но и пропущена через личность подающего эту информацию, т.е. образ социального мира в каком-то смысле подсказан тем образом, который свойствен коммуникатору.

Все сказанное позволяет сделать вывод о громадной и специфической роли СМИ в процессе социального познания. Собственно перед каждым обыденным человеком социальный мир уже определенным образом «обозначен» средствами массовой информации. Это дает основание иногда вообще сделать мрачный вывод относительно того, насколько в современном обществе человек в состоянии *сам* сформировать его образ, и поставить вопрос о том, в каком же в действительности мире мы живем: нами познанным (не говоря уж о «реальном») или нам предложенном средствами массовой информации?

Теперь уместно более конкретно рассмотреть некоторые из функций СМИ с точки зрения их значения при построении картины социального мира. Наряду с такими социальными функциями, как обеспечение социального контроля и управления, интеграции общества, реализации социальной активности граждан, формирования общественного мнения и распространения культуры, в СМИ выделяются и специфические **социально-психологические** функции. По мнению *Н. Н. Богомоловой*, главные из них — это функции социальной ориентировки человека и группы, формирования социальной идентичности, контакта с другим человеком, его самоутверждения [23].

В контексте проблем социального познания особый интерес представляют функция ориентировки человека и группы в современном мире и функция аффилиации, т.е. выработки программы социальной идентификации.

Ориентировка человека или группы в социальном мире реализуется при участии создания общественного мнения и в соответствующей разработке стратегии поведения в различных социальных ситуациях. Таким образом, эта функция стимулирует двоякого рода социальную активность: в формировании *представлений* о мире (участие в создании общественного мнения, ибо именно общественное мнение и есть определенная картина какого-то социального явления или мира в целом) и в формировании программы *действия* в этом мире. Иными словами, средства массовой информации обеспечивают в данном случае то единство познания и поведения, которое и есть главный результат познания человеком

социального мира. Значение этой функции, как отмечает Н. Н. Богомолова, «особенно возрастает в переломные моменты истории, в напряженных социальных ситуациях» [23, с. 22].

Не менее значима и функция *аффилиации*, т.е. создания у человека чувства приобщения к группе, сопричастности с ней. Данная функция играет непосредственно служебную роль в процессе определения человеком собственной идентичности: информация, передаваемая через СМИ, прежде всего расширяет перед индивидом возможности выбора группы принадлежности, ибо дает более широкий перечень различных групп, их спектр. Кроме того, предложение различных характеристик этих групп, как позитивных, так и негативных, совершенствует оценку их со стороны потребителя информации. Особое значение это имеет для ориентации человека в политической жизни: спектр политических партий и движений только и может быть представлен индивиду через СМИ. В области политической социализации их роль выше, чем семьи и школы. Трудно переоценить значение такой информации для социального познания, для определения своего места в социальном мире и формирования представлений о таком значимом его элементе, как многочисленные социальные группы.

В ранних исследованиях было выявлено, что пресса стимулирует чувства социальной принадлежности и развивает интерес к миру, расположенному за пределами личного окружения. Позже радио и телевидение еще в большей степени расширили внешний мир, предложив слушателям и зрителям становиться непосредственными участниками событий в момент их совершения. Это способствует такому расширению взгляда на мир, которое не может не сказаться на формировании его образа, поскольку делает человека сопричастным, т.е. как бы «действующим» в гораздо более широкой схеме, чем его ближайшее окружение.

Роль средств массовой информации в процессе социального познания заключается также и в том, что в них зачастую предлагается уже *готовый* образ какого-либо социального явления. Особую роль в этом играет телевидение. Серия экспериментальных исследований посвящена вопросу о том, как именно подается в прессе или на телевидении образ какой-либо социальной группы. В ряде дипломных исследований кафедры социальной психологии МГУ, например, анализировался образ студента на страницах молодежной прессы или просто образ молодого человека. Во многих американских исследованиях выявлено, как телевидение подает образы представителей различных профессиональных групп, причем сам подбор профессий смещает акценты: общество предстает как состоящее преимущественно из лиц интеллигентных профессий —

врачей, адвокатов и пр., реже — из фермеров и мелких предпринимателей. Естественно, это искажает реальную картину общества, но воспринимается она именно так, как ее представляют средства массовой информации.

В этой связи в теориях массовой коммуникации затрагивается очень острый вопрос о *мотивах*, по которым люди обращаются за информацией именно к этим средствам. На основе данных многочисленных исследований можно сделать вывод, что доминируют три основных мотива: получение информации, потребность в контакте с другими людьми и потребность в развлечении. Два последних мотива достаточно понятны, а вот относительно первого ситуация не такая простая.

Во всех странах с развитой системой телевидения распространена критика в его адрес, связанная с тем, что телевидение искажает реальность, изображает ее с позиций определенных групп в соответствии с какими-то их особыми интересами, порою прямо политически ангажировано. То есть ситуация осознается достаточно четко: телевидение дает «препарированное» изображение жизни. Однако это не снижает интереса к нему и число телезрителей от этого осознания не уменьшается. Можно предположить, что потребитель информации *нуждается* в такой препарированной картине мира: или потому, что интерпретация совпадает с его собственной (тогда она по законам когнитивного соответствия укрепляет его позицию, поддерживает уверенность в ее «правильности»), или потому, что при помощи анализа этой искаженной картины потребителю легче «обличить» носителя противоположных взглядов, или потому, что извращенная картина мира позволяет индивиду уйти от тягот повседневности, особенно если на экране представлена «красивая жизнь». Но при всех этих обстоятельствах налицо *желание* получить тот образ, который хочется иметь, или как минимум *согласие* на своеобразный «обман». Все эти мотивы так или иначе имеют отношение к потребности в получении определенной социальной информации. Отмеченная выше пристрастность социального познания проявляет себя и здесь в полной мере.

Роль средств массовой информации в построении образа социального мира была бы выясненной неполно, если не сказать еще и о распространении при их помощи определенных *социальных стереотипов*. Если вообще стереотип — продукт исторического развития определенной социальной группы, исторического развития культуры, т.е. складывается на протяжении достаточно длинного периода, то при помощи СМИ стереотип внедряется в сознание отдельных индивидов и целых групп в течение довольно короткого времени. Повторяемость информации, разнообразные формы ее

подачи, умелое использование психологических закономерностей восприятия делают, казалось бы, невозможное: несмотря на осознание искажения реальности в прессе, на радио или телевидении, настойчиво повторяемый образ (стереотип) воспринимается и усваивается, превращаясь в фактор индивидуального или массового сознания. Всякий стереотип есть искаженный и трансформированный образ; в случае его внедрения в когнитивную структуру потребителя информации возникает как бы «вторичное» искажение: первый раз телевидение изобразило молодого предпринимателя как жулика, второй раз телезритель, восприняв этот образ, сам дополняет его либо за счет собственного негативного опыта взаимодействия с таким предпринимателем, либо за счет совпадения телеинформации с сетью обыденных суждений (соседей по очереди, по квартире, коллег). Возникает механизм *укрепления стереотипа*, т.е. определенной фиксации представления о каком-либо социальном явлении.

В 80-е гг. в области исследований СМИ были активно включены разработки, выполненные в рамках психологии социального познания¹². Так, получили распространение новые модели убеждающей коммуникации, где особое внимание обращается на тот механизм, посредством которого индивид перерабатывает содержание полученного из СМИ сообщения [22]. Одна из моделей — «вероятностная модель переработки информации», предложенная *Дж. Качоппо* и *Р. Петти* [119], особенно широко известна. В модели рассматриваются два способа, которыми действует реципиент:

центральный и периферический. Первый из них предполагает глубокую переработку информации, обеспечивающую выявление логики полученного сообщения, его подтекста. Второй фиксирует внимание реципиента на различных «дополнительных», второстепенных факторах и потому характеризуется поверхностной переработкой информации. Выбор того или иного способа определяется мотивацией реципиента, его когнитивными способностями, от того, нацелен ли потребитель информации изменить свои аттитюды или, напротив, удержаться на прежней позиции. От этого и зависит результат воздействия СМИ на построение образа мира.

В другом варианте — «эвристико-систематической модели» *Ш. Чейкин* [120] по существу те же два способа названы **систематическим и эвристическим**.

Естественно, что описанные механизмы воздействия средств

---

¹² Хочу выразить признательность Н. Н. Богомоловой, обратившей мое внимание на соответствующую литературу, в которой представлена разработка проблем СМИ в парадигме психологии социального познания.

массовой информации на построение образа социального мира проявляют себя по-разному в различных аудиториях СМИ. Степень воздействия СМИ вообще, и в частности на построение картины мира, зависит как от ряда индивидуальных характеристик получателя массовой информации, так и от характеристик тех социальных групп, на которые направлено такое воздействие. Аудитория средств массовой информации — объект многочисленных эмпирических исследований как за рубежом, так и в отечественной социальной психологии. Выявлены параметры аудитории, от которых зависит мера восприятия ею информации: возраст, уровень образования, пол, профессиональные и национальные особенности. Из всех аудиторий молодежная аудитория наиболее восприимчива к тому, что ей предлагают СМИ. Ее восприимчивость настолько велика, что информация, полученная через СМИ, давно уже успешно конкурирует с информацией, предлагаемой в семье и школе. Образ мира молодого человека строится под решающим воздействием СМИ.

Сила этого воздействия еще и в том, что построение картины мира происходит как бы в процессе общения с этим миром, если не со всем, то вместе с какой-то большой общностью, группой. Извечная потребность человека в поддержке, в ощущении известной защищенности от ошибки на том основании, что «все» так думают, находит здесь свое удовлетворение. Хотя, как отмечалось, процесс этот противоречив (так, сегодня в нашей стране одни утверждают, что только возврат к социализму спасет ситуацию, другие, напротив, призывают к демократическому развитию), все же он всегда подкреплен ссылкой на чье-то мнение. В превращенной форме здесь проявляется возможность и необходимость только совместного осмысления явлений социальной жизни. Тезис психологии социального познания о единстве познания и общения находит еще одно убедительное подтверждение.

Понятно, что мера и степень разброса мнений, предлагаемых СМИ, зависит от типа общества, в котором они функционируют. В тоталитарном обществе система СМИ в полной мере подчинена господствующей идеологической доктрине и образ мира подается в соответствии с ней. В демократических обществах, особенно при наличии независимых средств массовой информации, спектр предлагаемых суждений о мире значительно более богат. В первом случае для потребителя информации есть практически лишь два пути — либо принять предлагаемый образ, либо отвергнуть его. Во втором случае задача сложнее — осуществить выбор и присоединиться к одной из возможных трактовок. Для человека, не привыкшего к такому выбору, ситуация представляется крайне некомфортной, отсюда нередки сетования на то, что в СМИ царит сумбур. В

действительности же набор информации разного рода открывает возможность для более «субъективного» освоения окружающего мира, когда наряду с выбором позиции умножаются и условия для обсуждения достоинств и недостатков как выбранной, так и отвергнутой альтернативы. Поэтому плюрализм СМИ в демократическом обществе — условие формирования более «индивидуальной» картины мира, как ни парадоксально это звучит.

Тот факт, что образы различных социальных явлений преподносятся в средствах массовой информации с различной частотой и интенсивностью и этим в значительной мере обуславливается принятие или отвержение потребителями информации, ее значимости, можно хорошо проиллюстрировать на ряде примеров. Так, несмотря на большую остроту проблем экологии в нашей стране на современном этапе развития, «образ среды» не занимает значительного места в картине мира. В исследованиях, проведенных на кафедре социальной психологии МГУ, было выявлено, например, что старшие школьники уделяют мало внимания в беседах со сверстниками, родителями и учителями проблемам экологии. На вопрос же о том, как они воспринимают информацию об этом из СМИ, большинство вообще затруднилось с ответом. Хотя освещение проблемы, особенно в последние годы, нельзя назвать неудовлетворительным, все же, по-видимому, что-то в ее подаче не находит отклика в системе восприятия потребителя информации.

Таким образом, можно сделать вывод, что наряду с семьей и школой система массовой коммуникации — важнейший канал получения информации об обществе и, следовательно, средство его познания.

4. ДРУГИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ

На процесс социального познания оказывают воздействие и другие социальные институты, а также и неформальные объединения людей типа групп друзей, коллег, соседства и пр. Однако роль различных видов объединений и организаций, естественно, неравноценна. Если говорить о наиболее значимых институтах, то к рассмотренным нужно прежде всего добавить **церковь**. Хотя ее роль и значение различны в разных типах обществ, тем не менее она всегда является его элементом, подструктурой. Как религиозный институт, церковь существует во всех трех типах мировых религий — христианстве, буддизме и исламе. В христианстве церковь является самым распространенным институтом, хотя есть и другие, например секты или деноминации. Чтобы понять роль церкви как социального института, воздействующего на формирование образа мира,

необходимо сказать несколько слов о специфике той формы сознания, которому служит церковь, а именно о религии.

В религии обычно выделяют две составные части: религиозное сознание и религиозные институты. Проблемы религиозного сознания сами по себе включены в процесс освоения человеком окружающего его мира. Поэтому не случайно, что трактовка проблем религиозного сознания присутствовала в концепциях многих крупнейших психологов. Так, определенное место эта проблема занимала в работах *У. Джемса*. Он полагал, что религия коренится в эмоциональной сфере психики индивида и религиозное чувство не обладает какой-то особой спецификой по сравнению с другими чувствами человека. Однако, поскольку это чувство связано с верой, религия приобретает особую функцию — осуществлять переход от «душевного страдания» к «освобождению от него» [37а]. Естественно, что обладание таким сознанием порождает специфический взгляд на мир.

На материале первобытного мышления *Л. Леви-Брюль* обозначает особую функцию «коллективных представлений», разновидностью которых являются религиозные представления. Он отмечает, что если в обычном психологическом языке под представлением подразумевают факт познания, то в коллективных представлениях религиозного сознания представление «смешано еще с другими элементами эмоционального или волевого порядка, окрашено и пропитано ими, предполагая, таким образом, иную установку сознания в отношении представляемых объектов» [58, с. 28]. Именно это качество коллективных представлений обуславливает такое взаимодействие с ними человека, которое Леви-Брюль назвал «сопричастность». И хотя его анализ относился к характеристикам мышления первобытных людей, он имеет большое значение и для понимания природы любого религиозного сознания.

Не касаясь специфической трактовки религии в концепции *З. Фрейда* в соответствии с общими идеями психоанализа, отметим лишь, что в интересующем нас плане, а именно в плане выявления роли религиозного сознания в построении картины мира, заслуживает большого внимания решение Фрейдом вопроса о происхождении религии. Он полагал, что религия представляет собой «арсенал представлений, порожденных потребностью сделать человеческую беспомощность легче переносимой» [цит. по: 108а, с. 30]. И хотя, с его точки зрения, религия — это иллюзия, но значение ее огромно, поскольку к мотивировке апелляции к ней примешано ожидание исполнения желания. В качестве особой установки сознания рассматривал религию *К. Юнг*, полагая, что она является всеохватывающей системой мироупорядочивающих мыслей,

необходимой человеку для защиты от неврозов и для стремления к душевному здоровью. Здесь уместно обратить внимание на идею «мироупорядочивания», реализуемую религией, поскольку, по-видимому, это в переводе на язык когнитивной психологии и выступает как своеобразная схема, при помощи которой человек воспринимает мир.

Приведенных выдержек достаточно, чтобы убедиться в том, что в традициях психологии неоднократно ставился вопрос о роли религии, в частности религиозного сознания, в формировании представлений человека об окружающем его мире. Хотя в любой религии содержится система взглядов и на человека, и на природу, и на общество, особый интерес анализ религиозного сознания представляет с точки зрения того, как в нем осмысливаются общественные проблемы.

Из них важнейшая — проблема свободы и независимости человека. В различных подходах мирового религиоведения связь религии с проблемой свободы и независимости человека решается по-разному. В одних концепциях акцент на эту проблему объясняется тем, что именно область свободы и независимости, ограниченности возможностей человека «недоступна управлению, распоряжению, целенаправленному регулированию» [108а, с. 169]. В других — подчеркивается иная сторона проблемы: стремление человека к свободе может приобретать форму стремления к некому Абсолюту. Но как бы ни трактовалась обоснованность постановки указанной проблемы в религии, она занимает в ней значительное место. Религиозное сознание выступает как такая система, внутри которой человек может переживать ощущение защищенности, ограждения себя от внешних обстоятельств бытия, воспринимать свое существование в мире как более надежное, устойчивое, стабильное. Это существование альтернативно существованию в реальном мире, где все зыбко, ненадежно, где человек не защищен. Это порождает специфическое видение реального мира: как бы параллельно ему рисуется другой мир, в сравнении с которым реальный мир проигрывает.

С точки зрения построения образа мира религия предлагает в противовес познанию *веру* как особое состояние уверенности в достижении цели, в наступлении какого-либо события, в истинности некоторой идеи. Хотя, конечно, и в рамках религиозного сознания его представления базируются на определенной информации, получаемой из внешнего мира, но основой для построения различных выводов служит не эта информация. Даже без необходимого объема информации образ мира строится, но строится именно на основе веры. Поэтому религиозное сознание не просто эмоционально насыщено, но

в большом объеме включает в себя наполненность символами. Эти символы различны в различных религиях (крест — в православии, колесо с восемью спицами — в буддизме, полумесяц — в исламе и т.п.). Важно, что в отличие от символов, употребляемых в обычных описаниях предметов и событий окружающего мира, эти символы играют значительно большую роль. Через использование символов образ воспринимаемого мира значительно видоизменяется: совокупность символов служит также своеобразной «рамкой» восприятия, точкой отсчета для различных оценок существующего. Именно при помощи символов формулируются и нормы оценивания явлений: каждое из них имеет свое собственное значение, но оно, будучи закодировано в символе, приобретает для человека совершенно определенный смысл. «Религия выдвигает высшее требование — максимум, в соответствии с которой дается оценка определенных явлений и формируется определенное отношение к ним» [108а, с. 213]. Коль скоро максимуме придается непреложный характер, она и выступает как основной контур, в пределах которого описывается окружающий мир.

Таким образом, можно сделать вывод, что в рамках религиозного сознания, в силу особой природы его элементов, формируется свой специальный консенсус, который для верующего человека служит контекстом для интерпретации отдельных элементов картины мира.

Как уже отмечалось, другой важнейшей составной частью религии являются религиозные институты, и прежде всего *церковь*. Она занимает особое место среди других религиозных институтов, и особенно это относится к христианству. Церковь является наиболее широким объединением верующих людей, принадлежность к которому, как правило, определяется не свободным выбором, а традицией (хотя возможен и сознательный переход из одной церкви в другую). В церкви, в отличие от многих светских организаций, отсутствует постоянно и строго контролируемое членство, ее последователи анонимны [32]. Но все это не умаляет роли церкви как вообще в жизни верующего человека, так и ее воздействия на процесс формирования образа мира. Церковь способствует выполнению религией ее многих функций: мировоззренческой, компенсаторной, регулятивной, функции, связанной с трансляцией культуры, и, наконец, коммуникативной.

Последняя функция представляет особый интерес с точки зрения социального познания. Формы религиозного общения многообразны: это и общение верующих между собой, и общение их со служителями культа, и их общение с Богом в ходе молитвы. Важно, что в рамках каждой из этих форм осуществляется тот самый диалог,

который необходим, как мы видели, в совместном постижении людьми смысла окружающего их мира. Здесь этот диалог своеобразен, он существует в сфере не только единой системы разделяемых понятий, но и в сфере единых, разделяемых верующими чувств при использовании заданных канонов и символов. Многократно «обговариваемый» образ мира, поддержанный традицией, эмоциями, приобретает особенно устойчивый характер. Этот образ базируется не только и не столько на знании, сколько на вере. Поэтому можно лишь с долей условности говорить о роли церкви как института социального *познания* или нужно признать допустимость познания и при помощи веры.

Так или иначе, но церковь обладает огромными возможностями в формировании представлений человека о мире. Это достигается и через характер текстов, звучащих в церкви и предлагаемых в религиозной литературе, и через специальное религиозное образование в учебных заведениях, но главным образом через индивидуальные контакты верующих друг с другом и со священнослужителями. Религия на бытовом уровне, даже и в случае не слишком регулярного посещения человеком церкви, обладает большой силой, что неоднократно доказывалось на протяжении истории. Конечно, эта роль различна в различных типах обществ, так же как и в различных группах населения. Религия, а значит и церковь, взаимодействует всегда с другими общественными идеями и институтами, их соотносительное влияние на каждого конкретного человека может варьироваться, так же как и общее соотношение атеистического и религиозного сознания. Но при всех обстоятельствах не учитывать роли церкви в любом обществе нельзя. Среди институтов, воздействующих на формирование образа социального мира, ее место бесспорно.

* * *

Краткая характеристика роли различных социальных институтов в процессе социального познания должна быть дополнена анализом того, как эти институты взаимодействуют между собой в реальной жизни. В действительности все они суммарно, а не каждый по отдельности оказывают воздействие на познавательный процесс, создают тот самый «социальный контекст», который трудно ухватывается в социально-психологических исследованиях, но именно от которого зависит реальный путь освоения человеком социального мира. Своеобразным «полигоном», где взаимозависимость различных социальных институтов в их воздействии на познание может быть прослежена, является процесс

социализации. Поэтому к нему неоднократно обращается психология социального познания. Другая ситуация, раскрывающая возможности такого анализа, — особые периоды в жизни общества, когда ломаются привычные структуры общественной жизни, возникают радикальные социальные преобразования. К анализу такой ситуации, возникшей в нашей стране, необходимо теперь обратиться.

Глава X

ОБРАЗ МИРА И СОЦИАЛЬНАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ

1. СОЦИАЛЬНОЕ ПОЗНАНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Проанализированные процессы социального познания предполагают стабильный социальный мир, в котором человек действует и который познает. Важнейший механизм познания — категоризация сама по себе содержит в качестве предпосылки идею стабильности: категории и возникают как фиксация некоторых стабильных взаимосвязей в окружающем мире. Они складывались на основе достаточно стабильного жизненного опыта, фиксируя относительно устоявшееся. Но реальный исторический процесс включает в себя наряду с периодами относительно стабильного существования и периоды острой дестабилизации, связанные с войнами, революциями, катастрофами, что заставляет специально исследовать вопросы о том, как «ведет себя» человеческое познание в эти периоды.

А. Тэшфел, как отмечалось, оговаривал такую ситуацию, когда процесс категоризации осуществляется в условиях радикальных и быстрых социальных изменений [154]. «Социальные изменения» — эта категория социологии и социальной психологии, наиболее часто употребляется для описания ситуаций некоторого «отступления» от нормы в общественном развитии. По мнению *П. Штомпки*, «социальная реальность — это не статическое состояние, а динамический процесс, она происходит, а не существует, она состоит из событий, а не из объектов» [107, с. 266]. Поэтому социальный процесс является конструированным, созданным действиями людей, что предполагает, что люди познают этот процесс, умеют «схватить» и осмыслить суть происходящих изменений.

Следовательно, первое ограничение, которое возникает, когда мы хотим рассмотреть неординарную социальную ситуацию, это ограничение процесса социального познания рамками периода *социальных изменений* (преобразований). Второе ограничение связано с еще большей деформацией общественного организма, которая может иметь место в тех случаях, когда эти изменения носят

радикальный характер и их результатом является *социальная нестабильность*.

Социальная нестабильность — это не просто эквивалент быстрых и радикальных социальных изменений, но возможная рассогласованность их, т.е. смена направления и темпа изменений, несовпадение меры радикальности их в различных сферах общества (экономике, политике, культуре, формах человеческих отношений). Именно сцепление этих обстоятельств приводит к социальной нестабильности. Проблема осложняется еще и тем, что социальная нестабильность хотя и обладает некоторыми общими чертами, когда возникает в определенные периоды развития в разных странах, принимает в каждом случае специфическую форму: она сочетается с особыми условиями исторического развития каждой страны, ее традициями, национальным менталитетом. В частности, нестабильность накладывается и на тот образ общества, который существовал в массовом сознании до периода радикальных преобразований. Это зависит от того, предшествовал ли период кризиса период стабильного развития с жесткой регламентацией стереотипов и ценностей или, напротив, период достаточно динамичного развития. Все это имеет непосредственное отношение к тому, как будет складываться процесс социального познания в возникающей ситуации.

Проблему можно сформулировать так: в условиях социальной нестабильности (ее конкретной формы) модифицируется процесс социального познания, т.е. процесс конструирования образа социального мира, если учесть, что важным фактором этого процесса выступает активность субъекта, совершающего ментальную реконструкцию этого мира. В социальной психологии уже сложился ряд подходов, которые обосновывают требование большей компетентности субъекта познания в нестабильном мире. В общем плане эта идея развивается в трудах *К. Гергена*: поскольку процесс социального познания локализуется не в индивидуе, а в категориях социальных отношений, особое внимание должно быть уделено языку, при помощи которого оформляются категории. Только при адекватном владении языком индивид может понять, истолковать категории, а значит, и «выбрать» те факторы, которые особенно значимы в окружающем мире, те влияния, которые особенно заметны и существенны. Только достаточная мера компетентности должна быть сочетаема с когнитивной активностью индивида. Герген высказывает даже такое нетрадиционное мнение, что в социальном познании важнее «не истина, но ценность», полагая, что последняя служит более надежно для ориентации в жизни [33].

Это перекликается с идеями *П. Бергера* и *Т. Лукмана*, уже

проанализированными ранее. По их мнению, язык формулирует рецепты, передаваемые по наследству, он объективирует опыт, накопленный поколениями и разделяемый многими [18, с. 110—114]. Этот опыт изменчив, значения слов отражают изменения, картина мира неизбежно «рисуетя» всякий раз при помощи **другого** набора слов и значений. Этим в значительной степени определяется характер познания социального мира в эпоху социальных изменений.

По существу те же мысли высказывает и С. *Московиси*: для повышения компетентности человека, познающего социальный мир, важна его постоянная коммуникация с другими, поскольку только в ходе коммуникации мир обретает смысл. Человек всегда существует в социальной среде, а в ней важен знаковый, смысловой аспект поведения. Только коммуникация позволяет почувствовать «пульс мира». В современных обществах этот тезис наполняется особым содержанием. По мнению *Московиси*, сегодняшний мир — это не конфессиональный, а профессиональный мир, в котором доминирует экспертиза, сделка, т.е. существует подчинение логике полезности, инструментальной рациональности. Мир, в котором торжествует рынок, наполнен «языком лжи», и, следовательно, для проникновения в суть существующих отношений не обойтись без развития «грамматики коммуникаций» — умения вскрывать смысл в этом «языке лжи». По мнению *Московиси*, современный мир полон «опасных истин».

Развитие рассматриваемой идеи содержится в той части концепции Р. *Харре*, которая получила название *этогеника* [см. 103;104]. С его точки зрения, цель каждого человека — борьба за место в мире (в его терминологии — за «уважение»). Для обеспечения успеха в этой борьбе надо уметь «читать текст», т.е. интерпретировать социальное окружение. Оно характерно тем, что люди в нем совершают разнообразные поступки, которые можно толковать как последовательность эпизодов. Эпизоды разнообразны, самые важные из них — проблемные, их-то смысл и важнее всего раскрыть. Единственный надежный путь при этом, как уже отмечалось, дискурс: обсуждение, обговаривание с другими наблюдаемых эпизодов. В ходе дискурса повышаются шансы познать и должным образом интерпретировать социальное окружение, которое постоянно изменяется: эпизоды следуют один за другим в разных ситуациях. Таким образом, и здесь предполагается высокая активность субъекта социального познания и его компетентность.

Специальный акцент на том, какое это имеет значение в ситуации нестабильности, делает А. *Тэшфел*: фундаментальная характеристика окружения человека в современном обществе — это социальные изменения. Поэтому для человека всегда является

проблемой **взаимодействие социального изменения и выбора поведения**. Но выбор поведения обусловлен пониманием своего окружения. Следовательно, нет другого адекватного выбора поведения, кроме как умение столь же адекватно оценить сущность происходящих в обществе изменений. Заметим попутно, что Тэшфел делает далеко идущие выводы из этих соображений относительно характера социальной психологии как науки в изменяющемся мире. Весь накопленный ею опыт, все теоретические и экспериментальные разработки так или иначе апеллировали к стабильному обществу. Такая переменная, как «стабильность—нестабильность», практически никогда не фигурировала в исследованиях. Непризнание и ныне значения этих категорий порождает опасность оказаться разоруженным перед лицом глобальных общественных трансформаций: аппарат социальной психологии, ее средства не адаптированы к тому, как исследовать социально-психологические феномены в изменяющемся мире. (Недостаточность «стабильных» схем отмечается и в социологии, в которой доминировал структурно-функциональный подход, также эффективный лишь при анализе стабильных ситуаций [76].) Пионером в решении этой проблемы оказывается такая отрасль социальной психологии, как психология социального познания. Поэтому именно в ней и выделяется специальный раздел — конструирование образа социального мира в условиях социальной нестабильности.

Приведенные фрагменты позволяют судить о том, что принципиально, на теоретическом уровне, необходимость анализа социального познания в условиях социальных изменений достаточно четко определена. К этому можно добавить, что постмодернистская парадигма в социальной психологии в конце **XX** столетия также активно апеллирует к этой идее. Здесь она выходит за пределы социальной психологии (и тем более за пределы психологии социального познания), а привязана к глобальным рассуждениям о судьбах мира на рубеже тысячелетия [130а, р. 4]. Тем не менее влияние таких глобальных оценок роли социальных изменений в жизни современных обществ на процессы социального познания трудно переоценить.

Вряд ли нужно говорить, сколь актуальна эта задача для нашего общества. Радикализм осуществляемых здесь преобразований настолько очевиден, что многие возникшие проблемы с трудом могут быть схвачены как наукой (в рамках разработанных для стабильных ситуаций схем), так и обыденным сознанием с его традиционными подходами, также сложившимися в период стабильного существования.

Справедливо отмечено В. А. Ядовым, что, в частности,

особенность российского трансформирующегося общества не в том, что оно трансформируется (преобразуется вся миросистема), но скорее в том, что «мы находимся в высокоактивной стадии социальных трансформаций, когда нестабильность трансформируемой социальной системы близка к состоянию "динамического хаоса" (по И. Пригожину)» [112а, с. 7]. Кроме того, новая возникшая в России ситуация оказалась особенно сложной психологически потому, что в прежний период, в тоталитарном обществе, стабильность декларировалась официальной идеологией и всей организацией общественной жизни. Весь стиль жизни в прошлом содержал позитивную оценку всякой незыблемости устоев, заданности их объективным ходом истории, несокрушимой верой в правильность принимаемых на уровне общества решений. Стабильность и прочность воспринимались как норма, а всякое расшатывание их — как отклонение от этой нормы. Жизненная ориентация личности была нацелена не на преобразование, тем более в масштабах всего общества, а, напротив, на его абсолютную устойчивость и неколебимость. Это было поддержано и высокой степенью институционализации, иерархичности общественных структур, жесткой регламентацией их деятельности. В становящемся новом типе общества его нормы — плюрализм мнений, допустимость различных вариантов экономических решений, права человека — обозначают поистине новый образ общества, и заменить один, устоявшийся образ на другой, резко от предыдущего отличающийся, трудная задача для массового сознания и для сознания отдельных индивидов.

Для обыденного человека — субъекта социального познания — нестабильность общества воспринимается прежде всего как абсолютная неопределенность ситуации и, следовательно, невозможность даже ближайшего прогнозирования своей судьбы, карьеры, просто элементарных решений по частным вопросам. Привычка большинства членов общества в прошлом к достаточно жесткому социальному контролю теперь вызывает чувство растерянности: представляется, что какой бы то ни было контроль вообще отсутствует. Новые механизмы социальной регуляции не воспринимаются, а если воспринимаются, то как крайне неэффективные. Отсюда увеличивается недоверие к власти и вместе с тем полностью исчезает уверенность в том, что от рядового человека вообще что-нибудь может зависеть в этой жизни.

Для социального познания это имеет серьезнейшие следствия: если человек не ощущает себя субъектом своих действий и поступков, он отказывается видеть и понимать проблемы общества. Его рассуждения по поводу складывающейся ситуации неизбежно

становятся еще более упрощенными, и все свойственные социальному познанию пристрастия, свехупрощения начинают доминировать в построении образа мира.

2. МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ В ПЕРЕХОДНОМ ОБЩЕСТВЕ

Общая характеристика особенностей переходного общества в России после перестройки достаточно подробно дана в многочисленных социологических публикациях [38; 76; 112а]. В них же сделаны акценты и на состояние массового сознания, которое в ряде публикаций определяется как «постсоветское сознание» [38, с. 127]. Одним из его признаков является достаточно неустойчивый, аморфный характер, когда отсутствует завершенная система социальных представлений, ценностей, установок, а многие из существующих значительно противоречат друг другу. В контексте рассматриваемых нами проблем важно выявить специфические социально-психологические особенности массового сознания, с тем чтобы стали понятными изменившиеся механизмы познания людьми социальной реальности.

Прежде чем характеризовать конкретные изменения в структуре знаний об обществе, необходимо кратко обрисовать наиболее общие психологические проблемы, которые встают перед массовым сознанием в переходный период от одного типа общества к другому, причем не «вообще», а в конкретных условиях современной России. При этом важно выбрать такие примеры, которые непосредственно иллюстрируют модификации механизмов социального познания в специфических условиях. Как минимум, можно выделить три такие проблемы: специфика слома социальных стереотипов (что представляет собой конкретную форму «слома социального консенсуса»); изменение шкалы ценностей (что прямо вписывается в характеристику социальных факторов процесса социального познания); кризис идентичности (что, как легко заметить, также относится к анализу одного из основных элементов картины социального мира).

2.1. Ломка стереотипов

Сама природа стереотипов, распространенных в российском обществе в период, предшествующий трансформациям, весьма специфична. Во всяком случае, никакое из известных социально-психологических исследований не имело дела с такого рода стереотипами: они «жили» весьма долго (практически в течение всего существования советского общества, передаваясь из поколения в

поколение); они имели чрезвычайно широкий ареал распространения (внедрялись в сознание почти всех социальных групп, хотя, конечно, в различной степени и с возможными исключениями); они были поддерживаемы не только силой господствующей идеологии, но и институтами государства. Слом такого рода стереотипов в массовом сознании осуществляется непросто. Более того, он часто воспринимается отдельными группами как утрата идеалов, как крах смысла жизни.

Все осложняется немедленным порождением новых стереотипов и мифов, связанных с такими новыми реалиями жизни, как рынок (предпринимательство), суверенитет, права человека. Как отмечал один журналист, мы оказались «блестящими язычниками» — только свергли своих марксистско-ленинских божков, как сейчас же создали новых, среди которых мирно соседствуют Иисус Христос, Столыпин и Николай II. По-видимому, сказывается такая черта менталитета, которая требует признания безусловных авторитетов. В порождении новых стереотипов важную роль играют средства массовой информации. Именно в них часто можно слышать апелляции к опыту других стран или к нашему прошлому опыту.

Естественно, рынок — не российское изобретение; он давно и продуктивно существует в целом ряде стран. Однако там рынок вплетен в целую систему определенных общественных связей и отношений, которая у нас отсутствует. Поэтому многие типичные черты рынка, сфокусированные в стереотипы, в нашем варианте непригодны. С другой стороны, негативные стороны рынка именно у нас проявляются часто достаточно отчетливо. И вот в результате складываются два различных стереотипа относительно рынка: позитивный («рынок — свобода, самостоятельность») и негативный («рынок — воровство и бездуховность»). Когда в массовом сознании соседствуют диаметрально противоположные стереотипы относительно жизненно важных общественных явлений, — это большая нагрузка на процесс социального познания. Она тем более велика в тех случаях, когда для этого массового сознания вообще *нетипично* признание плюрализма возможных оценок и подходов. Вообще говоря, плюрализм мнений — нормальное явление в обществе. Было бы вполне естественным распространение различных позиций относительно того же рынка. Но все дело в том, что по каким-то латентным законам менталитета в наших условиях существует тенденция каждое из мнений считать абсолютным и тогда оно немедленно воспринимается как стереотип с его жесткой очерченностью и категоричностью.

Образ общества, формирующийся на фоне подлинного сражения старых и новых стереотипов, неизбежно приобретает крайне

противоречивый вид. Крайнее выражение этого противоречия — осознание обыденным человеком одновременного существования двух типов качественных изменений, произошедших в обществе. «С одной стороны, как радикальное расширение "поля свободы" — возможностей самоопределения личных судеб, повышения материального и социального статуса, выбора форм потребления и образа жизни, источников информации, идеологической, культурной и политической ориентации. С другой стороны, как утрата социальных гарантий уровня и условий жизни, рабочего места и профессионального статуса, как распад привычных норм и правил повседневного бытия, как вал новых опасностей и угроз, наконец, как резкое обострение проблемы элементарного выживания» [38,с.128].

В результате общество предстает как совершенно *иное* по сравнению с тем, которое было «зафиксировано» в прежнем наборе стереотипов. Традиционная картина слома социального консенсуса радикально изменяется. В «классическом» варианте предполагалось, что одна система конвенциональных значений заменяется другой системой, причем если носителем первой является «большинство», то носителем второй — «меньшинство». Со временем последнее само превращается в «большинство» и т.д. В том варианте, который сложился в России, бурный темп преобразований привел к тому, что относительно самых существенных черт общественной жизни не «успели» сформироваться стереотипы, четко разделяемые «большинством» и «меньшинством». Нестабильность в сфере массового сознания проявила себя как нагромождение и хитросплетение самых причудливых комбинаций из старых и новых стереотипов, «разделяемость» которых среди различных социальных групп тоже весьма неоднозначна.

Результат — достаточно болезненное восприятие массовым сознанием наличествующей палитры социальных представлений, в разной степени консолидирующихся в стереотипы.

2.2. Изменение ценностей

Это — второй блок социально-психологических феноменов, характерных для периода острой ломки социальных отношений. Вспомним, что в познании социального мира ценности играют весьма важную роль. Предполагается, что в достаточно стабильной ситуации иерархия ценностей определена более или менее однозначно и, следовательно, мир познается через заданные ею сечения. Однако если ломка ценностей радикальна, то это прежде всего обозначает как новый набор востребованных обществом ценностей, так и их иерархию. В ситуации сегодняшней России осуществлена именно

такая радикальная ломка ценностной иерархии. Это прежде всего касается вопроса о соотношении групповых (классовых) и общечеловеческих ценностей. Воздействие идеологических нормативов на массовое сознание было так велико, что идея приоритета классовых ценностей принималась как сама собой разумеющаяся, а, напротив, общечеловеческие ценности зачастую интерпретировались как ценности «абстрактного гуманизма», т.е. получали негативную оценку. На более конкретном уровне это проявляло себя как принижение таких ценностей, как ценности жизни, человеческого существования, добра и т.п. Неготовность к их принятию обернулась тем, что в условиях радикальных преобразований «старые» ценности во многом оказались разрушенными, а «новые» не приняты.

Утрата ориентиров относительно иерархии ценностей оплачивается дорогой ценой, она порождает порою нравственный беспредел. Все это имеет самое непосредственное отношение к тому, как строится образ социального мира.

Здесь нужно отметить два обстоятельства. Во-первых, всякая иерархия ценностей есть некоторый пример социального консенсуса и было бы естественным, если бы в ситуации глубоких социальных изменений и этот консенсус «ломался» и уступал место другому. Но все дело в том, что в ситуации с изменением шкалы ценностей консенсусы «скачут»: их развитие не подчиняется общим законам смены и образования новых консенсусов. Их скачкообразное развитие заключается в том, что каждый старый консенсус (в данном случае — иерархия ценностей) не изживает себя полностью ни в том смысле, что с ним расстаются *все*, ни в том смысле, что его непригодность становится *безусловно очевидной*. Поясним на примере, предложенном А. Кончаловским: «Сначала были плохими царь, буржуи, белые, а большевики — замечательные. Теперь получается, что дореволюционная Россия была замечательной, пришел Ленин и большевики и все испортили...» Можно продолжить этот пример и сказать, что спустя некоторое время опять «выясняется», что отнюдь не все идеально было и в царской России, да и большевистский режим имел определенные позитивные стороны.

Во-вторых, изменение иерархии ценностей сопрягается с рядом особенностей российского менталитета. Так, характер переходов от одной системы ценностей к другой, как и вообще всякая переориентация общественного мнения, в нашей стране осуществляется слишком радикально. На быденном языке это называется тенденцией вечного «перегибания палки» или «шараханья из одной крайности в другую». Оценка тех или иных тенденций общественного развития, а значит и ценностей, осуществляется по

принципу работы сердечной мышцы: или все, или ничего. Другая важная черта российского менталитета, как отмечалось, это достаточно высокая — на протяжении всей истории культуры — привязанность и ориентация на «духовность», а следовательно, устойчивая ориентация на такую систему ценностей, которая отвечает этой привязанности. С точки зрения социального познания — это традиция определенного видения мира. Одно измерение в образе мира является доминирующим: мир хорош, когда он «духовен», духовные ценности — единственно истинные ценности, — такая картина мира достаточно традиционна для русской культуры. Несмотря на ее весьма привлекательный образ, она является односторонней. В принципе, естественно, может существовать многомерное видение мира: для кого-то это мир духовных ценностей, для кого-то характерно «маркетинговое» видение мира, т.е. его оценивание исключительно в категориях цены, стоимости, денег [см. 44].

Мы взяли лишь крайние полюсы в оценке самих ценностей, но между ними еще целый спектр разных ценностных иерархий, и вопрос об изменении системы ценностей накладывается на более общие ценностные приоритеты. С этой точки зрения, например, для массового сознания очень трудна задача соотнесения таких ценностей, как «рынок» и «нравственность». В зависимости от приоритетов, описанных выше, задача их соотнесения будет решаться по-разному. Поэтому слом системы ценностей в условиях нестабильного общества приобретает особое значение при построении образа мира. Ситуация, в которой оказывается обыденный человек, напоминает ту, которая возникает при встрече с другим обществом, с другой культурой. Эта ситуация давно исследована в этнопсихологии, и некоторые ее наблюдения могут быть полезны и в данном случае.

В свое время в этнопсихологии был введен особый термин, обозначающий подобные трудности, — «культурный шок». Его содержание раскрывается в таких понятиях, как удивление по поводу необычных и непривычных норм и стандартов поведения, чувство дискомфорта от различий между «своей» и «чужой» культурой и отсюда чувство потерянности в новом, непонятном мире. В разных ситуациях люди с различной степенью остроты переживают «культурный шок». Это зависит как от дистанции, которая существует между двумя культурами, так и от индивидуальных особенностей каждого отдельного человека. Но сама дистанция определяется в том числе степенью несходства культурных (а в данном случае — социальных) консенсусов. *Т. Г. Стефаненко* приводит следующую классификацию факторов, от которых зависит мера «культурного шока»: степень сходства и различия между культурами; особенности культуры своей страны (например, высокая степень

ритуализированности поведения японцев мешает им адаптироваться к другим культурам); особенности страны посещения (наличие в ней большей или меньшей толерантности по отношению к другим культурам и т.д.) [89, с. 117-118].

Все эти факты, относящиеся к взаимодействию различных культур, могут иметь отношение и к ситуации ломки одного и того же мира по крайней мере в период встречи его с новым миром, в условиях переходного периода. Здесь также наблюдается встреча человека с «другим» консенсусом, который стал таковым для одной части общества, но вызывает подлинный шок для другой. И хотя о содержании и последствиях шоковой терапии в экономике говорилось достаточно много, никогда не поднимался вопрос о «шоке», который возможен в массовом сознании.

Только два приведенных здесь примера, характеризующих уровень психологических трудностей массового сознания в эпоху радикальных социальных преобразований, служат достаточным фоном для анализа того, что же происходит с процессом социального познания. При этом анализе можно воспользоваться той схемой, которая была предложена при описании элементов картины социального мира, выступающей своеобразным продуктом социального познания, а именно проследить изменения, которые характерны не только для *механизмов* социального познания, но и для построения образа отдельных *элементов* социального мира, а также деятельности социальных институтов.

2.3. Кризис идентичности

Особую остроту в ситуации социальной нестабильности приобретает проблема **социальной идентичности**, в рамках которой строится образ-Я. По отношению к проблеме социальной идентичности так же часто, как и по отношению к экономической и политической ситуации в нашей стране, употребляется термин «кризис» [57]. Кризис идентичности можно определить как особую ситуацию сознания, когда большинство социальных категорий, посредством которых человек определяет себя и свое место в обществе, кажутся утратившими свои границы и свою ценность. Как уже отмечалось, в проблеме идентичности интересен не тот факт, к какой социальной группе принадлежит человек объективно, но с какой группой он *отождествляет* себя. Немаловажное обстоятельство при этом — позитивная оценка группы принадлежности: человеку не просто свойственно отнести себя к какой-то группе, но и наделять эту группу позитивными чертами. Кризис идентичности может быть поэтому определен не только как

трудность в обозначении своей ниши в обществе, но и как утрата позитивных представлений о своей группе.

Это можно проиллюстрировать на примере тех проблем, которые возникают сегодня в России с этнической идентичностью, являющейся разновидностью социальной идентичности. В течение предшествующего развития нашего общества в массовом сознании под влиянием официальной идеологии сложился образ «советского человека», сформированного новым типом общественных отношений. (В официальных документах называлась также и «новая историческая общность — советский народ», что предполагало возникновение новых этнических характеристик в противовес традиционным характеристикам различных этносов, проживавших на территории страны.) «Советский человек» как определенный социалистический тип личности наделялся официальными идеологами рядом специфических черт: принятие целей и принципов коммунистической идеологии, их приоритет перед групповыми и личными интересами, акцент на работу на благо общества как высшего смысла жизни и средства развития индивидуальных способностей, принятие принципов коллективизма, солидарности и интернационализма как основных норм взаимодействия с другими людьми. «Советский народ» в таком случае выступал в качестве той социальной группы, с которой идентифицировал себя «советский человек». Разумеется, это была лишь схема, которая не обязательно работала в каждом конкретном случае.

Тем не менее определение «советский человек» было достаточно укоренено в массовом сознании и в сознании каждого обывателя. Оно — особенно во взаимоотношениях с людьми из другого мира — выступало в качестве важнейшей категории идентификации. Если отвлечься от искусственного социального содержания этой конструкции (т.е. от перечня обязательных социальных характеристик названной группы), то останется весьма серьезное *этническое* содержание этой категории. Она констатирует принадлежность человека к «великой державе», «великой нации», признаками которой являются ее независимость, сила, защищенность и т.п. Определение «советский человек» обозначало не только географический или гражданский статус, но и этническую принадлежность человека. Распад Советского Союза означал разрушение этой важнейшей для нескольких поколений людей социальной категории, и поэтому на примере ее судьбы особенно отчетливо видна природа кризиса идентичности.

Не случайно на бытовом уровне сегодня возникают затруднения с определением национальной и гражданской принадлежности. В условиях многонационального государства с традициями фиксации

национальной принадлежности трудно однозначно ответить на вопрос так, чтобы в ответе совпали этническая и гражданская позиции. Раньше это достигалось употреблением слова «советский». А теперь? «Русский», поскольку принадлежишь к России, или «якут», «татарин», «чуваш», поскольку именно это твоя национальная группа? Не случайно в средствах массовой информации, в официальных документах все чаще мелькает термин «россияне» для обозначения всех, населяющих Россию. Введение этого понятия приходит в противоречие с традицией, отличающей русских от всех других национальных групп на территории России. В других многонациональных государствах такой проблемы нет, поскольку, например, в США все — «американцы» без дальнейшего деления по этнической принадлежности [см. 90].

Затруднения, связанные с определением этнической принадлежности, — лишь один пример кризиса идентичности в современном российском обществе. Другой пример связан с такой гранью идентичности, как *нравственная* оценка категории принадлежности. Достаточно значимой в нашем обществе в прошлом была принадлежность к коммунистической партии: являлся человек членом коммунистической партии или нет. При этом предполагалась безусловно позитивная оценка такой категории, как «коммунистическая партия». В первые годы перестройки в период острой критики коммунистического режима среди многих групп населения возникла крайне негативная оценка такой группы, как «коммунисты». В противовес этому обозначилась позитивная оценка группы «демократы». В средствах массовой информации поляризация была обозначена так четко, что проблема приобрела характер нравственного императива. Это оказалось достаточно сложным для тех коммунистов, которые с первых дней преобразований заняли демократическую позицию. Кстати, в сегодняшних условиях — в период критики результатов демократических реформ — напротив, в среде определенных слоев общества категория «демократ» приобретает крайне негативную оценку. Все это не может не сказаться на своеобразной дезориентации в определении социальной идентичности.

Хотя утрата идентичности или просто затруднения с ее определением (как на сознательном, так и на бессознательном уровне) затрагивает все население, особенно драматично этот кризис переживают определенные социальные слои. К ним относятся прежде всего пожилые люди, а также некоторые группы молодежи. Для *пожилых* людей характерна именно утрата идентичности, что связано с болезненным переживанием бессмысленности прожитой жизни, с крахом идеалов, с утратой привычных жизненных ориентиров. Для

многих процесс этот весьма противоречив: он включает часто отрицательную оценку негативных сторон прошлого режима (репрессии, привилегии и пр.) и вместе с тем сопровождается ностальгией по утраченной «налаженности» и привлекательности стабильной жизни (что, впрочем, часто есть и просто ностальгия по собственной молодости). Отсюда именно со стороны данной группы распространено неприятие всяких инноваций. В терминах социального познания это приводит к типичным ошибкам, возникающим при использовании ценностно-нагруженных категорий: сверхвключению в негативные категории («всякий бизнесмен — жулик») и сверхисключению из позитивных категорий («демократ» не может быть справедливым, как коммунист).

Другая группа со специфическими психологическими проблемами идентичности — это *молодежь*. Здесь фокус проблемы — выбор социальной группы, с которой выражается готовность идентифицировать себя. Особенно показательна картина формирования социальной идентичности у подростков. Хотя в общетеоретическом плане проблема подробно рассмотрена Э. Эриксоном, важно выявить специфику процесса формирования идентичности в период радикальных социальных преобразований и на фоне общей социальной нестабильности. Подростки более открыты социальным изменениям, но вместе с тем легче поддаются стрессам, вызванным неопределенностью социальных ориентиров. К этому нужно добавить традиционный для подростков радикализм суждений и поступков, их общего отношения к миру. Как уже отмечалось при характеристике роли семьи в формировании образа мира, конфликт или просто противоречия с родителями и в целом с миром взрослых резко обостряются в условиях нестабильности: ценности старшего поколения обесценены, стереотипы на глазах разрушаются так же, как и образцы поведения, перспектива повторения опыта предшествующих поколений не привлекает. Все это не способствует сохранению авторитета взрослых и осложняет процесс формирования социальной идентичности [3].

Конфликт с миром взрослых развивается и в школе, которая сама оказывается в достаточно трудном положении. Будучи относительно консервативным социальным институтом, школа, однако, не может не переживать вместе с обществом радикальных изменений. Это необходимо потому, что на школе в особой степени сказалось влияние норм и стандартов тоталитарного режима. В литературе неоднократно отмечалось, что полное огосударствление школы привело к ее трансформации в закрытое, фактически режимное учреждение, к ее полной унификации, к ее функционированию в режиме «трех Е»: единообразия, единомыслия и единоначалия [39, с.

53]. Эта закрытость школы сохранялась и в то время, когда в обществе уже начались радикальные преобразования, что обусловило ее оторванность от событий, происходящих вне ее. Естественно, что такая ситуация не могла сохраняться долго. Сегодня школа ищет новые, нетрадиционные формы организации (гимназии, колледжи, лицеи), а также пытается во многом изменить стиль взаимоотношения с детьми. Но освоение этих новых форм также требует времени, и процесс идет неравномерно.

Кроме этого возникают трудности и в самом процессе преподавания, особенно гуманитарных дисциплин. Несколько лет назад, например, в средних школах России был отменен экзамен по истории. Старые учебники, написанные под влиянием жестких идеологических установок, во многом фальсифицировали или как минимум упрощали исторический процесс. Новые учебники еще не были и не могли быть созданы, ибо переосмысление исторического опыта — непростая задача, особенно при крайне противоречивой трактовке сущности происходящих преобразований. Роль школы как агента социального познания в этом случае оказывается весьма проблематичной.

Если к этому добавить еще и проблемы, возникающие во взаимоотношениях школы со средствами массовой информации, с набирающими силу религиозными организациями, в том числе в сфере образования, то становится ясным, что вся структура общественных институтов в условиях социальной нестабильности призвана решать многочисленные вопросы координации своих действий. Ее целью является не построение единой системы взглядов на мир и его унифицированного образа, но такая подготовка подрастающего поколения, которая позволяет адекватно воспринимать предлагаемый плюрализм взглядов, не потеряться в обрушившемся на сознание многообразии представлений.

Так же как и для взрослых, важным проявлением социальной идентичности молодежи является такой показатель, как этническая идентичность. Ее характеристиками могут служить формирующиеся авто- и гетеростереотипы. Совместно с коллегами из Университета Хельсинки нами проведено исследование особенностей конструирования социального мира молодежью в условиях социальной стабильности и нестабильности. Фрагмент исследования касается вопроса о том, как русские и финские школьники (старшеклассники) оценивают свою и чужую национальные группы и какое значение это имеет для формирования их этнической идентичности [13а].

Предварительно в русской и финской группах было выделено по две подгруппы: «стабильные» (условное обозначение тех, кто

понимает стабильность общества как ценность) и «нестабильные» (условное обозначение безразличных к проблеме стабильности — нестабильности в обществе). Каждая из четырех подгрупп давала оценку качествам представителей своей и чужой национальной группы. В целом для русских школьников была характерна весьма высокая (иногда явно завышенная) оценка финнов, что совпадает с результатами аналогичных исследований представлений о немцах и американцах [88]. В нашем исследовании эта оценка более высока у «стабильных» русских, поскольку для них стабильность — ценность, а финское общество воспринимается как стабильное. Поэтому же «стабильные» русские более критичны по отношению к соотечественникам. Напротив, «нестабильные» русские менее высоко ценят финнов и более снисходительны к своим. Такая картина кажется логичной: те, кто более сенситивен к отсутствию стабильности в нашем обществе, труднее находят позитивную идентичность со своей национальной группой; более безразличные к этой проблеме испытывают меньше трудностей с позитивной национальной идентификацией. Что касается финнов, их оценка русских достаточно критична в обеих подгруппах, чего нельзя не связать с общими проблемами Финляндии в связи с распадом Советского Союза (ориентация в прошлом на нашу экономику и значительная потеря рынков в современной России, относительно невысокая конкурентоспособность финских товаров на западных рынках в связи с предшествующей ориентацией на наш рынок и пр.).

Приведенные примеры показывают, что кризис идентичности — один из показателей противоречивости исторического процесса в период радикальных преобразований. Это период также и острой ломки устоявшегося образа мира. Естественно, что такой важнейший элемент картины социального мира, как образ-Я, подвергается в этот период сложным трансформациям. Причем эти процессы имеют отношение не только к отдельному познающему индивиду, но свойственны и массовому сознанию, а потому способствуют выработке достаточно распространенных и устойчивых характеристик окружающего мира. Эти устойчивые характеристики, в свою очередь, детерминируют столь же массовые образцы и стандарты поведения как отдельных личностей, так и разнообразных социальных групп, в частности специфику конструирования ими образа мира.

2.4. Образ мира

В эпоху нестабильности происходят значительные модификации и в построении **образа мира** в целом. Этот образ складывается из совокупности воспринимаемых образов отдельных

элементов, но не только из них. Существенную роль играет и формирование некоторой общей общественной атмосферы. Выявленная в исследованиях по социальному познанию роль эмоций и, в частности, настроения при восприятии социальных объектов не может быть сброшена со счета, когда формируется целостное мироощущение.

Некоторые из линий его формирования связаны в переходном российском обществе с фактами исторического прошлого. В частности, это относится к построению образа **другого человека**, что, естественно, не означает принципиального изменения механизмов атрибутивных процессов или изобретения новых типов атрибуции. Но репертуар каузальных схем приобретает некоторые своеобразные черты, что связано с конкретным видом нестабильности, который возник именно в условиях нашей страны. Имеется в виду относительная легкость приписывания другому человеку образа врага. Конечной причиной такого сдвига является, очевидно, исторический опыт страны: практически на всех этапах ее развития в обществе нагнеталась опасность «врага». Сразу после Октябрьской революции это была свергнутая буржуазия, в период гражданской войны — войска Антанты, в период коллективизации — «кулаки-мироеды», во время массовых репрессий — сначала «оппозиционеры»: троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы, позднее вообще абстрактные «враги народа» и т.д. С психологической точки зрения этот исторический опыт еще не исследован, но можно утверждать, что он не прошел без последствий для построения образа социального мира, в условиях которого жили поколения, и, в частности, для построения такого элемента этого мира, каковым является любой другой человек.

Сущность психологического механизма «поиска врага», по-видимому, заключается в том, что «враг» превращается в некоторую константу общественного организма, на которую легко сместить все причины социальных неудач. Атрибуция ответственности при этом модифицируется особенно заметно: общий механизм социального познания — приписывание успеха себе, а неуспеха другому — приобретает здесь особый характер. Перенос вины на кого-то становится механизмом не только индивидуального процесса социального познания, но своеобразным акцентом, который делает массовое сознание при причинном объяснении социальных явлений на макроуровне. Драматизм такого устоявшегося способа атрибуции социальной ответственности заключается в том, что непосредственно в переломный момент, переживаемый обществом сегодня, осуществляется *перенос ответственности* за неуспех с врага «внешнего» на врага «внутреннего».

Можно возразить, что такой механизм действовал и при

обвинениях «буржуазных спецов», «ревизионистов», «кулаков» и т.п., но тогда каждая из названных социальных групп как бы автоматически переходила в разряд внешних врагов — тех, кто против данного типа развития общества, против социализма, коммунистической идеологии и пр. Сейчас же ситуация иная: после деклараций о полной победе социализма, даже окончательной его победе, после провозглашения создания новой исторической общности — «советский народ» — предполагалось как бы ярко выраженное единство этой общности, в которой все были — не «другие». И вот в разгар радикальных преобразований, с первыми шагами нарождающейся демократии старая потребность искать кого-то виновного в нерешенных и нерешаемых проблемах «на стороне» неожиданно оборачивается против групп, которые, безусловно, «внутри» этого общества, т.е. они не «другие» по отношению к нему.

Не просто протест, но именно обвинение в недостатках зачастую поворачивается против других национальных групп. Это свойственно не только русской националистической идее («во всем виноваты евреи, кавказцы, прибалты» и т.д.), но и возродившемуся национализму других народов, как населяющих территорию России, так и оказавшихся в пределах СНГ. Для прибалтов русские — «оккупанты», для националистов-украинцев — «презренные москали»; этот ряд можно долго продолжать. И дело здесь не только в политических или социальных проблемах, но и в сложившемся психологическом механизме, «социальной привычке» видеть мир через призму виноватости кого-то другого.

Печальным следствием этого социального и социально-психологического механизма, которым оперирует массовое сознание, является рост агрессивности, в частности агрессивных образцов индивидуального поведения. Здесь проявляется доминирование определенного настроения, а именно настороженности, разлитой враждебности и т.п. Общий рост криминального поведения обусловлен большим количеством разнообразных причин, но представляется, что психологический механизм обозначения другого как врага играет здесь не последнюю роль. Стандарт насильственного поведения опирается и на тот сдвиг в структуре ценностей, о котором речь шла выше: сама человеческая жизнь обесценена, не говоря уж о таких правах личности, как право на собственный взгляд на мир, на особое мнение, на защищенность и т.п. Вряд ли можно сомневаться в том, что картина мира, с точки зрения криминальной личности, преступника, тем более террориста, выглядит таким образом, что «другой» — вообще не аргумент для усмирения собственных пристрастий.

Прямым продолжением поиска врага как отдельного индивида,

представителя какой-то социальной группы является поиск врага и как определенной группы. Депортация целых народов в годы сталинизма и здесь создала прецеденты. Рост межгрупповой напряженности — не только между разными национальными группами, но и группами различных политических ориентации — также своеобразная черта периода радикальных преобразований. Полемика в высших законодательных органах, ставшая благодаря средствам массовой информации достоянием многих людей, поражает своей необоснованностью, агрессивностью и нетерпимостью. Не приходится и говорить об агрессивных действиях в массовых мероприятиях — на манифестациях, демонстрациях, митингах. Социально-психологические механизмы поведения в ходе массовых мероприятий достаточно хорошо известны и описаны — как законы толпы, массы, публики. Но когда эти механизмы становятся столь широко распространенными, то, кроме их общественной опасности, кроме угрозы, которую они таят не только для общественного порядка, но и для общего характера взаимоотношений в обществе, они еще и тревожный сигнал для понимания того, каким вообще люди видят окружающий их мир.

Следовательно, ситуация социальной нестабильности приводит не только к тому, что изменяются некоторые психологические механизмы социального познания («ломаются» категории, размываются их границы, умножается число перцептивных и когнитивных ошибок), но и к изменению роли социальных институтов, форм социального контроля в этом процессе. Кроме того, создается и новый образ отдельных элементов социального мира, и образ самого общества. Специфика существования социальной нестабильности в условиях российского менталитета делает последнее обстоятельство особенно значимым.

Изменение образа общества в таких условиях часто воспринимается как утрата социального идеала. Это связано с тем, что для русского менталитета вообще всегда было очень значимо представление о направлении развития общества, о «конечной цели». Если в дискуссиях русской интеллигенции конца XIX — начала XX в. тема эта звучала как тема «судеб России», то в советский период развития общества она приобрела иной поворот. Все годы советской власти господствовала идея «строительства» определенного типа общества: социализма, развитого социализма, коммунизма... Эта идея всегда соседствовала с критикой любого другого типа общества: капитализма, империализма и т.п. Важно, что определение типа общества, в котором мы живем и которое мы «строим», оказывалось весьма значимым не только на уровне официальной идеологии и официальных документов, но и в массовом сознании. В этом смысле в

дискуссиях с представителями другого мира всегда ощущалось существенное различие: рядовой англичанин, американец, француз редко задумывается над вопросом, какое общество он «строит». Для нашего менталитета это важно. Поэтому неясность, которая существует в переходный период по вопросу о том, к чему осуществляется переход, воспринимается крайне болезненно.

Во-первых, оказывается обманутой потребность в критике: какой же тип общества «хорош» и какой «плох»? Во-вторых, утрата позитивного представления о прошлом типе общества воспринимается как одновременная утрата вообще всякого идеала относительно общественного устройства. Отсюда — болезненное восприятие и таких параметров временного существования, как прошлое, настоящее, будущее. Образ времени, как и образ общества в целом, представляется сбивчивым и неопределенным. «Расчет» с прошлым принимает крайние формы — или оно было «светлым прошлым», или «темным прошлым»; или с ним современное общество полностью порывает, или оно не отказывается от преемственности (тогда — в чем?). Не менее проблематичным рисуется будущее: каково оно будет, должно быть? Отсутствие ответа на этот вопрос зачастую рассматривается чуть ли не как помеха вообще какой бы то ни было личной активности человека.

Налицо специфическое разрушение веры в справедливый мир и сопутствующий ему синдром «выученной беспомощности». Дискуссии, которые по этому поводу практически постоянно идут как во властных структурах, так и в средствах массовой информации, мало задевают уровень массового, обыденного сознания. Часто критика реформ связывается обыденным человеком именно с отсутствием ясности в вопросе «куда идем?», а также в вопросе о том, возможны ли вообще какие-либо формы социального контроля в обществе, переживающем перелом.

Эта особенность построения образа социального мира в условиях нестабильности, естественно, оказывает воздействие на практическое поведение людей. Разброс его образцов в современном российском обществе огромен: от безудержной, часто агрессивной активности до полной апатии и безразличия ко всему происходящему вокруг. Конкретная позиция отдельного человека определяется многими непсихологическими факторами: его социально-экономическим статусом, степенью адаптированности к новым условиям рынка, материальным благосостоянием и т.п. Психологически же при самых различных социальных характеристиках и политических пристрастиях восприятие образа мира в эпоху крайней нестабильности представляет собой сложный процесс [см. подробно 38].

Вместе с тем это не дает оснований делать абсолютно пессимистические выводы относительно успешности—неуспешности этого процесса. Как свидетельствует изложенный в этой книге материал, процесс социального познания никогда не является простым: человека на пути освоения и осмысления им внешнего мира всегда ожидает множество ловушек, в которые можно легко попасть. И тем не менее люди живут, существуют, совершают рациональные и не очень поступки, реализуют свои эмоции и потребности. Нет и не может быть такой нормативной науки, которая очень строго и точно предписала бы всему человечеству, как надо познавать мир и действовать в нем. Естественно, рефлексия по поводу того, как это **происходит**, всегда полезна. Но еще более полезным является напоминание той истины, с которой начинала психология социального познания: люди действуют в мире в соответствии с тем, как они познают его, но они познают его в соответствии с тем, как они действуют в нем.

Активное освоение той социальной реальности, в которой каждому человеку приходится обитать, и есть важнейшее условие для формирования наиболее адекватного образа социального мира.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ПСИХОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

История социальной психологии в ее современном варианте практически совпадает с историей XX в. Весь этот период характеризуется достаточно мучительным поиском своего предмета дисциплиной, по определению обладающей маргинальным статусом, поскольку она возникла на стыке двух наук. Это поиск привел в конце столетия к тому, что одна из составных частей социальной психологии заявила претензию на свой безусловный приоритет. Психология социального познания обрела к концу двадцатого столетия исключительный статус: она переживает настоящий бум. Внимание, которое обращено на нее в научном сообществе, впрочем, весьма специфично. С одной стороны, множится количество публикаций по проблематике этой области, обогащаются различные подходы и предложения, а с другой — с новой силой разгораются споры и дискуссии о самих принципах построения дисциплины. В этих дискуссиях порой нагромождается такое количество обвинений, что иногда возникает сомнение вообще в праве на существование как самой области исследований, так и предложенных в ней разработок.

В таком противоречивом внимании есть свой резон: амбиции, заявленные психологией социального познания, несут определенную «угрозу» целому ряду смежных областей психологии, а иногда претендуют вообще на исключительное место во всей системе

психологического знания. Самое интересное, что апелляция к проблемам познания человеком социального мира характерна сегодня не только для значительного отряда профессиональных психологов, но свойственна и тем поискам, которые предприняты со стороны «соседей» (или — если угодно — со стороны другого «родителя») социальной психологии, т.е. со стороны социологов. В известном смысле увлечение данной проблематикой — вообще веха в развитии всей системы обществознания в конце текущего столетия.

Два рода обстоятельств, по-видимому, могут быть приняты в расчет при объяснении этого факта. Одно из них связано, несомненно, с особенностями трансформаций, которые характеризуют современную эпоху, заполненную бурными социальными изменениями, усложнением механизмов общественного устройства, новыми структурами поляризации мира. Один из самых видных представителей современного конструкционизма в социальной психологии *К. Герген* связывает необходимость нового подхода к социальному познанию непосредственно с глобальными изменениями в современном мире. Он, в частности, полагает, что предшествующие нормативы социально-психологического знания сложились в целом в «американском» варианте: социальная психология вообще и психология социального познания в том числе построены на принципах традиционного американского индивидуализма. Это предполагает, что существует *единственный* общепринятый вариант стратегии познания окружающего мира и индивид как субъект этой стратегии должен быть в центре внимания. Между тем двадцатое столетие выдвинуло на арену глобальных планетарных действий другие страны, народы, культуры, и сам этот факт требует признания *разнообразных* стратегий как социального действия, так и социального познания. Такова аргументация необходимости большего внимания к процессам именно особенностей *конструирования* образа мира как специфической стратегии его понимания.

Другое обстоятельство в большей степени связано с собственно психологическими потребностями современных обществ. Их усложнение, ускорение темпов общественного развития требуют от человека все большего и большего напряжения для осмысления происходящего, включая осмысление своих отношений с другими людьми. Проблема человеческого *взаимопонимания* становится одной из важнейших проблем современного существования человека. В определенном смысле эта проблема смыкается и с только что обрисованной картиной многополюсности мира: взаимопонимание необходимо устанавливать и с носителями совершенно отличных от собственных стратегий познания окружающей реальности. Кроме того, такое взаимопонимание само по себе является ценностью для

человеческого общества, оно — абсолютно необходимое условие построения такой картины мира, которая обладала бы для всех его субъектов более или менее одинаковым значением. Представления о социальной реальности должны быть так или иначе *разделяемы* представителями различных социальных групп, культур, сообществ — без этого невозможно сколько-нибудь продуктивное взаимодействие ни в отдельной конкретной ситуации, ни в условиях глобальных процессов.

Достижение такого взаимопонимания возможно лишь посредством *коммуникации*. Ее субъекты — отнюдь не только политики и другие лица, принимающие решения. Ее субъекты — простые люди, выполняющие свои обыденные роли, решающие свои повседневные задачи, реализующие собственные способы конструирования социальной реальности. Следовательно, и с этой точки зрения прямой долг науки — исследование процессов освоения социального мира «обыденным» человеком. Вряд ли наука может снабдить каждого члена общества конкретными «рекомендациями», как *надо* познавать мир, но и простое описание того, как это *на деле* происходит, не такое уж малозначимое приобретение.

Знаменательным поэтому представляется оживление в системе наук об обществе таких концепций, как символический интеракционизм *Г. Мида* (в его современном варианте, предложенном *Г. Блумером*), этнометодология *Г. Гарфинкеля*, социальная драматургия *И. Гофмана*. Почти все из названных концепций находятся на стыке социологии и социальной психологии. Не случайно, кстати, в современных дискуссиях о «количестве» социальных психологии, вместо ранее называемых двух («психологической» и «социологической»), теперь говорят и о третьей, понимая под ней прежде всего символический интеракционизм в его самых широких проявлениях. Особенно отчетливо маргинальность проблематики социального познания проявляет себя в концепции *П. Бергера* и *Т. Лукмана*, специально посвященной конструированию социальной реальности.

Общим для всех этих концепций является попытка дать систематическое, в основном чисто теоретическое, изложение проблем, возникающих в области познания обычным человеком социального мира. В собственно психологической литературе эти же проблемы предлагаются на гораздо более операциональном уровне, как мы могли убедиться на основе материалов, приводимых в данной книге. Это соответствует общей традиции, существующей в системе психологического знания. Вместе с тем и в рамках данной традиции все чаще и чаще возникает потребность в более глубоком, именно *теоретическом* осмыслении накопленного эмпирического материала.

Как можно видеть, в литературе по *психологии* социального познания достаточно часто цитируются социологические работы; во всяком случае именно на них делаются ссылки как на источник многих принципиальных идей. Это тоже лишняя иллюстрация как абсолютной популярности проблем социального познания, так и настойчивой необходимости их междисциплинарной разработки в современную эпоху.

Акцент, сделанный на теоретическую актуальность проблематики психологии социального познания, не должен затмить возможности *практических* приложений этой области знания. Коль скоро речь идет о стратегиях познания социального мира обыденным человеком, очевидно, что в любой сфере его практической деятельности «плоды» такой стратегии весьма значимы. Голосую ли я на выборах, читаю ли лекцию в университете, получаю ли какую-то справку в очередном «офисе», обращаюсь ли к продавцу в магазине, оказываю ли в качестве психолога-практика консультативную помощь клиенту — всюду я стою перед дилеммой — одинаково ли мы видим ситуацию с моим партнером по взаимодействию или, шире, сходна ли хотя бы в принципе сконструированная нами картина мира. Широта сферы, в которой для человека важна более или менее адекватная оценка окружающих его социальных объектов, позволяет заключить о безусловной значимости рассматриваемой области психологического знания.

Если справедлив высказываемый иногда в современных дискуссиях тезис о том, что будущая эпоха в значительной степени станет эпохой психологии, то тем больше оснований полагать, что именно психология социального познания займет лидирующее место. В самом деле, есть ли что более важное для человека в сложном сегодняшнем мире, чем ПОЗНАТЬ, что его окружает, какие ПЕРЕЖИВАНИЯ это окружение в нем вызывает и, наконец, как же в этих условиях следует ДЕЙСТВОВАТЬ. Не случайны, по-видимому, весьма оптимистичные высказывания исследователей о перспективах психологии социального познания в наступающем веке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абульханова-Славская К. А.* Социальное мышление личности: проблемы и стратегии исследования//Психологический журнал. 1994. № 4.
2. *Авдеевская Е. П., Араканцева Т. А.* Проблема юношеского самоопределения в практике школьной психологической службы//Введение в практическую социальную психологию. М., 1994.
3. *Авдеевская Е. П., Баклушинский С. А.* Особенности социализации подростка в условиях быстрых социальных изменений//Ценностно-нормативные ориентации старшеклассника. М., 1995.
4. *Агеев В. С.* Психология межгрупповых отношений. М., 1983.
5. *Агеев В. С.* Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы. М., 1990.
6. *Агеев В. С., Андреева Г. М.* Специфика подхода к исследованию перцептивных процессов в социальной психологии//Межличностное восприятие в группе. М., 1990.
7. *Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А.* Современная социальная психология на Западе. Теоретические ориентации. М., 1978.
8. *Андреева Г. М.* Атрибутивные процессы в условиях совместной деятельности//Общение и оптимизация совместной деятельности. М., 1987.
9. *Андреева Г. М.* К построению теоретической схемы исследования социальной перцепции//Вопросы психологии. 1977. № 2.
10. *Андреева Г. М.* Проблемы каузальной атрибуции в межличностном восприятии//Вопросы психологии. 1979. № 6.
11. *Андреева Г. М.* Социальная психология. М., 1996.
12. *Андреева Г. М.* Психология социального познания. М., 1997.
13. *Андреева Г. М.* К проблематике психологии социального познания//Мир психологии. 1999. № 3.
- 13а. *Андреева Г. М., Хелкама К., Дубовская Е. М., Стефаненко Т. Г.* Уровень социальной стабильности и особенности социализации//Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1997. № 4.
14. *Аронсон Э.* Общественное животное. Введение в социальную психологию. М., 1998.
15. *Бажин Е. Ф., Голынкина Е.А., Эткин А. М.* Опросник уровня субъективного контроля (УСК) //Психодиагностическая серия. Вып. 6. М., 1998.
16. *Белинская Е. П.* Временные аспекты Я-концепции и идентичное -ти//Мир психологии. 1999. № 3.
17. *Белюсова Н. Ю.* Особенности переговоров между

представителями различных организационных культур: Автореф. канд. дисс. М., 1998.

18. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М., 1995.

19. *Берне Р.* Развитие Я-концепции и воспитание. М., 1986.

20. *Бобнева М. И.* Социальные нормы и регуляция поведения. М., 1978.

21. *Бовина И. Б.* Представления об элементах процесса группового решения и выбор стратегии//Мир психологии. 1999. № 3.

22. *Богомолова Н. Н.* Современные когнитивные модели убеждающей коммуникации//Мир психологии. 1999. № 3.

23. *Богомолова Н. Н.* Социальная психология печати, радио и телевидения. М., 1991.

24. *Бодалева А. А.* Восприятие и понимание человека человеком. М., 1982.

25. *Бронфенбреннер У.* Два мира детства: Дети в США и СССР. М., 1976.

26. *Брунер Дж.* Психология познания. М., 1977.

27. *Брунер Дж.* О перспективной готовности//Хрестоматия по ощущению и восприятию. М., 1975. С. 134-152.

28. *Брушлинский А. В.* Проблемы психологии субъекта. М., 1994.

29. *Бурдые П.* Социология политики. М., 1993.

30. *Величковский Б. М.* Современная когнитивная психология. М., 1982.

31. *Выготский Л. С.* История развития высших психических функций//Собр. соч. М., 1983. Т. 3.

32. *Гараджа В. И.* Религиоведение. М., 1994.

33. *Герген К.* Движение социального конструкционизма в современной психологии/ Социальная психология: саморефлексия маргинальности: Хрестоматия. М., 1995.

34. *Гозман Л. Я.* Психология в политике: от объяснений к воздействию//Введение в практическую социальную психологию. М., 1994.

35. *Головаха Е. И., Кроника А. А.* Психологическое время личности. Киев, 1984.

36. *Гулевич О. А., Безменова И. К.* Атрибуция: общее представление, направления исследований, ошибки: Реферативный обзор. М., 1998.

37. *Гуревич А. Я.* Представления о времени в средневековой Европе// История и психология. М., 1971.

37а. *Джесе У.* Психология. М., 1991.

38. *Дилигенский Г. Г.* Российский горожанин конца девятых: генезис постсоветского сознания (социально-психологическое

исследование). М., 1998.

39. *Днепров Э. Д.* Четвертая школьная реформа в России. М., 1994.

40. *Донцов А. И., Емельянова Т. П.* Концепция «социальных представлений» в современной французской психологии. М., 1987.

41. *Дуаз В.* Явление анкеровки//Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1.

42. *Дубов И. Г.* Феномен менталитета: «психологический анализа/Вопросы психологии. 1993. № 1.

43. *Дубовская Е. М., Тихомандрицкая О. А.* О стратегиях работы психолога в школе// Введение в практическую социальную психологию. М., 1994.

44. *Емельянов Е. Н., Поварницына С. Е.* Формирование маркетингового мышления//Введение в практическую социальную психологию. М., 1994.

45. *Жуков Ю. М.* Ценности как детерминанты принятия. Социально-психологический подход к проблеме//Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976.

46. *Зинченко В. П., Мамардашвили М. К.* Проблема объективного метода в психологии//Вопросы философии. 1977. № 7.

47. *Ионин Л. Г.* Социология культуры. М., 1996.

48. *Кочанов Ю. Л., Шматко Н. А.* Семантические пространства социальной идентичности//Социальная идентификация личности. М., 1993.

49. *Келли Г.* Процесс каузальной атрибуции//Современная зарубежная социальная психология: Тексты. М., 1984.

50. Когнитивные стили. Таллинн, 1986.

51. *Кон И. С.* В поисках себя. М., 1984.

52. *Кон И. С.* Психология юношеского возраста. М., 1979.

53. *Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление. М., 1977.

54. *Краусс Р.* Познание и общение. Социально-психологический подход//Психологический журнал. 1986. Т. 7. № 5.

55. *Калашикова Ю. А.* Проблемы имплицитных теорий личности (к истории формирования подходов, принципов структурно-содержательных объяснений и определения перспектив изучения//Мир психологии. 1999. № 3.

56. *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1975.

57. *Лебедева Н. Н.* Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла//Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3.

58. *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М., 1994.

59. *Лекторский В. А.* Субъект. Объект. Познание. М., 1980.

60. *Леонтьева А. А.* Психологическая структура

- значения//Семантическая структура слова. М., 1971.
61. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
  62. *Леонтьев А. Н.* Психология образа//Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1979.
  63. *Леонтьев Д. А.* Психология смысла. М., 1999.
  64. *Линч К.* Образ города. М., 1995.
  65. *Липатов С. А.* Организационная культура: социальное познание в организационном контексте//Мир психологии. 1999. № 3.
  66. Личность и социальная среда: идеологические и психологические аспекты общения: Сборник обзоров. М., 1987.
  67. *Лурия А. Р.* Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1971.
  68. *Лурия А. Р.* Язык и сознание. М., 1979.
  69. *Манере Д.* Социальная психология. СПб., 1997.
  70. Межличностное восприятие в группе/Под ред. Г. М. Андреевой, А. И. Донцова. М., 1981.
  71. *Мелибруд Е.* Я - ты - мы. М., 1995.
  72. *Мотрошилова Н.В.* Познание и общество. Из истории философии XVII-XVIII вв. М., 1969.
  73. *Мудрик А. В.* Введение в социальную педагогику. М., 1994.
  74. *Найссер У.* Познание и реальность. М., 1981.
  75. *Найссер У.* Что такое когнитивная психология//История зарубежной психологии: Тексты. М., 1986.
  76. *Наумова Н. Ф.* Жизненная стратегия человека в переходном обществе//Социологический журнал. 1995. № 2.
  77. *Нийт Т.* Социально-психологические основы средообразования. Таллинн, 1985.
  78. *Нийт Т.* Человек в физической и социальной среде. Таллинн, 1983.
  79. *Николюкина М. И.* Атрибуция успеха и неудачи в процессе межличностного познания в группе: Автореф. канд. дисс. М., 1987.
  80. *Обухова Л. Ф.* Детская психология: теории, факты, проблемы. М., 1995.
  81. *Павленко В. Н., Корж Н. Н.* Трансформация социальной идентичности в посттоталитарном обществе//Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 1.
  82. *Палей И. М., Магун В. С.* Психологические характеристики личности и предпосылки ее социальных потенциалов//Социальная психология. Л., 1970.
  83. *Петренко В. Ф.* Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М.,

- 1983.
84. *Петренко В. Ф.* Психосемантика сознания. М., 1988.
85. *Пижае Ж.* Избранные психологические труды. М., 1969.
86. *Росс Л., Нисбет Р.* Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. М., 1999.
- 86а. *Рубинштейн С. Л.* Принципы и пути развития психологии. М., 1960.
87. *Смирнов С. Д.* Психология образа. Проблема активности психического отражения. М., 1985.
- 87а. *Смелзер Н.* Социология. М., 1994.
88. *Стефаненко Т. Г.* Социальные стереотипы и межличностные отношения // Общение и оптимизация совместной деятельности. М., 1987.
89. *Стефаненко Т. Г.* Адаптация к новой культурной среде и пути ее оптимизации // Введение в практическую социальную психологию. М., 1994.
90. *Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология. М., 1999.
91. *Тихомандрицкая О. А., Дубовская Е. М.* Особенности социально-психологического изучения ценностей как элементов когнитивной и мотивационно-потребностной сферы (Методические аспекты) // Мир психологии. 1999. № 3.
92. *Тихомиров О. К.* Психология мышления. М., 1989.
93. *Трусов В. П.* Социально-психологические исследования когнитивных процессов. Л., 1980.
94. *Фестингер Л.* Введение в теорию диссонанса // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М., 1984.
95. *Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса. СПб., 1999.
96. *Франселла Ф., Баннистер Д.* Новый метод исследования личности. М., 1987.
97. *Хейдеметс М.* Феномен персонализации среды: теоретический анализ // Средовые условия групповой деятельности. Таллинн, 1988.
98. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. М., 1986.
99. *Черноушек М.* Психология жизненной среды. М., 1989. ^
100. *Швырев В. С.* Анализ научного познания. Основные направления, формы, проблемы. М., 1988.
101. *Шефер Б., Шледер Б.* Социальная идентичность и групповое сознание как медиаторы межгруппового поведения // Психологический журнал. 1993. Т. 1. № 1.
102. *Шихирев П. Н.* Современная социальная психология в США. М., 1979.
103. *Шихирев П. Н.* Современная социальная психология в

Западной Европе. М., 1985.

104. *Шихирев П. Н.* Современная социальная психология. М., 1999.

105. *Шкуратова И. П.* Когнитивный стиль и общение. Ростов-на-Дону, 1994.

106. *Шмелев А. Г.* Введение в экспериментальную семантику. М., 1983.

107. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996.

108. *Юревич А. В.* К анализу исследований каузальной атрибуции в зарубежной социальной психологии//Вопросы психологии. 1986. № 4. 108а. *Яблоков И. Н.* Основы теоретического религиоведения. М., 1994.

109. *Яницкий О. Н.* Экологическая психология//Социология в России. М., 1996.

110. *Ярошевский М. Г.* История психологии. М., 1976.

111. *Ярошевский М. Г.* Психология в XX столетии. М., 1974.

112. *Ядов В. А.* Социальные идентификации личности в условиях быстрых социальных перемен/Социальная идентификация личности. М., 1994. Кн. 2.

112а. *Ядов В. А.* Россия как трансформирующееся общество. (Репринт.)

112б. *Якимова Е. В.* Введение//Социальная психология: саморефлексия маргинальное^{TM}: Хрестоматия. М., 1995.

113. *Abrams D., Hogg M.* (eds). *Social Identity and Social Cognition.* Oxford, 1999.

114. *Andreyeva G.* Common Activity as a Factor of Causal Attribution in a Small Group//XXIIInd International Congress of Psychology. Social Psychology. Berlin, 1980.

115. *Asch S.* Forming Impression of Personality//Journal of Abnormal and Social Psychology. 1946, v. 41.

116. *Attribution: Perceiving the Causes of Behavior.* (Eds.). E. Jones, D. Kanouse, H. Kelley, R. Nisbett, S. Valins, B. Weiner. N. Y., 1972.

117. *Augoustinos M., Walker I.* Social Cognition. An Integrated Introduction. London, 1995.

118. *Breakwell G. W.* Integrating Paradigms, methodological Implications// Empirical Approaches to Social Representations. Oxford, 1997.

119. *Cacioppo J., Petty R.* Central and Peripheral Routs to Persuasion: an Individual Difference Perspective//., of Personality and Social Psychology 51, 1986.

120. *Chaiken S.* Heuristic versus Systematic Information Processing

and the

Use of Source versus Message Cues in Persuasion//J. of **Personality and Social Psychology** 39, 1980.

120a. *Cinirella M.* The Concept of Possible Social Identities//*European Journal of Social Psychology*. 1998. 28.

121. *Dannon W.* *Social Cognition and Child Development*. Jossey-Bass. Publ., Washington, 1978.

122. *Doise W.* *Levels of Explanation in Social Psychology*. Cambridge, 1986.

123. *Fiske S.* Schema-triggered Affect: Application to Social Perception// *Affect and Cognition*. The Seventeenth Annual Carnegie Symposium on Cognition. N.Y.,1982.

124. *Fiske Susan, Toy lor Shelly.* *Social Cognition*. McGraw-Hill Series in Social Psychology (second edition), 1994.

125. *FlavellJ.H., Ross Le.* *Social Cognitive Development*. Cambridge University Press, 1981.

126. *Forgas J.* On Being Happy and Mistaken: Mood Effects on the Fundamental Attribution Error //J. of Personality and Soc. Psych., 1998. Vol. 75, № 2.

127. *Habermas J.* *Technik und Wissenschaft als «Ideologic»*. Frankfurt a. M., 1969.

127a. *Harr'e R.* *Social Being: a Theory for Social Psychology*. Oxford, 1979.

128. *Helkama K., Uutela A., Schwartz S.H.* *Values Systems and Political Cognitions//Social Psychology and Economic Cognition*. Surrey, 1992.

129. *Hewston M., Jaspars H.* *Social Dimensions ofAttributions//The Social Dimension/Ed, by H.Tajfel*. Cambridge, 1984.

130. *Hewston M., Stroebe W., Stephenson G.* (eds). *Introduction to Social Psychology* (second edition). Oxford, 1996.

130a. *Gergen K.* *Realities and Relationships. Sounding in Social Constructionism*. Cambridge, London, 1994.

131. *Janis I.* *Victims ofGroupthink*. Houghton, Mifflin, 1972.

132. *Jodelet D.* *Represetations sociales: un domaine en expansion//Les representations sociales*. Paris, 1989.

133. *Johns E., Harris V.* *The Attribution of Attitudes//J. of Exp. Social Psychology*, 1967. № 3.

134. *Johns E., Nisbett R.* *The Actor and the Observer: Divergent Perceptions of Behavior//Attribution...*

135. *Judd C., Kulik J.* *Schematic Effects of Social Attitudes on Information Processing Recall//J. of Personality and Social Psychology*, 1980. 38. ¹ 136. *Kelly G.A.* *A Theory of Personality. The Psychology of Personal Constructs*.

- N.Y., 1963.
137. *Kummerov E., Innex J.* Social Representations in the Organizational Context//Social Science Information, 1994. Vol. 33 (2).
  138. *Lerner M.* The Belief in a Just World: a Fundamental Delusion. N. Y.,1980.
  139. *Levenfhal H.* The Integration and Cognition: A View from Perceptual-Motor Theory of Emotion//Affect and Cognition...
  140. *Marcuse H.* One-Dimensional Man. Studies in Ideology of Advanced Industrial Society. Boston, 1964.
  141. *Merton R.* Social Theory and Social Structure. N. Y., 1957.
  142. *Monteil J.-M., Huguet P.* Social Context and Social Performance. Towards a Social Psychology of Cognition. East Sussex, 1999.
  143. *Moscovici S.* The Phenomenon of Social Representations//Farr R., Moscovici S. (eds). Social Representations. Cambridge—Paris, 1984.
  144. *Moscovici S., Lage E.* Studies in Social Influence: Majority versus Minority Influence in a Group//EJ ofSP, 1976. 6.
  145. *Potter J., Wetherell M.* Discourse and Social Psychology. Beyond Attitudes and Behaviour. London, 1987.
  146. *Ross Lee, Nisbekt Richard E.* The Person and the Situation. McGraw Hill Publ. Company, 1991.
  147. *Schank R., Abelson R.* Scripts, Plans, Goals, and Understanding. Laurence Erlbaum Associates Publ. New Jersey, 1997.
  148. *Seraflca F.C.* Social-Cognitive Development in Context. The Ohio State University. N.Y.-London, 1982.
  149. *Sims H., Gioia D.* (eds). The Thinking Organization. San Francisco, 1986.
  150. *Schwartz H. Shalom, Bilsky Wolfgang.* Toward a Theory of the Universal Content and Structures of Values: Extentions and Cross-Cultural Replications// J. of Personality and Social Psychology, 1990. May. Vol. 5.
  151. *Stephan C. W., Stephan W. G.* Two Social Psychologies. Belmont, 1985.
  152. *Storms M.* Videotape and Attribution Process: Reversing Actors' and Observers' Points of View//. Of Pers. and Social Psychology, 1973. 27.
  153. *Stotland E., Canon L.* Social Psychology: a Cognitive Approach. Philadelphia, 1972.
  154. *Tajfel H., Fraser C.* Introducing Social Psychology. Penguin Books. N.Y., 1978.
  - 154a. *Tajfel H., Turner J.* The Social Identity Theory of Intergroup Behavior//Psychology of Intergroup Relations. Chicago, 1986.
  155. Theories of Cognitive Consistency. A Sourcebook/Ed. by R. Abelson, E. Aronson, W. McGuaire, T. Newcomb, M. Rosenberg, R.

Tannenbaum. Chicago, 1968.

156. *Thibaut J., Riecken H.* Some Determinants and Consequences of the Perception of Social Causality//, of Personality, 1955. 24.

157. *Torney-Putta J.* Cognitive Representations of the Political System in Adolescents: the Continuum from Pre-Novice to Expert. Helsinki, 1991.

158. *Triandis H.* Culture and Social Behavior. N. Y., 1994.

159. *Tversky A., Kahneman D.* Judgement under Uncertainty: Heuristics and Biases//Science, 1974. 85.

160. *Weiner B.* Et al. Perceiving the Causes of Success and Failure// Attribution...

161. *Weiner B.* The Emotional Consequences of Causal Attributions// Affect and Cognition...

162. *Wrightsman L.* Social Psychology in the Seventies. Belmont, 1973.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие ко второму изданию	2	
Введение	4	
Глава I. Теоретические предпосылки	8	
1. Философия		8
2. Социология		15
3. Общепсихологическая теория	2	
	1	
4. Когнитивная психология	2	
	9	
Глава II. Социально-психологический подход: социальное восприятие и социальное познание	3	
1. Социальное восприятие- исходный пункт	4	
	3	
	5	
2. От социального восприятия к социальному познанию	4	
	2	
3. Теории когнитивного соответствия	4	
	6	
Глава III. Атрибутивные процессы - стратегия «перехода»	5	
	7	
1. Логический путь приписывания причин	5	
	9	
2. Теория казуальной атрибуции Г. Келли	6	
	2	
2.1. Принцип ковариации	6	
	2	

2.2.Принцип конфигурации	6
	7
3.Ошибки атрибуции	7
	0
3.1.Фундаментальная ошибка	7
	0
3.2.Мотивационные ошибки	7
	5
4.Социальная атрибуция	8
	0
Глава IV. Процесс производства социальной информации	8
	3
1.Общая характеристика	8
	3
1.1.Социальная категоризация	8
	3
1.2.Эвристики	8
	8
2.Основные этапы когнитивной работы	9
	1
2.1.Внимание	9
	1
2.2.Кодирование	9
	6
2.2.1.Способы интеграции	9
	6
2.2.2.Последовательность предъявления	9
	7
2.2.3.Относительная важность	9
	9
2.2.4.Акценты («иллюзорные корреляции»)	1
	0
	0
2.3.Хранение	1
	0
	1
2.3.1.Прототипы	1
	0
	2
2.3.2.схемы	1
	0
	4

2.3.3.Скрипты	1 0 7
2.3.4.Имплицитные теории личности	1 0 9
2.4.Воспроизведение	1 1 3
Глава V.Эмоциональное сопровождение	1 1 6
1.Когниции и эмоции	1 1 7
2.Аттитюды	1 2 3
3.Перцептивная защита	1 3 1
Глава VI.Социальный контекст	1 3 6
1.Социальный консенсус	1 3 6
2.Социальные ценности	1 4 4
Глава VII. Элементы социального мира	1 5 1
1.Социальная идентичность: образ-Я	1 5 1
2.Образ времени и временная идентичность	1 6 0
3.Образ среды и «средовая» идентичность	1 6 6

Глава VIII. Инструменты анализа социальных явлений	1
	7
	3
1. Основы теорий социальных представлений	1
	7
	3
2. Социальное «представление» и группа	1
	7
	9
3. Методологическая перспектива	1
	8
	5
Глава IX. Социальные институты	1
	9
	1
1. Семья	1
	9
	2
2. Школа и группы сверстников	1
	9
	7
3. Средства массовой информации	2
	0
	3
4. Другие социальные институты	2
	1
	0
Глава X. Образ мира и социальная нестабильность	2
	1
	5
1. Социальное познание и социальные изменения	2
	1
	5
2. Массовое сознание в переходном периоде	2
	1
	9
2.1. Ломка стереотипов	2
	1
	9
2.2. Изменение ценностей	2
	2
	1

2.3.Кризис идентичности	2
	2
	3
2.4.Образ мира	2
	2
	8
Вместо заключения: Психология социального познания на рубеже веков	2
	3
	3
Литература	2
	3
	6